СЛОВО ИСПОВЕДИ И НАДЕЖДЫ

Письма русским писателям

СЛОВО ИСПОВЕДИ И НАДЕЖДЫ

Письма русским писателям

Валентин РАСПУТИН

Валентин ИВАНОВ

Виктор ЛИХОНОСОВ

Дмитрий БАЛАШОВ

Евгений НОСОВ

Василий БЕЛОВ

Владимир ЧИВИЛИХИН

Юрий БОНДАРЕВ

Владимир КРУПИН

Юрий КУЗНЕЦОВ

Владимир СОЛОУХИН

Владимир ЛИЧУТИН

Виталий МАСЛОВ

Валентин ПИКУЛЬ

Константин ВОРОБЬЕВ

Виктор ПОТАНИН

Олег ВОЛКОВ

Валентин СИДОРОВ

Виктор АСТАФЬЕВ

Станислав КУНЯЕВ

СЛОВО ИСПОВЕДИ И НАДЕЖДЫ

Письма русским писателям

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1990

ББК 66.3(2)
С 48

Составитель и автор предисловия
Огрызко В. В.

С $\frac{4700000000-294}{078(02)-90}$ КБ—015—028—90

ISBN 5-235-01530-4

О ЧЕМ ТРЕВОЖИТСЯ ДУША?

У всех еще свежи в памяти впечатления о первом Съезде народных депутатов СССР. Нас всех тогда поразили нагрузки, которые пришлось выдержать депутатам. Целые дни уходили на жаркие и довольно-таки жесткие споры и дискуссии, поиск приемлемых компромиссов. Иначе и нельзя было. Ведь депутатам предстояло принимать судьбоносные для нашей страны решения.

А что творилось вечерами? Еще на подступах к гостинице каждого депутата окружали десятки избирателей. И у каждого — неотложный вопрос, своя драма. Одного с работы неправильно, по его мнению, уволили, с начальством много спорил, справедливости искал. Другому жилья не дают. Третьего избирателя делегировал в Москву целый завод — добиваться закрытия вредного производства. Своя история у четвертого...

Еще больше просьб ждало депутатов в гостинице. Вместе с ключом от гостиничного номера дежурные передавали каждому кипы правительственных телеграмм и писем: всем необходима депутатская помощь, что-то «открыть», «закрыть», «достать»...

Представляю, как непросто было разбирать эту почту. Помню, в один из выходных зашел в гости к хантыйскому писателю Еремею Айпину. А он — с пачками телеграмм и писем. Напрасно думать, что эта почта вся, на сто процентов, состояла из жалоб по жилью и торговле. Хотя и от них не отмахнешься, надо вникать, разбираться. Много писем оказалось с совершенно другим вопросом: как выжить хантам, сохраниться им как народу? Люди писали о том, что под натиском нефтяных ведомств гибнут оленьи пастбища, исчезают охотничьи угодья, что отравлены десятки рек, буровые теснят жилища потомственных таежников, северянам уже негде заниматься традиционными промыслами. Избиратели били в колокола: вымирает народ... Как читать такие письма без боли?

Понять людей можно. Многие уже разуверились в местных руководителях, устали от обещаний в родном районе. Вот и поехали искать правду в Москву с надеждой на своего депутата.

Но поток просьб, надежды на защитника народных интересов возникли все-таки не в дни съезда. Уже многие годы своеобразные депутатские приемы приходится вести нашим лучшим писателям. И, видимо, не случайно многие из них — Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Василий Белов, Сергей Залыгин, Олесь Гончар, Василь Быков, всех и не перечислить — вошли в новый депутатский корпус.

Несколько лет назад довелось мне быть в Вологде в гостях у Василия Ивановича Белова. Помню, зашел у нас разговор о проблемах переброски северных рек. Тогда еще не было принято постановления о прекращении работ, связанных с «проектом века». Борь-

ба общественности против убийственных замыслов Минводхоза только набирала свою силу. Немалое значение в этой борьбе имел голос и Белова. А писателю помогали читатели. Помню, Василий Иванович достал десятки папок. В одних он хранил письма ученых, которые добровольно, на общественных началах выполнили сложнейшие расчеты и с цифрами в руках доказывали пагубность для человечества проекта переброски рек. В других были письма с новыми фактами чиновничьего произвола. В третьих — требования читателей к писателю немедленно вмешаться и остановить «проект века». Безусловно, эти письма, в которых всего хватало — и эмоций, и фактов, и прогнозов, — только придавали писателю силы и помогали ему бороться до победного конца.

Почта любого по-настоящему серьезного писателя вообще очень разнообразна и удивительна. В ней можно встретить и отзывы на конкретное произведение, и частные просьбы, и целые исповеди. Но в каждом письме — обязательно надежда на встречный отклик, надежда на понимание, на помощь. Естественно, что эти письма очень дороги писателям. И было бы жалко, если бы они пропали.

Меня очень зажгла идея Юрия Бондарева составить книгу читательских писем «Слово исповеди и надежды». Что скрывать, мы давно уже исстрадались по честному искреннему слову. Литературная критика очень часто в последние десятилетия грешила лицемерным «обслуживанием» групповых амбиций, стремлением угодить высокому начальству, квасным патриотизмом, местничеством. Мало кто говорил правду. Многие думали одно, но, учитывая должности, звания и награды автора прочитанной книги, в газеты писали совсем другое. Без ретуши оставались чаще всего читательские письма, которые обычно не претендовали ни на место на газетных полосах, ни на какое-то особое внимание, ни на чье-то благорасположение. В них не было сложных метафор, непонятных сравнений, неясных намеков. Эти письма обжигали своей правдой, своей болью, своей суровостью. Они исходили от сердца. Не случайно сейчас самые популярные рубрики в наших газетах связаны с читательскими письмами.

Взявшись составлять эту книгу, я обнаружил, что во многих журналах уже заведен постоянный раздел «Почта одной книги». Вне сомнения — такие разделы чрезвычайно интересны. Они показывают, как конкретная книга трансформировалась в читательском сознании. Но за пределами этой рубрики оставалась другая, не менее значительная, а может, даже более важная часть писательской почты — письма-размышления о тревогах нашего времени, письма-сомнения о поисках своего пути в этой жизни, письма-исповеди...

Работа над составлением книги оказалась не такой уж простой, Первоначально я собирался поместить в этом сборнике письма ко всем самым читаемым и уважаемым писателям страны. Мне хотелось представить в книге читательскую почту Валентина Распутина, Нодара Думбадзе, Гранта Матевосяна, Сергея Залыгина, Василя Быкова, Имантса Зиедониса, Бориса Олейника, Олега Волкова, Мустая Карима, Чабуа Амирэджиби, Иона Друцэ, Владимира Крупина, Фазиля Искандера, Бориса Можаева, Юстинаса Марцинкявичюса, Юрия Рытхэу, Дмитрия Балашова, Яна Кросса, Чингиза Айтматова... Но очень скоро понял, что даже если отобрать только по одному письму, адресованному всем популярным писателям, не хватит и двух томов. Да попробуй еще выбери это единственное письмо, представляющее всеобщий интерес, из огромнейшего потока почты наших писателей. Как не растеряться при виде объемистых

мешков, которые показал мне Валентин Сидоров, когда я пришел к нему просить материалы для сборника. За тридцать лет работы в литературе у Сидорова скопилось несколько десятков тысяч писем. Как в этой ситуации отобрать всего одно? И чему отдать предпочтение? Искреннему отклику на новую повесть «Мост над потоком» или читательскому предложению возродить Рериховские общества? Что нужней сегодня: теплые слова приветствия или страстная исповедь вчерашнего студента, вдруг оказавшегося в тюремном заключении? Что важнее: рассказ-искупление, покаяние или рассказ-надежда?.. А когда обратился к Владимиру Солоухину, увидел подготовленный к печати и прокомментированный писателем целый том читательских писем «Пристрастие» объемом свыше тридцати печатных листов. А ведь Солоухин отобрал для своей книги только часть почты, которая особенно ему дорога и которая особенно для него важна. Что делать? Перепечатывать какие-то главы из уже готового сборника или отдать предпочтение свежим откликам?

Понимая, что объять необъятное все равно не удастся, я решил включить в эту книгу письма только к русским писателям. И вот почему. Хорошо известна всечеловечность и отзывчивость русского народа. Ему одинаково близко собственное и чужое горе. Он всегда готов прийти на помощь пострадавшим. Так было после землетрясений в Ашхабаде, Ташкенте, в Армении. А разве не наш народ спас Европу от фашистской чумы? Это русские ученые помогали народам Севера создавать письменность на родном языке. И таким примерам несть числа. Видимо, не случайно само название нашего народа выражено прилагательным, а не существительным. Как верно заметил Вадим Кожинов, уже само слово «русские» в чем-то выражает объединяющее для многих, испокон веков живущих на территории России народов начало. Но так получилось, что целые десятилетия наша официальная идеология не замечала той драматической ситуации, в которой оказалась русская нация. Властей не беспокоило резкое падение рождаемости, вымирание тысяч сел, разрушение национальных традиций. Когда доктор юридических наук Галина Литвинова сообщила, что лишь по одной Смоленской области было списано с учета, то есть похоронено в 1986 году 143 населенных пункта, а в 1987-м — 258, тысячи и тысячи читателей испытали шок, понимая, что, если такая тенденция сохранится, через несколько лет погибнет последнее село. И только Российское правительство продолжало сохранять полное спокойствие, видимо, полагая, что в республике ничего страшного не происходит. Власти предпочитали не замечать тех унижений, которые приходилось испытывать России и русскому народу. А эта позиция, естественно, не устраивала миллионы людей. Какие страстные письма они посылали все эти годы нашим лучшим писателям, требуя от них срочного вмешательства, считая, что литераторы должны помочь положить конец вопиющему неравенству и добиться для России равных прав.

В эту книгу вошли письма к тем кудесникам слова, кого зовут совестью народа, кто никогда, даже в самые трудные времена не стремился покинуть Россию, а верой и правдой служил своей стране. Это очень разные люди — Валентин Распутин, Виктор Лихоносов, Юрий Кузнецов, Евгений Носов, Владимир Личутин, другие писатели — и по характеру, и по манере письма. По каким-то вопросам их позиции не совпадают. И в этом нет ничего удивительного. Каждый ищет свою дорогу и в жизни, и в творчестве. Объединяет же этих писателей вера в Россию, в ее особый путь развития, не

похожий на модели, испытанные и на Западе, и на Востоке. Очень жалею, что не смог проявить настойчивости, найти и отобрать для данной книги из государственных и частных архивов письма к Алексею Лосеву, Федору Абрамову, Юрию Казакову, Варламу Шаламову, Николаю Рубцову, Александру Яшину, а также письма к Леониду Леонову, Сергею Залыгину, Борису Можаеву, Георгию Семенову, Юрию Гончарову... Думаю, почта этих писателей добавила бы какие-то важные штрихи к портрету России и в чем-то расширила бы представление о многострадальной судьбе русского народа.

У нас многие сейчас восторгаются бывшими диссидентами. Кое-кто готов уже занести их в провозвестники перестройки и глашатаи свободы. Но так ли это? Условия в годы застоя для всех по-настоящему талантливых писателей были тяжелые. Константина Воробьева, к примеру, при его жизни печатали крайне редко и очень скупо. Книги его до массового читателя из-за мизерных тиражей почти и не доходили. Еще меньше о нем писали. Естественно, у писателя поэтому не было обильной читательской почты. Но те редкие отклики, которые иногда он получал, давали ему надежду на то, что его слово правды рано или поздно даст свои всходы, люди воспротивятся прежним порядкам и потребуют серьезных перемен, что так и получилось. Именно поэтому писатель не стал передавать рукописи своих книг, не имевшие надежды увидеть свет при Брежневе, за границу. Он писал не ради политических скандалов. Воробьев прежде всего думал о Родине и судьбе своего народа.

А как трудно было Чивилихину. Еще в 69-м году власть имущие «изрубили в лапшу», уничтожили практически весь тираж небольшой его очерковой книжки «Земля в беде», настолько она показалась крамольной. После этого писателю с каждым годом было все трудней бороться с силами, разрушавшими природу. Чивилихин не раз в сердцах восклицал: «Если б я меньше знал». Боль Отечества была его болью. Он переживал за каждое поражение общественности, ратовавшей за спасение русского леса и чистоту рек России. Но у него никогда и мысли не возникало в ту тяжелую застойную пору покинуть в знак протеста свою Родину. Даже в самые трудные времена он искал выход, казалось бы, из совсем уж тупиковых ситуаций, активно выступая в прессе, с трибун совещаний и съездов, обивая пороги различных ведомств, поднимая на защиту природы весь народ.

Владимир Крупин однажды хорошо сказал: «У нас нет запасного Отечества». Эти слова в равной мере относятся к Владимиру Чивилихину и Валентину Иванову, Василию Белову и Станиславу Куняеву, ко многим другим литераторам.

Работая над этой книгой, перечитывая почту Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Владимира Личутина, Олега Волкова, Владимира Крупина, Дмитрия Балашова, Виктора Лихоносова, Валентина Пикуля, Виктора Потанина, я лучше узнавал и самих писателей. Разве забыть иркутские встречи с Распутиным?

Честно говоря, мне было обидно за то, что мы слишком часто отвлекаем писателя по пустякам и без конца надоедаем ему с мелочными просьбами. Ну что значат, скажем, постоянные приглашения на читательские конференции в сравнении с судьбой Байкала. А битву за озеро Распутин ведет, по существу, ежедневно. Приведу всего один пример. На моих глазах решался вопрос об автоэкспедиции «Байкал-90». Интернациональная корпорация «Рейнолд Табако» предложила по всем районам Иркутской области, прилегающим к Байкалу, в сопровождении трехсот журналистов организовать про-

бег 18 международных экипажей. За это области сулили почти миллион долларов. Экологически проект экспедиции не так уж страшен. Большого ущерба машины природе вряд ли принесут. Вот почему писатель поначалу особо не возражал против этой акции (есть проекты с куда более опасными последствиями, которые надо немедленно остановить): когда в стране остро не хватает многих предметов даже первой необходимости, миллион долларов на нужды иркутян и Прибайкальского национального парка был бы весьма уместен. И все-таки писатель не удержался, вмешался и на этот раз. Есть все-таки ценности, которые дороже всяких долларов. Байкал — наша национальная святыня. И использование имени Байкала прежде всего для рекламы табака — это значит в чем-то допустить надругательство над чувствами своего народа. Не случайно Валентин Григорьевич за советом обратился к Байкальскому фонду. Надо было видеть, как воинствующе вели себя на собрании этого Фонда московские дельцы, яростно отстаивавшие интересы интернациональной корпорации. По их выступлениям было ясно, что для них существуют только материальные категории. А Распутин вел речь о совести. В очередной раз ему приходилось нашим новоявленным коммерсантам напоминать прописные истины о том, что совесть никому не должна позволять торговать или спекулировать национальными святынями. Наверное, на фоне других проблем, связанных с Байкалом, вопрос об автоэкспедиции вокруг озера — мелочь. Но он отнял у писателя ни много ни мало — неделю. А сколько до этого усилий — хождения по высоким инстанциям, обращения к большим чинам — потребовалось от Распутина и других писателей, чтобы правительство наконец-то передало Свято-Введенскому монастырю Оптина пустынь весь Иоанно-Предтеченский скит с его строениями. Перед отлетом из Иркутска, когда зашел к Валентину Григорьевичу поблагодарить за помощь в составлении этого сборника, пришла радостная весть о том, что правительственное решение, к счастью, состоялось. Надо было видеть, как радовался писатель — а в последнее время это бывает очень и очень редко.

Сейчас почему-то многие стыдятся слова «патриотизм». Согласен, что оно до невозможности затаскано. Но обойтись без него нельзя. Оно выражает одну из основных черт нашего народа и, кстати, помогает понять, почему большинство диссидентов оказалось так далеко от забот своих соотечественников. Впрочем, вот что об этом сказал мне как-то Олег Васильевич Волков, человек, проживший огромную жизнь и многое на своем веку испытавший:

— Я лично считаю, что патриотизм — это врожденное чувство. Как любим мы свою семью, свою мать, так нельзя не любить и свой очаг, свои родные места, свою Родину. Хотя у нас очень долго и пытались вытравить в людях представление о любви к своей Родине, что, к счастью, все-таки не удалось. Я, например, никогда не мог решиться эмигрировать. Хотя имел и возможности, и основания для этого — за моей спиной 27 лет лагерей и тюрем, а за границей у меня близкие родственники, друзья семьи. Так что я вполне мог уехать туда. Но я как-то не рисовал себе жизнь вне своей привычной обстановки. Что-то компенсировало мне и многолетние страхи, неудобства, и испытания... Находилось утешение: кругом было свое, родное, русское. И, конечно, мне не хотелось с этим расставаться. Родина есть родина.

Письма показывают, как велик сегодня разброс мнений. Общество сейчас, как никогда, поляризировалось. Оно разбилось на непримиримых «левых» и «правых», яростных «радикалов» и стойких

«консерваторов», «зеленых» и «технократов»... Резко обострилась борьба между различными политическими и литературными группами. Уже несколько лет печать бурно обсуждает наше прошлое, зачастую не замечая, что творится сегодня. Как следствие этого — люди ожесточаются, а жизнь ухудшается и ухудшается. Исчезает вера в завтрашний день. Ясно, что так долго продолжаться не может. Спасти может только консолидация народа. Но призывов о единстве за последние годы общество слышало уже немало, а объединяться пока никто не торопится. Ибо народ может сплотить прежде всего великая идея. Сегодня такой идеей может стать духовное возрождение России.

Мы должны вспомнить, откуда мы родом. Сейчас у нас все поголовно увлеклись критикой прошлого. За короткое время с пьедесталов общество сбросило одних кумиров, а взамен быстро водружает других. Сталин оказался плох (можно подумать, что раньше об этом никто не догадывался), Троцкий и Бухарин, как нас убеждают, были лучше. Теперь выяснилось, что Буденный — вовсе не герой, он прямо или косвенно виноват в уничтожении Миронова. Иные историки нынче героем спешат объявить Тухачевского, на совести которого массовые расстрелы жертв Кронштадта и создание концлагерей для мирных крестьян Тамбовской губернии. Так что же дает эта замена?

Идет очередное перекраивание истории. Ошибки прошлого, похоже, исправлять некому. Какой уже год общественность требует восстановить историческую справедливость и вернуть старинным городам России свои исконные названия. Но только на шестой год перестройки лед тронулся. На родине Максима Горького, по решению городского Совета городу возвращено прежнее имя — Нижний Новгород. Вновь на карте появилось имя Тверь. Но когда же очередь дойдет до Вятки и Сергиева Посада? И сколько еще лет одному из старейших городов Урала носить имя Свердлова — человека, несущего свою, огромную часть вины за разжигание в нашей стране гражданской войны?

Пора прекратить в очередной раз перекраивать историю. Надо восстановить древо российской жизни. А для начала хотя бы составить летопись своей семьи. Это же позор, когда человек в лучшем случае знает имя только бабушек и даже не догадывается о том, откуда произошел его род и кем были его далекие предки.

От прошлого своей семьи — прямой путь к пониманию народной жизни. Так в свое время произошло с Владимиром Личутиным. Первоначально задавшись целью проследить историю династии Личутиных, в прошлом принадлежавшую к мезенским мещанам, он заново открыл для себя уклад жизни поморов. Помню, Личутин яростно доказывал, что дело не только в именах.

— Важно, чтобы проступил однажды, ожил чей-то облик, — говорил писатель. — Фамилия сама по себе ничего не несет. Печально, что стирается облик, тускнеют живые черты. В прошлом родовая память держалась не с помощью конкретных замет и ухода за ними. Существовала более мощная память, память стволовая. Нация обладала запоминающим свойством. Память была изустной. Сейчас уже невозможно удержать в памяти весь длинный ряд предков. Мы встали перед таким вопросом, как сохранить все имена. Но нельзя ничего запоминать нарочито. Прежде запоминался и весь уклад жизни. Почему он легко людьми усваивался? Весь уклад, все бытование, нравственный свод — все передавалось от человека человеку. Не просто фамилии сообщались. Не просто запоминалось энное коли-

чество имен. Мы утешаем себя тем, что если выстроим цепь имен, то выстроим и цепь времен. Это не так. У нас развеялось прошлсе знание, знание древних обычаев, ремесел, во многом утратилось бережное отношение к природе, исчез в какой-то мере нравственный уклад. Главные киты, на которых стояла русская земля, как бы уплыли из-под наших ног. Чтобы цепь имен вспыхнула и укрепила нас, надо исподволь, постепенно накапливать утраченное. Вот почему мой первоначальный замысел изменился. Раньше я считал, родовая память — цепь имен. Теперь полагаю, родовая память — это все нажитое нашими предками, сохранение в нас того, что длилось тысячелетиями. В последнее время мы наблюдали утрату всего, что окружало наших предков. Страшен тот нигилизм, который укоренился в наших душах. Модно стало сейчас хулить все родное. Когда хулят все ближнее, то хулят, считаю, не имена, а тот обычай, во что была погружена нация... Дом, земля, человек... Это формирует национальный характер, в основе которого память.

Я вспомнил об этом, читая письма Б. А. Воронцова-Вельяминова нашему известному историческому романисту Дмитрию Балашову. Имя Бориса Александровича Воронцова-Вельяминова хорошо известно прежде всего астрономам. В 1933 году он предложил оригинальный полуэмпирический метод определения расстояний до планетарных туманностей. В его честь названа одна из звезд. А кто еще из современных ученых может похвалиться тем, что по его учебникам преподают вот уже 50 лет? Но Воронцов-Вельяминов всегда считал, что только технократическое мышление не может спасти человечество. Техника, несомненно, облегчает наш быт. Без научно-технического прогресса, безусловно, не обойтись. Но ни одна машина не может заменить душу. Не случайно сам Воронцов-Вельяминов вот уже скоро как восемь десятилетий собирает семейные предания. Ему удалось проследить историю своего рода от варяжского князя Шимона до наших дней.

Собирая материалы, он столкнулся с тем, что многие его предки в свое время имели огромную популярность. Но стоило на каких-то этапах фамилии Воронцовых-Вельяминовых утратить былое могущество, иные наследники старейшей русской фамилии сразу забывали богатое прошлое собственного рода. В новых условиях они как бы теряли себя, переставая понимать свой долг перед Россией и потомством. Многие родовые связи оказывались забытыми. Обычно это приводило к деградации личности. Воронцов-Вельяминов обнаружил такую закономерность: лучшие представители Воронцовых-Вельяминовых, как и других фамилий, всегда помнили о прошлом, каким бы трудным оно ни было. Некоторые даже предпринимали робкие попытки составить биографию рода. Одно из таких биографических описаний принадлежит 19-летнему гардемарину Сергею Воронцову-Вельяминову. Незадолго до окончания морского училища он написал книгу «Род дворян Воронцовых-Вельяминовых». В подарок за этот труд троюродный дядя — военный инженер вручил ему медальон-икону покровителей рода Антония и Феодосия Печерских, а на медальоне сделал надпись: «От благодарных потомков Шимона». Пройдет после этого всего год, как разразится русско-японская война. Выпускник морского училища, Сергей Воронцов-Вельяминов воспользуется вместе с пятнадцатью другими отличниками правом выбора места службы и попросит назначение на Дальний Восток. Через несколько месяцев он погибнет при защите Порт-Артура. В тот трагический для Воронцовых-Вельминовых год родится Борис Александрович.

Книжку своего родственника он обнаружит мальчишкой. Но вернуться к детскому увлечению сможет лишь после Великой Отечественной войны. В 30-е годы интерес к истории не поощрялся. За это людей сажали в тюрьмы. Воронцов-Вельяминов узнал это на собственном опыте.

Изучив русские летописи, архивные материалы, труды историков, Борис Александрович еще в 1955 году подготовил огромнейшую работу по истории рода Воронцовых-Вельяминовых. Она заняла четыре тома. Предваряя рукопись, выдающийся астроном написал: «В этой книжке рассказывается о том, как варяг Шимон, приехав на Русь более девяти веков тому назад, обрусел вместе со своим потомством, которое осело в Суздале и играло там первую роль. Когда Москва выделилась в отдельное княжество, в нее переехал потомок Шимона Протасий. Он, его сын и внуки были важнейшими участниками превращения Москвы в собирательницу городов русских. Их размножавшиеся потомки претерпели весьма различные судьбы. Одни из ветвей рода играли выдающиеся исторические роли и потом пресеклись (их члены вымерли), другие — не были ни славны, ни богаты, но существуют и ныне. Перед нами пройдет портретная галерея лиц, связанных узами далекого родства, но весьма различных по своему положению в обществе».

Через тысячелетнюю историю своего рода Воронцов-Вельяминов постигал судьбу России. Ах, если бы наши любители митингов, восклицающие на каждом перекрестке о причастности к «русской идее», смогли бы проследить историю собственной семьи хотя бы по пятое или шестое колено и вот так же, как астроном Воронцов-Вельяминов, погрузиться в реальное многовековое прошлое страны. Это было бы куда полезней, чем витийствовать на площадях.

У нас долгие годы одни боялись, а другие стеснялись признаться в том, что их род происходит, скажем, от мещан. Люди скрывали, что в далеком прошлом среди их предков были и купцы. А с каким испугом многие отцы рассказывали своим сыновьям о раскулаченных дедах. На протяжении жизни нескольких поколений сознательно искажался смысл старых понятий. Это приводило к тому, что люди волей-неволей отрекались от какой-то части своего прошлого. Но разве можно отрекаться от чего-то близкого, родного?..

Прекрасно, что мы наконец-то начинаем это осознавать и как-то пытаемся восстанавливать утраченное. Я видел, как много писем приходит к Валентину Пикулю. Люди, наслышанные о его уникальной картотеке, насчитывающей сотни тысяч карточек, просят писателя помочь установить имена прадедов, уточнить даты жизни далеких предков, воссоздать древо конкретного рода. Конечно, это отвлекает от основной работы, отрывает от романа. Но писателю приятно давать эти справки, наблюдать возвращение интереса общества к своему прошлому.

Кстати, я и сам познакомился с писателем несколько лет назад благодаря своей фамилии. Было это так. Я позвонил Валентину Саввичу в Ригу с просьбой об интервью, но сразу же услышал отказ, Валентин Саввич сослался на огромную занятость — все мысли у него заняты новой книгой. И когда я, естественно, расстроенный, собирался уже положить телефонную трубку, Валентин Саввич вдруг поинтересовался тем, какое отношение я имею к видному деятелю демократического движения России середины XIX века Иосафату Петровичу Огрызко. Отношение это, прямо скажу, косвенное, мы — однофамильцы и только. Но мое уточнение Валентин Саввич, наверное, не расслышал. Видимо, его давно интересо-

вала фамилия Огрызко. Только поэтому он согласился встретиться просто так, без всякого интервью. Дома Валентин Саввич сразу же провел к своим картотекам. Им отведена целая комната. Одна стена — широкая — полностью от пола до потолка заставлена самодельными стеллажами, на которых разместились папки с портретами выдающихся и малоизвестных исторических лиц. Другая стена — поуже — занята каталожными ящиками. Это — картотека на портреты. Напротив, еще одна картотека — персоналий. Пикуль ведет ее по принципу известного пушкиниста Б. Л. Модзалевского.

Выдвинув нужный ящик, Валентин Саввич быстро отыскал карточку о моем однофамильце. На ней указаны все встречавшиеся писателю источники, в которых фигурировала фамилия И. Огрызко: воспоминания Л. Пантелеева, работы П. Анненкова, А. Никитенко, тома «Русского Архива», «Исторического вестника»... После названия каждого источника — ссылка на необходимые страницы.

— Личность вашего однофамильца необычайно интересная, — говорил Валентин Саввич. — Юрист по образованию, Огрызко организовал в Петербурге типографию, в которой печатались сочинения Добролюбова, книги для народного чтения, труды историков. Арестовали его за издание польской ежедневной газеты «Слово». По Петербургу тогда ходили строки Н. Некрасова: «Плохо, братцы, беда близко: арестован наш Огрызко». Не падал Огрызко духом и в ссылке, в которую попал за причастность к польскому восстанию. Кстати, после него в Вилюйском остроге сидел Чернышевский, с которым он до ссылки одно время был близок. Честно говоря, мне давно хотелось бы написать о нем историческую миниатюру.

Не скажу, что все это было для меня новостью. Впервые с историей своей фамилии я вплотную столкнулся на Дальнем Востоке, служа в армии. Однажды в хабаровской газете прошла одна моя заметка. А где-то через неделю я вдруг от своего командира узнаю, что меня разыскивает одна очень старенькая женщина. Родных у меня в Хабаровске не было, поэтому я очень удивился, что это за бабушка хочет со мной встретиться. Оказалось, эта бабушка — Валерия Адамовна Волкова — до замужества носила фамилию Огрызко и вот уже много лет пытается составить историю своего рода. Ей хотелось узнать, не родственники ли мы. Она-то мне и рассказала о Иосафате Петровиче и о других не менее знаменитых однофамильцах. Но что тогда меня поразило: семья к ее разысканиям оставалась равнодушной, считая эти занятия старческим маразмом. Каюсь, я тоже не сразу оценил значимость усилий Валерии Адамовны и очень долго даже не пытался как-то продолжить ее работу. Валентин Саввич своими рассказами и своей читательской почтой как бы подтолкнул возобновить поиск. Теперь при каждой новой встрече он обязательно знакомит с тем, что нового удалось ему «выудить» из различных источников о моем однофамильце.

Восстанавливая свое прошлое, познавая народную жизнь, общество сможет возродить и многие порушенные и оболганные в прошлом идеалы. Сейчас в письмах читатели часто спрашивают писателей, нужны ли нам идеалы, а если да — то какие. Вокруг этого идут ожесточенные споры. А что же сами писатели? Большинство, конечно же, за идеалы. Вспоминаю свою встречу с Олегом Васильевичем Волковым. Он говорил:

— Бесспорно, мы за три четверти столетия столько вылили обвинений по адресу прежних нравственных устоев общества, что те-

перь что-либо возрождать очень трудно. Мне кажется, что пропаганда классовой ненависти, антирелигиозные кампании, часто сопровождавшиеся строжайшими «оргвыводами», попытки решать все наболевшие вопросы общественной жизни с помощью «товарища маузера» — все это поселило в народе то безверие и то безразличие даже к вопросам морали, от чего мы теперь так страдаем. Вот почему процесс возвращения к признанию нравственных ценностей, вероятно, окажется очень длительным. Поймите, ничего не проходит бесследно. Нельзя было безнаказанно отвергать общепризнанные, пускай это будут христианские заповеди, не утратив при этом какой-то нравственной высоты. Идеалы, конечно, нужны. Возникает вопрос: какие. Ответить можно на диво коротко и просто: чтобы человечество ни придумывало, ни изобретало, ни вводило в норму, ничего нет выше нескольких сказанных некогда слов о любви к ближнему, которые проповедовала наша церковь. Не было более исчерпывающих формул для закладывания основ, на которых должно строиться общество, кроме известных слов: «Люби ближнего, как самого себя». Наверное, исходя из них, вряд ли можно было бы докатиться до «архипелага ГУЛАГ». Мы сознательно и последовательно вытравляли в людях доброту, сочувствие к слабым — вот и одичал народ! Теперь вы можете прочитать в газетах слова о милосердии, благотворительности, о сочувствии обездоленным и слабым. Но ведь все это нам давно стало чуждо. Эти понятия очень долго высмеивались: прежних жертвователей и благотворителей называли лицемерами, грошовой милостыней откупающихся от ими же эксплуатируемых бедняков. Сейчас мы опять пытаемся вернуть признание понятию «благотворительность». И, вероятно, это правильный путь. Так и надо делать. Да, нужно, чтобы мы сочувствовали слабым, чтобы мы знали, что такое милосердие, а вовсе не думали о том, что вот такой-то человек живет зажиточней нас и потому он враг.

Хватит уже увлекаться одними разговорами о прошлом, которое, кстати, состоит не только из кровавых побоищ и массовых репрессий. За спорами о Сталине и Хрущеве легко проморгать настоящее. Как тут не присоединиться к инженеру Надежде Перовой, которая пишет Евгению Носову, что по его статье «Что мы перестраиваем?» в принципе можно изучать советскую историю, но пора идти дальше — говорить о сегодняшнем дне. «Или о нынешнем положении в нашей стране мы сможем говорить лишь через 20—30 лет? Или пока ничего не ясно? Или не видно? Или не пущают, не разрешают?» — спрашивает она писателя.

Нет важней сегодня вопросов о том, какой быть России. Помоему, это уже очевидно, что всякий серьезный кризис в России не просто эхом прокатывается по всему Союзу и миру, он кардинальным образом меняет геополитическую ситуацию на всей планете. Лучшие писатели России всегда считали, что копировать Запад или Восток — дело абсолютно безнадежное. Россия должна, опираясь на выработанную тысячелетней историей систему этических оценок и представлений, развиваться своим, особенным путем.

Люди видят в писателях не просто выразителей народной боли. Они считают любого художника слова пророком. Не каждому, правда, удается стать пророком. «Быть пророком и даже проповедником всегда трудно, — сказал как-то Виктор Астафьев, — однако без попыток и потуг на это литературе существовать невозможно. «Попытки писателей, письма к которым собраны в этой книге, по-

моему, успешны. А иначе читатели не верили бы ни одному их слову и уж, конечно, не изливали бы им свою душу.

Перечитывая почту наших лучших писателей, совершенно иное представление возникло и о читателе. Он, конечно, разный. Безусловно, у каждого свой вкус, свои пристрастия и свои антипатии. Но оказалось у всех читателей и что-то общее. Это прежде всего неравнодушие к судьбам нашего Отечества, к будущему своей Родины. Это отзывчивость на боли нашего времени. Это желание разделить писательскую тревогу, помочь нравственному возрождению общества.

И, видимо, не случайно многие письма вызвали интерес и к личности самих авторов. Меня, например, очень тронула переписка известного исторического романиста Валентина Иванова с Виталием Бухановым. Тронула своей родниковой чистотой. Из этой переписки возникал образ человека непоказного мужества, которому необычайно дорого будущее своей Родины. Не раз появлялось ощущение, что читаешь письма поэта. Но, к своему стыду, я никогда раньше не слышал этого имени — Виталий Буханов. Я пошел в библиотеку, выписал все его книги — их оказалось не так много и почти все шестидесятых годов издания — и открыл для себя очень хорошего поэта, с негромким, может быть, голосом, но с честной душой, большим талантом и высокой судьбой. Подростком в июне сорок второго года он решился перейти линию фронта, только чтобы не оставаться под фашистом. Успел он и повоевать. В поэзии его очень привлекали исторические сюжеты. Он много размышлял о русском характере, о судьбах русского народа, о предназначении России. Но в 39 лет песня его неожиданно оборвалась. Буханов словно предвидел свое будущее и за несколько дней до смерти написал:

Не буду я светить
Средь звезд,
Я не звезда,
Я — искорка России золотая,
Что в ночь взвилась
И скрылась навсегда
В душистых дебрях трав
Лесостепного края...

Хочется, чтобы эти письма к русским писателям пробудили в каждом из нас благородство и сострадание, помогли нас объединить и подвигли на поступки. Народ уже устал от разговоров. Нужны поступки во имя духовного возрождения страны.

Вячеслав ОГРЫЗКО

Валентин РАСПУТИН

Со временем читательская почта меняется. В 70-х годах, когда все сферы, стороны и уголки жизни, вплоть до цирка и зоопарка, были политизированы, и без того, чтобы не помолиться «развитому» социализму, шагу нельзя было ступить — человек инстинктивно искал тогда в искусстве и прежде всего в литературе защиты от идеологического давления. Какие замечательные приходили в то время письма о жизни, о душе, о вере, о человеческих судьбах, нередки были исповеди в школьных тетрадках, а в них полностью раскрытые сердца... Глубина и искренность этих рассуждений и проникновений могли вдохновить и писателя. Вопреки стесненным внешним обстоятельствам, дух жил свободно и искал союзничества.

Теперь, когда государственная политическая сбруя обвисла до того, что при желании любой из нее в состоянии выпрячься, люди, точно отвыкнув без поводьев и почувствовав себя без хомута неуверенно, бросились под защиту групповой упряжи. Прежде и в поверхностной книге искали глубины и правды, теперь и значительное, вечное, имеющее общечеловеческую ценность, переводится в подручные, мелкие средства идейных схваток. Письма становятся короткими, горячими и нетерпеливыми, вплоть до запальчивых выкриков по поводу того, что происходит вокруг.

Вокруг и верно много тревожного и страшного. В экологической обстановке, межнациональных отношениях, политической жизни, социальной, нравственной, культурной областях — всюду кризис. Сохранять спокойствие и невозмутимость в такой обстановке трудно. Одну за другой, а то и по нескольку за день, шлют писателю программы спасения страны, человечества и вселенной. Распечатав очередной толстый пакет, писатель смотрит на очередную программу как баран на новые ворота: его-то, писательское, ведь дело выводить на нравствен-

ные дороги, давать утешение заблудшим душам указанием все на ту же красоту, единственно на которую и остается спасительная надежда.

И когда оттуда, из тех заповедных краев, где ищут эту красоту, приходит весть, это — как праздник. Не часто радует ныне читатель такими письмами, но он — жив, и с ним-то и установится опять, надо полагать, тесная духовно-родственная связь — не последнее дело в крепях, коими вяжется отеческое благоденствие.

«МЫ СТОИМ НА КРАЮ ПРОПАСТИ»

Добрый день!

Давно хотела написать Вам, еще когда прочитала Вашу статью «Жить по совести», но как-то не решилась. Решилась на это сейчас в связи с последней Вашей публикацией «Религиозный раскол в России». Мысли об этом я выскажу в конце письма. А в общем-то, мне больше хотелось просто поделиться с Вами некоторыми жизненными впечатлениями.

Пять лет назад (а мне 42 г.) я стала верующим и церковным человеком. Практически еженедельно бываю в храме, в основном в Троице-Сергиевой лавре, так как и живу и работаю по этой дороге.

Службы там божественные, и иногда забываешь, где ты, на небе или на земле. В каком бы настроении я ни приезжала в Лавру, уезжаю всегда примиренная и с собой, и с окружающим миром.

Церковные службы и поездки по монастырям дали мне возможность понять, относительно конечно, что такое русский народ.

Ну, например, когда в Лавре весь храм поет «Царица моя Всеблагая, Надежда моя Богородица...», то слушать это без слез невозможно. Я всегда плачу и всегда думаю, сколько в нашем народе терпения и мудрости, сколько в нем неиссякаемой доброты, как велика сила духа нашего народа, и нет на земле ему равного. Уж били его, били, а он все еще шевелится. Не знаю только, соберется ли с силами да распрямит ли плечи.

То же самое можно сказать и о церкви. Ни одна церковь в мире не была так обескровлена, как русская православная. И все-таки она выжила, и Бог даст укрепиться, и народу поможет встать на ноги, да оглядеться, да осознать, что не хлебом единым жив человек.

Ведь если вспомнить самые трагические моменты

русской истории, то всегда на защиту Веры и Отечества вставала Русская православная Церковь. Она, и только она именно та сила, которая объединяла, сплачивала и направляла народ на созидание. Нынешнее время — не исключение. И Россия, «истекающая не кровью, а сукровицей», воскреснет лишь тогда, когда в полную силу будет слышен голос церкви.

Собственно, об этом же и все Ваши публицистические статьи. Вы всегда пишете о нравственности и духовности, но сейчас уже пора русским писателям открыто призвать народ сплотиться вокруг церкви, а не вокруг культуры, о чем говорят сплошь и рядом.

Хотелось бы также обратить Ваше внимание, Валентин Григорьевич, на такую сторону народной жизни, как возрождающееся странничество. И чего только не услышишь, живя в монастыре!..

Жаль, что не могу передать колорита речи, которая сопровождалась причитаниями, воздыханиями и молитвой.

В одном монастыре я узнала, что старец о. Кирилл, лаврский духовник, тот самый знаменитый лейтенант Павлов, чей дом показывают в Сталинграде.

— К Кириллу-то ходишь? — спрашивает меня одна бабушка. — Да. Нет. Я как-то его побаиваюсь. — А чего бояться, купи рыбки получше да иди. А сколько народу со всей матушки-России бывает в престольные праздники в Лавре! Особенно в день памяти пр. Сергия. И какие лица встречаются! Какие замечальные простые русские лица, как на старых фотографиях.

Приезжайте к нам, Валентин Григорьевич, во время Великого поста, хоть на Крестопреклонную. Так красиво будут петь: Кресту твоему поклоняемся, Владыко и Святое «Воскресение твое славим».

Отрадно будет увидеть Вас в храме Божьем.

Низкий Вам поклон за выступление на 1-м съезде депутатов. Очень многих оно глубоко тронуло. Очень многие почувствовали что-то похожее на гордость от того, что Вы наш современник и русский человек. Правда, пресса в основном Вас замолчала, что вполне закономерно. Но Ваше выступление было бесспорно лучшим, некоторые даже сравнивали его с речью Достоевского на открытии памятника Пушкину.

Я не совсем согласна с некоторыми Вашими выводами о статье «Религиозный раскол в России». Уж очень хвалебную песнь Вы пропели расколу.

А раскол есть раскол, и явление это не русское, а Вселенское. Это такая же смута, в которой всегда заинтересованы силы тьмы.

Я коснусь лишь главного, на что любой верующий обратит внимание.

Раскольники — это люди, добровольно лишившие себя церковных таинств. Возьмем два главных из них: покаяние и причастие. Первое поколение старообрядцев худо-бедно еще могло причащаться, поскольку в их среде были священники. А что стало с их детьми и внуками? Они были лишены этого. И на это пошли люди, знавшие, что причастие — залог и правильной земной жизни, и будущего спасения.

Для верующего и церковного человека это неприемлемо.

Я не экуменистка. И считаю, что как истина одна — Бог, так и путь к ней один — Православие. И какую бы добродетельную и правильную жизнь Вы ни прожили на земле вне церкви, для вечной жизни этого недостаточно. Наши родители не исключение. Их обычно, людей честных, светлых, проживших трудную жизнь, приводят мне в пример. Но они все были крещены, в детстве и юности ходили в церковь. То, что с ними стало потом, не их вина. У меня 4 месяца назад умерла мама. У меня сердце разрывалось и душа холодела от того, что она умерла без причастия. Не могла ее заставить. И то, за несколько часов до смерти, она мне сказала: «Вот теперь бы причастилась». И может быть, в последнюю минуту, когда душа разлучалась с телом, она и пришла к Богу.

А раскольники! Все прекрасные человеческие идеи и благие дела, если они не освящены Духом Святым, они все равно мертвы. Простите, Валентин Григорьевич, что я так надолго заняла Ваше внимание.

На прощание еще раз скажу, что русские люди Вас знают, любят, и многие, многие молятся за Вас, как за родного и близкого человека.

Всех Вам благ.

Храни Вас Бог.

Светлана Александровна,
Московская область

Здравствуйте, уважаемый Валентин Григорьевич!

Пишет Вам Попов Геннадий Константинович. Причиной написать Вам это письмо явилось озеро Байкал. Началось с того, когда я просмотрел кинофильм «У озера». Мне небезразлична судьба этого уникального озера мирового значения. Я не пропускаю ни одной Вашей статьи в газетах и всегда читаю с большим душевным волнением об этом озере. Мою любовь к озеру Байкал начну описанием из далеких лет. А перед этим прошу меня извинить, я понимаю, что у Вас, Валентин Григорьевич, и без моего письма забот и дел непочатый край. Я родился в городе Харбине КНР в 1915 году, мой отец с семьей выехал из города Красноярска в Китай, город Харбин, на постройку и эксплуатацию Китайской восточной железной дороги (КВЖД) в 1902 году по обоюдному соглашению между Китаем и Россией.

С детских лет живя в Китае, я часто слышал, как в праздники приходили к нам гости, пели русские народные песни, отец мой любил под свой аккомпанемент гитары петь «Славное море, священный Байкал», «По диким степям Забайкалья» и другие песни, с детских лет запомнились эти слова. Прошли годы, отец умер в Харбине в 1936 году, а в 1955 году я, как и многие русские, вернулся в Союз.

Состав наш с репатриантами следовал от конечной китайской станции Маньчжурия через ст. Отпор, и вот наши харбинцы заговорили с досадой, что озеро Байкал будем проезжать ночью и не увидим это прекрасное озеро, о котором так много слышали, о котором в семейной обстановке пели. Вагонные колеса мерно постукивали на стыках рельсов, а мы сквозь узкую щель приоткрытой двери вагона всматривались в темноту в надежде увидеть Байкал. Как ни интересно было, но все же сон берет свое. Наступило утро, в вагоне шум голосов: Байкал! Смотрите, Байкал! Нашей радости не было границ, на глазах у многих появились слезы, особенно у пожилых. Мы ждали, что скоро будет остановка или станция. К моей радости, вагонные колеса застучали поиному на входных стрелках, и вскоре поезд остановился. Не помню, какая это была станция — Танхой или Слюдянка, но первая мысль была, долго ли будет стоять поезд. Рискуя отстать от поезда, я схватил большой китайский оцинкованный чайник, спрыгнул с вагона, пустился бегом к озеру, вслед мне что-то кричали, передо мной оказался какой-то небольшой поселок, небольшие доми-

ки с палисадниками и узкими улочками, я в волнении кидался то в одну, то в другую сторону в поисках прохода. Некоторые местные жители с удивлением смотрели мне вслед, но, не обращая внимания, я быстро устремлялся к своей цели. И вот я стою на берегу озера Байкал, любуюсь его бескрайними просторами, а в мыслях тревога, не отстать бы от поезда, кругом незнакомые места, никто меня не знает здесь, быстро зачерпнул воды в чайник, поставил его на камни сзади, а сам пригоршнями напился байкальской воды, умыл лицо, шею и, схватив чайник, бросился в обратный путь к составу, который спокойно продолжал стоять, обратный путь показался короче, еще издали я увидел: наши стояли у вагонов, они махали руками, что-то кричали, но я не слышал слов. Подбегая ближе, я заметил, что многие стояли с кружками и стаканами, когда я был у состава, люди просили попить, подставляя свои кружки, и так весь мой чайник байкальской воды выпили наши харбинцы со слезами на глазах!

И вот теперь, живя в городе Иваново, я ищу статьи в газетах о Байкале, а как-то видел Вас, Валентин Григорьевич, в телепередаче, тема была тоже о сохранности Байкала.

Вот почему я решил написать Вам это письмо и выразить Вам мои слова благодарности за заботу о судьбе нашего любимого озера Байкал. Одно мне не понятно, неужели высшие органы власти в Москве не задумываются над этим, не запретят строительство каких бы то ни было заводов или комбинатов на берегах Байкала? Или планируют сделать зону отдыха для туристов, значит, там будут устраивать гулянье и после этого увеселения оставят пустые консервные банки, бутылки и проч. остатки пищи.

Я возмущен таким решением и категорически протестую против каких бы то ни было мероприятий на берегах озера Байкал.

Знаю, что с моим мнением никто не будет считаться.

Еще раз, Валентин Григорьевич, я выражаю Вам свою благодарность за Ваш бесценный вклад и заботу о сохранности озера Байкал.

С огромным уважением к Вам, *Попов Г. К.*

г. Иваново,
1988 г.

Добрый день.

...Прошлым летом был в Братске, на своей родине. Зашел на мемориал погибшим в войну. Сколько там Распутиных! Подумал, наверное, и с ними Вы связаны кровными узами, хотя бы с кем-то из них. А моих Шушаковых нет. Отец мой откуда-то из Читы. Мать моя, чью фамилию и я ношу, родом из Л-да. А сам я родился в эвакуации в селе Маковском, ныне покоящемся под водой на Ангаре. Братск произвел на меня очень тяжелое впечатление. Я бы сказал так — негуманный город. Придет время, и эти города будут соскребать с лица Земли, как чужеродные. Особенно тягостно было созерцать отстойники с их испарениями. Ездил и на Ангару, туда, где торчит островок вместо Московского. Что и говорить — велико!.. Уходить не хотелось. Правда, поразило, что ни комары, ни мошка не беспокоили. «Вывели», — объяснили. С одной стороны, очень комфортно и цивилизованно. А с другой, все же как-то странновато. Кстати замечу, что мы с Вами даже внешне немного похожи. Некрасивы, курносы, с заметной верхней губой и резкими складками. И даже манера говорить — несколько монотонно.

Зачем я Вам это пишу? Дело в том, что после «Матеры» Вы, Валентин Григорьевич, стали мне близки. И у меня прямо-таки комплекс образовался — дать Вам о себе знать.

Смотрел по телевизору Вашу встречу с иркутскими студентами. Не могу сказать, что полностью согласен с Вами в определении «Рока» как наркотика. Я лично в данном случае больше вреда слышу, к примеру, от «Белой панамы» Пугачевой, или от «Пластилинового мужчины» Веске, или от «Вернисажа» Леонтьева. Это все такая пошлость, от которой нас, отцов, оторопь берет, а для них, наших подрастающих, это естественный фон. Последние Ваши слова я воспринял как самоиронию. Нет, уверяю Вас, Валентин Григорьевич, в ничью неформальную голову не приходит мысль принизить Вас, как русского деятеля.

Природа.

Я очень люблю Природу. Иногда она меня доводит до экстаза. И она, и все, что с ней происходит. Я очень скорблю, когда вижу, что ей плохо. С раннего детства она для меня одухотворена. А с возрастом я начал понимать, что плохо не просто моей Природе, раскинув-

шейся вокруг меня. Плохо Земле. Всей земле сейчас очень плохо. Настолько, что мы, люди, в своем тягомотном пробуждении от благодушного потребительства напоминаем идиота, которому осталось последних 2—3 удара по суку, на котором живем, и...

Две вещи меня не удовлетворяют в этом мире (кроме всего прочего, конечно, я отнюдь не считаю себя везучим).

I. Всему международию следовало бы сейчас не столько о мире говорить, сколько о спасении Земли от экологической катастрофы. А мир в совместной борьбе за спасение приложится.

II. Заключить мир между перестроечными и антиперестроечными силами во имя спасения Природы. А все остальное опять же приложится. Ибо что говорить о перестройке без нравственного сдвига. О какой нравственности может быть речь, если «левые» и «правые» одинаково хамят Природе? Отношения между людьми — отражение отношения к Природе. И, кстати, пропагандировать любовь, бережное отношение к Природе много легче, чем к Человеку. И легче перейти потом к Человеку. Да не потом, а фактически одновременно.

Сейчас в сливках интеллигенции заметен явный раскол. А этот раскол очень нужен? То страшное, называемое «сталинизмом», что было скрыто от нас, что наше общество пережило, надо выявлять бесспорно. Но настало время сбавить пары противостояния и начать консолидацию. Втемяшить в эти упрямые, закусившие удила головы «левых» и «правых», что нет ничего важнее на сегодня здоровой Природы.

Как я понял, следя за Вашими выступлениями, Вы лично предпочитаете не особенно ввязываться в эти выяснения отношений. Во всяком случае я верю в это.

Если Вас, Валентин Григорьевич, заинтересовала моя точка зрения, то, вероятно, Вас интересую я сам.

Я моложе Вас, мне 41. Зовут Володя либо Владимиром. Художник. Бросился заниматься этим делом всего лишь с училищным образованием. Отсюда мои неустойчивости в жизни, карьере и прочее, прочее. Сейчас очередной кризис. Кажется, последний и навсегда. Голова пуста. Сердце в основном в непроходимом миноре. Для мажора слишком гнусен мир, окружающий меня.

Много, много уважаемый Валентин, от всей души дай

Вам Бог и сил душевных и гибкости ума необыкновенной во имя будущего нашей России, нашей Земли.

Ваш Монахов В.

19.VII.88.

P. S. Прошу извинить меня за излишнюю, может быть, бесцеремонность.

Уважаемый Валентин Григорьевич!

Извините за беспокойство. Пишет Вам один из ваших венгерских читателей.

Я преподаватель русского языка и литературы, интересуюсь советской литературой. Интересна теперь новейшая советская проза. Так же очень взволнованная пресса.

Почему я Вам пишу! У нас еще раз актуальна ваша повесть о Матере. Строится на Дунае ГЭС, и мы протестуем против постройки. Это не только от того, что стоит она миллиарды форинтов, а выдвигает множество проблем канализации, регулирования уровня воды притоков, охраны природы.

Причем «Прощание с Матерой» мне очень нравится. Не только по субъективным причинам и актуальности, а включает в себя, ставит вопросы всей нашей эпохи. Думаю, что она является пока вершиной вашего творчества. Интересно, что советские критики — хотя очень высоко оценивают ваш патриотизм и любовь к родной земле — не раскрывают мифологические элементы (мотивы) в повести, даже отрицают, говоря, нет никакого мифологизма. По-моему, есть мифологизм, даже сильный, и это только подчеркивает культурную ценность вашей повести. И вы ссылаетесь на Даждь-бога, когда подчеркиваете, каким неисчерпаемым источником является Слово о полку Игореве. И Ч. Айтматов в одном из его интервью говорит, что писателям надо обращаться уже к корням, к прошлому, чтобы открыть глаза читателя, напоминая ему о том, что состояние природы и нашей морали было критическое.

Возвращаясь к Матере, отмечу отрывок, где рассказывается о Домовом (или Виле?) и метапсихозе, — это обязательно мифологизм. А лиственница, Царь

Всех Сосен и все, что с ней связано — по-моему, сказочные мотивы, но все-таки остатки какого-то мифоса. Лиственница — чудо-дерево, дерево жизни. Лиственница имеет волшебную силу. Дарья, ходя по селу, невольно останавливается под деревом и черпает силу для дальнейшей «борьбы», и члены этой «славной» бригады не смогут уничтожить ее ни пилой, ни бензином, ни огнем. Я читал о том, что в якутских мифосах в центре пустого поля или луга стоит огромное дерево, царь всех деревьев. Если стадо, зверь пьют из его жидкости — они превращаются в сильные, насытые, молодые. Мифос долганов, якутов, татаров на такую тему оправдают Вас.

Ваши произведения я читал в венгерском переводе, Матеру второй раз на русском языке читаю. Желая Вам крепкого здоровья, дальнейших успехов, жму вашу руку.

С уважением к Вам:

Дежьё Надь
Дъёр,
1988 г.

Здравствуйте, Валентин Григорьевич!

Разрешите поздравить Вас с присвоением высокой заслуженной награды Родины — звания Героя Социалистического Труда.

Я, твой земляк, однокашник, не завидую, а просто горжусь тем, что из недр сибирской земли, простого народа вырос колос, который своим обильным урожаем прославился не только на всю сибирскую землю, но и на всю Советскую Родину.

Я постоянно следил за твоим творчеством, не пропускал ни одного выступления, высказывания, читал вышедшие в свет повести и рассказы и всегда, беседуя с друзьями, товарищами, вспоминал трудные годы учебы на земле Усть-Удинской.

А теперь коротко о себе.

Я, Константинов Геннадий Тимофеевич, родился и жил в д. Михайловщине, в 30 км от старой Усть-Уды, вверх по Ангаре, где сейчас находится новая Усть-Уда,

а новая д. Михайловщина находится на противоположной стороне залива, где раньше протекала речка Каткон, которая имела зеркальную воду, разную рыбу, дичь, зверьков, а на берегах ее в изобилии росла смородина, кислица! Речка эта впадала в Ангару, устье ее летом разливалось и служило постоянным местом купания ребятишек.

Я позволю с разрешения Вас называть просто Валентином и на «ты».

Валентин!

Я к вашему классу присоединился в 1953 году в сентябре месяце, то есть с началом учебного года, а до этого учился с классом, где учились: Сергей Калашников, Кеша Пышенко и др. и вынужден был прервать учебу в январе 1953 года по болезни, а в сентябре месяце присоединиться к вашему классу и вместе с вами закончить 10-й класс в 1954 году.

Если ты посмотришь на выпускную фотографию 10-го кл., я стою в верхнем ряду вместе с Сашей Бердниковым, Толей Толстоуховым.

Детство у меня, как у всех нас, довоенного образца, было трудное. В 1943 году на Ленинградском фронте погиб отец, затем заболела мать, умерла. Воспитывались мы с сестрой у деда, Наговицина Сергея Маркеловича, которого знал весь район, все называли его «конским лекарем».

Трудные были годы учебы, продукты питания приходилось доставлять за 30 км на своих плечах, правда, иногда председатель выделял нам лошадь потому, что мы каждое лето, начиная с июня и до сентября, трудились на колхозных полях. Продуктов хватало до пятницы, а в субботу после занятий совершали марш пешим порядком домой, как правило, с половины пути прихватывала нас ночь, сибирский мороз зимой, вой волков, усталость, пустой желудок, но ничего не останавливало на пути к цели.

В 24.00 приходили домой, помывшись в бане, на завтра — воскресенье, набрав продуктов, снова в путь. И так пять лет, еженедельно.

Жили мы в интернате, за мостом через р. Уда, ты помнишь, сам ходил каждый день через этот мост.

Пищу готовили сами на печке с тремя конфорками, займешь очередь, а сам готовишь уроки.

Итак, в 1954 году закончил 10 классов, без троек. Встал вопрос. Куда пойти учиться? В институт? Кто бу-

дет помогать материально? Дед с бабкой? Они старые, уже не работали.

И мы с Толей Толстоуховым поступили в Благовещенское училище, которое мы закончили успешно в 1957 году и поехали служить в разные концы страны. Служба проходила в разных уголках страны: Приморье, Хабаровск, Москва, академия имени М. В. Фрунзе, Толя в это время учился в химической академии, затем служба в ГДР, ЧССР, Белоруссия и снова Приморье. Прошел путь по службе от курсанта до командира полка, зам. начальника отдела боевой подготовки корпуса и все в боевых (строевых) частях полного состава, участвовал в 1968 году в чехословацких событиях. В 1985 году случилось ЧП: я написал рапорт и в возрасте 50 лет ушел в запас. За время службы сменил место службы 13 раз, а один переезд равнозначен двум пожарам. Поселился на постоянное, так сказать, место доживания в г. Владивостоке, став пенсионером в звании полковника.

Получил квартиру, приобрел наконец-то постоянную мебель, имею дачу, хожу на рыбалку, хотя и у нас запретили рыбачить потому, что загадили уже Амурский залив и потравили рыбу, что делается, все уничтожили, все отравили, ни рыбы, ни дичи. Продолжаю работать, сидеть скучно. Преподаю на кафедре гражданской обороны в Технологическом институте. Имею сына Владимира 29 лет, работает в Дальневосточном морском пароходстве, ходит в заграничные плавания, участвовал в спасении «Михаила Сомова», награжден орденом «Знак Почета». Дочь замужем, проживает в г. Комсомольске, год назад стал дедом. Вот так, Валентин, жизнь промелькнула быстро.

Деда с бабкой похоронил в 60-е годы. Из близких родных осталась сестра Аля, которая живет в г. Иркутске по ул. Ленская, под фамилией Полынцева, имеет двух дочерей.

Извини, Валентин, что так подробно, хочется душу излить. Твой путь тоже был тернистый, не гладкий, да всего, наверно, поколения 30-х годов.

Последний раз был в родных краях в 1979 году. Честно признаться, Валентин, когда читаю твою повесть «Прощание с Матерой», неприятный осадок остается на сердце, насколько эта повесть является жизненной и отражает действительность, реальность.

Последний клочок земли детства, где родился, бе-

гал по тропинкам, ловил рыбу, зайцев, где мылся в бане по-черному на крутом ангарском яру, таскал холодную ангарскую воду для полива огорода, где в праздничные дни под гармошку и песни девчат выезжали на лодках на острова и среди цветов, замечательной природы — веселились. И не верится, как все это могло оказаться под водой. Все богатства Ангары и прилегающей местности — погибли, а вместе с этим ужесточились и очерствели люди. Не хочется ехать в деревню, где люди неразговорчивы, замкнуты, спившиеся; кругом слезы, причитания, люди покидают свои дома, уезжают, остаются те, кто по своей старости не может двинуться с места.

Вместе с Ангарой ушла и радость людей. Что значит сдвинуть с родного места. Порою перед сном отдаешься воспоминаниям, каждая тропинка, каждый бугорок всплывает в памяти.

Мы благодарны за то, что ты, наш земляк, однокашник, прославляешь свой родной край, своих земляков, выкорчевываешь негативные явления в жизни, в людях, защищаешь сибирскую природу, особенно озеро Байкал. Так держать, Валентин. Потомки тебе будут благодарны.

Желаю тебе крепкого здоровья, новых творческих успехов и надеемся, что ты порадуешь нас новыми творческими успехами.

Теплый привет твоей семье, родным, низкий поклон землякам. Ждем тебя в г. Владивостоке. Все тебя знают и любят, книги твои достать невозможно. Вот я не могу достать «Пожар». Что делать? Извини, пожалуйста, за долгую писанину. Крепко обнимаю.

Твой земляк, однокашник

Геннадий Константинов.

7.7.87 г.

Уважаемый Валентин Григорьевич!

Вы тысячу раз правы, говоря о сильной привязанности людей к Сибири, без нее трудно обрести покой в любом другом даже самом благодатном месте.

Так случилось и со мной.

Из своих трех десятков прожитых лет почти десять живу на Кубани, вроде и привыкнуть пора, но тянет и тянет в Сибирь, домой. Теперешнее местожительство почему-то никак не вмещается в понятие «дом», «домой». Сибирские сибиряки редко осознают счастье жить в Сибири, но стоит оторваться, как вся сибирская жизнь представляется легендарным Беловодьем.

Все написанное о Сибири мне так близко, ближе некуда: моя бабушка, наверное, была из числа последних подвижников города Великого Устюга, отправившихся покорять Сибирь. Я никогда не могла понять, какая сила заставила ее отправиться в неведомый край в 1937 году. Совершенно неграмотная русская крестьянка, одна с двумя маленькими дочками (одна из них моя мама), имея при себе какие-то гроши за проданную избушку, поехала зачем-то в Сибирь. Вместе с такой же, как она, вдовой-подругой. Что влекло в Сибирь жителей Великого Устюга? Может быть, зов предков? Пока бабушка была жива и здорова, я была без толка, когда я одумалась, бабушки не стало, не у кого повыспросить.

Знаю только одно: бабушка никогда не жалела о своем переселении, никогда не собиралась вернуться в Великий Устюг и считала себя сибирячкой. Из детства помню, как она ездила в «Расею» (она тоже так звала европейскую часть страны), привезла оттуда настоящие лапти, которые примеряла вся сибирская деревня, а потом плясала в них на деревенских свадьбах. Когда мне было десять лет, мама возила меня в Великий Устюг к родственникам, и теперь давнее детское путешествие представляется видением из русской сказки. В Великом Устюге так много церквей, больше сорока, что куда ни кинь взгляд, всюду на фоне голубого неба торчат всевозможные маковки.

И выпускают там не только гармоники, два года назад мама привозила оттуда вологодскую кружевную салфетку и очень красивые шкатулки, выполненные резьбой по бересте. Этот старинный народный промысел теперь там тоже возрождается.

Мне так приятен Ваш разговор о городе Великом Устюге и так понятен призыв воздать ему должное почтение на великих просторах Сибири! Великий Устюг заслуживает того более всех других русских городов.

А мой дед по отцовской линии происходил из семьи алтайских староверов, бабушка называла их «чашника-

ми». У них была такая чистота и порядок, просто любо посмотреть, рассказывала бабушка. Как Вы и отмечаете, староверы эти тоже были очень хозяйственные и блюли нравственность. У каждого была своя посуда: ложка, чашка, кружка, не дай бог, взять чужую, сразу наложат епитимью, будешь долго замаливать грехи.

Как все это интересно, и как мало мы знаем о своем происхождении!

Много существует всяких историй, но доступную всем историю Сибири почему-то никак не напишут. Очевидно, еще и поэтому почти для всех живущих по западную сторону Урала Сибирь доселе остается неведомым, глухим и непонятным краем. Но как прекрасна и достойна глубокого уважения преданность настоящих сибиряков Сибири. И кто сказал, будто там холодно и неуютно! Там тепло, и это тепло часто обогревает меня здесь, на юге, сыром и дождливом. Когда всю южную зиму видишь заплаканные окна, вся душа несется на покрытые белой пушистой шубой сибирские просторы в мой город Томск, любимый так же Вами Иркутск. Мысленно проходишь по томским аллейкам из вековых сосен, забредаешь в старую часть улицы Красноармейской и подолгу стоишь, любуясь затейливыми кружевами деревянных теремов. Не знаю, какие терема есть в Иркутске, но есть в Томске такой теремок, кажется, краше не сыскать на свете. Так и хочется, чтобы из его окошка выглянула русская красавица с картины Ильи Глазунова.

Вы пишете: «Сильно изменился теперешний Сибиряк. Но он все еще сибиряк, и тем сильнее он тоскует о потерянных своих качествах...» Конечно, это так, и, конечно, очень жаль утраченного. Люди поколения Василия Шукшина, наверное, есть последние, обладающие этими самыми качествами настоящих сибиряков, каким был, несомненно, сам Шукшин: открытый и легко ранимый, упрямый и талантливый, надежный и великодушный. Не знаю, как кому, но на мой взгляд читателя именно в Шукшине и во всем его творчестве ощущается так высокочтимая Чеховым «нервность».

Мое родившееся после войны поколение вроде и не так далеко ушло от поколения В. Шукшина, но оно совсем другое. Вот и в литературе его обвиняют за инертность и пассивность, не может оно выдвинуть заметную личность ни в прозе, ни в поэзии. Ему только мешают да за все ругают. Наверное, правильно делают. Но мы

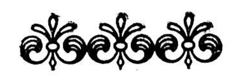
все одинаковые, как инкубаторские цыплята, выросли в достатке, ходили в один детский сад, в один день и час «проходили» в школе одни и те же книжки. Где взять индивидуальность? Наверное, надо учиться работать как наши бабушки-крестьянки, быть такими же рисковыми и мужественными. Не знаю...

Желаю Вам удач в творческих поисках, еще раз благодарю за нашу Сибирь, посетившую меня на Таманском п-ве дуновением Ваших теплых, искренних строчек.

С глубоким уважением,

Лидия Ретивская, Ваш читатель.

1984 г.



Глубокоуважаемый Валентин Григорьевич!

Пишу, не надеясь, что мое письмо дойдет до Вас. Обращаюсь к Вам, как к депутату и русскому писателю. Меня очень беспокоит судьба России, судьба нашего народа. Началась вторая сессия. Я очень надеюсь, что будет поднят вопрос о суверенитете России, о создании в ней правительства, то есть вопрос о возрождении русской или российской государственности. Страну растаскивают на куски, идет распад, рано или поздно то, что создавалось веками, распадется. Не знаю, что это — злой умысел или наступательный ход истории. Пусть разбираются специалисты. Нас лишили истории, национальной культуры, при нашем попустительстве разрушили наши святыни. Я живу в другой республике и вижу возрождение национального самосознания других наций. Во главе идет интеллигенция. Действует напористо, иногда нагло. Почему же у нас этого нет? О каком возрождении может идти речь, если нет правительства, способного защищать интересы своего народа? Да они растащут последнее по своим национальным квартирам! Правительство СССР обеспокоено сохранением существующих границ и все будет делать, что бы они не распались. Следовательно, будет создаваться климат благоприятствования для дальнейшего развития др. республик. Будут уступки, большая часть общегосудар-

ственного пирога за счет России. Поставить все республики в равное положение может только наличие правительства в РСФСР.

Скажите, пожалуйста, почему не поднимается и не решается этот вопрос?..

Кто правит сейчас страной? Что происходит сейчас в ней? Я не консерватор, нет. Мне претит любое насилие над волей человека. Но иногда кажется, что нынешняя «демократия» для того и введена, чтобы развалить страну. Я не боюсь за то, что от нас отсоединятся сателлиты. Чем быстрее, тем лучше для нашего многострадального народа. Я боюсь, что многие ведут хитрую игру и, высосав Россию, бросят ее ослабленной и беспомощной.

Вот поэтому умоляю Вас и Ваших единомышленников бороться за создание правительства. Все отговорки, все объяснения ничего не стоят: это всего лишь страх потерять единоличную власть. Знаю, что многие представители других республик будут против, так как это укрепит Россию. Боже, спаси Россию!

Уважаемый Валентин Григорьевич, я не указываю своего адреса. Я с надеждой жду ответа действенного. Я простой русский человек, каждой клеточкой любящий Россию. У меня так болит за нее душа... Если бы я что-то могла для нее сделать!

С уважением и надеждой,

Нина Ивановна.

Здравствуйте, уважаемый Валентин Григорьевич!

Пишет Вам обыкновенный советский человек 68 лет от роду, ветеран войны и труда. В свое время был советским «хунвейбином», жег книги Есенина, иконы, евангелия, плакал со всеми во время похорон Сталина, делал одно, говорил совсем другое, то есть был типичным порождением эпохи Сталина. Верил, что писалось в газетах в 30-е годы о вредителях, врагах народа, коллективизации и т. д. Больше половины жизни мечтал наесться досыта.

Сейчас уже более 12 лет на пенсии, но продолжаю

работать. Работаю плотником в «Спортлото», так как не могу сидеть без дела, да и сознаю, что на 80 руб. не так-то легко можно найти непьющего рабочего, хотя более 25 лет работал гл. бухгалтером судоремонтного завода и на других отв. должностях.

Правду нашей жизни не знал до 55-го или 56-го года, когда т. Хрущев Н. С. разоблачил культ Сталина.

А потом, в 64-м году, на одном из собраний ветеранов войны и начальников цехов и отделов узнал, как происходил допрос и признания «врагов народа». Рассказал нам об этом бывший начальник инженерной службы Северного флота полковник Монржицкий, который был арестован в 1938 году вместе с командующим Северным флотом адмиралом Душеновым Константином Ивановичем и другими флотскими специалистами.

При допросах их избивали ремнями с флотскими бляхами, кулаками. Особенно зверствовали над Душеновым, которого однажды бросили в их подвал еле живого с отбитыми почками и легкими. Он харкал кровью и, отдышавшись, сказал, что он взял на себя все предъявляемые ему обвинения и, может, кто вырвется живым отсюда, то должен добраться до Сталина и рассказать ему обо всех творимых злодеяниях.

Значит, подобное творилось со всеми военными, партийными и советскими руководителями, истинными коммунистами-ленинцами, цветом и гордостью партии большевиков.

Если бы у меня был дар писателя, я написал бы книгу «Без права переписки», где воссоздал бы правду о героических и ужасных 30-х годах. Я могу как-то понять фашистских извергов, издевавшихся над нашими людьми, — немцы не считали нас за полноценных людей, их так воспитал Гитлер. Я помню, как весной 1943 года под Миллерово мне привели одного эсэсовца, так он на мои вопросы с ненавистью сказал: «Нихт заче руссишен швайн». Вот так. И когда я его вывел на огород, он обернулся и сказал: «шлессен», то есть стреляй. Этот был понятен. А как понять коммуниста, который избивал до полусмерти другого человека только за то, что тот говорил: «Я коммунист». Как же должно поступить с такими «коммунистами»? А они ведь еще живут среди нас. И пенсии, наверное, получают, и мемуары пишут. А ведь место им на виселице. Ведь нельзя же их простить только потому, что им приказывали сверху. Должно же быть возмездие, хоть и запоздалое.

А ведь жертвы сталинского террора уже забыты. Где хоть письменный памятник о рыцарях большевизма? Нет таких книг. Я спрашивал в нашей районной и областной библиотеках хоть что-нибудь о жертвах культа Сталина. Ничего нет. Не держат даже то немногое, что было издано.

Как Вы, молодой талантливый писатель, смотрите на этот вопрос? Может, когда-нибудь, с кем-нибудь возникал у Вас разговор о жертвах 1937—1939 годов? Ведь сейчас могут печатать правду о злодеяниях Сталина. А материал нужно собирать уже сейчас. Через несколько лет уже будет поздно. Да и сейчас еще в живых есть единицы из числа жертв и палачей.

Надеюсь получить от Вас ответ.

С уважением к Вам, Больжак Павел Иосифович.

г. Мурманск,

1987 г.

Дорогой Валентин Григорьевич!

Зная Вас как прогрессивного, талантливого писателя-гуманиста и зная, что Вы и теперь живете где-то в сельской местности и жизнь сельского труженика Вам близка и дорога, я хочу кратенько описать Вам судьбу своей деревни.

Жители деревни Силивоновка Жлобинского района Гомельской области, где я родился и жил до 17 лет, как, видимо, и большинство крестьян в России работали семьями от зари до зари. Все силы, все мысли были заняты одним: как прокормить скотину и детей, куда направиться на зиму на заработки, как сэкономить копейку, чтобы прикупить землицы. Никого они не эксплуатировали (эксплуатировали только их). Никакого вреда никакой власти они не причиняли. Испокон веков эти темные, забитые мужики гнули спину в холоде и голоде, поставляя государству хлеб и масло, лен и мясо, пеньку и лес, здоровую дешевую рабочую силу и солдата для защиты Отечества и расширения влияния в мире матушки-Руси. Были между отдельными семьями, а также внутрисемейные распри, но все в конце концов ула-

живалось. Все крестьяне особенно нетерпимо относились к вору и презрительно к пьянице. Такие крайне редкие типы подвергались всеобщему осуждению. Особого подъема достигло хозяйство моего отца, да, видимо, и всего крестьянства страны в период нэпа.

На протяжении 8 лет сельское хозяйство России разорялось, сжигалось, грабилось, изымалось на содержание войск и всевозможных банд (с 1914 по 1922 год).

Проблема снабжения городов и сел продовольствием была решена В. И. Лениным без каких-либо существенных дотаций и помощи со стороны государства, в течение 2—3 лет при помощи нэпа.

Но вот пришел 1929 год.

Колхоз или Колыма, заявили на собрании.

Нелегко было крестьянину, с таким тяжелым трудом нажившему свое хозяйство, отдать все. Если о нашем же благе они так пекутся, почему же в районе не организовать опытный колхоз в одной-двух деревнях, чтобы люди посмотрели, убедились и сами добровольно пошли в колхоз?

«Зачем пистолеты? Зачем насилие?» — говорили мужики. Но актив от слов сразу же приступил к делу. 3 или 4 хозяйства были отнесены к кулацким, немедленно раскулачены и семьи сосланы. Но это были только цветки. Потом взялись за подкулачников и их подпевал (крестьян середняков и бедняков, не поступивших в колхоз). Председателем колхоза с района прислали Целикова Е. И. Как позднее стало известно, он был настоящим кулаком и в актив попал благодаря своей изворотливости. Начал с того, что ночью поджег свою мельницу, а когда после этой «операции» он еще не вошел в доверие к властям, вторым его шагом было сообщение в район о скрытии зерна своим тестем. Этим доносом-выстрелом сразу убил двух зайцев: вошел в доверие к местным властям и расплатился с тестем, который якобы плохо его отделил (дал малую часть в приданое дочери). Видимо, на почве семейных споров жена с детьми в нашу деревню не поехала, и Целиков организовал местный гарем. Пригласил к себе двух незамужних девушек-сирот Галю и Клаву Вераспук, подобрал покладистых жен из местных жителей для председателя сельсовета Кириченко, предварительно выслав мужей, как подпевал, и пошли покойники.

Постепенно конфискуя все движимое и недвижимое, в том числе и лучшую одежду и обувь, разоряя один

дом за другим, каждый вечер устраивая пьяные оргии, актив расправлялся с очередной жертвой, горланя песню: «Весело было нам, как делили пополам» и т. д.!

Карьеризм, зависть, шкурничество, совместные попойки и разбазаривание колхозного добра сплотило актив. Пропивали все — хлеб, сено, скот, лес и людей. Продажничество и шкурничество, подхалимство и страх приняли такой размах, что сосед, стараясь выжить, приспосабливался к активу и продавал другого, сын — отца. К началу войны уже $^{1}/_{3}$ населения деревни (мужчин) было сослано, из них 18 безграмотных мужиков забрали ночью в начале сентября 1937 года как «врагов народа», в том числе и моего отца — безграмотного старика колхозника. Благодаря бдительности патриотов контрреволюция была своевременно разгромлена. Какие статьи, в чем обвинялись эти невинные люди, никто не знает. Все делалось без суда, без следствия. Теперь они реабилитированы (отец реабилитирован в 1965 г.), но каково было их семьям? Детям не разрешали ходить по «священной колхозной земле». Нужда, голод, холод, оскорбления и унижения подстерегали их всюду.

И когда после XX съезда нашей партии власти прекратили их условно преследовать, к этому времени у них было отнято и детство и здоровье. Повседневно, а вернее ночью (работа и учеба отвлекали их) просыпались и вскакивали они, сознавая всю чудовищную несправедливость, задавая один и тот же вопрос: «За что?», «За что отца — честного труженика, за что братьев?.. За что такая жестокость и несправедливость?»

Разные мысли и вопросы лезли в голову: да разве жуликов и проходимцев в России больше, что они взяли верх, чем честных людей? Да разве русские люди так дешево стоят, что их можно морить, как мух?

Неужели к этому времени относится стихотворение М. Ю. Лермонтова «Предсказание»? Припомнилось и другое стихотворение этого гениального русского поэта, «Дума» — печально я гляжу на наше поколенье!.. К добру и злу постыдно равнодушны... И т. д. Сравнивал я мужика и с лошадью, не той выездной, которую чистят и холят, а с ломовой, на которой пашут, и то добрый хозяин кормил ее, чтобы она лучше тянула. А в тот период у крестьянина запросы были скромные: был бы хлеб да соль на столе, но и этого он был лишен. Отец, например, выработав 700—900 трудодней, при-

носил домой осенью годовой расчет 20—30 кг зерновых отходов.

Да если так пойдет и дальше, думал я, то овцы, караси и журавли совсем переведутся и останутся только люди-волки, акулы, скорпионы. И кого же они дальше будут пожирать? В то время мне казалось, что все лучшее, все честное загнано в концлагеря, все, кому небезразлична была судьба России.

Тот, кого не успели схватить ночью на стройки пятилеток, стал правдами, а больше неправдами покидать колхоз. Чтобы запастись справкой от отпуске из колхоза, требовалось в течение 2—3 месяцев каждый день спаивать Целикова до изрычания. Когда пропивать уже стало нечего, большинство активистов тоже расползлось кто куда. Постепенно, но уверенно стали перевозить дома или забивать окна.

Когда в середине пятидесятых годов я ездил в свою деревню, то она уже больше походила на забытые богом и людьми хутора с доживающими свой век стариками, школа, где еще в начале 30-х годов училось до 130 учеников, закрыта по ненадобности. Актив потрудился не жалея живота. Вообще наши 2—4 активиста-проходимца за короткое время могут сотворить такое «чудо», «наломать таких дров», «заварить такую кашу», что 100 умных за 100 лет не разберутся. Сколько хозяйств разорено, сколько семей искалечено, сколько слез пролито? А как бы эти люди, их дети и внуки пригодились и во время войны, и в послевоенный восстановительный период, и сегодня, когда земля еще так много рабочих рук просит.

Считаю, что разорение сельского хозяйства — тот материальный и моральный урон, который причинен ему в тридцатые годы, когда крестьянина искусственно оторвали от земли, за которую он так крепко держался, в которую он, казалось, врос навечно, когда у него был большой праздник, если каким-то образом он достанет к обеду хлеб насущный, когда нашего хлебопашца зовут «колхозник», применяя это слово в нарицательном, пренебрежительно-осмотрительном смысле. Считаю, что тот вред в значительной мере сказывается и сегодня, когда государство вынуждено вкладывать в сельское хозяйство большие средства и нести огромные убытки. Так, только в 1975 году убытки государства составили 19 млрд. руб. (разница между розничной ценой в магазинах и суммарными затратами государства на закуп-

ку, переработку и реализацию только мясо-молочной продукции) (Из интервью пред. Гос. комитета цен Н. Глушкова корр. ТАСС). Однако должной отдачи от сельского хозяйства пока нет. Бочка оказалась без дна.

Много труда было приложено, чтобы сорвать крестьянина, земли. Но вот начало сделано, и это движение подобно кому снега, сползая с горы, набирая все больше сил, увеличиваясь вглубь и вширь, ускоряя свой бег, готово превратиться в огромную лавину, все заваливая, принося новые тяготы и жертвы для нашего многострадального народа.

Я думаю, что ни один враг Советской власти не причинил нашей Родине, нашему социалистическому строю большего вреда и так скомпрометировал этот строй, как это сделали «патриоты» своими преступлениями, перегибами, произволом, цинизмом, жестокостью, исполнением ленинских заветов.

Дорогой Валентин Григорьевич!

Я читал на одном дыхании Вашу повесть «Живи и помни». Давно я уже не читал ничего подобного. Она напомнила мне «Отверженных» Гюго, «Кавказского пленника» Л. Н. Толстого. Когда в детстве я читал эти вещи, комок подступал к горлу, и я забегал в темный угол подальше от посторонних глаз и долго рыдал. Еще больше близка, дорога и понятна мне Ваша повесть «Прощание с Матерой», которую я сейчас читаю. Как все метко, правдиво, искренне подмечено. С каким знанием людей, их характеров и чувств, как емко описано. 7 февраля с. г. по телевидению видел и премьеру фильма-спектакля Омского драмтеатра «Последний срок» по Вашему роману. Во всех Ваших произведениях чувствуется не только рука Великого мастера, но и Великая душа Великого гуманиста! А в этих людях так нуждается Земля Русская. «Хватит нам поэтов, но надо нам граждан», — писал наш народный поэт Некрасов Н. А. Конечно, нелегок был их жизненный путь, тяжел и тернист среди проходимцев России. Эти ловкачи не останавливались перед клеветой и травлей лучших людей России. Но кому-то надо нести этот крест и сеять доброе, вечное, славное.

Большое Вам спасибо за Ваш благородный труд. Вы внесли добрую струю свежего воздуха в нашу литературу.

Поэтому, Валентин Григорьевич, я и решил поде-

литься с Вами своими мыслями и кратенько описать историю своей деревни.

Если Вы проявите интерес, я очень хотел бы Вам описать более подробно и о своей деревне и биографию родителей, семьи. Возможно, Вы используете это в своей работе или предложите кому-либо на свое усмотрение.

Трагедия нашей деревушки, этой «Хатыни 30-х годов», я считаю, во многом объяснит причину отставания нашего сельского хозяйства, и каким образом крестьянина оторвали от земли. Может послужить сюжетом для повести, подобно тому, как террорист Нечаев послужил прообразом героя повести Ф. Достоевского «Бесы».

Не знаю, насколько эта тема своевременна, но думаю, что рано или поздно, а к ней писатели возвратятся. Сама жизнь заставит прибегнуть к этой теме.

Я понимаю, что сложно, тяжело бороться с косностью, консерватизмом, недостатками, злом, но я считаю, что писатель сегодня самый честный, самый прогрессивный, самый понимающий, самый болеющий за судьбу своей Родины человек и самый мужественный гражданин-боец.

Мне очень понравились слова Святослава Рериха, которые он сказал нашему поэту Валентину Сидорову при прощании: «Старайтесь всегда идти верхним путем. Когда будет трудно, вспоминайте слова Николая Константиновича: «чем выше идеал, тем больше псов его облаивает» (журнал «Москва» № 8 за 1982 г.).

Если Вы, Валентин Григорьевич, не читали повесть «Семь дней в Гималаях», то советую прочесть.

У меня еще больше укрепилась вера, что великий индийский народ не только один из древних культурных народов, но и сегодня является одним из самых мудрых, добрых, миролюбивых и дружественных нам народов мира.

Хорошо бы нам перенять их доброжелательность и сердечность.

О себе.

Родился в 1927 году, белорус, образование среднетехническое, работаю инженером в речном порту г. Бобруйска. Жена, двое детей, внуки, но... все больные.

Был бы очень рад получить от Вас открыточку, хотя бы пару слов.

Римарев Николай Асонович

Да, могу еще добавить, что в нашей деревне с 1930 года и по сегодня не было еще саботажа, диверсий, поджогов или других паник либо антисоветских актов и поступков, которые могли бы послужить основанием для произвола и насилия со стороны местных властей.

г. Бобруйск,
1983 г.

Здравствуйте, уважаемый т. Распутин.

Я страшно переживаю за сегодняшний плюрализм нравственности. Так уж у нас водится в стране — сначала насаждаем дурное, потом с ним боремся. Уж слишком часто стали кивать на запад, забывая про свои народные корни, топча духовно-нравственные его устои.

Кажется, в кинематографе правит дьявол!!!

На первый план всегда ставится «кассовость» фильма, забывая о главном назначении искусства: «Искусство должно воспитывать и нести культуру в массы» (это не мои слова).

Сидят порой молодые режиссеры и разводят демагогию (извините за резкость), грубо, топорно врываясь в великие таинства природы человека и подминая под себя самое ценное, святое, неприкосновенное и все под видом плюрализма, насаждают самое непристойное, гадкое, постыдное.

Все поставлено средствами информации с ног на голову! Возвращаемся от цивилизации к первобытности человека. Хочется кричать: остановитесь! Помните, что вы в ответе перед обществом за воспитание грядущего поколения. Дорого обойдется обществу стремление кинематографа к кассовым фильмам. Да и народ не обманешь, поймет он скоро всю несостоятельность таких хваленых некоторыми фильмов, как «Маленькая Вера», «Воры в законе» и т. д.

Есть же у нас общепринятая нравственность, общепринятые законы. Судить надо таких «деятелей культуры» за развращение нашего молодого поколения. Переживаю за это страшное время всем сердцем, всей душой больше, чем за увеличение цен на некоторые товары в 6 раз.

Верю, надеюсь, жду, что Вы своим авторитетом сумеете отстоять свои позиции; нельзя позволять кинематографу и средствам информации так безжалостно ранить человеческие души.

Успехов Вам, доброго здоровья.

С искренним уважением,

В. Железникова.

Добрый день, Валентин Григорьевич!

Не буду объяснять Вам сразу: кто я? откуда? из каких побуждений? По ходу письма все это будет изложено.

Я изредка просматриваю газеты, журналы (изредка, потому что в них сейчас нагромождено столько противоречивого, что заблуждаюсь в выводах). И вот Ваша фамилия упоминается в прессе с теплой такой похвалой — Вы громко и настойчиво вступаетесь в защиту природы, всей окружающей среды. И не с целью сохранения всего естества для потомков, а именно ради здоровья людей — наших соотечественников.

Валентин Григорьевич! Вы, конечно, не в курсе об устройстве жизни в местах лишения свободы: в тюрьмах, лагерях. О жизни заключенных. Но согласитесь со мною, что в масштабах страны этот серый контингент исчисляется в сотнях тысяч. Немалый процент от всего населения, если учесть, что средний возраст всей серой публики примерно 28 лет.

И вот представьте себе, Валентин Григорьевич, осужденные несут два наказания:

1) лишены свободы, всех гражданских прав,

2) лишены нормального, людского *питания.*

Я подчеркнул последнее слово, потому что оно заглавное в жизни человека, в его здоровье. Каково наше пропитание, из чего состоит — я не стану рассказывать, назову лишь сумму суточного довольствия лица, лишенного свободы:

37 коп. — в тюрьме, 50 коп. — в зоне.

Мыслимо ли годами жить на такой скудный, постный паек?! Вдумайтесь, Валентин Григорьевич, внима-

тельно в самую суть факта: молодой, крепкий организм методически неумолимо изнашивается. Необратимо и... на законном основании. Я сам не случайно заинтересовался этой темой. Мне 47 лет. Многие лета (около 20) прожил в душных, сырых камерах, в тесных барачных помещениях, старался обеспечить себе более-менее сносное пропитание. Потому что я тревожился за свое будущее, хотелось выйти на волю с непорушенным здоровьем. Я понимал: больной я сам себе буду не нужен! В свободные часы своей неволи я вдумывался и в свое прошлое, анализировал свои поступки и весь распорядок своей активной взрослой жизни. Я курил, любил выпить, угостить знакомых. И считал все эти привычки полезными в пределах нормы и порядочности. Ведь из глубины веков идут! Считал, что и табак, и алкоголь оказывают даже чисто лекарственное воздействие на организм.

Надо же уродиться мне с таким глупым мышлением! И вот тюрьма выправила мое мышление, научила грамоте жизни, эту грамоту не преподают даже в высшей школе. Я задумался над вопросом: сколько же человеку дано жить? В среднем.

Обратился к живой природе, к домашним животным. Например, лошадь. Взрослеет в 3 года, работает напряженно, живет 18—20 лет. Человек взрослеет в 18 лет. Работает, живет активно. Должен жить?..

Составим пропорцию: 3—18

18 — х, х = 108 лет.

Собака взрослеет в 2 года, сидит на цепи, порой голодает, живет примерно 12 лет: 2—12

18 — х, х = 108 лет.

Это приблизительно.

Во всяком случае, Валентин Григорьевич, человеку дано жить полноценно в среднем 100 лет! Но такого в жизни нет. Мало мы живем. Почти половину того, что нам отведено. Почему? Задумался я и над этим вопросом. И снова обратился к живой природе. И понял, что природа живет естественно, не отравляется табаком, алкоголем, нервными стрессами. Задумался я об этом 10 лет назад в Зиминской колонии строгого режима в камере штрафного изолятора, куда был водворен за попытку к побегу. Сразу же бросил курить!

И, окажись сейчас на воле, я не выпью ни капли вина — так хочется жить свое полноценно, в естественной радости, в силе. Жить долго, активно.

И в эти же прошедшие годы и в текущие дни я взираю на окружающую публику с сокрушением: до чего же темный еще наш народ! Они не понимают той грамоты, которую познал я, которую им разъясняю. Не понимают! А ведь совершенно очевидно, что очень и очень многие осужденные оставляют свое здоровье здесь. Туберкулез косит истощенные организмы незаметно и беспощадно. Несколько лет я отбывал срок в помещениях камерного типа на особом режиме. Там туберкулез загуливает вовсю. Целый этаж из 20 камер на 300 человек оказался тесным для больных — они непрерывно выявлялись.

И здесь, в ангарской зоне 272/2, полно тубиков. Молодые, им бы жить, радоваться, делать пользу себе, обществу. Но на уме у них теперь другое. Расскажу на факте.

Не так давно в один из будних дней я отобедал баланды в столовой и вернулся в цех, к своему верстаку. Кругом тишина, механизмы умолкли, народ притаился в теплых местах цеха, отдыхает.

Я тоже прилег на верстаке думку думать. И вот слышу — где-то рядом за штабелем деталей негромкий разговор. Я приподнялся, вытянув шею — увидел двух парней: сидят на поддонах, напротив друг друга и тихо беседуют о будущей жизни на воле. Мне все слышно. Оба они тубики, и на этой основе у них разговор. Один говорит: «Освобожусь, добьюсь путевки в туб. диспансер, подлечусь, а там, глядишь, буду добиваться разных льгот по жилью и работе». Другой тоже с ним согласен и, в свою очередь, высказывает надежду на то, что болезнь даже поможет им в жизни — дескать, есть чем милицию в блудную ввести, на крайний случай. Оба они не перешагнули еще 30-летний рубеж жизни. Здоровья нет. И уже не будет!

Они оставили его в тюрьме. И таких в зоне сплошь. А по Союзу? И что поразительно, Валентин Григорьевич, люди очень темные в жизненной грамоте. Учит их жизнь, учит — не доходит! Казалось бы, с возрастом человек должен быть мудрее, но, увы...

Моему знакомому бригаднику С. за пятьдесят. Сидит 11 лет. Как-то разговорились.

— У меня туберкулез, — с огорчением признался С., — год лечился в сан. городке, но все равно рецидив навсегда засел в легких.

— А где ты заболел? И когда? — поинтересовался я.

— Да здесь, в зоне, — вздохнул С., — пять лет назад. Работал тогда в тарном цехе, кругом сквозняки. Однажды помылся в горячем душе, вот — просквозило, после того и заболел...

С. настолько уверен в своем предположении, переубеждать его бесполезно.

А истина она вот, как на ладони. У С. истощился организм, в нежных тканях легких появились язвы-очаги, ТБЦ. Но не буду глубже вникать в эти болячки. Скажу откровенно, Валентин Григорьевич: не поголовно все осужденные живут на износ. Значительная часть выныривает из этой среды на волю невредимыми. Это матерые уголовники. Они живут здесь за счет других, лезут лакеями к администрации и многими другими способами упрощают себе эту суровую, жесткую жизнь.

Может быть, и я матерый. Но я умом-разумом своим нахожу наиболее оптимальные варианты существования.

О многом я могу рассказать в письме из этой колючей жизни. И в литературной форме, в сатире, юморе. Но кто услышит? Кто отзовется?

К Вам вот рискнул выйти наудачу со своим кратким сумбуром, изложенным здесь. И с предложением. Оно таково. Перестройка коснулась и уголовного законодательства. Некоторые статьи перестанут быть уголовно наказуемыми, а другие упростятся.

Но почему-то в самую сущность жизни заключенных наши ученые-правоведы не вникают.

Почему я должен питаться хуже свиньи?

Почему повседневная единая для всех форма моей одежды покроя х/б должна ставить меня в положение раба?

Такого быть не должно!

Нетрудно теперь досказать и мое желанное предложение в пользу защиты нашего здоровья и человеческого звания.

Валентин Григорьевич! Срок мой покатился на убыль. Конечно, остаются раны. Распорядок жизни суровый, жесткий. От нервных стрессов невозможно увильнуть. Они жалят прямо в сердце, утомляют бессонницей. Но ничего, надо вынести и это.

Завтра посылаю Вам это письмо. Знаю — у Вас и без меня переписки целый ворох, но все равно буду

ждать хорошего слова — уж так хочется, чтобы меня кто-нибудь понял!

Желаю Вам, Валентин Григорьевич, здоровья, творческого интереса.

И Вашей семье,

с уважением к Вам — В. П.

1988 г.

Здравствуйте, уважаемый Валентин Григорьевич!

Пишет Вам Людмила Сергеевна Тулумджян из Рязани. Я русская. Мой отец учился вместе с Есениным в Спас-Клепиках. А мама — москвичка, портниха, шила на Вел. Княгиню, была на I женской конференции, где с докладом выступал В. И. Ленин. Слушала Есенина и Маяковского. В общем, интересную жизнь прожила, хотя и очень трудную. И вот что интересно. Мама пережила царя, Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева, 1-ю мировую войну, революцию, гражданскую, 2-ю мировую, голод, смерть детей и т. д., но доброту, радость от жизни, какую-то всеобъемлющую любовь не растеряла, а, пожалуй, приумножила. Умерла она в возрасте 90 лет. Но никого никогда не обидела. Помню, как мы с ней (мне было 3—7 лет) были в эвакуации в рязанской деревне. Наступала осень, все выкапывали картошку, которую всю до единой выгребали — надо, война. И вот начали к нам идти бабы: «Тетя Настя, зарой в ямку мне картошки во дворе у себя. У тебя ведь искать не будут!» И мама зарывала и Мавруше, и Ульяне, и Усте, и всем, кто ни просил. А весной все наоборот, «Тетя Настя, я свою картошку отрою?!» — «Рой, да только Маврушкину картошку не вырой». А ведь это каралось и очень строго. Еще мама гадала на картах. И все каждый вечер приходили к нам Маши, Глаши, узнать судьбу своих мужей, отцов. И всем выходило — жив. А если выпадала плохая карта, то она сейчас же перетасовывалась в колоде, и ей никак не разрешалось лечь на стол.

А все темные вечера мама молилась. Я тоже сейчас знаю несколько молитв. Это мамины. Она так горячо, с

такою верой, надеждой, любовью молилась, что и отец и брат (убежавший добровольцем на фронт) вернулись живы и почти невредимы. Как-то, когда я пошла учиться (а ведь бумаги совсем не было, да никаких шк. принадлежностей не было), мама съездила в Москву и привезла оттуда бумагу, карандаши, промокашки, чернила и позвала учителей и поровну на всех детей разделила. Помню, мне очень было обидно. Хотелось все себе оставить, а она сказала: «Люсенька, да как же тебе будет плохо и стыдно, если у тебя будет, а у других нет, такому человеку и на себя трудно смотреть, глаза не поднимутся». Так я и запомнила ее слова с детства. И еще одна черта ее, — не могла видеть, чтобы на улице свет днем горел или вода бежала из колонки, и не дай бог из крана. «Как же вы терпите! Позвоните. Сделают. Ведь это чей-то труд пропадает. Так нельзя». А когда нам телефон поставили, всех готова была звать звонить по телефону («Ведь с ним ничего не случится, а человеку позвонить надо!»). Или я болею воспалением легких, сижу на больничном, но уже по дому хожу, читаю, мелкие дела делаю, а мама... «Люся, как тебе не стыдно дома сидеть, иди же ты на работу, ты уже можешь, ведь тебя больные ждут (я врач), а ты здесь ерундой занимаешься!» И смех и грех с ней.

И вот что, Валентин Григорьевич, меня удивляет. Мама, конечно же, такая не одна была. У меня на памяти много таких старушек, и вот подросло наше с Вами поколение (мы с Вами одногодки), а затем и более молодое. Уже без войн, без революций, без голода и вшей, а что с людьми сделалось, с их душами. Сгнили все, как будто со словом «душа» ушла и сама душа.

Я работаю в мед. институте, преподаю терапию студентам. И вот наблюдаю, как богатеют люди и черствеют сердца. Сейчас к врачу редкий родственник придет узнать о самочувствии близкого, даже родителей вызывать приходится, если пациенту 15—20 лет. А ведь еще лет 15—20 назад мы уставали от приема родственников. Зато если что не так (а это, конечно, тоже бывает), то сразу и жалоба, и в суд, и везде. Вот тогда начинают заботиться. Не забуду случая, когда 2 дочери у постели только что умершей матери подрались из-за ее пенсии, да так, что она у них на пол свалилась. А пенсия была 60 руб. А серьги в ушах каждой мочки оттягивали, или помню, как старушка у нас лежала, такая симпатичная, светленькая вся какая-то. Лежала

3 месяца. Больше мы ее держать не могли. Надо было выписывать, а дочь-инженер не берет. Вдруг площадь стала мала, а вторая дочь в Москве (тоже врач!) тоже отказывалась, а сын в Краснодаре (генерал?) и слушать не хотел. Вот собрались мы ее переводить в дом для престарелых и инвалидов. Кто-то из сотрудников ей чистый платочек принес, кто яблочко, кто конфету. Снарядили и проводили, и она плачет, и мы все. Через неделю в богадельне она благополучно скончалась.

Это одна сторона дела.

Другая.

Хлебопашец сам скирды поджигает, с хлебом, крестьянин запахивает выращенную им картошку, а крестьянка спокойно слушает, как ревет голодная корова.

Что же это? Почему такая деградация?

Как же получается, что «человек» — начальник, зная, что вредит, рабочий — гонит заведомый брак, а человек искусства (например, Ульянов М. или Васильев — танцор) занимается варварством в искусстве.

Как вы думаете, Валентин Григорьевич, выживет ли «Наш современник», пожалуй, там квинтэссенция человечности и честности патриотизма? Что надо делать, чтобы его защитить? К кому обратиться? Поехать?

Я в Рязани не одна. Многие разделяют все, о чем я написала.

Очень хотели бы от Вас получить ответ.

Не сомневайтесь, пожалуйста, в моей искренности.

Пусть Вашим хранителем станет тот старый молитвенник, который я Вам подарила. Вы знаете, после того вечера ко мне подходили люди и благодарили от имени рязанцев за подарок Вам. Я их не знаю, но это бескорыстные и верные Ваши не поклонники, нет, а гораздо больше — Ваши единомышленники.

Вот и все. Конечно, не все, но мне и так стыдно за такое длинное и бестолковое письмо.

Если Вы ответите, будем очень рады, если нет — поймем.

До свидания. Привет от моей семьи и пожелания всего лучшего и, конечно, здоровья.

Тулумджян Л. С.
г. Рязань.

Здравствуйте, уважаемый Валентин Григорьевич!

Прочитала Вашу повесть «Живи и помни». Спасибо, хорошая повесть. Мне хочется, если позволите, высказать Вам мое несогласие с некоторыми фактами, мыслями, изложенными в вашей книге. Начну сразу с конца. Конец повести потрясающий. В жизни, наверное, так и было. (Я не думаю, что эта история была выдумана Вами.) Мне кажется, что Вы скопировали такой жизненный факт или похожий. А что сделали сами? Вы сфотографировали этот факт. Фотография хорошая. А Вам не захотелось додумать за героев? За Настену, например? Ну почему Настена должна погибнуть, а Гуськов нет? Не согласна я с таким концом. Не согласна. Настена не выполнила свой долг на земле. Она женщина. Она должна была родить сына и именно от Гуськова, и должна любить его так, как любила бы вернувшегося с войны Гуськова, окажись он героем.

Вот у Вас Михеич мудрым назван, а в чем он мудр? Только в том, что он догадался, что чужой ни топор, ни лыжи не возьмет? Что сын скрывается? Он же догадывался, что беременна Настена от мужа. Почему он позволил жить ей у чужих людей? Что? Не хватило мудрости взять за руку, привести в дом, цыкнуть на взбеленившуюся жену и убедить сноху, что единственно правильное решение — это рассказать свекру все? Не хватило. Ничего большего он не мог, как умереть, унося с собой свою мудрость. Жестоко рассуждаю? По-моему, нет. Ведь мудрость оттого и мудрость, что поступать нужно мудро, не только думать, а именно поступать, то есть мудрость должна быть в действии. А что толку от его мудрости? Я понимаю, что так и было в жизни, но Вы-то почему за Михеича не додумали? Цель Вашего-то труда, я думаю, не просто рассказать людям об этом случае, а научить людей уму-разуму, дать им этой повестью крупичку мудрости. А Вы разве дали? Вы растрогали читателя, это да. И представили право додумывать самим читателям за своих героев. Ну один правильно додумает, а другой нет. Или Вы рассчитываете на развитого, способного, в нравственном смысле созревшего читателя? А что делать читателю-середняку? Ведь сейчас какой, на мой взгляд, читатель? Читатель ищет в книгах ответы на мучившие его вопросы. И он станет сильнее духом, умнее, если найдет. А если читает, глотает книги одну за другой, а ответа все нет?

Согласитесь, тяжело такому читателю. Поэтому, простите за откровенность, я, конечно, не Белинский, не Добролюбов и даже не Астафьев, а всего-навсего никому не известная учительница литературы (поэтому, я думаю, мое мнение не будет значить ровно ничего, собственно, поэтому я Вам его и высказываю), но я считаю Вашу повесть несовершенной.

Я понимаю, повесть высоко оценена, награждена Государственной премией. Это все заслуженно. Труд стоит внимания и уважения. Прекрасен язык повести. Простой, читается легко. Вы, несомненно, большой мастер художественного слова. Но... Вы меня понимаете? Мне почему тяжело после Вашей повести? Потому что Ваши герои оказались в тупике и выхода не нашли. А ведь многие из нас, живущих, порой в такие тупики заходят, что голову сломаешь — не решишь: как быть? Так помогите же нам, читателям, не только находить выход из тупиков, но и... не заходить в тупики, а предвидеть их. Согласитесь, что это очень трудно. Если не возражаете, я капельку напишу о своих тупиках.

Вышла я замуж по любви. Любовь была взаимной. Счастливы были оба. Через полтора года муж заболевает страшною болезнью — шизофренией. Дочери было шесть месяцев. Что делать? Врачи говорят, болезнь неизлечимая. Родственники (кроме отца) в один голос: «Брось, ты у нас красавица, богом не обиженная, всем удалась. Подумаешь, ребенок один. Найдешь себе еще не такого мужа».

Отец советов не давал и не навязывал. Говорил: «Сама решай». Тупик? А мне всего 21 год. Взбунтовалось все у меня внутри: почему, откуда такая жестокая болезнь? Зачем она нам жить мешает? Возненавидела все болезни и решила: любовь болезнь переборет. Выписали Яшу из волгоградской психбольницы через четыре месяца. Выписали прежнего: веселого, внимательного, любящего.

Спрашиваю у врача: «Детей можно иметь от него?» Неопределенно пожимает плечами и неуверенно так отвечает: «Болезнь не врожденная, приобретенная, наверное, можно. От воспитания ведь зависит многое. Главное, чтоб он не пил». И посоветовал нам жить поблизости с его родными. Мы оставляем Волгоград и переезжаем к нему в г. Орск Оренбургской области.

Мы опять счастливы. Это длилось 10 лет. Яша никогда не пил (у них вообще семья непьющая). За это время закончили мы с ним пединститут, я — литфак,

он — физмат. Родила я еще дочь и сына. И вдруг болезнь вернулась. Вернулась через 10 лет. (Боже, как трудно писать о своей жизни!) Это было страшное время. На Урале я одна. Родных нет. Из-за большой занятости и друзей-то мало было. Друзья ведь тоже требуют времени. А у меня трое детей, да работа в школе, тетради, подготовка. А он в больнице. И опять тот же вопрос: вернут его к жизни или нет? Я себе жизни без него не мыслила, а он меня не узнавал даже. Бывало, каждую субботу на поезде 7 часов трясусь до Оренбурга, а потом 1,5 часа на автобусе, приеду к нему, а он и на свидание не выходит. Еду обратной дорогой, возьму купе, запрусь, включу радио на всю громкость, и в рев ударюсь; так реву, так вою, не хуже Вашего Гуськова, что самой страшно станет. Опомнюсь, успокаивать себя начинаю: да что ж я так, ведь дети у меня, ведь нужна я им и т. д. Дома за правило взяла: каждый вечер, перед тем, как лечь спать, письмо Яше. Кратко о мыслях, о детях и чувствах прожитого дня. Разумеется, все в оптимистическом духе. И получалось, что он единственный больной ежедневно получал письма. Все письма из дому читает лечащий врач (так положено). Выписали его через 9 месяцев. При выписке та самая врач, что советовала мне после двухмесячного лечения отказаться от него (не верила она в успех), говорила, улыбаясь: «Вы нам очень хорошо помогли. Его вылечили наши лекарства и ваши письма». И опять счастье. Жила взахлеб. Не было на земле счастливей меня. А через 2 года он опять заболел. И теперь через каждые год-полтора. А в 1975 году я впервые за свою жизнь поехала на курорт радикулит лечить. Неделю не добыла, страшно соскучилась, и он сильно тосковал. Вернулась, встретились. И я забеременела. Как быть? Материально всю жизнь трудно, так как он в силу своей болезни никогда не брал много часов, часто вертелись на одной моей зарплате. И самое главное: не будет ли ребенок больным? Яша ведь часто стал болеть, да и мне уже 37. Пошла к врачу. Врач наша участковая знала меня и мою семью давно, молча пишет направление на аборт. А медсестре обронила фразу: «Жалко, плод осенний, сильный». Иду по городу, слезы душат. Значит, нужно делать аборт, врач даже не спросила: буду я рожать или нет? Она знает, что муж болен. Пословицу вспомнила: «Каково семя — таково и племя». А я не хочу. Я люблю это состояние, когда знаешь, что в тебе ребе-

нок. Тогда все обыденное становится значимым. Я, например, не просто ем, а думаю: творог я ела, морковь нужно съесть, яблоки давно не ела, кажется, курочку хочу и т. д. Забочусь, чтобы всех витаминов хватило. И любовь-то к мужу становится другой. Каждую черточку его рассматриваю и рассуждаю: брови пусть будут мои, а вот глаза твои, и губы, и зубы, и фигура пусть будет твоя. И как бы сама создаю ребенка, как бы выкраиваю его внешность и даже характер.

И вот всего этого нужно лишиться. Как быть? Тупик? Тупик. Я когда третьего родила, мне мать родная из Волгограда в письме через строчку писала «дура». Значит, одобрения не жди. Думаю, что это я в последний раз чувствую себя по-настоящему женщиной. И так мне стало тоскливо, жалко и плод и себя, что пришла домой, говорю мужу: «Не разрешила врач аборт делать, говорит, опасно, матка изношенная, а ребеночек будет крепкий, плод осенний». А Яша мой всегда решал так, как решу я. Ну что ж, говорит, значит, будет Танечка. А 21 июня 1976 года появился у нас Данилушка. Так назвали в честь Яшиного отца Данил Данилыча, который, как говорят, был очень хороший человек и который погиб под Ленинградом.

Помню, как Яша в роддом прибегал и утром и вечером, как был рад, аж светился весь, все говорил: «Зинуш, это политическое событие, не меньше. Родиться под начало войны! Да имя ему дали участника войны. Это не иначе, как будет офицер!» А Данилушка — копия отца. Дома в нем все души не чают. А через два месяца Яша опять заболел. Сильно переживала, и однажды ночью прикладываю Данилушку к груди, а молока нет. Ужас! Вспомнила, что кормящей переживать нельзя, разозлилась на себя, а уж не вернешь. И стал он искусственником. Долго Яша лежал, около года. Но душой я терзалась меньше: все поглощал Данила. Сейчас ему два с половиной года. Мальчик отличный, лучик мой, солнышко мое, ненаглядушка, ненадышушка мой. А муж опять в больнице, с 3 декабря 1978 года. Тупики и сейчас жизнь ставит. Да, многовато я написала для первого письма о себе. Извините.

Зинаида Ивановна,
г. Новотроицк,
1979 г.

...Письмо это — плач по матушке. Вы вольны его не читать.

Говорят, что 40 дней — и легче станет. А идет уже 54-й день. И время как будто остановилось. И стала душить истерика. Может быть, напишу, и после разговора станет легче.

Но объясню, почему с Вами.

В то нормальное счастливое время я Распутина запоем не читала — такая безысходная почти тоска по порядочности, что тяжко читать большими порциями. Но в феврале Тэпэшечка моя заболела. Когда-то ей цыганка нагадала жить до 70 лет. А ей в марте 71 год было. Месяц-два мы самолечились. И где-то в марте, когда пошли у нее синяки по рукам и телу, и не могли мы сбить температуру, и ноги-руки заболели с судорогой, я однажды поняла, что это — ее последняя болезнь. Как-то бежала за холодцом для нее, первый рев, и вдруг мимо библиотеки. «Надо взять Распутина. Надо взять». Хорошо, что было «Живи и помни». Конечно, мне не стало легче, но... Как будто я не одна в отчаянии, как разделенное отчаянье.

А потом, когда она уже была в больнице у гематологов (какое безнадежное отделение, больные там — как тени, бледные, восковые. Я как выйду на улицу — мне все красными, налитыми казались кровью, а моя ТП была самая худющая и белая), так я ездила к ней каждый день, утром к 9 часам. Однажды не было автобуса, и я встала в очередь за газетами, чего со мной никогда не бывает. Мне и 3-х человек в очереди много. А тут человек 8, да еще и за газетами. А когда подошел автобус, я заволновалась — зачем стою? Вижу «Книжное обозрение» и давай просить очередь отпустить без очереди. Одну лишь газету. Влезла без очереди, купила. В автобусе удивлялась — зачем. Кроссворд для матушки? А на последней странице — «Торжественное шествие... в Новгородский кремль» — Крестный ход Распутина, как я обозвала это шествие. И мама сразу отметила, что уж очень невеселое у него выражение. И вот этот-то Распутин и остался на кухне. И сейчас вот передо мной. С того первого рева я, если не с мамой, то либо жую что-нибудь, либо плачу, если не жую. Сядешь, смотришь на эти ваши мешки под глазами, и одно лишь шевелится: «Зачем человек живет?» Пока ТП была со мной — было хоть немного понятно. А сейчас... И еще пока была здорова, чмокнешь ее, пристроишься рядом,

и, если ТВ или газета упомянут Распутина, вздохнем: «Если б сметь да уметь, послать бы ему вагончик нашего тепла, чтобы легче ему стало». Потом, правда, решили, что все равно разворуют, растащат или авария случится. И решили просто взять в дом. Толкнешь куда-нибудь ее, ткнешь — «Берем?» — «Берем».

Вот почему и пишу. Тяжко — подойдешь: «Ну что же делать мне, мой Распутин?» Почти как на икону — на газетный лист.

А писать-то все равно тяжко. Я люблю ее. Я знаю, что люблю. И медленно и ужасно доходит до меня, что все для нее кончено. Все. А меня мучает какая-то вина перед нею. Каждый день вечером я сажусь перед ее фотографией, виноватая, что я все еще живу. А Тэпэшечка моя была уверена, что умрем так сразу — вдвоем. Последние 3 месяца от болезни, лекарств и безнадежности она была психушечкой. И я вместе с ней. И как-то целый день гладила меня по голове (а я остриглась почти наголо, как в детстве): «На воздушном океане, без руля и без ветрил буду плавать я в тумане, дочь за чубчик ухватив». Погладит, посмеется, что я остриглась. Я оправдываюсь, что уж за руки лучше. А сама вот до сих пор здесь. И все мучает, что в эти три месяца она осталась как-то стремительно в одиночестве. Мы с ней разные. Я — в отцовскую породу. Здоровые — всегда посмеемся, что я все наоборот делаю. Выясним, что непонятно, и все о'кэй. А как психозы начались — я никак не могла уловить границу: где идти за ней, а где остановиться и что делать. Как плохо мне было, когда я в первый раз поняла, что ниточки связи рвутся. Мы приехали из больницы. Она сразу же обложилась книжками — что есть, чтобы вылечиться, все подчеркивала, страницы выписывала. На работу меня отпустила. И вдруг я приезжаю — она в истерике: «Ты убийца, ты спрятала точно такую же книгу, там все было...» И, почти без сил, вдруг заставила довести ее в другую комнату, и два часа я перебирала при ней книжные полки. И так и не нашли. И так и плакала всю ночь она, что я ее убить хочу, и я — не зная, как же ее успокоить. Мамочка родненькая моя.

Написала себе (и мне) инструкции, что варить, что куда ставить, сколько времени жевать, сколько и через сколько минут таблеток глотать. И начала путаться во времени. Все стала делать по часовой стрелке. Господи, ну почему это до меня не сразу дошло. Только когда

она кричала на весь дом: «Давай кашу, горячую кашу». И я варила рис, а она его глотала 4 часа подряд и махала дико на психиатров (я вызвала), что они ей мешают, что ей надо 20 минут жевать кашу, а я все варила и подогревала со слезами пополам.

7.01.89 г. Сотый день. Тяжко. Но я поняла, что отдавать борьбу за жизнь моей смертельно больной Т. П. на равнодушное «Зачем это мне?» даже такого большого человека — не могу.

Простите меня. Все вспоминается маленький плохонький деревенский мужичонка, как-то 9 Мая скулящий у хлебной телеги: «Ванечка, не виноват я, не виноват» — и бабоньки его, пьяненького, домой тащили. А Ванечка — это его дружок, в первом бою раненный и оставленный, потому что его, мужичонку, тогда мальчишку, под ружьем вперед толкали. Больше 40 лет, а мужичок все плачет, как напьется.

И вот я все думаю, где кончались мои человеческие возможности, а где мои — как любящего человека, может, и вправду я так мала, и ее равнодушное: «Любила бы — спала бы» — верное.

Простите меня.

Просто я как-то продолжаю жить нашей жизнью и в то же время расстаюсь. Тэпэшечка как-то сказала, что когда я к ней подлизываюсь, она это как поддержку слабого принимает, а Распутин хоть много взрослей меня (человечески, так как старше по годам чуть-чуть), но ей его, как ребенка, приласкать хочется.

И я решаюсь все-таки отправить письмо, чтобы хоть чуть-чуть передать Вам наше тепло, хоть чтобы немного Вам легче жить было.

А не потому, чтобы мне стало легче. Я не хочу ничего забыть. Если не я, то кто же будет все помнить?

Будьте, если возможно, чуть счастливей.

Валерия Борисовна

Да, когда я ездила к ней в больницу, я все время натыкалась на приклеенную к столбу записку: «Требуется хозяйка. Не моложе 55 лет...» — и еще что-то. Мы еще с ней обсудили, что было бы смешно видеть «Требуется хозяин»...

Так вот, если бы там была подпись «Распутин», я

бы притащилась за 1000 верст, готовая мыть полы и чистить кастрюли.

И еще решила послать Вам нашу фотокарточку, почти 40-летней давности. Такой одухотворенности и нежности она у меня была. И такое же чувство контакта и нежности мы сохранили почти до последнего дня.

Простите меня еще раз, что решилась писать Вам и отправить письмо.

Живите долго.

Вам есть зачем.

А вот зачем мне? Когда не думаю о Т. П., то все думаю, думаю, чем жить? Самой себя мне мало. Делаешь вроде все то же, да только смысла нет.

И еще меня убивает, что последнюю фразу, которую я ей сказала: «Юнта, дитя мое, иди ко мне» — сказал ей ее отец при расставании в 30-м году, когда его арестовывали. Она его любила. И я решила как-то вдруг сказать, а она умирает в этот момент.

А если теплей Вам не станет, вышлите, пожалуйста, фотокарточку домой, ко мне.

1988 г.

...Все изложение письма и дальнейшее умозаключение будет исходить из жизни моей семьи, ибо она такая же, как и миллионы других семей — тружеников нашего времени. Я родилась в 1934 году, муж — в 1929 году. Выходцы мы из самого беднейшего класса. Мои отец и мать бывшие сельские труженики Кубани. Деда моего, как участника партизанского движения на Кубани, зарубили белоказаки дома, на глазах всей семьи. Бабушка умерла от голода в 1933 году. Мать с отцом в том же году, тогда еще молодые, бежали с ребенком на руках в Донбасс от голода. Но и в Донбассе в то время их не ждал рай. Они поселились в бараках по нескольку семей вместе с такими же бежавшими от голода семьями. Бараки холодные, без отопления, со сквозняками. Здесь от нечеловеческих условий начали умирать их дети. Умерло двое. Затем отцу дали комнату в так назы-

ваемых стандартных домах, без всяких удобств с одной печкой. А семья росла, рождались дети, и все в этой маленькой, метров 12 комнате.

Отец пошел работать в шахту, и там вскоре случилась беда: произошел обвал, и ему перебило позвоночник. Жить он остался, но больным и калекой. Так мы дожили до начала войны. А что такое война, Вы знаете. Отец ушел на трудовой фронт, а мать осталась с четырьмя малыми детьми, я самая старшая. Что нам досталось, сколько мы работали, сколько пережили горя, находились в оккупации. Дети войны! Отец мой всегда говорил, пусть уж мне плохо, пусть хоть дети мои будут жить хорошо. Уже 20 лет как не стало отца, он умер от тяжкого труда и болезней. Аналогичная история и у моего мужа: отец погиб, а мать, простая работница, растила двух детей, тот же голод. Муж пошел работать с 16 лет. Затем призыв в Советскую Армию, где он становится инвалидом.

Но, несмотря на все жизненные невзгоды, мы были полны оптимизма и верили в лучшее будущее. В буквальном смысле голодные, раздетые мы окончили школу, а затем техникумы, жили на одной стипендии. Затем, уже когда мы поженились, муж пошел учиться на вечернее отделение радиотехнического института и закончил его. В это время мы жили в тяжелейших условиях, снимали частные квартиры, родился сын, жили материально на самом низком уровне. Но верили в будущее, оптимизм не покидал нас. Трудились честно и добросовестно, ни одного прогула, никаких нарушений. Кроме благодарностей, мы ничего не имели, а я даже медаль за доблестный труд. Никакими махинациями не занимались, то есть не имели никакого дохода, кроме зарплаты. Муж работает в институте ст. преподавателем вот уже 34 года. Зарплата сейчас 185 рублей, а была и ниже. Я проработала непрерывно 30 лет. И в результате тяжелого труда, неблагоприятных условий труда я заболела и получила инвалидность, вот уже 5 лет на второй группе инвалидности. Зарплата моя тоже была в пределах 100—150 рублей, а пенсия 103 рубля. Жили небогато, от зарплаты до зарплаты еле дотягивали. Правда, не голодали, но и деликатесами не баловались. Одевались тоже не шикарно, раздетыми не ходили, но и хорошего не было, чем вызывали часто насмешки тех, кто имел нетрудовые доходы. Вырастили одного сына, на второго ребенка не хватило

средств. В 1968 году мы получили 2-комнатную квартиру. И конечно, были несказанно благодарны нашему государству за это! Но в квартире самая убогая мебель и обстановка, телевизор, холодильник. Не имеем мы стенок, ковров, золота, хрусталя, машины. Единственное у нас, что мы собрали за всю жизнь, — 3 тыс. рублей на свои похороны. Вот все, что мы имели за всю нашу трудовую жизнь. Сын с невесткой работают, имеют двоих детей. Но живут тоже на черте бедности. И если бы мы им не помогали из наших скудных средств, то не знаю, как бы они растили своих детей. Видимо, они ходили бы разутые, раздетые и подчас и голодные.

Вы спросите, зачем я все это Вам описываю и отнимаю Ваше драгоценное писательское время? Ведь так живут миллионы трудовых семей. Да, именно так они живут, и наша семья не составляет тут исключения. И, может быть, мы и не сетовали на свою судьбу, ибо привыкли к труду и к трудностям, если бы не существовало рядом с нами другой жизни — жизни обеспеченной, шикарной, без нужды и горя, без особого труда, где постоянное довольство, радость и высокий достаток. Этой жизнью живут коррумпированные элементы, к сожалению, часто занимающие высокие посты, на которых мы смотрели как на нашу надежду, на лучшее будущее. Этой жизнью живут всякого рода проходимцы, воры, торгаши, жулики, проститутки, как правило, мало дающие государству, но зато много берущие себе. Сейчас, в период гласности, эти элементы стали особенно высвечиваться во всех видах информации — телевидение, печать, радио и т. д. Все было бы хорошо, если бы к этим преступникам применялись самые строгие меры воздействия. Но пока что все эти рашидовская мафия, насреддиновы, чурбановы и им подобные живут и здравствуют, и меры к ним что-то не спешат применять, и положение у нас в стране остается все такое же — именно воры, жулики, тунеядцы пользуются всеми благами жизни. У них машины, дачи, деньги, лучшие одежды. Проститутки и спекулянты занимают лучшие пансионаты в Сочи и других местах отдыха, куда нет доступа рядовому честному труженику.

А рядовой честный труженик за свой труд наказан, он наказан вечной бедностью.

Вдобавок в период перестройки начал разрастаться еще один клан паразитов — кооператоры. Правда, кооператоры не все, есть кооперативы, которые приносят

большую пользу населению. Но кооператоры сферы питания и медицинского обслуживания — это в большинстве своем люди, которые нашли хороший способ обогащения. Разве можно отдавать на откуп этим людям такую важную сферу человеческой жизни, как питание и медицинское обслуживание? Почему в стоматологической поликлинике — в государственном учреждении, на государственном оборудовании и инструменте — организовали кооператив и что из этого вышло? Только ухудшение обслуживания. Если раньше врачи открывали частную практику, принимали больных на дому и при этом брали 3 рубля за визит, то сейчас врачам разрешено заниматься платным приемом прямо в государственном лечебном учреждении и при этом оплата 10 руб. за визит. Хорошо приспособились. Могут ли к этим врачам пойти низкооплачиваемые рабочие, пенсионеры, инвалиды, наиболее нуждающиеся в лечении? Конечно, нет. Почему в кооперативах члены его получают зарплату по 500—700 рублей и выше, а на государственном производстве или учреждении самое большое 150—200 руб.? Чем объяснить, чем оправдать это?

А что с питанием? В магазинах мяса и мясной продукции нет. Был единственный мясной магазин в городе, и тот отдали под кооперативный. Масло, сахар по талонам. Конфеты и кондитерские изделия вообще исчезли. Овощи в магазинах не купишь. А за все лето в разгар овощного сезона купила 5 кг томатов и 50 кг картофеля, причем самого худшего качества. А в зимнее время и говорить нечего, картофеля нет вообще, а если бывает, то совершенно гнилой. Приходится все покупать на рынке. А цены там высокие, от рубля до 4—5 рублей за килограмм.

Рынок забит торговцами, кооператорами, лицами, занимающимися ИТД, в основном это молодые люди и с южным загаром. Цены на их изделия и продукцию недоступны для труженика.

Да, на производстве молодежь работать не хочет. Не престижно быть честным тружеником. Гораздо престижнее в данный момент заниматься ИТД, получать от этого большой доход и жить припеваючи, престижнее быть спекулянтом, вором, бандитом, проституткой, чем честным тружеником. Это молодежь хорошо поняла, поэтому и забит рынок молодыми дельцами.

А кто же будет работать на производстве, в поле и т. д.?

И еще одна из проблем — это проблема хулиганства, бандитизма и преступности в основном среди молодежи, которую мы видим вокруг себя и о которой нас информируют средства печати. Да, от этого не стало нам житья. В городе недавно несовершеннолетние преступники разбили самый лучший, громадный универсальный магазин и прилегающие к нему ларьки, побили автомашины, избили милицию и многих людей. Часть преступников арестовали, а некоторые остались на свободе. И вот те, что остались на свободе, написали в милицию письмо с угрозой, что если они не освободят арестованных хулиганов, то они объявят месячник насилования девочек. И свою угрозу они приводят в исполнение. Недавно изнасилована 13-летняя школьница прямо у нее дома. Мы боимся за своих внуков, сопровождаем их в школу и со школы и больше никуда не разрешаем ходить.

В городе идут квартирные кражи, угоны автотранспорта, убийства. Недавно в своей квартире была убита завуч школы № 29. Из газеты «Таганрогская правда» мы узнали, что за 9 месяцев с. г. совершенно 111 квартирных краж, угнано сотни автомашин.

Мы в квартире боимся открывать на звонки, живем постоянно в напряжении и страхе. И чем больше распоясываются преступные элементы, тем больше послабляются законы, раздаются голоса в защиту преступников, дескать, нельзя портить их молодые жизни в исправительных лагерях, там ведь для них плохо. А они, видя это, еще больше зверствуют.

Уважаемый товарищ Распутин, я обращаюсь к Вам, как к талантливейшему писателю, Вам дан большой человеческий дар великого слова. Вы как писатель много работаете и своим трудом приносите огромную пользу людям. Вами проделана большая работа по защите природы от загрязнения. Человек труда является главным героем Ваших произведений. К Вашему слову прислушивается народ и правительство. Спасибо большое Вам за Вашу огромную работу! Поэтому я и обратилась к Вам и очень прошу Вас поднять вопрос по защите человека труда от всяких посягательств коррумпированных и преступных элементов. Ведь только труд создает все блага на земле, только человеческим трудом мы живы и богаты. Так не надо его так унижать, как он унижен. Ведь сердце не выдерживает, когда читаешь обо всем в печати. И мне хочется, чтобы писатели подняли об этом

вопрос и били в набат до тех пор, пока трудовой человек не станет жить лучше воров и взяточников, чтобы он не подвергался оскорблениям хулиганов и разбойным нападениям, не жил в страхе. Хочется, чтобы человек труда был защищен со всех сторон и ему было воздано по его заслугам. Чтобы он жил и трудился радостно, счастливо и труд приносил ему удовлетворение и всем советским людям пользу.

Я простая советская женщина, и мне хочется счастья, хотя бы уже не для себя, а для наших детей, внуков и всех будущих поколений. Это крик души, крик о помощи. Многое зависит от писателей — разбудить или умолчать об этом вопросе. Я верю Вам и надеюсь на силу Вашего слова и Вашего таланта. Надо, чтобы процесс перестройки не пошел по кривому руслу в ущерб добросовестному рабочему человеку, а пошел бы ему на пользу. Надо повернуть нашу молодежь от коррупции и проституции к честному труду. А для этого необходимо повысить престиж человека труда, а у всех преступных элементов чтобы горела земля под ногами. Нужны силы, чтобы разбудить сознание руководящих работников, правоохранительных органов и народа. А силы такие у нас есть — это люди, владеющие высоким литературным талантом, писатели, журналисты, которые в основном всегда были сподвижниками и глашатаями честного трудового народа.

Вот поэтому я и написала Вам, потому что верю, что Вы положите начало движения в защиту прав, достоинства и счастья трудового человека и его безопасности.

Если будете печатать что-либо из моего письма, прошу по понятным причинам не называть мою фамилию.

Желаю Вам доброго здоровья и больших удач в Вашей деятельности!

Надежда Филипповна,
г. Таганрог

Глубокоуважаемый Валентин Григорьевич!

Пишет Вам Лазарев Е. М., кандидат богословия («Религиозно-антропологические воззрения Ф. М. Досто-

евского»), ведущий работу над магистерской диссертацией по теме: «Религиозно-нравственное миросозерцание Ф. М. Достоевского».

Пишу Вам не случайно, ибо хорошо изучил обширную критическую литературу достоеведов (в том числе 150 диссертаций по творчеству Федора Михайловича) и могу сообщить Вам кое-что для Вас новое.

Мой долг, не сочтите это за лицемерие, доложить Вам, что та страничка, которую выделил Вам д-р Дридлендер в своем уже 8-томном шедевре, стоит целого тома данной серии.

Мне хотелось бы поделиться с Вами, глубокоуважаемый Валентин Григорьевич, своими соображениями о Достоевском и Толстом. Во всем мире этот «тандем» считают вершиной не только русской, но и мировой литературы. Вы, очевидно, знаете страшное для благоверного православного христианина выражение Ф. Ницше: «Со временем слово Достоевского будет иметь большее значение в жизни человечества, чем слово Христа Назаретского...» *

Меня — профессионального православного богослова, эти слова Ф. Ницше сильно настораживают и убеждают в том, что творчество Федора Михайловича необходимо изучать серьезно <...>.

...Мне кажется, Ницше выразил идею, вовсе не покушаясь на устои христианства: он хотел сказать, что слово Достоевского более доходчиво до сердца современного человека.

Христос — Бог, но не сумел своей проповедью привести к истине соотечественников; они распяли Его. Объясняется это просто, если вспомнить известные в Православии слова: «Господь Бог, Всемогущий Господь, как нищий, стоит у двери сердца человека и ждет милостивого разрешения войти в него». Бог создал человека по своему Образу и Подобию; он создан свободным, и Бог не может преодолеть эту свободу, нарушить ее. В этом случае Бог разрушал свое величайшее творение.

Достоевский — человек, которого, судя по всему, со временем причислят к лику святых. Он — литературный интерпретатор идей Христа.

---

* Я успокою ваше православное сознание и приведу слова ректора одной балканской православной академии, произнесенные им в юбилей 300-летия МДА: «Мы, православные всего мира, преклоняемся перед Русской Православной Церковью, над которой развевается знамя Достоевского».

Сила литературы в наши дни более значительна, чем потуги философов и богословов, если вспомнить известное изречение А. Камю: «Хочешь быть философом — пиши романы». Этим объясняется повышенный интерес во всем мире к творчеству русского гения, который, надо сказать прямо, откровенно не признавал себя ни философом, ни психологом.

Недавно я был в итальянском посольстве. Мне удалось представить католикам необычную картину: изучение Достоевского в наших университетских столицах примитивно, но в некоторых провинциальных университетах время от времени появляются очень сильные работы даже в богословском смысле.

Что касается Толстого — «заднее колесо русского тандема», — здесь есть свои тонкости. Писатели никогда не виделись друг с другом, однако каждый из них высоко ценил творчество своего собрата по перу.

Достоевский читал «Войну и мир» и «Анну Каренину», он собирался написать «Житие великого грешника» объемом с эпопею Толстого.

Лев Николаевич, прочитав в очередной раз «Записки из мертвого дома», которые даже не входят в великое пятикнижие, сказал: «Достоевский — самая значительная фигура во всей русской литературе, включая Пушкина». В год смерти Достоевского, как свидетельствует Морис Беринг, Толстой безнадежно произнес: «Он умер. Опора какая-то отскочила от меня...» Характер Толстого был таков, что он, проповедуя смирение — непротивление злу, шел напролом, защищая простой народ, против всех: и самодержавия, и церковной черни, обвиняя их в лицемерии и бесприветственности. Он не понял смирения любовного — страшной силы Достоевского и, естественно, не мог применить это оружие.

1901 год — более значительная катастрофа в истории России, чем год 1917-й. Русский «тандем» на рубеже веков был остановлен (Достоевского к тому времени уже забыли, а символисты извращали подлинный дух Феди, защищая им свои религиозные концепции искусства), что привело к радикальному разлому в русском обществе (первая реакция — покушение на обер-прокурора Победоносцева) и определило его последующие хаотические бедствия России, продолжающиеся и в наши дни.

У меня есть основания утверждать, что глубокая, духовная причина 1-й мировой войны — протест герман-

ского духа против самодержавия России, допустившего отступление от генеральной русской идеи. Ситуация была более чем парадоксальная: германский гений, преклонявшийся перед гением русским, шел защищать русскую идею от богопомазанника — Царя русского.

У меня есть много интересного о духовных причинах 2-й мировой, и я готов поделиться с Вами, если Вы захотите.

Мне кажется, что первоочередная задача русских писателей девяностых годов — развернуть деятельность, которая бы помогла сменить профили Пушкина и Горького в «Литературке» на лики Достоевского и Толстого.

Если у Вас найдется лишняя минутка и Вы пришлете мне что-либо Ваше личное о Достоевском и Толстом, — мои творческие силы удвоятся.

С глубоким уважением,

Евгений Лазарев

1989 г.

Здравствуйте, Валентин Григорьевич!

Прошу простить, если вся эта затея с письмом никчемная.

Постараюсь быть кратким. Речь идет о трагичной судьбе одной из русских деревень, которая уже не существует. Название ее очень символично — Гнездовка (в Оренбургской области).

В коллективизацию деревня потеряла треть крестьянских дворов. В войну повыбило большинство мужиков. Добили деревню в период укрупнения колхозов. Потом убивали уже память о деревне.

Один из бывших деревенских, кузнец, прошедший войну, вырастивший четырех детей, уходит на пенсию. Дети разъехались, он живет со старухой на небольшой станции в полусотне километров от убитой деревни. После долгих мучительных раздумий старик принимает решение своими силами поставить памятник деревне, ее мужикам, не вернувшимся с войны.

Старик — большой мастер кузнечного дела, «простодырый», как ругает его иногда старуха, в нем много от

шукшинских «чудиков» (с войны принес двухпудовый чемодан с кузнечным и слесарным инструментом). Старуха мудрая, она ближе к земле, к жизни, в войну одна подняла 4 детей. Она лидер, но старик упрям до крайности.

В результате долгих разговоров старик «получает разрешение» от старухи на сооружение памятника.

Затем горячие споры, каким ему быть. Побеждает старухин проект: высохшее дерево с разоренным гнездом. Вариант старика — русский витязь на коне (старик видел в Москве памятник Юрию Долгорукому, о чем рассказывал старухе) — после горячих споров был отвергнут. Старуха потом подтрунивала: «Юрий-то город заложил, столицу, а твой витязь на пепелище стоять будет. Да и не потянем мы на витязя».

Старик делает эскиз памятника, посылает его сыновьям, советуется. Те «вышли в люди», воспринимают затею отца как чудачество старого человека (они «современны», глухи).

Старик сообщает о своей затее соседу. Тот ушел на пенсию из «органов», местный грамотей, вхож к начальству. Сигнализирует в район о замысле старика. Из бросового металлолома старик в домашней кузнице сооружает памятник.

В районе еще все вершит тот, кто в свое время признал Гнездовку бесперспективной и добил ее. Он узнает о затее дерзкого кузнеца и через участкового уведомляет его «о недозволенности самоуправного поведения» и грозит «заарестовать памятник».

Старик принимает дерзкое решение. На пенсионные деньги и проданный старухой пуховый платок (превращенные в водку) он нанимает поезд-автокран и трактор с санным прицепом и с благословения старухи везет памятник на место установки его — в Гнездовку. Уже весна, оттепели. При переезде через реку по льду пьяные помощники старика утопили памятник. Спасая его, старик бросается в прорубь (войну прошел сапером, наводил мосты, понтоны).

Разыгрывается метель. Старуха идет в поле встретить своего «простодырого» и погибает. Старик ненамного пережил ее. Ледяная купель и смерть старухи, утрата памятника и осознание невозможности начать все сначала убивают его.

Уважаемый Валентин Григорьевич, может быть, этот

сумбурно изложенный реквием по одной из русских деревень заинтересует Вас.

Прошу Вас, если будете писать повесть или рассказ, найдите место таким словам: «Русскому кузнецу Василию Орлову посвящается...»

Г. В. Орлов,
г. Москва

Виктор ЛИХОНОСОВ

...Писатель не может нравиться всем, это ясно. Среди тех, кому твои произведения не по нутру, мало желающих посылать отповеди, возражения, возмущения и т. п. Чаще всего пишут читатели, которые открывают в твоем миросозерцании, позиции, выборе сюжетов и героев нечто родственное своей душе. Человек любит узнавать себя, свою жизнь, облегчать свое одиночество сиротством персонажа. Вот такие люди и пишут; и всегда бывает ощущение, что пишут друзья. Если бы случилось нам жить рядом, мы были бы рады общению.

Есть у меня всего один пакет с письмами читателей, разъяренных моим романом «Когда же мы встретимся?», который в сокращенном виде дошел до миллионов (благодаря «Роман-газете»). Меня упрекали в безнравственном изображении любви. Я не обиделся, но и поправлять роман не стал. У меня даже и намека не было на то, что в эротическом потоке хлынуло в наше искусство в последние годы. Но сердитые, неблагожелательные письма я тоже не выбрасываю. А письма добрые меня поддерживали. Может быть, кого-то поддерживали и мои ответы? Нынче я редко отвечаю, подпишу книжечку кому-то — и все. Мне кажется, самый преданный мой читатель молчит, никак не соберется написать или не любит писать вообще. Таких читателей много и у многих коллег. Читатель застенчивый боится писателя, а иногда «от полноты чувств»... не находит слов. И странно: присутствие такого читателя все равно ощущаешь. Порою он возникает перед тобой на каком-нибудь вечере. Своим читателем я дорожу. Однако длительной переписки я не выдерживаю. «Читайте книги, — говорю, — там все мои взгляды есть».

«ПОЧЕМУ СЧАСТЬЕ — ЭТО БОЛЬ?»

Здравствуйте, Виктор Иванович!

Извините за вторжение, за смелость написать Вам это письмо, но я не могла не написать Вам, и потому прошу ненадолго отвлечься от работы и выслушать меня. Прежде всего — большое Вам спасибо за чудесный роман «Когда же мы встретимся?», спасибо Вам за мое возвращение в юность и в счастливый год любви. Ваш роман, действительно, как написано в предисловии, вносит в читателя «доброе, чистое, вечное...», и за это Вам тоже спасибо.

Наверное, я — одна из многих тех читателей, у кого Ваш роман вызвал обратное чувство посмотреть на себя со стороны, заставил задуматься о смысле жизни, о ее сложностях, пролистать листочки памяти своей любви, своих мечтаний, ушедшей юности, «мысленно обежать все уголки страны и то там, то тут вытянуть памятью знакомых, близких, родных и даже тех, кого позабыл...». Моя история — это история любви Ваших героев: Егора и К., а во многих других героях романа я узнавала черты своих друзей, знакомых, их отношение к миру, к искусству, к себе, ко мне.

А вообще, чтобы легче было разговаривать, давайте познакомимся.

Зовут меня Ольга. Мне 28 лет. Живу я в небольшом текстильном городке Карабанове, работаю инженером в старинном древнем городе, что расположен между Москвой и Ярославлем, Александрове (узнаете географическое сходство местожительства ваших микрогероев: Егора и К.?). Занимаюсь конъюнктурой и рекламой микротелевизоров на заводе имени 50-летия СССР. Немного пишу стихи.

В 1969 году окончила школу, мечтала о театре, хотя была очень застенчивой, считала себя «гадким утенком», но тем не менее документы я все же подала в Щепкинское. И, наверное, на этот шаг меня толкнула встреча с Аллой Константиновной Тарасовой.

Она шла по Старому Арбату легкой походкой, и гордый изгиб ее губ словно дарил улыбку людям: «Я желаю Вам счастья...» Эта встреча с Тарасовой заставляла меня не раз в жизни поверить в себя, а ее знаменитая тарасовская улыбка благословляла перед каждым выходом на сцену.

И тогда, в летний полдень 1969 года, она благословила меня открыть двери Щепкинского, пройти удачно два тура, а вот на третий (увы!) не попала — наелась мороженого, голос сел, температура 38°, и вместо театрального я попала в другой вуз.

Играла в самодеятельности: одни режиссеры хвалили, другие ругали, а во мне жила «Егоровская вечная неудовлетворенность собой». То одно занятие брошу, то — другое: то сцена, то музыка, то танцы, то верховая езда, то туризм, и только лишь поэзия, стихи помогали жить «среди тех, кого не любила», спасали от нелепых поступков. И не было никакого страха перед жизнью, очень много занималась общественной работой.

А сердце, душа ныли, и успехи не радовали меня, ждала его, кого создала себе за 1000 лет еще до нашей эры. А вокруг подруги выходили замуж, прежние обожатели женились, а я спокойно ходила к ним на свадьбы, говорила красивые тосты и только ночью иногда плакала: «Где ты? Приди... Ведь я пропадаю» — и делала глупости, была порой несдержанна, груба.

Так и жила до 16 апреля 1980 года. И вот лечу в очередную командировку: Фрунзе, Алма-Ата, Караганда, Кустанай. Сижу в салоне самолета, болтаю с соседом, он пытается ухаживать за мной, а у меня понижается давление, сижу, чуть не плачу. На помощь приходит приятель моего соседа. Смотрю на этого человека, а внутри что-то медленно надламывается и все перед глазами плывет, хочу, чтобы он не уходил, был рядом, ведь это — он... Но «встреча взглядов! Должен быть вздрог! Но покой... Как удар под вздох...» Прилетаем во Фрунзе, случается так, что я случайно еду с ними в гостиницу, и разговариваем с ним глазами. Вдвоем поднимаемся в лифте по номерам гостиницы и вдруг быстро, страстно, исступленно целуемся. Тогда я еще не знала, об этом я узнала спустя два дня, что мой любимый — артист оригинального жанра Московской областной филармонии. У него нет столь громкого имени на титрах афиш, как у Вашего героя, но ему было плохо, он был одинок, как и Ваш Егор, и, как у Егора, у него есть жена (увы, но зовут ее тоже Наташа) и сын Максим. А он — мой Буратино (я буду называть его так) забыл о них, бегал со мной, как мальчишка, по Иссык-Кулю, ревновал, злился, благодарил за счастье, что я ему принесла, любил. А о семье я узнала случайно, погадав ему по руке. Мы были счастливы с ним в Пржевальске,

счастливы без всяких надежд на будущее, а расстались, ничего друг другу не пообещав.

И вот я звоню ему 13 мая, с какой истосковавшейся радостью мы бросились друг другу навстречу и с этого дня не расставались: иногда будили друг друга звонком, иногда он уезжал на «шефские концерты» — ко мне, иногда просто бегал — взглянуть на меня. Были такие отношения, напоминавшие отношения Егора и К. Но он постоянно боялся возраста, ему 38 лет, хотя я ему не раз говорила, что я исчезну тогда, когда узнаю, что его нет. Звоню ему из Сочи.

Он: «Олк, загорай, купайся больше. Я жду тебя, соскучился. Боюсь, что ты разлюбишь...»

Я: «Мне не нужно Черное море. Нет тебя, милый мой, со мною...»

Он: «Не нужна мне Москва без тебя, потому что нет рядом тебя...»

И все бросаю и лечу в Москву, и все хорошо, и мы снова счастливы с ним, порой я даже не верила, что это — я, а рядом — он, Буратино. Вы пишете в своем романе: «Поначалу ничто не мешает любви, а потом ей нужны условия, чтобы не уставать от хитростей, которые влюбленные придумывают ради короткого счастья».

Настало и у нас такое время, и он не нашел ничего лучшего, как сказать мне об этом в мой день рождения. Сказал грубо, расставались с криком, безжалостно, жестоко. У Вас в романе К., едва встретилась с Егором, уже думала о конце, а у нас — наоборот, он, едва встретился со мной, уже думал о конце. Он испугался ломать свой устроенный быт, испугался привыкать к новой жизни, к новым привычкам, обычаям, ко мне. Да и что я могла дать ему?

Новые творческие искания, духовные стрессы, страстную безрассудную любовь, молодость?.. А нужно ли это было ему?! Зачем? Ведь, кроме всего этого, надо жить, во что бы то ни стало, но жить. И он избрал второй путь: где все чувства улеглись, где не надо было ничего создавать и искать, а надо было жить во имя себя, во имя сына, жить, хоть как-нибудь, но жить.

Мне трудно было сначала понять все это, было состояние ужаса, беспомощности, даже в тот злополучный день хотела покончить самоубийством жизнь, да спасибо друзьям — спасли, заставили вновь поверить в себя, улыбнуться навстречу солнцу, людям. Это Вы, Виктор Иванович, хорошо заметили в романе: «Если жизнь

оскорбит вас, то придет друг и спасет, потому что в нем больше правды. Если женщина (мужчина) тебя не полюбит, друг успокоит и скажет, какой любви ты достоин».

Встретились мы с ним после ссоры через два месяца. Я пришла к нему на концерт в «Софию», оба изменились, стали сдержаннее, и все равно, все равно я чувствовала, что плохо ему без меня, да и сам он понимал это, припав в ладони головой: «Олк, пропадаю без тебя, пропадаю... Спасибо, что пришла...» И все уже позади, и мы стоим в метро, прощаемся, и он: «Ну что делать? Надо жить ради сына, да и Наталью я измучил, прости...»

Я: «А надолго тебя, Буратино, хватит?! На неделю? На месяц? На два? А потом опять меня будешь искать?»

Он: «Олк, прости...»

А дальше говорим без слов глазами, нам легче так объясняться глазами и руками. Его поцелуй, возвращающий сознание, чтобы снова отнять его.

И почему, почему счастье — это боль?! Почему нас все-таки двое, если я хочу исчезнуть, раствориться в нем, потому что лучшее в мире — это он? Он стискивает мое лицо руками, и мы расходимся, не говоря больше ни слова, как будто заклинаем разлуку не становиться между нами.

Брожу всю ночь одна по Москве, вспоминаю каждое его слово, каждый жест, каждую встречу. А утром — работа. Хорошо, что мне приходится много ездить, знакомиться с разными людьми, только бы не оставаться наедине со своими мыслями.

Чем измеряется время? Зимами? Веснами? Минутами? Телефонными звонками? Наше время измерялось с того времени телефонными звонками. Как хотелось порой услышать его теплые, добрые слова. За каждым словом ждала пощады. А ее не было, нет! Все вкладывалось в изысканно вежливые фразы, а все это кружение слов — от лжи до правды — как удар перчаткой по щеке.

Все, решила: хватит быть униженной, хватит самоуничтожения, вычеркну из памяти его, почему ему можно — а мне нельзя, и побежала по руслу жизни. Да не смогла это русло переплыть. Вся поглотилась в работу, много написала стихов — удачных и неудачных, а праздники и выходные встречала с родителями. Иногда

хотелось разбить вдребезги свое одиночество и отчаяние и рука тянулась к телефонной трубке. Наберу три первых цифры, а дальше не могу. Из любого дальнего города звонила: из Алма-Аты, Сочи, Ленинграда, а в Москве боялась...

Не знаю, сколько прошло времени, только однажды иду я по улице Горького и вижу на одной из афиш его имя. Покупаю билеты для подруги и себя. И вот настал этот вечер — вечер встречи с ним. Я торопила утро, день, а потом и вечер. И вот мы уже с подругой в зале «России». Я забиваюсь с букетом цветов в самый дальний угол вестибюля. Как нестерпимо блестят все эти зеркала, люстры, колонны — кажется, они смеются и дразнят меня, как нестерпимо долго длится первое отделение концерта. И вот, наконец, во 2-м отделении он на сцене. Всего 5 минут занимает в программе его номер, но с каким блеском, изяществом, любовью к зрителю и мастерством он работает на сцене эти 5 минут! Каждый жест этого номера мне знаком, каждое движение его я люблю, и я забываю обо всех сидящих зрителях в этом огромном зале и бегу с цветами на сцену, не споткнуться бы (ноги подкашиваются), а он смотрит на меня, глазам не верит и шепчет: «Спасибо тебе, Олка...»

А потом мне случайно попалась в руки «Роман-газета», где напечатан Ваш роман «Когда же мы встретимся?», несколько раз перечитала его, дивилась сходству с Вашими героями, даже отдельные фразы в устах Ваших героев звучали как ранее сказанные собственные. И ему позвонила, сказала, чтоб прочитал, а диалог Ваших героев я вспоминаю всегда, когда хочу позвонить ему, и... звоню.

— «Я боялась тебя тревожить. Надоесть раньше времени.

— Ошибка всех женщин. Да знаете ли вы, женщины, что из-за своих охранительных штучек вы прячете то, чего нам всегда недостает?

— А чего недостает вам?

— Нежности, полной откровенности».

Его нет рядом со мной — моего любимого. Увидимся ли мы когда-нибудь? Его нет рядом, но я верю, что мы расстались для того, чтобы встретиться, искупив страданием разлуки то счастье, которым завладели, не имея на то права.

А Вы не даете в своем романе надежды на встречу.

Почему, Виктор Иванович? Вы же сами говорите устами Телепнева, что это не легкая связь, это пробуждение души. И вдруг: «Год спустя... И ничего странного не было в том, что К. уже не существовало в его жизни: чудесный обман выветрился из души так же легко, как и зародился в позапрошлое лето...» Не может быть такого! Все равно за любую встречу человек либо казнит себя, либо вспоминает с благодарностью через 5, 10, 20 и более лет! А Вы, что сделали Вы? Заставили читателя полюбить Егора, показали его искренним и обаятельным, добрым и отзывчивым другом, заставили пройти с ним весь путь его становления, познать его радости и тревоги — и вдруг в конце так беспощадны к нему... Не верю я, чтобы это пробуждение в душе Егора осталось без памяти, без воспоминаний. Ведь К. для него не просто женщина — это загадка, а даже, может быть, и его несостоявшаяся мечта. Вы же сами это подсказываете, боясь назвать эту женщину полным именем, а называете загадочно — К. И все же считаю, что этот роман — Ваша новая творческая удача. Поздравляю Вас с окончанием этой работы и еще раз благодарю Вас.

Я не ставила целью своего письма проводить параллель отношений между собой и Вашими героями. Нет, мне просто захотелось Вам рассказать о себе, что человек бывает все-таки счастлив без всяких надежд на будущее. И я счастлива и не прячу свою любовь, счастлива, что год назад я познакомилась с ним, была рядом и верю в то, что обязательно мы встретимся и сможем понять друг друга и разобраться в своих чувствах.

Виктор Иванович, если когда у Вас появится желание приехать в наш город, столь богатый своим историческим прошлым, я Вас от чистого сердца приглашаю — приезжайте. Я с удовольствием познакомлю Вас с интересными людьми, живущими в моем городе, с историей Александровской слободы, покажу домик Марины Цветаевой.

Еще раз извините за мое нескромное вторжение и между строк моего письма прочтите еще раз «БЛАГОДАРЮ...», новых Вам творческих поисков и удач.

Ольга Сергеевна,
г. Карабаново,
Владимирская область,
1981 г.

Здравствуйте, Виктор Иванович!

Пишет Вам сержант срочной службы Рерих Сергей. Вот ведь как-то официально получается, уж лучше буду попросту, Вы извините!

Прочитал Ваш роман «Когда же мы встретимся?», как будто окунулся во что-то прекрасное, светлое и чистое! А как верно все написано и захватывающе, поневоле над многим задумываешься! Но вот поговорили о нем с однополчанами, и мнения несколько разошлись. У большинства этот роман вызвал возвышенные, хорошие чувства, но некоторые говорят, что так не бывает. А я ведь знаю — бывает, только такими или примерно такими и должны быть отношения между людьми! В общем-то, это и побудило меня написать Вам, хоть и страшновато, и неудобно, но ведь Вы, должно быть, такой же простой человек, только мудрее, и обладаете бесценным даром понимать душу человека, так мне кажется. И вот мне очень захотелось рассказать именно Вам о своем друге, о Валерке. Ведь вот читал роман, и как будто про нас читал с ним, правда, люди мы попроще, но чувства, по-моему, не слабее, и какое это счастье — иметь такого друга, честное слово!

Чтобы Вы лучше поняли меня и поверили, что это именно так, высылаю Вам два своих стихотворения. «Лучшему другу» — посвящено ему, а «Память» — это как бы писалось от нас обоих. Это немного отражает то, чем мы жили и живем с ним. Я не поэт и никогда им не буду, и, разумеется, эти мои стихи не для публикаций, просто есть такие порывы души, даже очень часто случаются, когда и стихи хочется писать, и творить что-нибудь прекрасное; они, в общем-то, результат таких порывов! А третье стихотворение написано несколько дней назад, после чтения Вашего романа, уже успели переложить его на гитару! Еще высылаю Вам его, Валеркино, письмо, после которого по его совету я и прочитал Ваш роман! Только у меня большая к Вам просьба — вышлите его обратно потом (я даже конвертик для этого вкладываю!). Вы его прочитаете, и поймете, почему оно мне дорого и почему я сейчас готов бесконечно благодарить Вас за это произведение, что и делаю с удовольствием, спасибо Вам от всей души, побольше бы вот именно таких творений!!!

Вы меня извините, пожалуйста, если что не так написал, но это все искренне, слишком уж взволновали

меня судьбы Ваших героев, особенно Егорки и Димки. У Вас, наверное, не очень-то много времени читать такие большие письма, тем более отвечать на них, но из всех волнующих меня вопросов я задам Вам лишь один — не лучше ли ради того, чтобы быть рядом с другом, настоящим другом, пожертвовать и карьерой, и положением в обществе, и любимой работой? А любовь? В разлуках есть тоже что-то прекрасное, но разве будет счастлив человек, когда он всего достиг, но друг вдали или вообще потерян? Жду Вашего ответа, очень! Желаю Вам новых творческих успехов, настоящего, светлого счастья!

С глубоким уважением к Вам,

Сергей.

Здравствуй, мой дорогой Серега!

Если бы ты знал, как на меня подействовал этот роман, который я советовал тебе прочитать (наконец-то я его закончил), «Когда же мы встретимся?».

Я его еще раз буду читать, но позже, а сейчас под влиянием его я и пишу тебе письмо. Уверен, что с тобой будет то же самое. Знаешь, я аж словно не в себе. И сейчас я радуюсь, что у меня есть ты. Самое главное, что я сильно-сильно скучаю по тебе. Может быть, сразу же после армии мы не сможем быть вместе, но я сейчас не хочу терять тех счастливых минут счастья, когда думаю о тебе или получаю твои письма. Все зависит от нас самих, чтобы мы были вместе. Сейчас я даже думать об этом не хочу. Вот почитай этот роман, Серега, он тебя заденет за живое. Жаль, что мы не рядом и не можем как прежде поспорить всю ночь и не найти верного решения. Хотя этого у нас почти не было. Мы всегда думали почти одинаково. А этот роман я завтра даю одному старлею, он у меня просил, когда я был дежурным по роте, а он дежурным по части, а потом спрячу его в чемодан и привезу домой, а дома еще раз перечитаю. Как там верно многое сказано! Да-а, уж таким доходчивым языком. Знаешь, после этого романа и жить хочется, а особенно с тобой. Есть друзья, но главный-то — ты! Сейчас вот с Витькой Музычуком поспорил

насчет жизни, но полностью-то понимаешь меня ты, Валентина Александровна и Шурка. В меньшей степени Костя, Наташка, и все, и все. Ты понимаешь, что о своем состоянии души делился только с этими, близкими мне людьми. Но из них меня понимают трое, а понимают и втихомолку не верят — двое. А Еськє, Шефу и другим своим друзьям я «это», именно то состояние души, в котором я весь открыт для людей в поезде, когда мы ехали от тебя из Балашихи. Но мне показалось, что во мне зарыты такие способности, что я способен быть чуть ли не (мало того что министром) самым (короче, ты понял). И вот я начал: поступил в институт. Начал работать в депо, захотел поступить в Университет марксизма-ленинизма, но забрали в армию, И вот ты пишешь: «главное быть вместе». А ведь это верно. А мне в Кустанае пообещали (поставили в числе первых нас с Володькой в очередь на квартиры) квартиру сразу после армии. Ну я вот и вцепился, вроде как я, мол, буду в Кустанае и ты ко мне приезжай. Но это только с плохой стороны я себя охарактеризовал. Есть еще и другая сторона. Короче, я действительно честно хотел жить вдвоем в общаге, не был жаден на деньги (короче, как ты меня знаешь, я был самим собой). И хотел купить обстановку, а потом это все подарить или тебе или мне — кто первый женится. Это все искренне. Но вот что плохо — это что я держался за квартиру, хотел сделать карьеру. И меня эти мысли не покидали — представляешь! — до сегодняшнего дня (всему причина этот роман). Вот только теперь я могу открыто сказать, что с тобой я смогу жить, где мы найдем наиболее целесообразным. Это и хорошо. Слава богу, что я нашел в себе то хорошее, что ты в себе отыскал еще в детстве. У меня и сейчас есть планы на хорошее положение, уважение людей и т. п., как и у тебя, но это уже не то. Спасибо, дорогой ты мой человек, что не успел я тебе еще разонравиться своей бессердечностью. Серега, здесь я только вскользь вспомню о пьянке. Не сможем мы быть вместе втроем: ты, я и водка. Это запомни. Это будет предательство нашей с тобой дружбы. Я уйду от тебя сам. Я знаю, как это будет тяжело, но я не хочу быть вместе с этой подругой. Так что решай сейчас, потому что за год еще сумеешь отвыкнуть.

Серега, ты видишь, что со мной сделалось? Я сам не свой. Если у тебя ко мне такие же чувства, какие

у меня только сейчас, а они если были у тебя всегда, то я пред тобой преклоняюсь. Это не громкие слова, а правда, которая в этих словах и выражается. Извини меня, друг, за прошлое. И еще. Я бы хотел в жены Наташку Давыдову, но то, что я не первый и ее, именно ее первая взрослая любовь — это ты, я не смогу с ней начать, и в этом ты меня не переменишь. А я хотел с нею быть, ты знаешь, только даже тогда я скрывал свои истинные чувства. А она мне нравилась, даже, черт-те знает, может, я был в нее влюблен немного, как жаль, что она не поняла, да я и не давал намеков. И ты тоже полностью не понял, значит, я хорошо это скрыл. Интересно, что ты мне на это письмо ответишь. Я знаю, что ты его сохранишь. Уж что-что, а такого потока информации ты от меня не получал, ведь правда? Как все-таки ты верно выразил это в том стихотворении?

Мне часто тебя не хватает!..
Нет, ты не вдали, ты рядом... —

и так далее и тому подобное. Ну вот и легко мне стало на душе, словно все улетучилось, как иногда помогает мой разговор с тобой. А это первый такой откровенный разговор. Ну вот и все, что я хотел тебе написать. Я думаю, что ты это письмо перечитаешь не раз, что ты теперь обо мне думаешь, «мой добрый, единственный друг?».

Я крепко тебя обнимаю. Пока. Всем привет.

Твой Валерка.
1981 г.

P. S. А число-то несчастливое, а я для себя счастье открыл. Ведь иначе это не назовешь, когда человек открывает в себе все лучшее, а?

Здравствуйте, дорогой Виктор Иванович!

Получил Ваш ответ, даже не верится, честное слово! Знали бы Вы, какая это радость, и не только для меня! Спасибо Вам от всего сердца, что Вы поняли

нас, поддержали, а другими словами — дали путевку в жизнь нашей с Валеркой дружбе. Вот ведь, отыскало все же Вас мое письмо! Я почему-то думал, что Вы живете или в самой Москве, или где-то неподалеку, а Вы аж в Краснодаре... Вот отвечу Вам и отошлю Ваше письмо Валерке, разрешите?! Представляю, как он обрадуется!

Выполняю Вашу просьбу и высылаю Вам копию Валеркиного письма, и вообще если Вам что-нибудь надо — мы всегда к Вашим услугам! Какое это все же счастье, когда у тебя есть настоящий, верный друг! Даже жалко тех людей, которые живут без друзей, живут только для себя, а ведь с такими еще порой сталкиваешься, да.

Как хорошо, что Вы тоже такого высокого мнения о дружбе, о друзьях! Побольше бы таких вот романов, и любить учит, и дружить, и красоту понимать. А над чем Вы сейчас работаете? С нетерпением буду ждать теперь Ваших новых произведений!

Служить нам еще полгода, в конце осени увольняемся в запас. Огромная к Вам просьба, если до этого выйдет Ваш роман, 3-е издание, — пришлите нам, пожалуйста! Это будет самый дорогой подарок. И пишите, как только будет время, ждем очень! Желаем Вам всего самого, самого доброго! С глубоким уважением к вам,

Ваши читатели и друзья, *Валерка, Сергей.*

Уверен, что настоящие друзья остаются друзьями и через 50 лет, ведь правда?

А наказ Ваш — служить хорошо — мы выполним, точно!

Дорогой и многоуважаемый Виктор Иванович!

Спасибо за «Голоса в тишине» — и простите, что отвечаю Вам с большим опозданием. Думаю, что Вы

уже дома, в Краснодаре, оттого и пишу туда, а не в Москву.

Мне не только понравилась Ваша книга, нет: я очарован ею. Прочел и внимательно перечитал еще раз: очарован тем, что в книге нет ни одного фальшивого слова. Это нечасто бывает, и по-моему — это самое важное, то есть отсутствие позы, притворства, отсутствие выдумки в дурном смысле этого понятия. Толстой сказал (кажется, о Горьком): «...все можно выдумывать, нельзя только выдумывать человеческой психологии». Вот именно таких выдумок у Вас нет. И вообще в Вашей книге — жизнь, со всей загадочностью, прелестью, грустью, что в жизни есть. Мне кажется, что Вы — один из тех новых русских писателей, которых Россия ждет, которые ей нужны. Объяснять тут нечего, и я уверен, что у Вас именно это чувство движет всем, что Вы пишите.

Я очень благодарен Казакову за то, что он дал Вам мой адрес и посоветовал послать мне книгу. У Вас с ним есть кое-что общее, но далеко не во всем Вы с ним сходитесь. И, вероятно, дорога у Вас — своя.

Крепко жму Вашу руку и от души желаю счастья и успеха в работе. Теперь иногда пишут «желаю творческих успехов», но именно это та казенщина и фальшь, которая — я уверен — заставила бы Вас поморщиться.

Искренне Ваш, *Георгий Адамович.*

P. S. Я сейчас в Ницце, но дней через десять думаю быть в Париже. Буду очень рад, если когда-нибудь напишете о себе. Сейчас взглянул в окно: солнце, синее небо, весна, а у Вас, наверно, то же, что в последнем Вашем рассказе, на Брянщине, стр. 330!

Париж,
1968 г.

Дорогой Виктор Иванович!

Простите, что отвечаю с большим опозданием. Ваше письмо помечено 22 июня (из Коктебеля), а сегодня

4 августа! Причин опоздания нет: «так»: Вы пишете, что «маститые не отвечают». Я себя никак маститым не считаю, хотя по возрасту имел бы на это право.

Волошина я не знал, никогда его не видел, и должен признаться, не очень люблю его стихи. Есенина знал с первых дней его появления в Петербурге и был с ним тогда в приятельских отношениях (потом потерял его из виду, до встречи в Берлине в 1923 году). Вы, по-видимому, его любите, да и почти все в России, с кем я встречался и переписываюсь, любят его, в частности, и Евтушенко. По-моему, многое у него наивно, иногда фальшиво, иногда несносно — до последних его лет, когда он как блудный сын хотел вернуться в несуществующее «домой». Это очень хорошо. Для меня одно из лучших его стихотворений то, которое считается самым банальным — о матери («Ты жива еще...»). Тут он перерастает «литературу» в дурном смысле и как будто договаривает то, что слишком поздно понял.

Сейчас я в Ницце, но если напишете — чему я был бы искренне рад, — то пишите в Париж. Перед отъездом из Парижа я видел Б. Зайцева и случайно, не помню как и почему, заговорил с ним о Вас. Рад был убедиться, что он любит и ценит то, что Вы пишете. У него большого критического чутья, пожалуй, нет, но зато есть острый слух к фальши — и отсутствие ее у Вас он и уловил. По нынешним временам это отсутствие — свойство редкое.

«Комментарий» я Вам пошлю, когда представятся случай и оказия. По почте посылать не стоит, так как едва ли дойдет.

Ну вот, кажется, на сегодня все. Спасибо, что не забываете. Что Вы теперь пишете? По некоторым Вашим намекам, думаю, что-то большое. А если Вам кажется, что неудачно, то это хороший признак. Только тупицы и бездарности довольны собой, а Толстой после «Хозяина и работника» сказал Бунину, что ему на улицу стыдно выйти, такая это дрянь.

До свидания, дорогой Виктор Иванович. От души желаю Вам здоровья и благополучия. Крепко жму руку.

Ваш Г. Адамович.

P. S. Я хочу написать о Ваших «Голосах в тишине» в русской парижской газете. Если напишу, пришлю Вам вырезку — и надеюсь, Вы ее получите.

Париж,
1968 г.

Уважаемый тов. Лихоносов!

Только что прочитала Ваш роман «Когда же мы встретимся?» и захотелось написать Вам письмо. От этой книги мне стало страшно. Неужели искусство, которое мы все любим, ценим и уважаем, творится такими недостойными людьми? Я архитектор, и круг людей, среди которых происходит моя жизнь, — техническая интеллигенция, в основном научные работники. Мы все много читаем, очень любим театр, кино, живопись. У всех нас растут дети, и мы стараемся воспитать их хорошими, добрыми и, главное, порядочными людьми. Но вот Вашу книгу я бы своему сыну читать не посоветовала, так как, еще раз повторяю — от Вашей книги становится страшно.

Герои романа — самая прогрессивная часть интеллигенции, ведь люди искусства более эмоциональны, они глубже и болезненнее переживают все события и внутренние и внешние, происходящие в их стране. Недавно был произведен опрос 10 тысяч человек в СССР — какие проблемы больше всего их сейчас волнуют. Подавляющее большинство ответило: 1) поголовное пьянство, 2) взяточничество и спекуляции, 3) несоответствие многих людей занимаемым ими должностям. А вот всех Ваших героев занимает только копание в себе, в своих ощущениях и чувствах, отношение с женщинами и выпивки.

Вы, наверное, считаете Егора положительным героем. На меня он произвел ужасное впечатление — это человек без стержня, инфантильный, безвольный, без всякого интереса к жизни, да он просто лишен качеств настоящего мужчины, для которого главным в жизни должно быть его дело, ради которого он живет. Егор и дело-то свое не любит, живет как трава, когда он го-

ворит о своей профессии, то впечатление, что он находится в летаргическом сне.

Волнуют его только красоты природы да писание бесконечных писем к такому же недалекому и бесстержневому Димке. Да если подумать, то единственное его положительное качество, что он хорошо играет на гитаре и поет романсы да еще хочет, чтобы все его любили, а ведь сам абсолютно никого не любит — ни жену, ни мать, ни детей, ни родных, я даже в его любовь к друзьям не верю — чем он им помог, что посоветовал. Как же он может играть современного человека, неся в себе такую первозданную пустоту. Вот Владислав открытый подонок, он, наверное, хорошо играет подонков и этим-то и прославился. Отношения Вл. с женщинами ясны и недвусмысленны — все ясно, кто от кого что ждет.

А Егор? Весь роман его с К. у нормального здорового человека вызывает недоумение и отвращение. Наверное, в киногероев часто влюбляются одинокие и неудовлетворенные жизнью женщины шизоидного типа, но неужели достаточно прийти к полюбившемуся на экране актеру и предложить ему себя, чтобы вызвать у того огромную и всепоглощающую любовь (не страсть, а именно любовь?) — что-то не верится в это. А лучший друг Егора — Димка? Это, по-моему, еще более никчемная личность, чем сам Егор. Кто он, Димка, кстати? Какой институт он закончил, кем работает и что хочет в жизни? С кем и почему он боролся, тратя нервы свои и людей, убивая на эту борьбу время и силы? И чего он достиг и изменил своей победой? Я что-то, кроме того, что хороший мальчик — композитор Ваня — совсем спился, изменений не заметила. Дима вообще глуп (недаром он друг Егора) и безлик, я вполне понимаю Лилю — лучше уж муж открытый подонок, чем вообще никакая личность — с ним же можно тихо умереть от тоски и бессмыслицы жизни. Провинциальный, опустившийся режиссер Павел Алексеевич хоть небольшое делает дело в жизни, но полезное, а Дима? Его действия — письма Егору и поездки к нему и с ним. Так и вся жизнь его проходит без смысла; еще непонятно, почему когда у Димы в доме наконец собрались его любимые 3 друга, то за столом оказался пьяница и подонок Митюха — что же это за неразборчивость в людях?

И Ямщиков мне представляется подонком, непонят-

но, как он может снимать фильмы, о которых даже спорят. А женщины в романе?

Неужели мы все в Ваших глазах такие? Это же паноптикум какой-то — Лиза, К., Лиля, даже Наташа производит впечатление очень неприятного и неприветливого человека.

Не хочу писать о женщинах — времени больше нет, а начну и не остановлюсь.

Вы написали о людях, которых, как видно, хорошо знаете, поэтому у меня вызываете жалость — трудно жить в окружении одних подонков и ничтожеств.

Два светлых человека на страницах Вашей книги — Боля и Свербеев, но ведь они совсем старики.

Я написала свой обратный адрес не для того, чтобы получить от Вас ответ, хотя это, наверное, было бы и интересно, а чтобы Вы не подумали, что письмо анонимное от какого-нибудь Вашего недоброжелателя. Я никогда не писала никому подобных писем, так что извините за корявый стиль.

М. М.

Здравствуйте, Виктор Иванович!

...Вы не совсем правы, когда сурово сетуете на то, что я просила Ваш адрес «не для того, чтобы узнать, как я отношусь к своему читателю». Отчасти и поэтому. Клянусь аллахом, что этот вопрос не так уж и плох и неинтересен, как Вам кажется. Вы здесь просто становитесь в позу Тимона Афинского.

Напрасно Вы и «Литгазете» отказали. Там бы вообще можно было растечься «мыслью по древу» и, взлетев, исчезнуть в облаках. Разумеется, это Ваше личное дело — я понимаю. Но Вы и нашего брата поймите. «Это не очень интересно», — пишете Вы. Как же неинтересно? Вот так номер!

Например, открываю я Лермонтова: «К Дурново», «Н. Ф. И...ой», «Посвящение», «Романс к И.», «К П. И.», «Стансы к Д.», «К ***», «Памяти Одоевского», «М. А. Щербатовой», «А. О. Смирновой», «В альбом Карамзиной» и т. д. и т. п.

Открываю Пушкина; та же картина: «Послание к Юдину», «Друзьям», «Шишкову», «К Каверину», «Дельвигу», «К Чаадаеву», «На Аракчеева», «К Языкову», «К Вяземскому», «И. И. Пущину», «Во глубине сибирских руд...», «Княгине З. А. Волконской», «Щербинину», «Гнедичу», «Д. Давыдову», «Я помню чудное мгновенье...» и т. д. и т. п.

То есть какая-то сногсшибательная конкретность. Можно сказать: эпоха Пушкина, современники Лермонтова и т. д. Да и Блок, к примеру, несмотря на весь свой символизм и романтизм, втискивается в очень определенный и конкретный отрезок времени, и даже в очень определенный и конкретный.

Теперь открываю, например, Заболоцкого: «Засуха», «Весна в лесу», «Утро», «Сагурамо», «Читая стихи», «В кино», «Вечер на Оке», «Гроза идет», «Сентябрь», «Одинокий дуб», «Казбек» и т. д. и т. п.

Мартынов Л. ...

Тьфу, извините, Виктор Иваныч, Мартынова под рукой нет, и в библиотеке не дают. Но помню, что тоже что-то порядком отвлеченное и общее, весьма расплывчатое.

В общем, получается как-то, что трудно, например, сказать: эпоха Заболоцкого, современники Мартынова или там Симонова и т. п.

Никакого такого абсолютного обобщения я здесь не делаю, для этого нужно слишком много времени, я просто хочу сказать, что даже как-то при самом беглом взгляде поневоле возникает подозрение, что весь секрет классики в ее сугубой конкретности, в ее прямо-таки языческой привязанности к грешной земле и к населяющим ее грешникам, в ее сатанинской нужности тому читателю, при котором она писалась. А уже от первоначального читателя к нам. Вообще очень редко потомкам приходится по вкусу то, что не нравилось еще современникам.

Конечно, Виктор Иванович, Вы сможете сказать: я не поэт, и все это меня мало касается.

Законы литературные, по крайней мере основные, совершенно одинаковы, что для поэзии, что для прозы. Просто на примере Толстого или Тургенева объяснить это было бы сложнее и длиннее, а я хочу выразить свою мысль как можно короче.

И Толстой, и Тургенев, и Достоевский — здесь то же самое: обобщенность, типизация и в то же время

страшенная конкретность, потрясающее количество таких совершенно подробных деталей, типов, за многими из которых стоят прототипы, что как бы зримо переселяешься в ту эпоху.

Кроме того же Солоухина... нет, как ни открывай, все равно как-то трудно молвить: герои Солоухина, мир Солоухина и т. п. Или возьмем Вознесенского — тут вообще часто просто, как говорится, бред сивой кобылы. То есть если честно признаться, то случаи, когда, прочитав книгу, можно сказать: а вот этот герой похож чем-то на моего знакомого Иванова, а тот — на Петрова, фантастически редки. Словом, типизация, конкретизация — большая роскошь, ну совсем как «черная роза в стакане голубого, как небо, аи».

Здесь можно, конечно, возразить: XX век, перенаселение, обилие человеческих типов, и т. п. Кой черт! Да очень часто приходится встречать людей, которые чем-то неуловимо походят на других встреченных тобой когда-то людей и т. п. И если хочешь подчеркнуть характерную черту какого-нибудь человека, то говоришь по старинке: этот прямо Плюшкин, этот — Ноздрев, тот — Репетилов, а это типичный бескрылый Вагнер, это — Остап Бендер и т. д. и т. п., то есть приходится в основном пользоваться разными классическими образами и мыслями.

По-моему, Виктор Иванович, тут совершенно естественно напрашивается догадка, что житейский фундамент всякого таланта в литературе — это его многослойное окружение, интенсивность связей с современниками, степень той же публичности, которую Вы находите вредной, степень его социальной активности, толщина культурного слоя, в котором он вращается и т. д.

Ну, к примеру, трудно предположить, что «Я помню чудное мгновенье...» могло быть навеяно какой-нибудь заурядной мещанкой. Трудно предположить, чтобы А. Керн осталась совершенно равнодушной и глухой к подобному посланию.

То есть, стараясь выразиться как можно покороче, я, быть может, выражаюсь не совсем ясно, но в общем из всего мною здесь накропанного можно-таки при определенном усилии выудить мысль, что я вовсе не стараюсь противопоставить дворян мещанам и т. д., я просто хочу сказать, что проблема «читатель — писатель» не какая-то там общая, а довольно конкретная пробле-

ма для того, кто хочет оставить о своем времени наиболее конкретные приметы.

В общем и целом, писателю всегда нужно знать, для кого он пишет и зачем. Хотя не все его герои прототипы его читателей, но все-таки при всех иных достоинствах много читателей — это все равно что много масла в каше, а сухая ложка, как говорится, рот дерет.

Эх, да что там рассуждать! Стоит только к жизни ближе приглядеться: чем ничтожнее тот или иной поэтишка, тем меньше он всерьез, а не для грому, думает о своем времени, о своих современниках и, стало быть, и о своем читателе.

Ну мне ли, Виктор Иванович, говорить Вам об этом! Когда мы, не видя вашего брата в глаза, даже заочно замечаем, чем посредственнее писатель или поэт, тем более он ориентируется не на конкретную действительность и совершенно конкретную публику со всеми ее достоинствами и недостатками, а напирает или на каких-то очищенных от мирской скверны героев и праведников, на отвлеченные принципы долженствования и положительного идеала (это делают большей частью прозаики) или на свое нутро, на свою якобы неповторимую индивидуальность (это чаще поэты).

Вы по роду своих занятий таких типов и таких графоманов встречаете и читаете гораздо чаще, чем мы. Так что напрасно Вы не воспользовались этой самой «вредной» публичностью, чтобы наступить им на пятки.

Если хотите попасть в бессмертные, то нужно пользоваться всяким малейшим поводом, чтобы отмежеваться от своих слишком смертных собратьев по перу. Зачем скромничать и лишний раз бежать за угол? «Только о великом стоит думать, только большие задания должен ставить себе писатель; ставить смело, не смущаясь своими личными малыми силами», — сказал Блок + + Вера Ив. Гончарова.

А цепочка «читатель — писатель» — это даже и не повод, это целый водораздел между литературным пахарем и между всякой царапающей бумагу шушерой.

Конечно, Ваши дела и Ваши мысли — это Ваши книги. Все это точно, да не совсем. Вся история литературы нам говорит, что газета, журнал, статьи и разные там заметки — это совсем не то, что писатель должен избегать. Лирик — это совсем не то, что физик. Физику можно жить, забившись в одну какую-нибудь дырку, для лирика же всякая скромность и непублич-

ность прямо вредны. Лирик по природе своей должен с барабанным боем и воинственным криком лезть, как говорится, во все дырки.

Да! А иначе по его скромности и цена ему будет очень скромная.

Конечно, я говорю о хорошей, а не о дурной публичности. Возьмите Л. Толстого, Чехова или поменьше фигуру (если Вы уж так боитесь великих) — Гиляровского — каждый их шаг, каждая мысль протекали на виду у публики, большая часть которой состояла из самых непосредственных читателей.

Теперь возьмите какую-нибудь кучу наших провинциальных деятелей культуры. (Думаю, что в столицах на этот счет картина лишь чуть получше.) Они тоже постоянно заседают и о чем-то витийствуют с сигарами в зубах, что-то там пьют для охлаждения. Но кому до них дело есть и кому они интересны? Такой дурной публичности Паустовский, например, избегал. Уж лучше бы сидели по деревням да тихо ловили рыбку!

Конечно, дорогой Виктор Иванович, Вы можете сказать: а чего говорить о том, чего нет? А нет, так нужно как-то возрождать, как-то шевелиться и чтобы публике видно было и интересно это шевеление. В этом, собственно, смысл культуры и состоит. Если Вы постоянно будете избегать хорошей публичности, то неизбежно впадете в плохую. Это Вы все так, набрасываете легкой акварелью. Вот возьму, мол, да и тоже по облегченному варианту заживу! Деньги, командировки за границу и т. п. А на самом-то деле этому целая драма предшествует или даже трагедия, если по нормальным меркам судить, а то мы все привыкли к заниженным. Да! И вот на этом самом перекрестке, где приходится выбирать между публичностью дурной и публичностью хорошей.

Так что, Виктор Иванович, не пытайтесь укротить своих читателей излишней скромностью! Чем больше Вы будете молчать, тем читатель будет болтливее и развязнее ввиду своей темноты.

А Вы бы лучше взяли да и, отбросив гордыню, предусмотрительно выступили публично по вопросу «читатель — писатель», тогда бы уже никто к Вам не смел приставать. И не посмел бы Вас терзать, как терзаю сейчас я. Вы сами оставили свои позиции открытыми, так что я здесь ни при чем, несмотря на свою нечленораздельную речь и нахальство. Ежели бы кто-нибудь ясно и вразумительно объяснил мне эту цепь «читатель —

писатель», то разве я стала бы сейчас пустословить и лезть на рожон. Вам на конкретном своем материале сделать это гораздо легче и сподручнее.

А теперь, конечно же, Вам не остается ничего другого, как съесть горький плод своего молчания и своей нелюбви к публичности. Тут Вам никакой Солоухин не поможет, тем более что и он вовсе не такой скромник, за какого себя выдает. Появись у него насморк, он и с насморком своим полезет к читателю и будет искать у него внимания и сочувствия, то есть определенно любит он нашего брата, хотя и не всегда хочет его замечать. А вдруг, чего доброго, когда он описывает все эти кушанья, кто-нибудь из некультурных читателей возьмет да и попросит, чтобы и его угостили? Или когда Солоухин в самых развернутых подробностях описывает, как он скупает там разные антикварные штуки, кто-нибудь из этих же самых некультурных читателей возьмет да и попросит у него взаймы? Тут поневоле приходится игнорировать и самого читателя и его вкусы, возросшие на наших бессребрениках, как Гоголь, Пушкин, Толстой, Достоевский, Горький и т. п. Во всех же других менее сложных ситуациях Солоухин всегда отдает должное своему читателю и очень любит публичность. Как говорится, один бог без греха, а в общем-то и целом Солоухин в этом вопросе не может служить Вам опорой и поддержкой.

А читатель, как Вам известно, существо коварное и непостоянное. Малейшая Ваша промашка, малейшая пустота или неясность — и он тут как тут, и уже готов вложить перст в больное место. Боюсь, что я в этом отношении не представляю никакого исключения, а потому надеяться на мою скромность и деликатность совершенно бесполезно.

Лучше заранее, Виктор Иванович, признайтесь, что дали маху, отказав «Литгазете». Она в этом случае лишь базировалась на конкретном вкусе нашего брата, а вовсе не на каких-то общих теориях и вопросах. Тут Вы чтой-то недопоняли — ей-богу!

По поводу Вашей книги мне тоже в свое время хотелось высказаться, но Вы долго молчали, а я думала, что или письмо не дошло, или к Вам слишком много цепляется разных обалдуев наподобие меня, поэтому я и поскромничала. А теперь, как увижу Ваши книги, так и растекусь — мне меда не нужно, только дай порассуждать.

Так что в не столь отдаленное время ждите очередного моего дружеского набега. Только если у Вас в скором времени что-нибудь новенькое выйдет, помимо тех двух книг, то не откажите в любезности сообщить мне, где и в каком журнале, чтобы мой ответ был как можно более полным.

С уважением,

Вера Ивановна Гончарова.

P. S. После праздника у меня два дня трещала голова, так что возможно, что и на этом письме можно обнаружить следы некоторой нестройности ума, то есть, дорогой Виктор Иванович, не будьте слишком строгим!

P. P. S. В другой раз я найду другое оправдание.

Здравствуйте, Виктор Иванович!

Нужно только чистосердечно отвечать на мои вопросики, тогда Вы никогда не попадете впросак. И потом, нужно еще иметь в виду, что я не всегда бываю серьезной, а частенько сбиваюсь на зубоскальство. Так что, несмотря на мой бальзаковский возраст, беседа со мной для человека умного не представляет особого труда.

Это все, что касается моей скромной особы. Дальше я, как только представится случай, пойду порыскаю, может, и «чистые глаза» отыщу. Если целиком выйдет, то Вы хотя бы сообщите, в каком журнале Вас поместят. По долгу службы Вы, конечно, этого не обязаны делать. Да Вы всю эту службу пошлите к чертовой матери — будьте всегда свободным и раскованным, щедро дарите своих читателей вниманием, улыбкой, поощрением и т. д. — все остальное суета сует.

По крайней мере, я всегда Вам добром отвечу. Я Вам все прочитанное всегда разложу по полочкам, так растрактую и все объясню, что Вы как будто на себя со стороны посмотрите — и, может быть, узнаете, а может, и нет. Притом отнюдь не с целью предать забвению, как это делают критики, а с целью облегчить Вам путь к бессмертию.

Так что Вы теперь, дорогой Виктор Иванович, сами видите, что Вы в моем лице нашли то, что Вы никогда не искали. Этого нельзя искать, это может быть только случайной, счастливой находкой, как сторублевая денежка.

Если всерьез говорить, то я сейчас Вас отвлекать от трудов не собираюсь, поэтому скажу немного. И потом, у меня под руками ничего Вашего нет, так что, наверно, буду ловить вкупе с «Чистыми глазами». Ужо тогда я забросаю Вас своими мнениями и соображениями.

...Я только хочу в связи со всем этим вышесказанным спросить у Вас (господи, как бы это все сделать покороче, а то я уже сама себе начинаю надоедать), как Вы лично относитесь ко всей этой стороне дела, то есть ко всему тому, что касается Ваших связей с читателями?

Конечно, я понимаю, что это вопрос сложный и многозначный. Но ведь ответил же, например, Солоухин совершенно точно и недвусмысленно. Может быть, и Вы в ту же сторону подадитесь — кто Вас знает!

Ну а если не в тылу, так зачем о соблазнах каких-то писать. Разве не естественнее было бы, если бы перед умным человеком стояли совсем другие соблазны, чем перед дураком? Разве сама по себе умственная деятельность не обладает такими многообразными и совершенно невыразимыми и недоступными для посредственности прелестями, что мы на каждом шагу встречаем (по крайней мере в истории) примеры того, как умный человек ради нее жертвует всем на свете?

Конечно, поддавшись соблазнам, опять будем писать, но только тогда уже автоматически вступаешь в ту фазу, когда ни ты читателю не нужен, ни читатель тебе не нужен, и на профессиональном языке все это уже умственной деятельностью не назовешь.

Вы видите, Виктор Иванович, что я Вас уже попутала, и, как честный человек, Вы обязаны теперь выпутаться, то есть хотя бы в самом общем смысле и самых коротких выражениях оправдаться перед своими читателями. Ответьте мне перед лицом нашего общего любимца — Пушкина, о каких Вы там соблазнах толкуете и как Вы вообще набрались смелости говорить о таком перед лицом своего простодушного и ясноглазого читателя?

Мы на вашего брата как невинные дети взираем:

авось чему-нибудь нас да научите, авось где-нибудь да в чем-нибудь благодаря вам прозреем. А вы: вот возьму сейчас и брошу все и этих лопухов, найду себе взрослые дела.

Точно ли есть какие-то другие взрослые дела? По-моему, ничего нет на свете, кроме чистых глаз, чистых душ и чистых помыслов — все остальное мура. Во всяком случае, ни Вы, ни я и никто другой из Ваших читателей никогда и ни при каких обстоятельствах не можем себе представить, как, например, Пушкин, или Байрон, или Толстой, или Есенин меняют свою непреходящую и вечную человеческую сущность на эту самую муру.

Вы что же, Виктор Иванович, хотите быть выше самого Олимпа и его обитателей?? Очень может статься, что все эти Ваши рассуждения о соблазнах и прочем — плод временных колебаний, а я уже Вам с ножичком к горлу подступаю. Но только учтите, что все эти колебания, и большие, и самые малюсенькие, и временные, — все это плод или каких-то совсем уж недоброкачественных связей с нашим братом-читателем, или связей непрочных, рвущихся или находящихся под угрозой чего-то.

Поэтому я Вам и задаю этот наивный, но, в сущности, коварный вопросик. А если мы будем молчать и ни о чем не спрашивать, то вы запросто все от нас куда-нибудь удерете. А нам тогда куда бежать прикажете?! К черту в зубы, что ли? Уж если вашего просвещенного брата соблазны одолевают, то нашего, наивного и глуповатого, и того больше.

Ну разбежимся мы, вы туда, а мы, читатели, сюда. Это что же выходит-то: «Кто куда, а я в сберкассу?» Так, что ли? Скажите по совести, что нам делать-то? Сидеть, молчать, слушать, пока тебя удостаивают вниманием, и не приставать со своими глупыми расспросами — так, что ли???

Имеем ли мы право прицепиться к кому-нибудь и тащить его в свою сторону? К чему наша вот, читательская роль должны сводиться и что мы такие за звери в Ваших, например, глазах? И нужны ли мы кому вообще? Может, мы какие-нибудь отжившие мастодонты и на нас вообще можно сквозь пальцы смотреть??? Новые, как говорится, времена и нравы новые. Сейчас многие без нашего брата обходятся. Конечно, одеть халат и продавать свои книги на базаре, или тащиться по

расписанию в какое-нибудь кафе и разглагольствовать там перед желторотыми птенцами человеческими, или навязываться рабочему в обеденный перерыв, когда ему просто хочется отдохнуть и выпить чего-нибудь прохладительного, — я это не считаю связями, потому что это не связи, а какой-то совместный балдеж. Связи настоящие должны быть естественными и свободными, как дыхание. Их ни под какое расписание не подгонишь.

Конечно, все свои сомнения и вопросы трудно коротко выразить. Да я и так уже наполовину убила Вас своей писаниной. Два-три таких читателя — и преждевременный нервный износ Вам обеспечен. Очень может быть, что Вы и захотите убежать от нас хотя бы из самых невинных соображений о своем собственном здоровье, опуская всякие другие соблазны. Я этого ничего не знаю. Я только как рядовой читатель полна самого невинного любопытства. Я смотрю на Вас бараньими очарованными глазами и надеюсь, что, может быть, когда-нибудь Вы найдете время, чтобы ответить на кое-какие мои, может быть, не слишком умные и не совсем ясно выраженные сомнения и вопросы. Это все, на что я осмеливаюсь в будущем. А пока я умолкаю, потому как чувствую, что в многоглаголании ни мне, ни Вам никакого спасения не будет, и остаюсь

Вашим читателем — *Гончаровой Верой Ив.*

Желаю Вам успехов и поменьше таких прилипал, как я!

г. Волгоград

...Что меня подтолкнуло сейчас? При разборе писем старых нашла стихотворение, которое Вы знаете, конечно: «Поэты русские, друг друга мы браним, Парнас Российский дрязгами заселен, но все мы чем-то связаны родным, Любой из нас хоть чуточку Есенин» и т. д. Приписывают это стихотворение Евтушенко, не знаю, верно ли.

Есенин... Какой яркой звездой промелькнул он. Почему, ну почему лучшие умирают так рано? Вы просите написать, что было в день его гибели. Узнала я

о том, что его уже нет, на другой день. Помню очень ярко. Я ночевала с малышом у мамы. И вот утром раздался звонок (мы еще спали). Пришел перед работой мой муж с газетами о гибели Есенина. Было так невероятно читать. Мы даже не говорили ничего, а молчали.

Потом мы ходили с ним на вечер памяти Есенина в Политехнический музей. На сцене были его друзья и враги. Был Маяковский, сидевший молча в глубине сцены. Зрители были молчаливы и грустны, и я помню, как возмутились они, когда артистка Камерного б. Никритина с какими-то нелепыми жестами читала концовку его стихотворения: «Голова ты моя удалая, до чего ты меня довела» (кажется, так?). С ним ушел из жизни кусочек чего-то очень хорошего, чистого. Есенина и сейчас много читает молодежь (я подразумеваю школу), и, думаю, будут любить всегда. Не могу простить людям, его окружавшим, его гибель. Почти мальчик еще, сколько он сумел и каких написать стихотворений.

Простите, голова дурная, хочется написать, как думаешь, а не получается. Кончаю. Почерк дурной, после операции в 58-м году у меня правая рука дрожит и выделывает, что ей хочется.

Спасибо за книги. Бываете ли вы в Москве? Всего-всего хорошего.

Е. Н.

Виктор, в годы войны я купила на рынке «Русский вестник» за 1865 год. К сожалению, были только 5 книг, по 2 номера в каждой. Нет № 5—6. Если вам они интересны, я их вышлю. Журнал издавал пресловутый Катков. Если вам интересно, что в книгах, пишите, и я перечислю. Книги мне не нужны, оставлять их некому.

Еще раз желаю удач Вам и здоровья.

Е. Н.
г. Москва,
1973 г.

Здравствуйте!

Я не люблю писать письма: они как птицы: выпустил и все — лови. Всегда мне кажется, что я не так что-то написала, не так выразила свою мысль, в чем-то поспешила, а в чем-то непростительно медлю, и еще много всяких «не». Я люблю живую речь. По-моему, говорить, не видя своего собеседника, его настроения, его реакции на твои слова, наконец, его глаз — это очень трудно и не всегда правильно, вернее, не всегда достоверно. Вряд ли я стала бы так говорить с Вами, как пишу, но у меня есть только эта возможность.

Много раз писала я Вам — мысленно, говорила с Вами, а иногда и «плакалась в плечо». Нет-нет, я не буду объясняться Вам в любви, не буду говорить, что Вы — гений, первого нет, а во втором я слишком слабо разбираюсь.

Ну, думаю, хватит прелюдий. Где-то сразу после Нового года мне попалась Ваша книга «Чистые глаза». Я взяла ее в библиотеке. Сначала просто читала — книга как книга. Я не прочитала ее залпом, не проглотила, как часто делаю с другими книгами. Но, странное дело, чем больше я ее читала, тем больше не могла оставить ее, начать что-то другое (так я тоже иногда делаю). А когда книга кончилась, мне показалось, что я слышу какую-то очень знакомую и близкую нежную мелодию.

Да, именно так. Прочла книгу, а осталась после нее не смысл, не сюжет, а именно музыка. И эта музыка была очень близка и понятна мне. Я не знаю, сможете ли Вы понять меня и смогу ли я объяснить. Мне показалось, что книгу писал человек, близкий мне, близкий душой. Как бы это объяснить? Я сразу же решила, что, доведись нам встретиться когда-нибудь, мне было бы легко и просто говорить с Вами, а главное, мне не нужно было бы объяснять себя, что я больше всего не люблю. Если мне приходится объяснять себя кому-то, этот кто-то сразу же становится чужим, далеким и ненужным.

Если нет в мире человека: который бы без слов понимал тебя, — это не жизнь. Много лет я ждала такого человека и вот нашла — Вы, вернее, Ваша книга. Я очень долго держала ее у себя, но потом пришлось отдать. И, знаете, я боюсь ее перечитывать. Боюсь потерять то, что нашла. Очень трудно, когда тебя не понимают.

Возможно, я глупая старая дура. Мне часто говорят, «хватит витать в облаках, пора жить реальностью, тебе 26, а ты все чего-то ищешь, чего-то ждешь». Иногда мне кажется, что они правы, но это иногда. Когда мне было 17, мне посоветовали всегда оставаться с душой ребенка. Так и получилось, что в душе я осталась ребенком — это и хорошо и тяжело. Легко, когда рядом кто-то сильный и понимающий. У меня его нет. А есть Ваша книга. Много на свете хороших, чудесных, прекрасных книг, но в Вашей книге та же мелодия, что и в моей душе. И поэтому она единственная. К несчастью, больше в нашей библиотеке ничего нет. Ребенок, когда что-нибудь хочет, говорит «Дай!», говорю это и я. Мне бы очень хотелось получить насовсем эту книгу. Пусть будет рядом немой друг. Все-таки лучше, чем никого. А еще очень хочу почитать и другие Ваш книги, если они есть.

Не посчитайте меня бессовестной, но если сможете, пришли хоть что-нибудь.

Знаете, я очень любила и люблю Грина и безумно завидую ему — так мечтать. Я ненавижу себя за бездарность. Если бы у меня талант был, хоть какой-нибудь. Внутри у меня кипит и клокочет вулкан фантазии, а вырваться наружу не может — нет хода, нет никакого таланта. А если бы он был, я бы делала удивительные вещи, картины, скульптуры, книги, танец. Знаете, я до сих пор еще иногда летаю во сне. А вообще во сне я бываю сама собой, живу своей жизнью. Не притворяюсь, не лгу, не маскируюсь, не, не, не.

Ну вот, прочтете, улыбнетесь, скажете: «Да, действительно... Престранная особа». Ну что же. А книгу все-таки пришлите.

Я буду очень ждать.

Живу я в Крыму.

Бахчисарайский р-н, п. Куйбышево,
Фадеева Наталия Васильевна
(учусь на 3-м курсе
стройтехникума).

Наверное, очень утомительно, когда каждый, кому не лень, пишет письма чужому человеку?

Уважаемый и дорогой Виктор Иванович!

Я очень люблю историю и, конечно, когда приехала в Краснодар, сразу же стала интересоваться, что и где. Мне много рассказала моя тетка, которой, конечно, уже нет в живых. Я бегала смотреть дома атаманов.

Милый Виктор Иванович!

Ваша книга столько всколыхнула! Я когда приехала, белый собор, где теперь сквер, был в руинах, их убирали, стадион «Динамо» казался нам на краю света, не было Черемушек, были сады и хатки, а теперь я живу в высотном доме и смотрю на Пашковку.

В 1934 году я работала слесарем на пуговичной фабрике «Перламутр» на ул. Жданова (бывш. Базовская), девчата в основном «с разбойничьей Покровки», как говорит один из героев Ваших, говорили: «Пойдем на Борзиковской», а я ведь не знала старых названий и не понимала их. Так вот, в 1934 году нас послали на субботник, и мы работали (возили и грузили рельсы на ул. Пролетарской (теперь Мира). Там меняли трамвайные пути на ширококолейные, и нам потом вручили лотерейные билеты. Лотерея была продуктовая, и я выиграла 4 кг пчелиного меду. А в 1935 году я благодаря Вам узнала, что мы с мужем регистрировались в доме атамана Бабыча. В этом доме был горсовет, теперь там школа.

А Папсуй-шапка. Я чуть в обморок не упала. Да ведь до войны была артель «Проводник» и там работал мастер Папсуй-шапка Константин Иванович, он уже умер, а сын его, Константин Константинович, жив, работал (сейчас не знаю) на фабрике головных уборов и играл с моим мужем в футбол до войны. Я его в прошлом году видела, а в это воскресенье около могилок династии Папсуй-шапок видела старушку. Я ее расспросила, она говорит, что Василия Афанасьевича у них не было. Она сказала: «Наши всем генералам шапки шили».

А в Вашего Толстопята я просто влюбилась. Ну как Вы пишете!!

Прочитала я еще Вашу книгу «Осень в Тамани». Наслаждалась. Внук купил.

Особенно мне понравилась глава из Маленького Парижа «Город невест». Как Вы пишете о своей Настеньке, о Мишке Потанько. Чудо!

Ну не буду Вас задерживать.

Желаю Вам плодотворной работы, успеха, большого семейного счастья. Жму Вашу руку.

Палагина Елена Константиновна

Уважаемый Виктор Иванович!

Большая благодарность за Вашу книгу «Ненаписанные воспоминания».

Пишет Вам жительница б. Екатеринодара. Правда, я не казачка, но с 1911 года наша семья жила в Екатеринодаре. Прожила я там 65 лет, с 1976 года живу в Кишеневе.

Жили мы на Рашпилевской, № 11, ныне Шаумяна, № 131. Подворье, где мой отец снимал квартиру, принадлежало Гаврильцеву Дм. Ив. — лесоторговцу. Во дворе была начальная школа. Сейчас там геоотдел горисполкома или что-то в этом роде. Я была свидетельницей многого, описываемого в Вашей книге, например, видела бесконечные повозки с калинками, большей частью на верблюдах, ехали и днем и ночью. Против нашего двора стоял дом князя Улагая (кажется, брата генерала). Красивый, одноэтажный дом, облицованный светло-желтыми плитками. Из этого дома, по обычаю черкесов, была женихом похищена дочь князя. Об этом ходили слухи. По этой же улице водили под конвоем в кандалах и в арестантской одежде арестантов в обл. суд, который был, где сейчас крайком.

Я училась с сестрами в Мариинском институте, хотя была, как презрительно называли нас казаки, «городовичкой» (иногородней), но так как мой отец работал инженером в Кубанском областном правлении (ныне в этом здании, кажется, роддом), ему разрешили отдать детей в Мар. институт. Я была свидетельницей, можно сказать, участницей («реверансы») посещения царем института и видела, как Вы пишете, как он «приласкал» хроменькую казачку, она стояла недалеко от меня. До приезда царя нас, учениц, часами мучили в зале общим реверансом в садике. Срочно снесли деревянную будку сторожа, построили кирпич-

ную. О скандале с посещением великокняжеского вагона старшеклассницами-мариинками слыхала, но смутно и, хотя мне было около 10 лет, меня это не интересовало. Я помню, что институтки выбежали из здания и говорили, что они целовали автомобиль царя. Царь был в серой черкеске, как Вы пишете, и приласкал хроменькую казачку. Это была Шупляк Тася, сестра моей соученицы.

Мариинок, посетивших вагон великого князя, чуть не исключили из института. Повторяю, меня все это мало интересовало. Училась я все время первой ученицей, много читала, была развита. Учитель русского языка Николай Алексеевич Розов называл меня «наш корифей». Розов долго потом преподавал в Краснодарском университете. Сейчас, во время писания этого письма, вспоминаю, как я писала домашнее сочинение: писала его накануне сдачи, писала весь вечер, ночь, бесконечно переписывая, вставляя фразы, делая сноски. Николай Алексеевич имел обыкновение читать в классе лучшее сочинение без упоминания автора, слушая это сочинение, думаю «вот как надо писать, как верно и красиво написано». Потом оказывается, это было мое сочинение, получила высший балл с минусом «за грязь», это мои издержки за муки творчества, особенно помню тему «Муки и радости Мцыри», оно тоже было для меня мукой и радостью. За эти мои воспоминания детства благодарю Вас.

В 1917 году институт был переименован в Войсковую женскую гимназию. Учителя были почти те же, только начальница была уже не Апухтина. В 1920—1921 году я закончила Единую трудовую школу 2-й ступени IV группу — сиречь 7-й класс. Школа была на улице Фрунзе, рядом с церковью. Теперь что я еще помню, что был повешен на Крепостной площади Калабухов и еще кто-то, или Быч, или Бардиж, но знаю, на букву Б. У нас училась его дочь. Утром она шла в институт и, увидев казненного отца, упала в обморок.

Вы пишете, что памятник Екатерине стоял на Крепостной площади. По-моему, он стоял всегда в Екатерин. сквериκе, против дворца Атамана, а на Креп. площади (сейчас — территория больницы, раньше называвшейся Войсковой больницей) стояли Крепостная церковь, а не часовня, в ограде которой были похоронены знатные казаки. В этой церкви мы все говели, ходили на «12 евангелий», бабушка моя была ревност-

ной прихожанкой, и даже я в 1923 году в церкви венчалась; поговаривали, что церковь была построена без одного гвоздя, но я в этом сомневаюсь. Не помню когда, уже после Великой Отечественной войны, выкапывали захоронения знатных казаков в ограде церкви. Я уже жила на ул. Крепости (Пушкина, 41), против крайкома. Дворовые побежали смотреть, а я не люблю такие зрелища, не пошла. Говорили, что на их одежде были ордена, были шашки, кинжалы с красивыми ножнами.

Вы называете в книге вокзал № 1 в Краснодаре (Екатеринодаре) как Черноморский, а у нас Черноморный (Черноморка) назывался вокзал № 2, у Чистяковской рощи. Может быть, раньше вокзал Краснодар-1 и назывался так, но этого я не знаю.

Очень знакомы мне и фамилии екатеринодарских купцов. На улице Красной и Штабной был бакалейный магазин Чилингарова, где у нас была заборная книжка, по которой мы брали товары в кредит. На верхнем этаже этого здания было общественное собрание (кажется, 2-е, куда родители водили нас, детей, на елку, купив предварительно билеты), где была роскошная елка с подарками. Напротив магазина Чилингарова была шашлычная Бадурова с двумя каменными баранами у входа, где бывали и мои родители со знакомыми. В магазине Сахова нам покупали обувь, в кондитерской Гезе — сладости, у Вютериха брали деликатесы — балык, паюсную и кетовую икру, колбасы и пр. У бр. Сарантиди мама купила новый рояль, взамен своему старому, и очень радовалась, что старый купило общество трезвости, в хорошие руки попал ее старый друг рояль, у Сарантиди же покупали и ноты. Когда была распродажа в магазине бр. Богарсуковых, мама привозила массу вещей по сниженным ценам, в основном детских.

На днях мне прислали вырезку из газеты «Советская Кубань» от 6.XII.87 г. «Памятник архитектуры» о здании Госбанка, который строил мой отец Козо-Полянский Николай Митрофанович в 1912—1913 годах. Он иногда брал нас на стройку, и особенно запомнилось, как при подъеме на крышу скульптуры Льва он треснул, пришлось исправлять. В Госбанке долго работала моя покойная дочь Майя. Она мне и рассказала, как однажды со статуи на фасаде обрушилась часть скульптуры (рука) и, падая, повредила автомашину,

стоявшую возле здания. Тогда же администрация Госбанка просила горисполком разрешить снять все скульптуры на фасаде, но нашелся в исполкоме умный, культурный человек, и сделать это не разрешили.

Я рада, что отец оставил красивую память моему любимому Краснодару. Он почти моя родина, а мои дети и внуки, правнуки — родились в нем. Он мне очень и очень дорог.

Между прочим, в прошлом году Краснодарский крайархив запросил меня, готовясь к юбилею Екатеринодара — Краснодара, об отце. Я ответила, что помню и знаю, а вот что он построил еще здания (на Советской, там была крайпрокуратура, и на Советской же, здание школы № 8, кажется, бывшая женская гимназия), я узнала из заметки в газете «Комсомолец Кубани» от 3.IX.80 г.

Какой гигантский труд Вы взяли на себя, собрав такие подробности о жизни казаков, написав свою книгу, и, надо сказать, выполнили его с честью. Некоторые сведения меня просто поражают; о хроменькой казачке, которую приласкал царь (как я уже писала, это была сестра моей соученицы, Шупляк Тася). Хочу написать еще о приемной дочери генерала Вишневецкого, ее звали Таня, училась она в пансионе Мар. ин-та. У нас говорили, что она подброшена генералу цыганкой. И правда, в ней было что-то цыганское, вьющиеся каштановые волосы, громадные темные глаза, а главное походка, ни с чем не сравнимая походка — пластичная, изящная, ходит, как будто танцует. Вы, может быть, обратили внимание, так ходят все цыганки, даже пожилые. Она была большая озорница и шалунья.

Удивительно, в последнее время (до 1973 г.) я жила на ул. Красной и Пушкина, против библиотеки Пушкина, где Ваш герой Толстопят, смотрит праздничную демонстрацию, а я смотрела ее из окна, и жил он, как Вы пишете, я поняла, недалеко от моего дома. И дом Бурсака я помню. Думаю, что дом этот надо реставрировать, если это еще не сделали, ведь этот дом один из первых, принадлежащий казачьему атаману Бурсаку.

Итак, «летопись окончена моя». Может быть, Вам все это и не нужно, но ничего не поделаешь, нахлынули навеянные Вашей книгой воспоминания.

Простите за наряшливый вид, сумбур в письме, но

больше переписывать не буду. Ведь мне 84-й год, «шарики» уже не те, хотя стараюсь изо всех сил упражнять их: решаю кроссворды, занимаюсь пасьянсами — этими карточными шахматами, много читаю, но годы берут свое. Простите за задержку письма, начала я его давным-давно, как прочла книгу. Хотела дочитать и послать ее своим подружкам, но достать ее невозможно. Буду ждать второго издания. Будьте здоровы и благополучны. Удачи Вам во всем и везде.

Уважающая Вас, Марианна Крынева

Здравствуйте, Виктор Иванович!

Вас, возможно, удивляет мой адрес, или же Вы даже не поняли, от кого это письмо. Ведь оно из Архангельска, с самого «края» земли. Но удивляться не стоит, где человек не может быть... Я та жа самая Рая из Марийской АССР, но живущая вот уже неделю с небольшим в Архангельске. Как я сюда попала, почему именно сюда — объяснить очень трудно, но все же возможно. Еще в детстве мне хотелось увидеть Север, и вот лишь сейчас мое желание сбылось. Теперь, думаю, посмотрю мир, поезжу. Ведь теперь я свободна, а свобода превыше всего, как говорил мой любимый поэт Пушкин. Но она мне досталась дорогой ценой, о чем стану писать дальше.

Теперь о Севере. Архангельск — город большой, красивый, но очень разбросаны его районы. Расположен он по берегу Северной Двины, красивой многоводной реки, по которой даже сейчас, зимой, идут суда. Зимой иногда здесь бывает северное сияние, летом — белые ночи, которые я мечтаю увидеть. Очень много лесов, подступающих к городу. Лес красив. Зима-кудесница принесла морозы и вьюги сюда.

Задумчиво стоят великаны деревья и слушают колыбельную песнь снегопада, искристого и пушистого. Поет снегопад о теплой весне, которая снимет покрывало и взамен даст нежно-зеленый наряд, о журчащих ручьях, о пении птиц...

Но не верят деревья этой сказке. Недоверчиво по-

качивают они ветвями. Только елка стоит, склонив острую верхушку, слушает с любопытством и улыбается про себя. Ей-то ни к чему ручьи и птицы, да и наряд ее всегда при себе.

А молодая, неопытная березка, как юная дивчина, кажется, поверила снегопаду. Она все трепещет, словно молодая лебедушка перед полетом. Ее руки-веточки протянулись к солнцу. А остальные деревья уже начали засыпать, убаюканные тихим шепотом снега. Все ниже склоняются их верхушки в белых шапках. Все ближе вечер. А снежинки все падают и падают... Хорошо в лесу. Вы не хотите побывать?..

Красив Архангельск своими не совсем обычными домами, чуть-чуть, я бы сказала, строгими. Прекрасны и деревянные дома, двухэтажные, обшитые досками и окрашенные в различные цвета. Они грациозны своей северной типичностью, всем своим несколько суровым видом. Прекрасны здесь люди, добрые и приветливые, чуткие и внимательные, они порой бывают молчаливы, чему, вероятно, приучили суровые климатические условия. Но за этой молчаливостью кроются прекрасные черты этих людей, умеющих ценить и доброту, и внимание, и нежность, и любовь. Я влюблена в этих людей, влюблена в реку Двину, в леса, в поля, в город. Мне все здесь нравится, и теперь Север считаю своей второй родиной. Никакие условия юга с его фруктами и теплыми морями не заменяет мне ни моей родины, Марийской АССР, ни Архангельска. Где бы ни была, всюду буду скучать по этим местам.

Устроилась на работу медицинской сестрой в хирургическое отделение больницы № 16. Работа, конечно, ждет нелегкая, ведь в хирургии трудновато. Но практического опыта больше будет и вдобавок о хирургическом отделении раньше мечтала.

Живу в общежитии по улице Комсомольской. Общежитие хорошее, благоустроенное, и о лучших условиях не стоит мечтать. В общем, все хорошо у меня теперь. С работой, правда, еще не совсем определенно, так как трудовая книжка осталась и ее должны прислать. Пока до 4 января в отпуске. А там, думаю, пришлют, обещали.

Во время отпуска никуда не ездила, хотя и собиралась. Все получилось не так, как предполагала. И Вы, вероятно, будете совсем ошарашены, читая это письмо далее. Была замужем, хотя прожила с ним

меньше месяца даже. Думаете, что очень легкомысленна?.. Может быть, не спорю, но, понимаете, я хотела переделать человека, изменить его, сделать из пессимиста оптимиста. И вышла замуж с таким желанием, зная, что другие мои знакомые могут и без меня прожить, так как им помощь, жалость не нужны, так как они люди сильные. А ему тяжело одному с дочерью, которую он привез с Севера в 2,5 месяца и, казалось, жил только жизнью дочери, воспитывал ее. Я за это уважала его, хотела помочь и стать дочери его матерью, не оставив сиротой. Но из моего желания ничего не получилось. Раньше он выпивал, и, казалось, на это есть причина, но он продолжал пить. О дочери, как оказалось, беспокоилась и заботилась лишь его мать, которой уже 72 года. Когда дочь заболела и попала в больницу, навещала ее лишь я и его старший брат с женой и сестра. А он собирался чуть ли не 3 недели, ссылаясь на то, что нет времени, хотя на выпивку хватало, и за это время, пока я была с ним, он самовольно устраивал себе выходные дни. Ничего изменить не в силах была. Он обещал исправиться, но обещаний было много, но дел не видно. Узнала еще вдобавок, что он ранее был женат и, кроме Оли, имеется у него старшая дочь. Мне казалось, это не имеет никакого значения, лишь бы он стал человеком. Но когда мы ходили в сельский Совет и нас сразу не зарегистрировали, он опять выпил. Казалось бы, можно простить, коли не повезло, но вечером, когда пошли в гости к моей знакомой, то напился так, что буквально валялся на улице. И я поняла, что ничего не получится. Только жаль стало Олюшку, милую хорошую девочку, которая стала мне словно родной. Жалко, что у нее такой беспутный отец, и кто знает, как сложится ее жизнь. Жизнь его лишь тление, а человек — конченый и никто ничем не поможет. Самому ему одному не исправиться. Я покинула его и решила сразу же ехать в Архангельск, куда меня звала Зина, с которой мы были знакомы через «Комсомольскую правду». Вечером, когда, в его отсутствие, ушла от него, а вещи по почте отправила в Архангельск, он приехал ко мне домой. Ничего толком не объяснила маме, собираясь поговорить с ней утром, как появился он. Пришел выпивший, уговаривал вернуться, просил, по крайней мере, не уезжать никуда. Умолял, уговаривал, клялся, что исправится. Но я уже знала, чего

стоят его слова, и поэтому ничего не получилось у него. Поэтому, должно быть, решил он уговорить ехать к нему уже кулаками по тому месту, где находится шов после аппендицита. Я чуть сознание не потеряла, настолько сильна была боль. Обидно было, что так человек поступает в то время, как его хотели понять, помочь. Оказывается, слишком мало человеческих чувств осталось в нем, если он таков. Пусть он любит, но для счастья любовь — это слишком мало, оказывается, любовь — это чуть ли не мелочи, хотя раньше этого бы не сказала.

На следующий день, когда я собиралась уехать, приезжала его сестра, пытаясь тоже уговорить уехать к нему. Но меня дома не застала, так как я была в Семеновке, где работала и где раньше жила с ним. Тут мне сказали, что он меня везде разыскивает и если найдет на вокзале, то может мне не поздоровиться, так как он грозился убить. Поэтому на поезд, кроме мамы и подруги, провожал еще милиционер. Был ли он там, не знаю. Вот так и закончилась моя трагедия. Жалею ли я о своем поступке, н е з н а ю. Ведь что со мной ни было, я остаюсь все таким же оптимистом, верящим во все хорошее, доброе, светлое, чистое, и смотреть на мир продолжаю восторженными глазами через розовые очки, летать в небесах, мечтать. Уж такой я, наверное, человек, неисправимый по-своему. Не знаю, хорошо ли, плохо ли, что я такая, мне об этом никто не говорил. А после всего этого я стала, может быть, чуть взрослее, стала более уверенной в себе. Теперь узнала, что я не такая уж дурнушка, как когда-то считала, что могут нравиться и мой греческий нос с горбинкой, мои глаза, брови, родинка на щеке. А быть уверенной в себе — это уже кое-что значит. Как видите, я осталась прежней.

Меня ругали, стыдили, жалели за мой поступок, но мало кто по-настоящему понимал. Меня сплетни не задевают, не обращаю на них внимания, но не из-за этого уехала. Просто поняла, что невозможно будет там нормально жить из-за его преследований, ведь знаю, он не оставил бы меня в покое, надеясь на то, что я вернусь. А мне такая жизнь не нравится. Я не хочу избегать кого-то, хочу жить настоящей жизнью, полной тревог, трудностей в комсомольской работе, интересоваться всем, читать, быть в кино, кататься на лыжах, спешить, уставать, удивляться и т. п. Все это для

меня составляет счастье. И вот попала я наконец на Север, где все для меня неизвестно, где все начинается сначала. Не знаю, как все сложится, но знаю, что бы ни было, все к лучшему, ведь на то мы и оптимисты, не правда ли?

Конечно, можно было бы писать более подробнее, написать, что иметь близкого человека, ждать его с работы, беспокоиться о нем — это счастье. Но это счастье слишком маленькое, оно меня не устраивает без всего остального, без активной жизни, поэтому не буду писать об этом. Вы, думаю, знаете жизнь...

Жить такой серой жизнью, как была у меня, заботиться о нем лишь только и забыть для него весь окружающий мир — очень много для него. Он этого не стоит со своими вечными выпивками. Я все-таки Человек. Пыталась сделась его человеком, но не получилось. А теперь Вы судите, смотрите, как быть со мной, решайте, как меня теперь называть: то есть решайте, как говорят, казнить меня или помиловать. Я хочу узнать мнение человека, которого я чрезвычайно уважаю, который, кажется, способен меня понять. Этот человек, как догадались, вероятно, Вы, Виктор Иванович. Я жду Вашего ответа, и теперь, думаю, не станете молчанием отвечать на мое письмо, как было прошлый раз. Ведь должен же понять меня хоть один человек, которому я так откровенно обо всем рассказываю? Неужели Вы обидите меня молчанием?

Сейчас уже ночь скоро, уже полночь пробьет, а я сижу в постели, снова и снова перечитываю книжечку, присланную Вами когда-то. Читаю и будто слышу какое-то пение, будто сама жизнь поет, ликует в этой книжке. Может быть, ничего подобного кто-то не находит, но мне все нравится. Мечтаю прочитать другое Ваше произведение «Когда же мы встретимся?». Когда оно выйдет? Где можно найти другие Ваши книги, «Избранное» когда будет? Так хочется прочитать, но не повезло ранее в Москве, ничего не нашла. Правда, по всем книжным магазинам бегать не было времени, так как была лишь проездом. Может быть, Вы посоветуете, куда обратиться? Или же что-нибудь можете прислать Вашей глупой, наивной, смешной незнакомке, которая пишет Вам удивительно длинные откровенные письма? А я постараюсь подобрать что-либо хорошее из книг архангельских писателей и прислать Вам. Думаю, Вы их не знаете...

Заканчиваю, уже полночь. Простите, что не поздравила с Новым годом вовремя. Но теперь уже поздравляю с наступившим Новым годом и желаю всего того, чего Вы сами себе желаете.

Всего доброго!

Рая,
Архангельск

Евгений НОСОВ

Отношения между писателем и его читателями измеряются весьма простым инструментом, напоминающим старый добрый безмен: чем больше весит произведение, тем больше у него читателей. Имеется в виду не просто гиревой вес, а подлинно художественная весомость произведения.

Тем не менее не всякая книга, даже добротно сработанная, может вызвать широкий читательский отклик. Тут действует совсем иной механизм, более чувствительный и тонкий, нежели простое взвешивание. Главным катализатором читательских эмоций является искренность. Чем откровеннее, доверительнее сам автор, тем большую потребность вызывает он у читателей взяться за ответное перо. И вот этим-то письма, вызванные открытостью писательского сердца, и являются самой дорогой наградой автору.

«Почти месяц пишу вам это письмо, — сообщает Б. С. Соголовская из Новороссийска. — Простите, но выслушайте, пожалуйста. Я доверяю вам и поэтому пишу лично вам. Другого времени может не быть, мне 68, и я на финишной дорожке. В светлый День Победы снова взялась за перо. Это — самый дорогой праздник, воистину со слезами на глазах, и голова стала белою. Но делать нечего, теперь седин не закрасить, да и не хочу. У всех судьбы разные, но моя — она моя. Выслушайте же меня...»

Эта пожилая женщина ничего от меня не требовала: ни помочь ей с жильем, ни похлопотать пенсию... Просто она хотела, чтобы я выслушал исповедь ее нелегкой жизни. Для этого она и выбрала меня, поверив мне через мои книги. Спасибо ей за это!

А Петр Степанович Суходонов из Ростова-на-Дону свое откровение закончил так: «В сталинские времена этим бы я подписал себе приговор смерти. Но посмотрю, как будет. Жить осталось уже мало. А жаль...»

Или вот живой душевный отклик инженера Свешниковой с Грозненского химзавода: «Я не буду писать много, как всегда, не хватает времени, но не откликнуться была не в состоянии. Ваша статья в «Литгазете» о перестройке пронизана болью за наше Отечество, и как созвучно это нашим чувствам. Я не могла удержаться от слез, да что там слез — рыдала навзрыд там, где про коров, лошадей, про наши деревни».

Публикуемые ниже письма — из общего потока читательских откровений, которые составляют достоверную мозаику человеческих судеб, сквозь которые, в свою очередь, просматривается история и судьба самой нашей России.

«ТЫ ЗОВЕШЬ МЕНЯ В ДАЛЬ РУССКУЮ»

* * *

В этом году я получил от тебя две светлые весточки, согретых душевным теплом. Сознаюсь, в груди и по сию минуту трепетным огоньком потрескивает радость, моя радость. Меня всегда радует, когда другие люди умеют слушать природу, видеть ее прелесть. И главное, что одарены передать все это словами, музыкой, песней, строкой, живописью.

И потому мне так же приятны весенние мелодии наших пернатых друзей. На карнизе окна у нас постоянно накрыт птичий дастархан, на трапезу слетаются не только наши домашние горлинки, но и кольчатые дикарки, сизари, гвалтом налетают воробьи, крикливые, суматошные, грязные, но достоинства не теряющие и умеющие постоять за себя. Пикируют на стол сороки. Боязливо садятся черные дрозды. Бывает, заглянет на обед синица. Уже послышалось воркование. Начались мужские поединки, да такие порой сердитые, что аж перья летят. Прочищают для весенних состязаний свои голоса домашние петухи, коих в нашенском дворе дюжины две наберется. Обновляют свои одеяния, и глядишь, вчерашний задрипанный офицеришка стал гвардейским, уже чуть не полковником. Идет по земле, задрав голову, земли, стервец, не видит. И своих жен полный гарем, глядишь, прет напропалую за чужой хохлаткой. Конечно, своя есть своя, а чужая, она, видать, послаще, да и ей вроде баловство такое приятно.

С рыбалкой у нас сейчас совсем дело жаман — плохо. Не стало пескарей, османчиков, а уж чудо-маринке, видимо, крест. Нет ее. Она чистюля, а вода загажена. А потом все нерестилища пересохли. Почти не стало комарья, и мальку кормиться нечем, личинок — жок — нету. Мужики еще в низовьях ловят кое-где жереха, щуку, сома, судака — все это незваные гости в наших краях. И их становится все меньше, ведь стоки с промпредприятий, рисовых чеков и вообще с полей — такие ядовитые, что люди уже страшатся залазить в воду, чтобы не нацеплять болячек на тело. И по-прежнему наш комбинат сбрасывает в Текелинку, а значит, и в Каратал страшенные реагенты, в которых самые ядовитые вещества. Еще с 50-х годов я повел защиту земли родной, ее почти хрустальных источников. Истратил столько сил, нахватал болезней, нажил столько врагов, а проку никакого. Обидно! Порой казалось, что бьешься в бетонную стену, а от нее — ни звука. Страшное, убийственное равнодушие к Матери-природе, к её братьям младшим — зверушкам и пичужкам, лугам и лесам, цветам и родникам.

С трибун горланят о чести, совести, правде, партийном долге, но на деле и пальцем не пошевельнут, чтобы уберечь мир, травинку малую, златоголовый одуванчик у дороги, оградить родничок. Сколько развелось крикунов, комчванов, пустобрехов!

Нет, браток, так жить тяжело! Под конец жизни губы кусаешь: на что загубил столько сил, душевной энергии?.. Но почему я должен говорить такому же коммунисту, как и я, что он порочит это звание, искажает, а то и вовсе не выполняет коммунистических заповедей, наших народных законов? Как он пробрался в партию, да еще указует? Может, очистительный ветер кое-что сметет с уставшей земли, может быть, что сумеем сберечь?

Обидно, что вся эта загребущая, ненасытная, жадная, бессовестная камарилья почти в открытую творит свое черное дело, обкрадывает казну и нас. И так издевательски ухмыляется, что, мол, не умеете жить. Спрашивается, куда столько много нужного и ненужного человеку — особняки, машины, золото, камни драгоценные и прочее все — сверкающее, сияющее. Это все наружное, а заглянешь вовнутрь — нищета духовная, бездарщина, глухота к мирскому крику.

Видимо, эта моя святая ярость ко всему подлому,

низкому, грязному в этой моей жизни подтачивает, изнуряет и тело, и дух мой. Может быть, я не прав и чрезмерно горяч, мало учен, не больно стеган судьбой? Я с содроганием вспоминаю давнюю, очень давнюю трагедию, как один пьяный звериный человек бил палкой собаку так нещадно, что я захотел закричать, а голос пропал. С тех пор я возненавидел палачей, что измываются над животными. Это не люди, это чудовища! Мне однажды все же случилось стегать плетью такую сволочь. Как она орала, как она визжала! Я заставил ее сожрать ком земли.

Вся эта орава нагла тогда, когда она пьяна, когда их много. А вот один на один они поджимают хвост. И хотя всю жизнь мое здоровье было почти хлипким, я не страшился этих подонков, даже не думал, что они могут убить, искалечить. Потом только приходили страх и злость.

Дорогой братишка Женя, ты зовешь меня в даль русскую, в милый твоему сердцу Курск. Заманчивая мечта, светлая и щемящая. Мне бы, конечно, надо было бы встряхнуться, взвиться соколом в даль далекую и в высь высокую, чтобы хоть на какой-то там миг не видеть уже скучных, почти раздражающих картин городской жизни. Сразу скажу, что это приглашение для меня великое счастье. Я земно кланяюсь за эту высочайшую честь, оказанную мне. Пусть это для меня будет всегда праздником, волнующим и не забывающимся никогда. Ибо никто еще не приглашал вот так меня — искренне, любезно, по-братски.

Но что ныне Павел? Птица без крыльев! Весна всегда была для меня мучительной и сладостной порой. Она рвала меня на куски, терзала, звала куда-то, как колдунья. Каждая хрустальная нотка или малиновая запевочка щипали душу мою, и становилось так хорошо и мучительно больно. В эту пору мне всегда становилось не по себе, как-то тоскливо, грустно. А оглянешься округ — все люди куда-то спешат, что-то делают, кричат, кому-то что-то взахлеб рассказывают, и все об одном: о модной обуви, куртках, губной помаде, что Митька разбил свой новенький «тарантас», что Алька в первую же брачную ночь босиком сбежала от нареченного и что он один остался в трехкомнатной новенькой квартире. Хочу, очень хочу уехать куда-нибудь хоть на самую малость. Эти стены мне уже кажутся такими тяжкими!

Но, видно, судьба такая у меня: жил — ничего не нажил. Бывают же такие люди, вроде и не лодыри, а гроша в кармане нет. Так и у меня — нет денежных запасов и сберкнижки нет. Своих денег не держу, что пенсию получаю, отдаю жене. А пенсия моя всего 111 рублей. На эти деньги не раскатишься. Конечно, переживаю, мучаюсь, стыжусь, но кого винить? А винить-то и некого! Стыд свой перед людьми не высказываю. Так вроде все в порядке. Еда подходящая. Одежда не хуже других. Водку не пью. Не курю. Куда девать деньги? Жена ими распоряжается полностью. И это, возможно, для меня даже хорошо. Я не умею и за всю жизнь не научился считать деньги. В молодости я мог отдать товарищу последнюю копейку и не просить возврата. Удивительно, что я никому не задолжал даже полушки и никогда не брал взаймы. Прошла жизнь, были всякие ситуации, но меня жег стыд просить у кого-нибудь взаймы. А вот другим и я, и жена одалживали, ничем не оговаривая. У жены, знаю, резерв денежный есть, но я не решаюсь об этом ее просить. А она делает вид, что не догадывается об моих нуждах, а если и спрошу, то вопрос будет не услышан, вроде я и не раскрывал рта.

Нет у Пашки никаких там ресурсов, чтобы гулять по свету белу. Деньги я самым настоящим образом ненавижу. Видно, так у меня с ними складывались отношения. Я видел в них зло, несчастье. Они обжигали мне душу. За какую-то потерянную копейку или недоданную нерадивым или вороватым продавцом мне дома глядели в глаза так, словно я бог весть что совершил. Такие копеечные пощечины нестерпимой болью отдаются в сердце.

Короче говоря, милый братишка, получается вот такая чертовщина, что я рад бы в рай, да вот грехи не пускают. Я страшусь малейшего окрика, косого взгляда. С поездкой, видимо, ничего не выйдет... Но пока еще никто не отнял у меня возможности и права — мечтать! И любовь — моя мечта. Ничто не отнимет у меня этот светлый лучик. Я сам рисую образ, желанный, милый. Не беда, что он живет только в моем сознании. Я уже давно успокоился, что как таковой самой любви нет, ее придумали в песнях, книгах, легендах, в полотнах, в музыке. Как нет бога, в которого уверовали люди, так и нет любви. И никто не может доказать, что у кого-то когда-то было это чув-

ство соединено и дало двум существам такую мощь, как луч лазара. Я разуверен во всем.

Прости, я очень трудно печатаю, с большими перерывами. Всему беда — мои неурядицы житейские. Покоя не бывает. То в одной семье ЧП, то в другой. Тихо не бывает.

Смерть еще где-то ходит, может, рядом шастает, а может, вон за той горкой на солнцепеке прилегла отдохнуть и погреть старые кости. Значит, надо жить. Извини, что так долго задержал ответ. Хотелось сказать так много. И не обращай внимания на мрачные мысли и на мои опечатки, исправлять их как-то неловко.

Читаю «Литературку». Читаю и порой возмущаюсь трусливости. Глаголят даже много, а все около, боятся назвать имя. А возмущаются так, что кажется, вспыхнет лист газетный. Обходят острые углы. Прочитал некоторые вещи, и сердце не задело. Штампуют здорово. Ни одной божественной искорки. Закрываешь книгу, а блокнот так и лежит чистый. Записывать нечего.

Пиши, Женя. Я рад, что ты есть.

Павел
(Павел Тимофеевич Баранов),
г. Текели Талды-Курганской области

Здравствуйте, Евгений Иванович!

Долго собиралась с духом, чтобы написать Вам о смерти отца, моего самого лучшего товарища, единомышленника. Отец умер 3 марта около десяти часов вечера. Умирал долго и тяжело, целый год я жила в напряжении, в постоянном ощущении беды. Моя семья живет на одной площадке с родителями, через тонкую перегородку по ночам и даже днем было слышно его тяжелое прерывистое дыхание, сколько раз ночью я вскакивала с постели, услышав шум подъезжавшей «скорой помощи», открывала к ним дверь с надеждой на лучшее. Отец так хотел дожить до весны, а прожил в ней всего три дня. Я впервые воочию увидела смерть,

и меня поразила ее простота: был человек, смотрел, разговаривал, плакал, смеялся, радовался солнцу, сосулькам за окном, и... — не стало человека. Все осталось, а его нет. Мы с мамой обмыли его и одели еще теплое, послушное нашим рукам тело. Исхудал он страшно, а ноги были, как бревна, отекшие. Врачи поставили диагнозы целого букета болезней: ишемическая болезнь сердца, кардиосклероз, пневмосклероз, атеросклероз. На следующий день к отцу пошел народ, ведь его знал весь наш город. Хоронили его в яркий солнечный день, на кладбище были из горкома партии, сотрудники по редакции, из типографии, много детей. Он у нас был почетным гражданином. После похорон мама как-то сразу состарилась, похудела, плохо спит по ночам.

Мне отец снился долгое время, во сне снова пришлось пережить его смерть и похороны, и после этого стало немного легче. До сих пор не могу привыкнуть к мысли, что я не увижу его, не услышу его голос. «Нина, ты почему плачешь, я ведь еще живой», — говорил он в последние часы жизни, он и тогда был в полном сознании.

Оставил отец много своих записей, неоконченных рассказов, заметок и завещал мне это беречь и разобрать свои бумаги.

Отец посадил и выходил два хороших сада — один на даче, которую отдал моей младшей сестре, а второй сад недалеко от нашего дома, на бывшей свалке, где, кроме полыни и чертополоха, ничего не росло, а сейчас поднялись яблони, сливы, буйно цветет сирень. Здесь он на неудобье, на склоне горы, спланировал террасы, перевернул многие кубометры земли, копал и сажал тоненькие прутики, верил, что они превратятся в красивые деревья и принесут плоды. Он заразил любовью к земле моего старшего сына Тимура, и нет сейчас у меня лучшего помощника, чем он, а ему только исполнилось 16 лет. Отец помогал мне растить детей, а их у меня трое: когда, казалось, нет сил, приходил, брал детей на руки, баюкал, успокаивал. Доброй души был человек, добрый и честный. Мама дала мне прочесть Вашу переписку, те коротенькие письма-поздравления, которые Вы присылали отцу, и меня поразило последнее: отца уже не было, а Вы говорили с ним, как с живым, приглашали его приехать погостить. Он хотел съездить, но любая смена климата тяжело

давалась ему, и его мечта побывать в Курске так и осталась мечтой.

Прочли мы Вашу статью в «Литгазете», она ходила из рук в руки (я работаю в гор. СЭС), люди читали и говорили: «Слава богу, можно теперь сказать то, что десятками лет замалчивалось и пряталось». До свидания, Евгений Иванович, доброго Вам здоровья.

С уважением,
Нина Павловна Баранова.

1988 г.

Многоуважаемый Евгений Иванович!

Все собирался и каждый раз откладывал написать Вам письмо. Но теперь, как говорится, время отпуска и отпускные впечатления несколько отодвинулись, остались по «ту сторону рассветов». Побывал у себя в селе. Что нового, перестроечного? А ничего нет, председатель колхоза торгует медом, односельчане по-прежнему пьют и подворовывают тоже. В селе строят баню, но и оттуда тащат, что плохо лежит. Впечатление сложилось такое, что люди живут не века, а собраны из разных мест — разрушена какая-то духовная связь между ними. Знаете, когда я жил в селе, тогда хоть и было голодновато, но жили мы все-таки веселее: сейчас сытно и угрюмо живут сельчане. Я все искал «тропу детства» — нет, ничего не осталось, повыветрились мои тропы, короче — с тяжелым сердцем уехал из села, и только одно светлое осталось — Курск! Мне очень понравилось: люди хорошие, приветливые (если не считать цыган и грузин — как черная саранча запрудили курские рынки), но не они, в конечном итоге, определяют наш русский дух. Каковы новости? А новости в основном невеселого плана: дочь отправили в Тамбовскую область (дом инвалидов для взрослых: ей в апреле нынешнего года исполнилось 18 лет), вещи покойной жены отослал на Курщину двоюродной сестре (от замыкания проводки у нее сгорел дом, мужик спился до звероподобного состояния, сыну 32 года, а он уже ин-

валид по сути дела: повышенное давление, сердце, причина — водочка).

В общем, начни перечислять всяческие болячки — руки устанут от писанины. Недавно у нас тут состоялся семинар маринистов, у Николая Санеева в «Современнике» вышла книга очерков. Что касается моих литературных дел — неважнецкие делишки, можно сказать — хреновенькие. В издательстве «Современник» моя рукопись пролежала четыре года; написано четыре положительные рецензии, к сдаче в набор — загремела по всем кочкам, короче — вернули. Очевидно, не захотело издательство выпускать сразу два сборника камчатских авторов, меня и Санеева, предпочли последнего. Впрочем, это мои предположения, а там дьявол их знает, выяснять ничего не стал. Во время нынешнего отпуска отдал рукопись в издательство «Молодая гвардия», но и оттуда получу поворот... Не то вовсе огорчительно, что возвращают рукописи, главное — время уходит! Из «Нашего современника» повесть тоже благополучно вернули. Знаете, иногда грешным делом думаю: «А может, я и есть графоман и пишу «серую прозу»?» Но тогда как же Литинститут, ранее выходившие сборники? Впрочем, черт их разберет!

Извините, Евгений Иванович, что свои заботы стараюсь положить на Ваши плечи, просто пришлось к слову.

Хотел выслать подарок Вам ко дню рождения, а потом подумал — на кой черт она будет нужна человеку в конце зимы! Кстати, с 1952 года я не видел курской зимы, какая она? А корень этот называется «золотой», и он является родным братом женьшеня (а там шут его знает, так, во всяком случае, говорят и пишут). Короче, настойте его на водке (можно и на спирте), покрошите его весь в бутылку, залейте спиртным и пусть настаивается до золотистого цвета. Думаю, поможет от Ваших болячек. Если и пользы не принесет, то и вреда никакого не будет, во всяком случае.

Пожалуй, и все. Передавайте ребятам большой привет.

Обнимаю, Ваш

Коптев Евгений Андреевич,
Камчатская обл.

Уважаемая редакция!

С большим волнением прочитала «Что мы перестраиваем?» Евгения Носова. Насколько честно, правдиво написано! Нам, простым смертным, часто приходится слышать: зачем обнажать и ворошить прошлое, то, что было связано с именем Сталина? Надо обнажать и говорить хотя бы ради тех, кто живет, со слезами вспоминая голодное детство, слезы матерей от безысходности, невозможности дать кусок хлеба своим голодным детям. А работали матери с раннего утра и до вечера, не получая ни копейки, ни зернинки. До сих пор снятся страшные сны, будто мчится за тобой с кнутом тупой, злой объездчик, не позволяющий подобрать и горсти колосков, лучше пусть сгниет, но — не трожь!.. Не из чего сварить постных щей, нет капусты.

Несмотря на эту, казалось бы, безотрадную жизнь, мы не могли позволить, чтобы о нашей Родине говорили плохо, нам было больно это слышать. Мама всегда говорила, что она благодарна Советской власти за то, что дети имеют возможность учиться. Отец, уходя на фронт, говорил маме, чтобы она учила детей. А он был русский умелец-самородок, бескорыстный, добрый, скромный человек, которого знали во всех окрестных селах. Дедушка, отец папы, был тоже умелый, трудолюбивый человек, гордый. Без слез невозможно вспоминать, как весной 1947 года он пошел в поле, чтобы нарвать дикого чеснока — его сушили и ели. Он собрал немного и, обессилев, прилег подремать. Мальчишки украли чеснок. Дедушка плакал. Вся деревня знала, что Максим Павлов плакал. Голод так унижает, растаптывает человека.

Наша родина — уголок когда-то прекрасной земли бывшей Орловской области — Задонский р-н, д. Засновка.

Примерно в 1951 году я приехала в родную деревню. Идет женщина не женщина, согнувшись в три погибели, везет на себе соломы чуть ли не воз. Помогла ей снять вязанку. Она обняла меня, заплакала, начала причитать: «Валюша, милая, приехала... Вот выучилась, чистенькая, хорошая. А мы-то, господи, с утра до ночи в поле. Вот кохтенка уся сопрела, купить не на что. Работаешь у поли, не разогнесси. Молишь господа бога, чтоб послал дожжочка, хоть бы чуть отдохнул. Вот однова выпал дожжок, слава тебе, господи, я на печку-милушку прилегла и задремала. Не успела подре-

мать, а тут Васька-бригадир кричить: «Чаво развалилась, вон уж солнца упирая в... а ты лежишь!» Я, Валюшка, рассерчала, да и говорю: «Вам, кобелям, хорошо кричать, сами пузы наедаете, а на нас, бабенках, выезжаете». А он говорит: «Будя табе, Дуняшка, серчать. Вы физически работаете, а я за вас морально отвечаю». Это, стало быть, Валюшка, он в чернилу макае и на бумаге марае».

Да, не забыть никогда этого рассказа! А вот возвратились из армии два молодых парня, таких, что любо-дорого было на них посмотреть. Через месяц их было не узнать. На улице тепло, а они босые, в шинелях сидят на завалинке, такие же голодные, как и мы, но нам их было очень жаль. Мужчины у нас босые не ходили, считалось позором.

Простой деревенский мужик не мог же вреда государству сделать, он же безграмотный. Глядь, а уж нет одного, другого. Как в воду канули. А мы «ура» кричали, с именем Сталина ложились спать и вставали, нас этому учили. А матери и старики его втихомолку проклинали. Вырубили все деревца вокруг домов, все пришло в запустение. И теперь остались там доживать старики, которые плачут, страдают, что их и похоронить некому будет.

Да как же правды не говорить! О ней кричать надо! Все честные, любящие Родину люди — за перестройку и гласность. Хоть на работе пить перестали, молодежь не стали спаивать. Да и ворюгам стало хуже, хотя их еще много. Воруют все, что можно, да еще и продают. Теперь уж с оглядкой пакостят. Наша семья считает, что приходит время честных людей, кто не крадет, не подличает, не подхалимничает. Да разве не радоваться этому!

Спасибо Евгению Носову, почти что моему земляку, россиянину, за правду и страстную, пламенную душу, страдающую за нашу великую землю.

С уважением,
Валентина Васильевна Иващенко.
Черкесск, Ставропольский край

Уважаемый тов. Носов, здравствуйте!

С большим интересом прочитала Вашу статью «Что мы перестраиваем?», опубликованную в «Литературной газете». В принципе по ней можно изучать историю нашей, хочется прибавить, «несчастной» страны. Но Вам, так же как и авторам очень многих публикуемых ныне статей, хочется сказать «Дальше, дальше, дальше». Или о нынешнем положении в нашей стране мы сможем говорить лишь через 20—30 лет? Или пока ничего не ясно? Или не видно? Или не пущают, не разрешают? Но ведь всё и повторяется, мне кажется, потому, что о современном по существу ни слова (почти): при Хрущеве речь шла о Сталине, Хрущев был вне темы; при Брежневе — о Хрущеве плюс Сталине, ну а нынче количество сменяемых увеличивается, по-прежнему исключая последнее. Но ведь и сейчас кое-что видно. Хотя бы по настроению народа. Где то прежнее напряжение и радость, с которыми все вначале слушали по телевидению доклады М. С. Горбачева? Их сменила та же безнадежность, что и раньше. Как в печальном анекдоте «Социализм шел-шел, упал, думали — коренной перелом, оказалось — очередной вывих». Вырубленные виноградники, талоны на сахар, очереди километровые в винные магазины и все увеличивающееся при этом число пьяных на улицах. Мне лично нравится М. С. Горбачев, но все правильные слова и начинания тонут, извращаются в реальной жизни, превращаются в словесный пар саботирующими миллионами тепло устроившихся и других, не верящих, в принципе, таких, как я.

Почему никто не ответит народу на вопрос: «В чем суть разногласий Ельцина и ЦК?», почему единственного инакомыслящего просто убирают и остаются все остальные, опять-таки при полном согласии в приятном единомышлении, как было всегда? Почему опять не вспоминают мысли Ленина о том, чтоб в состав ЦК входило как можно больше людей, выражающих *разные* настроения, людей, не единых по убеждениям, ибо только тогда ЦК может быть работающим, живущим органом, а не застывшим в самолюбовании? Опять из анекдота: «Единица гласности — один ельц.».

Почему на экранах наших телевизоров мы всё чаще видим Раису Максимовну Горбачеву? Кто она — жена М. С. Горбачева? До недавнего времени мы счи-

тали, что она только жена. Если она замечательна еще чем-то, кроме этого, — расскажите нам, мы не знаем и считаем это проявлением нескромности. «Бурда» в Кремлевском зале, какой-то дамский салон во всесоюзном масштабе. Объясните нам, уважамые товарищи писатели. Нам уже проясняется прошлое — очень хочется про сейчас.

Почему бы нам не поговорить на страницах газеты о недостатках и преимуществах однопартийной системы, о возможности или невозможности замены ее другой, двух, трех... партийной. Или таких мыслей у народа нет? А ведь огромное большинство считает именно однопартийную систему причиной наших бед. Если мы не правы — то в чем? Более того, мне кажется, что никакие коренные изменения невозможны при нашей однопартийной системе, ведь партия стала господствующим классом в нашем обществе, можно, конечно, назвать не классом, помягче, но суть та же. Партия во многом слилась с бюрократией, так как быть преуспевающим бюрократом невозможно, не состоя в партии.

Очень надеюсь, хотя по старой привычке и страшновато, что в наше время демократии и гласности за это письмо меня не отправят куда-нибудь далеко-далеко. Это опасение, видимо, сидит в генах. Мне 31 год, пока репрессиям не подвергалась. Пока инженер.

С уважением Перова Надежда.
г. Горький.
1988 г.

...Читаю газету, и словно живая картина открылась перед глазами. Факты и факты! Газета из рук в руки, с койки на койку передается в нашей палате в тобольской больнице. Здесь нас шестеро, трое — старики, инвалиды войны. И глянешь — берет ужас... Один весь в шрамах. Грудь, спина, руки, ноги, «... и еще есть во мне один недобитый осколок, ношу с сорок первого, еще с Москвы», — говорит мой сосед по койке.

Я — парализованный, но дело идет к улучшению. Веду дневники десятки лет. Хотел быть художником, учился с сорок первого года в начальной школе. В вой-

ну рисовал картины на газетах сажей. Вместо тетрадей тогда тоже использовали газеты.

У матери нас осталось шестеро. Отец ушел на войну в сорок первом и дрался под Москвой врукопашную. Выше нашего отца в деревне Вала (Поршурский с/с, Можгинский р-н, Удмуртская АССР) не было. Редкая дверь по высоте в деревне ему подходила. Шишки на лбу не проходили. Образования у отца было — один класс. Он был 1908 года рождения. Самый сильный был в деревне, работал грузчиком и коновозчиком. Мешки кидал, как игрушки. А под Москвой кидал немцев, как снопы. Немцы по ночам кричат в динамике: «Урус Иван капут!» — а он, мой отец, готовясь к очередной атаке, говорил: «Сейчас узнают, что такое урус Иван!» И снова — врукопашную, поэтому немцы и знали его имя.

Распустилась длинная лента — обмотка на ноге у татарина Валиулина из города Казани. Наступил он врукопашной на эту проклятую обмотку, а тут немец со штыком, хотел пригвоздить Валиулина к земле. «Иван! Сюда, сюда!» — кричал Валиулин в свалке. Мой отец, Соловьев Иван Петрович, тут как тут, взметнул фашиста с винтовкой в воздух...

Так дрались за Москву: так ее отстаивали! Не потому ли на всем протяжении фронта под Москвой слышались слова: «Урус Иван!»

В 1940 году сгорела наша деревня Вала, состоявшая из двух колхозов, это была одна улица, протянувшаяся почти на три километра. В тот день я сидел за партой в первом классе, на третий день знакомства с начальной школой. Увидев пожар через окна школы, мы кинулись к дверям. У двери на стальном длинном крючке висела, навалившись всем телом, наша учительница, Соловьева Варвара Ивановна. Мы ее сшибли с крюка и вырвались на волю. Домой бежали навстречу огню. Над нами летели головешки и тесины, ветер срывал крыши. Мигом вся улица оказалась в огне. Мы отступали, по ветру летели буквари и азбуки. Сгорели оба колхоза — «Свобода» и «Колос». А на следующий год — война. И слышались рыдания и плач из времянок и землянок — то одной семьи, то другой, получивших похоронки с фронта.

В 1941 году я снова пошел в первый класс. По рисованию получал отличные оценки. В 1944 году я бросил школу, и мы со старшей сестренкой пошли по дерев-

ням, как нищие. Многие деревни исходили, ночевали в стогах сена, в кузницах. Ели хлеб из липовой коры, липовых листьев. Весной тонули с сестрой в одной из зажор. Снежная лавина с водой подхватила нас и понесла в овраг, но мы остались живы. В 1945 году нанялись пасти «сталинских коров» — коз. Стадо было огромное, козы — блудные, они рвались с полей и лугов в лесные овраги, туда, где березняк и липы. Вот стадо блудней, фыркая, мчится из оврага на поля, задрав хвосты, сыпля горох, взглядом уставясь в овраг, заросший лесом. Самой блудни — Катьки — нет! Она там. Бегу в овраг по ручью, смотрю — огромный свежий след — волчий! И тут же перед глазами огромный матерый волк рвет горло Катьке! Пьет кровь... Увидев меня, волк потащил козу, пятясь назад, со злостью впиваясь в ее голову клыками. Но не осилил утащить. Ощерил пасть на меня. Я не растерялся, запустил в него жестяной трубой, и волк скрылся в зарослях. Собрал я гнилушки, развел костер около ручья рядом с Катькой. Бегу в деревню Валу за хозяином этой козы. Подвесив ее на перекладину, хозяева на плечах унесли ее. Прокараулил бы — пришлось платить за козу, ведь уговор такой — потерял козу, найди хотя бы кости.

Осенью 1945 года еду на крыше «телячьего» вагона в г. Ижевск поступать в художественное ремесленное училище. Сдал экзамены и еду обратно, чтобы собраться. При возвращении недалеко от станции Агрыз напали на меня беспризорники, вывернули котомку с липовыми колобашками, тут же, на крыше вагона, жадно поглотали эту скотскую пищу, мне надавали подзатыльников. Доехал я до г. Можги, а там шел пешком 25 км до деревни Валы. И больше не ездил в Ижевск. Снова по миру собирал. Нищенская жизнь! Прошусь насильно в Колтымакский детдом, что в Граховском районе Удмуртской АССР в 30 км от Валы. «У нас без тебя сирот полно! А ты не круглый сирота, есть мать». И так я снова иду по миру. В 1946 году снова летом пасу скот, а зимой собираем по деревням. Спасибо директору Можгинской школы механизации Стрелкову Владимиру Матвеевичу — принял меня на курсы электриков. Выдал бесплатно ведро мелкой картошки да стипендию — 140 рублей в месяц (14 по теперешним). Ожил я! Потом, после окончания направили в г. Ижевск в «Главсельэлектро» строителем ГЭС. Предложил мне в своем кабинете Т-образный стол главный

инженер т. Зырянов. Подложив в изголовье папку с чертежами, спал я там на голом столе неделю. А потом еду в Санниково строить ГЭС на 20 кВт. И доверили мне, 15-летнему, эту ГЭС. Работал я по 19 часов в сутки, смены не было, один. Вечером до 12 — свет, пять часов сплю на полу в машинном зале ГЭС, а с пяти утра — снова свет, а потом — силовую энергию для молотилки. Лапти сжег, не снимал. Спал в трескучие морозы на полу, печи — отопления — в ГЭС не было. Вместо подушки использовал пучок пакли. Электричество в деревне Санниково Билярского с/с Можгинского р-на было чудом для людей, впервые они увидели тогда электрический свет. Иные (староверы) называли его нечистой силой, отказывались от него, сидели с керосиновой лампой. Закрою гидротурбину — а в камере пищат огромные окуни, попавшие через водопроводящий канал из пруда в камеру. Рыбы было — тьма! Пруд на реке Вала по счету был четвертым на 10 километрах. Сегодня эта река Вала не река, а ручеек, заросший осокой. Где была деревня Вала и другие, там одна полынь на бывших одворицах...

Ну да ладно, а то спина заболела. Остальное в другой раз доскажу.

Соловьев Владимир Иванович,
Тюменская обл., г. Тобольск

Я — ваш читатель Штейнмец Яков Егорович, р. 1918 г., с. Кеппенталь АССР немцев Поволжья. Отец умер, когда мне было восемь месяцев. С двумя братьями воспитывался у дедушки. Окончил Зельманское педучилище в 1938 году. В ноябре 1939-го призывался в Красную Армию. Десять дней участвовал в финской войне в разведгруппе. 29 августа 41-го года был изгнан из Саратовского бронетанкового училища, как все немцы — шпионы, диверсанты, фашисты нас крестили. До 24 октября 1946 года находился в Ивделлаге — Вижой — трудармия — сталинские лагеря смерти.

Но люди все выдержали — хоть 50 процентов оста-

лось в лесу вечно. Тут был второй фронт, все работали честно, только чтобы быстрее победить фашистов. И все думали, что нас — немцев после Победы Сталин опять всех повезет на свою родину — на Волгу. А вышло другое — еще хуже. Спецкомендатура. Там вообще издевались над людьми — немцами. Обзывали, били, сажали. Что только не творили. Запретили разговаривать на своем языке. Без разрешения грозного коммуниста нельзя было ехать 600 километров в другое село. Вечная ссылка. За что, почему? Сколько было революционеров, сколько людей-немцев в гражданской войне дрались. Сколько погибло с начала Отечественной войный. Из моей деревни погибло 9 человек, все под Львовом.

Да, читаю «Литгазету» от 20 апреля 1988 года «Что мы перестраиваем?»: «...Возвращались по домам целые народы, некогда попавшие в немилость — балкарцы, чеченцы, калмыки, изгнанные из отчих мест до последнего человека». Но почему не возвращались немцы? Товарищ Носов, почему вы об этом не пишете? Что вы скрываете? В чем дело? Все так и до верху смотрят на советских немцев — остались как были при Сталине. Почему, тов. Носов, вы про советских немцев молчите? Вы, наверно, коммунист, почему же у нас не восстанавливается ленинская национальная политика? Почему же декрет об образовании АССР немцев Поволжья, подписанный Лениным в 1918 году, нарушен и правда не восстанавливается?

Так, другой большой чин в «Литгазете» от 27 апреля 1988 года пишет: «тоже сталинские репрессии против чеченцев, балкарцев, калмыков, крымских татар...» Но и этот Л. Теракопян тоже про немцев ни слова: или их нет в России, или он думает, что не стоит про них и писать. Но хоть вспомнил татар крымских. Что же это творится с советскими немцами? Три газеты что дали и «НВ» еще — это не республика. Сейчас немцы по всему Советскому Союзу разброшены, но работают все честно. Там, где в колхозе или совхозе 70 процентов немцев, хозяйства — миллионеры. Я не могу себе в голову взять, как даже немецкий театр послали в ссылку в Темиртау, где живет 0,000009% немцев. Почему не в Алма-Ату? Почему немцы не смотрят телевидение на немецком языке? Вот, тт. Носов и Теракопян, такие дела, а вы даже ни слова. За что мой брат погиб в 1938 году на Хасане?.. А я что, виноват, что Сталин

выгнал из бронетанкового училища? Я, может быть, сегодня был бы героем, как многие немцы, которые были в армии.

Ленинская правда восторжествует — я верю в это!

Такие мысли, такие боли, прошлое, прошлое...

Штейнмец Яков Егорович.
г. Павлодар

Владимир ЧИВИЛИХИН

В своем романе-эссе «Память» Владимир Чивилихин именует читателя любознательным. Посмотрев некоторые письма из его архива, я бы сказала, что их авторы не только любознательны, но, как правило, знающие, думающие, неравнодушные, страдающие и радующиеся вместе с писателем.

Читательская почта Владимира Алексеевича была весьма обширна, многие тысячи писем по самым «горячим точкам», по актуальнейшим проблемам времени, которые поднимал автор, которые волновали весь народ в те годы и достигли своего апогея в наши дни.

Это проблемы защиты Байкала, Волги, Балтики, русских лесов, кедра, земли-кормилицы. Одно только то, что Владимир Чивилихин поднял тревогу за судьбу Байкала еще в 1962 году в своей работе «Светлое око Сибири», а его уже выпущенную книгу «Земля в беде» «изрубили в лапшу», уничтожив весь тираж, говорит о многом. И надо помнить, что все это писалось и печаталось в трудные 60—70-е годы.

Об этой стороне своего творчества Владимир Чивилихин писал: «...профессиональный долг и счастье писателя — не отражать механически те или иные факты и события, но проникать в их постоянную изменчивость, в живое диалектическое противоречие сущего, исследовать эти процессы в развитии, эволюционном или революционном, но всегда с позитивным настроем, с одной неизменной заданностью — ясно видеть в жизни то, что должно быть!»

Всплеск читательского интереса приходится и на выход в свет романа-эссе «Память», посвященного прошлому нашей Родины, ее сегодняшнему дню и устремленности в будущее. Многие читатели, критики отмечали, что именно этот роман стал отправной точкой для роста самосознания народа, повышения его интереса к нравственным, культурным, национальным цен-

ностям. И этими письмами Владимир Алексеевич дорожил особенно.

Об отношении писателя к читательским письмам можно судить по его высказываниям, некоторые из которых хочу здесь привести:

«...Вы меня порадовали своим искренним, взволнованным письмом, такие письма помогают жить нашему брату, по крайней мере, тем из нашей братии, для кого литература — не средство для прокорма и не способ изобразить ту или другую картинку из жизни...»

«...Еще раз перечитываю Ваше письмо, и просто не могу успокоиться, и сил прибавляется от того, что есть у нас живые души».

«...Это хорошо, что мы с Вами спорим. Письма, подобные Вашему, помогают, укрепляют, которые на пользу общую, ради которой все мы, по сути, живем».

«...Я почувствовал Ваше искреннее участие, а наш брат этим очень дорожит, потому как не всегда встречает понимание, иногда же просто его хватают за горло».

«...Каждый новый человек с его «историей» — дает писателю пищу для размышлений, прикрепляет его к жизни».

«...Ваше интересное, глубокое письмо как-то взбодрило меня и несколько обнадежило».

«...Благодарю Вас за помощь: она нужна не мне, а народу нашему, коему пора обретать историческое сознание и мышление».

«...Благодарю Вас за серьезное письмо, за добрые слова о моей «Памяти», за размышления по поводу судеб нашего родного народа; мы все нуждаемся сейчас в единомыслии по тем неотступным вопросам, которые дадут ему веру в будущее».

Е. Чивилихина

«ПРОСТЯТ ЛИ НАМ НАШИ ПОТОМКИ?..»

Уважаемый Владимир Алексеевич!

Может быть, Вы еще помните мое письмо к Вам, написанное по прочтении «Памяти»? Ваш ответ на него я получил своевременно. Сердечное Вам спасибо!

Теперь, с этим моим письмом я посылаю Вам несколько фотоснимков. Перед тем, как дать пояснения к ним, мне хотелось бы высказать Вам некоторые свои мысли.

Принято считать, что историческая реликвия имеет тем большую ценность, чем она древнее. В целом это, конечно, правильно, но не вполне. Бывают исключения.

С моей точки зрения (точки зрения не специалиста, а человека среднего уровня образования в гуманитарной области), историческая ценность предмета, сооружения, произведения искусства определяется совокупностью нескольких качеств и признаков, а именно: 1. Возрастом, степенью древности; 2. Качеством, которое, в зависимости от степени его проявления и оттенка, можно назвать по-разному: редкостность; оригинальность; исключительность; уникальность; 3. Художественной, эстетической ценностью; 4. Количеством и качеством воплощенного в объекте человеческого труда; 5. Тем, насколько полно объект отражает материальную и духовную культуру своей эпохи.

Вероятно, сюда можно еще что-то добавить. Кроме того, при оценке объекта по этим признакам неизбежен некоторый субъективизм. Возможны расхождения точек зрения, оценок.

К чему я завел этот разговор? Сейчас ни у кого не вызывает возражений то очевидное положение, что древности — это национальное достояние, что их надо беречь. Но мне кажется, что настало время коренным образом изменить отношение нашей общественности к историческим памятникам сравнительно недавнего времени — XIX и начала XX столетия. Речь идет о зданиях, и церковных и гражданских, которые представляют историческую ценность в соответствии с перечисленными выше признаками, но пока не являются древними в нашем теперешнем понимании.

Время бежит, и то, что сейчас еще не относится к древностям, спустя сто-двести лет станет древним, если сохранится. Простят ли нам наши потомки, что мы не уберегли памятники материальной и духовной культуры нашей эпохи? Думаю, что не простят.

С другой стороны, речь идет о сооружениях, подобные которым не будут вновь построены никогда. Современная архитектура резко отличается от архитектуры прошлого столетия. Не говоря уже о храмах: строительство новых храмов давно прекратилось не только у нас, но, по-видимому, и в Западной Европе. Вероятно, и во всем мире. Уже в последних построенных на Западе храмах видны новые архитектурные веяния.

В селе Акаево Ермишского района Рязанской облас-

ти, в котором родились мои дед и прадед, стоит храм редкой архитектуры. Он украшает собой село. Говорят, что приезжала из Рязани комиссия и осматривала храм. Ему «не хватило» нескольких десятков лет для того, чтобы взять его на учет и под охрану государства как древность.

А сколько таких храмов сейчас разрушается! Говорят, нет средств для их ремонта и содержания. Но если бы даже только табличку повесить на каждом таком здании, что оно охраняется государством, то уже одно это изменило бы отношение к нему, а может быть, и спасло бы от гибели. Во всяком случае, спасло бы от преднамеренного разрушения.

Пока речь шла о зданиях, еще существующих. Но многие здания уже не существуют. Из храмов, разрушенных во время войны, лишь немногие, наиболее ценные, восстановлены в послевоенное время. Другие еще ждут своей очереди. Подавляющее большинство из разрушенного, по-видимому, не будет восстановлено никогда. Хотелось бы надеяться, что, в виде исключения, будет все-таки когда-нибудь восстановлен храм Христа Спасителя в Москве.

Память о разрушенных, погибших зданиях сохранилась в виде книжных иллюстраций, фотографий, альбомных открыток. Многое из личных собраний погибло в годы войн, разрухи, при смене места жительства, при эвакуациях. Но и сейчас немало сохранилось таких альбомов, как, например, в нашей семье. Эти альбомы — источник ценнейшей информации для историка, да и для любого культурного человека. Из них можно узнать, например, какой была в прошлом столетии Москва, какими были многие наши губернские города.

В книгах и журналах появляются иногда репродукции со старинных фотографий. Я не знаю, откуда берут эти фотографии — из частных собраний или из государственных архивов. Мне кажется, что следовало бы создать Центральный государственный музей исторической фотографии с хранилищем при нем, куда частные лица могли бы сдавать свои коллекции. Иначе многое, что сохранилось до сего времени, вскоре погибнет...

На днях я прочел в «Книжном обозрении» Вашу статью «Зеркало души». Во всем с Вами согласен. Особенно хорошо Вы сказали о книгах, дорогих нам с детства, что их нет в продаже. Да что там говорить: мы

готовили нашу девочку, мою внучку, в школу и хотели купить букварь. Но буквари теперь, оказывается, просто не пускают в продажу, только распределяют по школам. Ведь это позор! В самой культурной стране нельзя купить простой букварь!

Создается впечатление, что нелегальная могущественная корпорация создает искусственный дефицит самых необходимых и популярных книг, чтобы погреть на этом руки. Попробуйте купить сочинения Пушкина, Гоголя, Чехова, Толстого, Горького — их нет.

И верно Вы пишете о необходимости дешевых изданий. Вот у меня на столе том Пушкина. Государственное издательство художественной литературы, 1959 г. Стихотворения в две, четыре строки занимают отдельную страницу каждое. Зачем это? Откуда такие барские повадки в обществе, родившемся после Октябрьской революции, пережившем войны, разруху, голод, неимоверные лишения и страдания?

Видимо, это выгодно издательствам. Но разорительно для народа, для государства. На сэкономленной бумаге можно было бы отпечатать дополнительно нужные книги.

От души желаю Вам, Владимир Алексеевич, доброго здоровья и успехов в работе.

Искренне Ваш, *Остроумов Г. В.*

Харьков,

1981 г.

Открытое письмо писателю В. А. Чивилихину

С большим интересом прочитал Ваши талантливые книги «По городам и весям» и «Светлое око». В них Вы выступаете страстным защитником родной природы и весьма эрудированным борцом против разбазаривания, даже разграбления ее богатств и загрязнения. Убедительно и просто доказываете, что настало время, чтобы люди полностью и незамедлительно осознали, что сейчас для них, если они хотят выжить, есть два наиважнейших дела: борьба за мир и разоружение и борьба за сохранение на планете природной среды и за

разумное, бережное, научно обоснованное использование природных ресурсов.

Наилучшим образом здесь можно сказать ленинскими словами, что в решении этих проблем «промедление смерти подобно».

Вы сами где-то писали, что если не принять немедленных, энергичных, глубоко продуманных и научно обоснованных мер, причем в глобальном масштабе, то человечество в недалеком будущем очутится в таком положении, когда уже поздно будет защищать природу, а чтобы хоть как-нибудь жить, придется уже защищаться от нее, испоганенной и обезображенной еще не совершенным умом человека и послушными ему его руками.

Грустные и тревожные мысли возникают после прочтения этих Ваших книг, да и собственного жизненного опыта на протяжении последних 65 лет. У Вас иногда появляются бодрые, оптимистические нотки, но существующие реальности, мне так кажется, не дают оснований для особого оптимизма. Дай бог, как говорится, чтобы я ошибся.

Не надо иметь семь пядей во лбу или какие-нибудь ученые звания, чтобы заметить, что хозяйственная деятельность человека, научно-технический прогресс систематически и со все большей интенсивностью и в возрастающих масштабах губят, загрязняют землю, леса, воду, реки, моря и океаны, воздух.

Да. Определенные меры по сохранению среды обитания человека принимаются. И в Конституции нашей записано: «Граждане СССР обязаны беречь природу, охранять ее богатства». Об этом неоднократно говорилось и на съездах партии. Существуют весьма авторитетные государственные органы, в задачу которых входит именно защита природы. Это и «Всероссийское общество охраны природы», и «Комиссия по охране природы АН СССР», и органы рыбоохраны. Еще, наверно, есть и другие аналогичные комиссии и общества, о которых я не знаю. Многие ученые, писатели, журналисты, деятели искусства и т. д. бьют тревогу, поднимают голос в защиту родной земли. Вот сколько защитников у матушки-природы! И несмотря на это, ее повсеместно обижают, разоряют, губят. В малом и большом. Казалось бы, что столь большие силы сколько доброго могут сделать в решении экологических проблем, а практически выходит, что КПД их деятельности

очень мал. Можно даже сказать, что если меры по защите природы увеличиваются в арифметической прогрессии, то деятельность человека против нее растет в геометрической.

Известно, что идея о разумном использовании природных богатств занимает важное место в трудах основоположников марксизма-ленинизма. Больше ста лет тому назад Энгельс писал: «Не будем слишком обольщаться нашими победами над природой... Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитываем, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых». У В. И. Ленина читаем: «Природа может быть неисчерпаемой в том случае, если люди, используя ее, относятся к ней бережно, глубоко познают ее законы, разумно их применяют». В этих словах вся программа наших взаимоотношений с природой, выраженная по-ленински гениально и лаконично.

Все ли мы делаем для выполнения этих ленинских требований? И не пришло ли время для тех «непредвиденных последствий, которые уничтожают значение первых», о чем предупреждал Энгельс?

Похоже, что да.

Знаю, что то, о чем я пишу, для Вас — азбучные истины и покажется, может быть, примитивным и банальным. Но книги свои Вы пишете для людей, и, думаю, Вам небезынтересно знать, как их понимают читатели и какие мысли у них возникают после прочтения.

Наша партия и государство проявляют озабоченность и много делают в этой области. Есть закон об охране природы, отпускаются на это большие финансовые и материальные средства, остро ставится вопрос о безотходных производствах и т. д.

Юридическая и материальная база, как видим, существует, но беда в том, что широкая общественность не вовлечена в дело, слабо, очень слабо занимаются этими вопросами местные органы, природоохранные организации, и проблема остается.

Дерзну высказать еретическую мысль: хотя среди ученых, писателей, журналистов и т. д. есть отдельные энергичные голоса в защиту природы, но в общем создается впечатление, что наша наука проявляет неподобающее ей бессилие, робость, даже капитулянтство

перед хозяйственниками, главками, министерствами.

В самом деле, Вы пишете, что семнадцать лет вместе с видными учеными боролись за сохранение нашей жемчужины Байкала и его бассейна, а результат? Его почти нет. Так я понял, хотя Вы очень дипломатично, нежно высказываетесь. Вряд ли в таких вопросах излишняя деликатность полезна делу. Так я думаю.

Парадокс, но факт, что во многих случаях хозяйственники и даже инженеры игнорируют мнение ученых, не считаются с ними. Сражение за Вашу трудную и нежную любовь — тот же Байкал ученые фактически проиграли. Вот несколько мыслей из Вашей книги. В разное время в защиту Байкала выступило свыше 20 авторитетных научных учреждений и общественных организаций, 8 виднейших академиков, в том числе Келдыш, Лаврентьев, Павловский и др.; 5 членов-корреспондентов, 7 докторов наук и профессоров; в печати выступило на эту тему свыше 20 ученых, писателей, даже художников, множество просто рядовых советских людей. Эта битва за Байкал продолжалась годы и годы и закончилась... поражением науки. Вот что произошло.

Целлюлозные заводы на Байкале построены. А строили их рабочие под руководством десятков и сотен умных, технически грамотных инженеров, техников и т. д. Там же было и партийное руководство, и комсомол.

И сразу же после окончания строительства на очистных сооружениях зафиксировано 11 серьезнейших недоделок и отступлений от проекта. А за халатность, безответственность, должностные преступления, бесчисленные нарушения технологии никто не наказан. Виновника нет. Органы прокуратуры отказались разобраться в байкальских преступлениях, потому что заводы проходят, видите ли, стадию... отладки, которая будет продолжаться многие годы и губить славное море. (Все это я почти дословно взял из Вашей книги.)

Как же это понять? Это не только позорное бессилие науки, но и простое глумленье над ней, совершенное игнорирование ее авторитета. Разве могут серьезные ученые мириться с этим!

Ведь ясно же, что для большинства хозяйственных руководителей, главков и т. д. важнее всего сегодняшний экономический выигрыш, узко ведомственные интересы, погоня за выполнением и перевыполнением плана, очень часто составленного поспешно, без серь-

езного научного обоснования, бездумное и некритическое выполнение заданий и указаний сверху.

А непонимание перспективы в природопользовании и просто экологическая невежественность прикрываются демагогическими рассуждениями о благе народа, о развитии экономики.

Практически получается, что многие такие деятели ведут себя, по Энгельсу, как завоеватели, «стоящие вне природы».

Если в капиталистических странах погоня за прибылью, конкурентная борьба, бесплановость ведут к хищническому отношению к природным богатствам, к их бессовестному разграблению, то у нас же совершенно другие условия, и надо до конца использовать преимущества нашего строя, нашей системы хозяйствования.

Совершенно правильно будет, если сказать, что борьба за сохранение окружающей среды и ее чистоты есть важнейший элемент нашей общей программы строительства коммунистического общества. Может ли быть светлым и счастливым будущее человечества, если люди своей неразумной деятельностью оставят будущим поколениям воздух, которым нельзя будет дышать, воду, которую нельзя будет пить, реки, озера и моря без рыбы и т. д. и т. п. Что же мы им оставим — ракеты, чтобы летать на мертвую Луну?

Или еще, просто ошеломляющий кусочек из Вашей книги, подтверждающий мысль о непростительной недостаточности внимания ученых и инженеров к нашим земным делам. Вы пишете, что французские ученые и инженеры «построили на реке Роне целую дюжину гидростанций, совершенно не затапливая ценных угодий, ни разу не пересекая фарватер реки — все станции расположены на спрямленных излучинах. И людям хорошо, и земле, и рыбе». Вот как! Французы могут, а мы нет! Так что же — наши ученые и инженеры хуже французских? Ничуть не бывало. Это наши ученые, инженеры, рабочие первыми послали человека в космос, это наши, а не французские луноходы шагали по Луне, и т. д. Всему миру известен высочайший уровень и мощь нашей науки, которой под силу решать самые сложные проблемы современности. Это бесспорно. Но верно и то, что в строительной горячке наши инженеры и ученые немало принесли вреда и Каспию, и Волге, Днепру, и в других местах. Многое здесь просмотрели ученые.

Не угадывается ли в этих просчетах почерк грацианских и еще не научное, а потребительское отношение к природе? Жаль, но приходится констатировать, что и в науке, и в жизни еще мало Вихровых, с их благородным и истинно патриотическим «стремлением заступиться за ручеек». А грацианским-молчалиным наплевать на то, что мы можем уже для своих детей оставить «заминированную планету», как сказал большой друг леса и истинный борец за родную природу наш Л. Леонов.

Конечно, не мне, с моими ограниченными интеллектуальными возможностями сказать что-то новое в решении столь сложных экологических проблем. Но, пользуясь тем, что и отсюда, снизу, с гущи жизни, многое видится из того, что происходит вокруг нас, осмелюсь высказать свои мысли о том, что, как мне кажется, нужно, необходимо и, пожалуй, без особых финансовых и материальных затрат сделать.

Прежде всего абсолютно необходимо добиться максимального усиления роли и влияния науки на ход всей экономической и хозяйственной жизни страны. Ученые, вся научно-техническая интеллигенция должна занять подобающее им место в решении острых и сложных экологических проблем, полностью использовать для этого самые благоприятные условия, созданные партией и правительством.

Нормой должно стать то, чтобы без санкции ученых и природоохранных учреждений не проводилось ни одно хозяйственно-промышленное мероприятие, если оно может оказать неблагоприятное влияние на окружающую среду. Необходимо взять под строгий партийный и научный контроль деятельность предприятий, ведомств с экологической точки зрения.

Недопустимо, когда невозможно найти конкретного виновника за экологическое хулиганство: лесники кивают на плановиков, аграрники на предприятия, те на строителей и т. д. А если и находится виновник, то не он наказывается, а предприятие. Нет логики в таком положении.

Наука прежде всего ответственна за сохранение планеты. Только ученые располагают цифрами, фактами, исследованиями. Они знают, что было миллионы лет назад, пусть всеми средствами рассказывают о том, что будет с Землей через 50—100 лет и от кого и от чего это зависит.

Поэтому голос ученых должен звучать смело, сильно и решительно как в вопросах уничтожения ядерного и других видов массового уничтожения, так и в вопросах экологии.

Важнейшее значение в успешном решении природоохранных задач имеет широкая, систематическая, хорошо продуманная пропаганда экологических знаний, охватывающая все слои населения. Сейчас она поставлена неудовлетворительно.

В некоторых газетах и журналах, хотя и очень редко, публикуются дельные, интересные материалы. Иногда это бывает в «Литературной газете». Но эта газета мало распространена, в сельские местности она почти не доходит. Больше читаем об этом в журналах «Наш современник», «Наука и жизнь», «Сельская молодежь», но тоже эпизодически. Да и читателей у этих журналов не так уж много. Я не знаю, может, и есть специальный экологический журнал. Но если нет, он или такая газета обязательно должны быть и с большим тиражом.

Совершенно ненормальным положением является то, что радио и телевидение, эти самые массовые источники информации и пропаганды, имеющие многомиллионные аудитории, почти не включают в свои программы экологические темы. Широкая общественность крайне недостаточно осведомлена о тех изменениях, которые происходят в природе, их причинах и последствиях. Народ должен знать, в каком состоянии находятся все компоненты окружающего нас мира, и изменить свое отношение к природе. Основная цель систематической и разумной экопропаганды — решительно изменить у всех — от ребенка до престарелого пенсионера, от простого труженика до большого начальника — укоренившееся ложное мышление, будто природа неисчерпаема, безгранична и беспредельна в своих возможностях.

Такое мышление и продиктованное им поведение человека да еще алчность во всем и является главной причиной наших экологических бед. Не пугать людей фатальной неизбежностью гибели жизни на земле, а повсеместно и на всех уровнях, во всех человеческих коллективах — начиная от детского садика — разумно и терпеливо воспитывать уважительное, бережное, доброе, максимально экономное отношение ко всему, что нас окружает.

Повторюсь: максимально экономное и разумное.

Всем должно быть ясно, что будущее нашей планеты и грядущих поколений в наших руках, зависит только от нас, от наших отношений с природой. Особенно это касается руководителей всех рангов и званий, которые наделены определенной властью.

Возглавить эту работу должно «Общество по охране природы» и его отделения на местах. Об их существовании людям мало известно, будто оно находится в подполье. Это никуда не годится.

В программы радио и телевидения обязательно нужно включить постоянные передачи под каким-нибудь названием типа «Земля и люди», «Природа вчера, сегодня и завтра» или еще как-нибудь в этом роде, наподобие великолепных передач «В мире животных» или «Клуб кинопутешествий», которые ведут наши любимцы Дроздов и Сенкевич.

Ах, если бы Вы взялись за это дело! С Вашими знаниями, талантом, опытом, энергией, связями у Вас, уверен, это очень здорово получилось бы!

Много есть еще в этой области и других нерешенных вопросов. Это и недостаточность борьбы с браконьерством, и зачастую неразумное использование ядохимикатов, даже химических удобрений, и проблема промышленных и бытовых отходов и т. д. Обо всем этом Вы во много раз лучше меня знаете.

Сейчас главная задача состоит в том, чтобы эффективно использовать все средства для достижения одной цели: сохранить природу, разумно, по-ленински пользуясь ее богатствами.

Вот некоторые мысли, которые мне хотелось бы высказать в связи с прочитанными Вашими книгами. Понимаю, что они носят дилетантский характер, может, где-то наивны. Но это легко понять: я не специалист или деятель науки в этой области, и еще что-нибудь такое.

А какую-нибудь пользу, хоть самую маленькую, они могут принести.

С совершенным уважением к Вам

Ваш читатель И. Н. Осадчий.
Москва,
1981 г.

Глубокоуважаемый Владимир Алексеевич!

С волнением читал Вашу книгу «Память» и (пусть это будет между нами) не раз плакал над ней. Плакал от боли, переживая горе предков наших, плакал от радости — потому что книга Ваша укрепляла мой дух и ту добрую, незаносчивую русскую гордость, которая в прошлом и в наше время подвергается нередко не только испытаниям, но и поруганию... Чтобы Вы поняли, о чем я пишу, приведу только один пример (мог бы привести их десятки). В том почтенном учреждении, в котором я служу, не так уж давно, в связи с 600-летием Куликовской битвы, состоялось очередное научное заседание. На этом заседании авторитетный профессор, доктор наук, возглавляющий сектор древнерусской литературы, во всеуслышание заявил, что ордынское иго было прогрессивным явлением, ибо ордынцы дали Руси замечательные средства сообщения — почтовые тройки и, самое главное, облагодетельствовали (мое слово. — *В. Т.)* русский народ жестким, деспотическим государственным устройством, которое только и помогло справиться с игом, с внешними врагами.

Вы думаете, что это заявление среди специалистов по истории русской литературы вызвало негодование? Ничуть не бывало! Кое-кто довольно ухмылялся, кое-кто сочувственно улыбался, но ни один не встал и не сказал о том, что это мнение не только не научно, неверно, оно — кощунственно. Я огляделся — и понял: те, кто сидят рядом, — смолчат. Задних рядов я не видел. И в моем воображении живо встали картины: вот ордынец Субудая волочит на аркане моего прапрапрапрапрадеда, вот — другой — насилует мою прапрапрапрапрабабку. Ведь они проклянут меня из могил, если я не выскажусь в нашем «благопристойном собрании» против этой кощунственной речи. Я тогда задал авторитетному доктору наук несколько вопросов. Я спросил: мне не понятно, почему нужно считать прогрессивным ордынское иго, если оно, по словам К. Маркса, «иссушало самую душу народа»? Можно ли основой прогрессивности считать те два признака, на которые было указано в выступлении, то есть замечательные пути сообщения и жесткий деспотически-целеустремленный режим? Ведь фашистская Германия имела идеальные пути сообщения и «железный порядок», но мы не считаем ее прогрессивной. На эти мои вопросы старший коллега

не ответил, хотя много и долго говорил о чем-то совершенно постороннем.

Меня, как Вы понимаете, возмущает не только содержание, но сам *факт* подобного выступления и (это особенно подчеркну) отношение к нему не всех, но *многих:* это было кощунственное равнодушие к истории русского народа, моего народа. А сколько подобных, как теперь говорят, «ситуаций» я наблюдал, наблюдаю и, наверное, буду наблюдать, потому что такое отношение уже, увы, не случайность, а плоды деятельности тех, кто хочет отшибить память у русского человека.

В наше время, когда даже самое доброе, справедливое понятие — интернационализм — иной раз (о, эта хитрость человеческого ума!) пытаются использовать и даже иногда умно используют против русских, объявляя их, вечных страдателей за других, их, самый интернациональный *по духу* народ (я так думаю) в каком-то шовинизме (до чего доходят: в одной из книг даже добрейший лермонтовский Максим Максимович объявлен шовинистом!), и стараясь унизить русских и русскую культуру разными изощренными путями и способами, в наше время Ваша книга в высшей степени современна.

Спасибо Вам. Спасибо от русского человека, которому никогда не был присущ национализм, однако в душе которого не вытравлено тенденциозно-искаженным толкованием интернационализма — чувство национального достоинства, национальной гордости.

Посылаю Вам свою книжку, кое в чем созвучную некоторым темам Вашего замечательного романа.

Очень хотелось бы с Вами встретиться...

С глубоким почтением, *Троцкий В. Ю.*

Москва,

1982 г.

Уважаемый Владимир Алексеевич!

С трепетом, с жадностью прочел и изучил Ваши новые журнальные публикаци о «Слове». То, что Вы обнаружили и показали, не может быть безразлично для

всякого русского душой, и, я думаю, отныне мы уже не сможем отказаться от правоты Ваших доказательств. Художнику-практику, как известно, ближе и понятнее некоторые тайны искусства, к которым просто глухи искусствоведы, ученые мужи. И бог с ними, история России не пресеклась с окончанием XX века, и будущее посмеется над тем, кто был упрям, хоть и не прав.

Но как это Вы позволяете себе еще сомневаться в том, что составляет Вашу веру? Почему Вы не тверды в том, что сумели доказать? Или и Вы тоже не высказали всего? Не знаю, что можете и хотели бы в подтверждение своих постулатов добавить Вы еще, но эту часть «Памяти» Вы смело могли бы переписать, как говорится, пересев с сослагательного на действительный залог. На самом деле, если взять в соображение, что Игорь был автор «Слова», что он писал его, как Гоголь, долгие годы, что он читал его «братии и дружине», то есть единомышленникам, то мы легко додумаемся до мысли, что уже в XII веке на Руси существовала мощная и ярко выраженная оппозиция официальной «стольной» культуре, «стольной» идеологии, так сказать, выражавшая прогрессивную, революционную мысль, ибо идея единения, братства и правления землей по закону и по праву есть по преимуществу национальная наша идея и сокровеннейшая тайна до наших даже дней.

И, скажем, Ваш главный вывод: «если...» и т. д. — мне хотелось бы прочесть:

— Поскольку «братие» в «Слове» употребляется единственно в значении «князья», как, вероятно, употреблялось оно же в годину бедствий в наши дни (раненые и больные, нищие в вагонах после последней войны), только когда взывалось к самым основаниям национальной души, постольку так мог обращаться к князьям и дружинник, и воевода, и боярин, и придворный певец, и музыкант, и келейный писец, но прежде и предпочтительнее сам автор «Слова», князь!

Или: Ярослав «смог легко убедить вассала в том, что поход будет легкой военной прогулкой», «Ярослав мог сыграть и на честолюбии Игоря». Скорее — хотел легко убедить, старался сыграть! Или: отсутствие признаков притворного смирения, согласитесь, еще не есть признак достоинства духа, как и недостаток его. И т. д.

Зато — какой высокий образ русского Гомера, русского Данте — по крайней мере, князя-воина, писателя-

воителя подарили миру Вы! Ум немеет пред очевидностью с силой такого князя Игоря! Все наше средневековье, если не русская история вообще, представляется в преображенном, новом виде — она становится нам отныне родной! И вся наша напыщенная современность с формальным творчеством, с надуманными идеалами поистине кажется игрушкой пред обликом такого отечественного деятеля искусств! И что бы ни сказали Вам все наши неуверенные ...веды, а Игорь — создатель «Слова» — это Ваш гражданский подвиг, это Ваш апофеоз. И я, например, счастлив, что могу засвидетельствовать Вам это, хотя бы в письме.

Теперь, я полагаю, не одно борзое современное стило осмелеет и вознамерится попытаться сочинить нам подобие художественного образа. Но Вы-то знаете, что для воссоздания образа Игоря Святославлича, внука Ольгова, художественными средствами понадобится твердая рука новых Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Толстого, и не менее того.

Быть может, Вы напишете мне два-три слова? Быть может, согласитесь прочесть мою вещицу, которая мне также внушена любовью к «Слову о полку»?

Пичугин Юрий Васильевич,
Руза Московской обл.,
1982 г.

Владимир КРУПИН

Бремя писем почти непосильно. Как тайна исповеди. У нас отучили говорить правду, но как на душе без правды, отсюда доверие к писателю, как к человеку, обязанному быть заступником униженных и оскорбленных, если он понимает способность писать не как дар для проживания, а как обязанность для сострадании.

Когда-то я пытался отвечать на письма. Но потом, по физической невозможности, перестал. Но и не только. Я заметил, что приходится писать не тому, кому хочется написать, не единодумцу, не родственной душе, а писать, то оправдываясь, то обвиняя, то попросту отлаиваясь. Будь у меня под рукою газета, я б просто печатал письма. Да, ничего бы не менялось при заведенном порядке вещей, но у людей была бы высказанность, а у меня хоть какое-то чувство, что виноват не до конца. Но почему не печатать писем местным газетам? Почему, например, сотни писем в защиту переименования Кирова в Вятку, а по справедливости в защиту возвращения репрессированного имени, эти письма канули в бездну? И так далее...

Тяжело с письмами, а без них и вовсе беда. Они и старят, они и заставляют болеть сердце, но они и подтверждают, что ты нужен, что раз уж жизнь сорвана с колеи, раз уж человек ушел страшно далеко от образа и подобия, по которому сотворен, раз уж достался именно такой отрезок во временной земной жизни, то пусть и будут эти нервные, бесплотные нити, связывающие с современниками. Простите меня все, кому не ответил, а кто на меня сердится, пусть хотя бы мысленно побудет на моем месте.

«ВЯТСКИЕ ЕСТЬ?»

Владимир Николаевич, здравствуйте.

Спасибо Вам за «Детство». Первая моя встреча с «Братцем Иванушкой» произошла 2—3 года назад на

страницах «Сельской жизни». Стало интересно. Начала приглядываться. В «Крестьянке», а потом в «Учительской газете» были напечатаны отрывки из него. Прочла еще раз, стало еще интереснее. Кто такой Крупин? Стала искать в книжных магазинах и вот — удача. Привезли к нам Вашу «Дорогу домой». Прочла «Братца...» еще раз. И тут вспомнила. В детстве, в родной речи, не помню для какого класса (от 2-го до 4-го), был рассказ о том, как мальчик тайком съел сливу. Мама обнаружила пропажу. «Не жалко сливу, но там была косточка, и если ее не выбросишь, то можно умереть» (что-то подобное говорила мама всем за столом). «Я косточку выбросил за окошко», — сказал мальчик. И все засмеялись, а мальчик заплакал. По-моему, это рассказ Л. Толстого, но не утверждаю, ведь читалось 40 лет назад. И мне «Братец Иванушка» напомнил этот рассказ своим лиризмом. Спасибо! И тонкая мораль: цени труд и его результат. «Гвоздь сделан для того, чтобы чего-то с чем-то скреплять, а не валяться на дороге». Хорошо! Прочитала всю «Дорогу домой» и «Живую воду» в «Роман-газете». Почему у Вас нигде не поют жаворонки? Какой же луг без жаворонков! Или у Вас они не живут? А у нас пока еще есть. Приезжайте послушать. Наверняка Вы наши сальские степи видели только «под крылом самолета» во время перелета север — юг и обратно.

Понравился Ваш Явпаня. И вообще Вы там описываете пьянку, что это вовсе и не беда, и не порок. Вот Кирпиков бросил пить и стал «чудить». А что ему еще делать? Водку мы отбираем у мужика, а что даем взамен? Стадионы, телики, книги? Так ведь у человека надо воспитать потребность души во всем этом. Реформа школы требует учить производительному труду. Согласна! А как учить и кто в этом нам поможет, как использовать свободное от труда время? Ведь его должно быть все больше в век НТР!

«Можно ведь смотреть и не видеть. Душа обязана трудиться», — говорил Заболоцкий. Этому я всю жизнь учила своих детей. А правильно ли учила? Это проблема. И надежда на Вас, писателей. Вас слушают, принимают. Хотя у меня сложилось впечатление, что от этих острых и в ближайшие годы неразрешимых проблем уходите.

А песни у нас в селе те же, что и у Вас в Вятских

лесах. И только уж больно старых я не знаю и не слышала здесь. И частушек у нас поют мало, с нашим поколением они совсем уйдут из жизни. Обидно.

И как точно и близко к моему состоянию. «Почему, несмотря на уверенность, что любой возраст хорош, почему так тревожно?» Все самое интересное только начинается, а ведь силы уже на исходе, и то не успеешь, и это не осилишь. Я старше Вас на 5 лет. Внук пошел в школу. Что-то надо делать и срочно! Мне кажется, Вы уходите от сложных социальных проблем, так как знаете: ничего не изменить. Но ведь хочется изменить! А ведь видишь: торжествует сплошь и рядом подлость. Эх! Буду искать Ваши произведения, они мне по душе.

До свидания.

Ляпова Таисия Николаевна,
с. Жуковское,
Ростовская обл.

Здравствуйте, Владимир Николаевич!

Я прочитал в «Аргументах и фактах» Вашу беседу с корреспондентом т. Пестовым и обрадовался за Ваши смелые, справедливые слова о деревне. Вы справедливую дали оценку о писателях-деревенщиках, они пишут о деревне, а деревня во все времена существования России кормила и одевала народ русский. Сейчас разорили деревню и все покупают за границей, за ископаемые нашей земли, но и им придет конец, и будут люди возвращаться в деревни прадедов. Вы напомнили т. Пестову, как сибирские полки спасли в 41-м Москву, а ее спасали и вятичи. В сентябре 1941 года я добровольно пошел в комсомольский лыжный батальон, который формировался в Вешекильских военных лагерях, в лесах у гор. Котельнич. Здесь проходили подготовку вятские мужики первого призыва, и они почти все погибли за Москву в числе погибших 100 тысяч на калужской земле от города Малоярославца до Подольска.

Я родился в деревне Кировской области, которая

уже не существует. Я, как и Вы, езжу к брату в гор. Яранск и вижу разрушенные деревни, сердце кровью обливается. После Великой Отечественной войны я вернулся из армии в родную деревню, а деревня уже рушилась, молодежь, направляемая колхозами на лесозаготовки, не возвращалась, а оставалась работать в леспромхозах, так как трудодень не оплачивали. Пришлось и мне уйти работать в Яранский райфинотдел. Пять лет ездил по деревням, видел, что весь хлеб сдавали государству, а крестьяне его выращивают, но не едят. Некоторые колхозы выращивали хорошие урожаи, но приказывали — сдать его за соседний колхоз, где председателя прислали, а он и в деревне не жил...

Разговаривая с близкими товарищами, я спрашивал, неужели не знает Сталин, что деревни разоряют? Итак, не выдержала душа коммуниста разрушений деревень, и уехал я с родной земли в 1952 году к родителям жены в Мосбасс, город Донской Московской области, сейчас Тульской.

Извините меня, Владимир Николаевич, за мое письмо, но я не мог его не написать, потому что мы земляки и одинаково переживаем за наши вятские деревни. Наблюдая за перестройкой в деревне, я решил написать роман о жизни крестьян на Вятской земле. И я уже приступил к этой работе, но читая на страницах газет, журналов и встречая выражение, которое применил корреспондент в первом вопросе — Вы принадлежите к отряду писателей-деревенщиков, — решил не писать.

А в моей памяти есть неплохой материал о жизни крестьян за полтора столетия. Начиная с того времени, когда мои предки отвоевали у леса землю и в большой нужде боролись за жизнь. Написать о культуре, быте, о коллективизации и жизни в колхозе до конца существования деревни моих предков Фомичей, которую они построили в лесу.

Мне не нужен гонорар, а я хочу, чтобы молодое поколение знало, как дорога была крестьянам земля и как они на ней работали, отдыхали и жили. А гонорар я внесу в любое общество, их сейчас много, а для моей жизни хватает пенсии. Но, кроме этого, мне некоторые товарищи сказали: не трать зря время, ты не состоишь в Союзе писателей и твой роман не напечатают.

Владимир Николаевич!

Прошу Вас, посоветуйте мне, писать или нет?
С глубоким уважением Ваш земляк

Толстогузов Федор Семенович.
Тульская обл., г. Донской

Уважаемый товарищ Крупин!

...Я не коренной вятич, живу здесь с 1983 года, но как всякому человеку мне дорога отечественная культура и ее составная часть история. Я внимательно следил по небольшим публикациям в «Кировской правде» за полемикой вокруг наименований Вятка — Киров и пришел к такому выводу. Во-первых, это дело взяли в руки явные сторонники старого, сталинско-брежневского стиля нашей жизни, то есть противники всего демократического, перестроечного, нового во всех сторонах современной жизни, в том числе и возвращения прежних, исторических названий. В отказе от переименований тех лет они видят отказ и от стиля жизни 30—50—70-х годов. Это видно из тенденциозной подборки статей и высказываний в печати, в умелом проведении собраний трудящихся и т. д.

Во-вторых, многим безразлично название их города. А к Кирову за 50 лет привыкли, сжились, хотя я хорошо знаю таких многих молодых (не говоря уже о малограмотных стариках) грамотных людей, которые ничего не знают о жизни С. М. Кирова, но они за наименование Киров.

Стоит вспомнить полное единодушие народа, всеобщее одобрение и «ежовых рукавиц», и «сталинского плана преобразования природы», и хрущевской кукурузы и т. д. Точно так же, по той же логике прошли и собрания трудящихся по вопросу переименования Кирова в Вятку? Кто ведет собрание, то есть какова его позиция, таким будет и «всенародное одобрение». Ведь не было ни в печатной, ни в устной пропаганде по-настоящему научной, аргументированной, логически доказательной информации по этому вопросу. Ваша прекрасная статья, увы... запоздала. По-видимому, решение уже принято не в пользу Вятки. Как, впрочем,

и по другим городам — Калинин, Андропов, Куйбышев, многочисленные Киров — Кировск — Кировоград и т. д.

В-третьих. Ловкачам удалось отвлечь внимание от главного путем пристегивания надуманной проблемы возвращения Вятке наименования Хлыново. Я думаю, что это было придумано по-хитрому.

В-четвертых, до сих пор живы сами или их потомки — вандалы XX века, те, кто разрушал собор Витберга и другие храмы в 30-е годы, кто проявлял инициативы в переименованиях и др. разрушениях культуры. Им-то совершенно безразлично все то, о чем вы — писатели вятские — Куваев и Лиханов, Крупин или там Заболоцкий пишете, как о вятском характере, традициях и т. д. Они считают — «Кировчанин — это звучит гордо».

А я вот вспоминаю, как на войне встречались колонны наших войск и солдаты громко выкрикивали, надеясь встретить земляка: «Орловские есть?», «Костромичи есть?», «Вятские (и никогда не слышал «Кировчане») есть?» В одном отделении со мной служили вятские ребята. Деришев и Мокрушин в 1940—1941 годах. Они себя называли вятскими, а не кировчанами.

Да и теперь в Кирове, насколько мне приходится общаться с разными людьми: и интеллигенцией, и рабочими, и молодыми, и старыми, я очень часто слышу, как любовно люди говорят о себе — вятский, вятич. Конечно, привыкли и к Кирову.

Вот что мне захотелось сказать Вам, многоуважаемый товарищ Крупин. Уж кстати, очень мне понравилась Ваша повесть о студенческих годах в Москве. А вот книга «Живая вода» почему-то показалась конъюнктурной. Читали Ваши очерки в «Кировской правде», полюбил Вас как писателя. Еще раз спасибо Вам за статью «Я свой выбор сделал».

Фадеев Константин Иванович,
военный пенсионер 1922 г. рождения,
г. Киров, быв. Вятка, 1988 г.

Секретарю Союза писателей СССР
тов. КРУПИНУ В. Н.

Уважаемый Владимир Николаевич!

Обращаются к Вам жители села Троице-Лыково.

«За Серебряноборской излучиной Москвы-реки на правом, холмистом берегу раскинулись земли старинного села Троице-Лыкова, которое в начале XVII века принадлежало боярину Лыкову, а позднее — Нарышкиным. Поднявшись от пристани вверх по береговому склону, вы можете полюбоваться одним из чудес русского зодчества конца XVII века, превосходным образом нарышкинского барокко — бывшей церковью Троицы. Историк архитектуры М. Ильин называет церковь Троицы «лебединой песней Древней Руси». Известен автор выдающегося сооружения — крепостной мастер Я. Бухвостов.

В Троице-Лыкове в марте 1922 года по рекомендации врачей жил около 20 дней В. И. Ленин. Несмотря на плохое состояние здоровья, он много работал, написал статью «О значении воинствующего материализма», более 50 писем и записок, готовился к выступлению на XI съезде РКП(б) с политическим отчетом ЦК партии» (Двинский Э. Кольца и радиусы Москвы, «Московский рабочий», 1986).

Это мы Вам написали выдержку из официальной книги.

В нашем селе сейчас около 300 (трехсот) домов, где с незапамятных времен и по сей день проживают русские люди.

Это чудом сохранившееся в черте Москвы старинное село с его коренными жителями, с прекрасной церковью, с кладбищем, с природой — весь этот комплекс, непременно весь, является уникальным памятником нашей истории и культуры.

Нашим сельским кладбищем мы очень дорожим, ведь там похоронены наши близкие и дальние родственники, это наша связь с прошлым, связь времен.

Мы, жители Троице-Лыкова, постоянно живем под угрозой сноса. Из-за этого наши дома и подворья долго не ремонтировались и находятся в плохом состоянии. А угроза сноса реальна: безликие коробки жилых домов и промышленных предприятий надвигаются на нас неотвратимо. Сейчас обстановка обострилась: по

информации из исполкома Ворошиловского района уже в этом году намечается снос части села.

Как же можно, говоря о тяжелой экологической обстановке в Москве, сносить старинное село с его парком, многочисленными садами, огородами.

Мы не дадим уничтожить наше Троице-Лыково!

Наши жители с давних времен и по сегодняшний день занимаются производством сельскохозяйственной продукции: разнообразные овощи, зелень, фрукты, цветы, мясо кур и прочее. В настоящее время сельчане вносят существенный вклад в обеспечение продуктами питания себя и близлежащих районов. Некоторые жители хотели бы создать у себя в селе семейные сельскохозяйственные кооперативы, что позволило бы значительно повысить производство продуктов питания и ускорить выполнение государственной продовольственной программы.

Мы, жители села Троице-Лыково, убедительно просим Вас в оказании помощи по сохранению этого первозданного уголка Москвы, РОССИИ. Просим помочь не допустить еще одной роковой ошибки, которые имели место в застойные времена, когда были уничтожены многие исторические места нашего Отечества, обезображена природа.

Приглашаем Вас в гости в наше село, где Вы можете увидеть все своими глазами. Пока не поздно.

Жители села:

Скобелева Н.,
Палажук, Крутовы и др.

Владимир СОЛОУХИН

Не помню уж, кто натолкнул меня на мысль составить такую книгу. Возможно, это было где-нибудь в другой стране, но, конечно, в кругу русских людей. Я рассказывал им, какой у нас активный читатель, как он откликается на каждое (ну, не на каждое, положим, а на каждое задевшее его за живое) писательское слово и как он, читатель, высоко ставит гражданскую роль писателя, обращаясь к нему по самым разным вопросам. Я рассказывал тогда, что у меня накопилось несколько тысяч читательских писем. Те, что содержат просто оценку моей той или иной книги, конечно, не интересны (или интересны и приятны лишь автору книги). Но многие письма затрагивают острые социальные, гражданские, хозяйственные, этические, религиозные, экологические, патриотические вопросы. Каких только вопросов они не затрагивают!

— Так вы соберите эти письма в книгу!

Да, точно теперь можно сказать, что эта мысль могла прийти кому-нибудь именно за границей. Во-первых, у нас не было никогда подобного примера. Издаются письма самого писателя, да и то посмертно в последнем томе (или томах) собрания сочинений. Но чтобы — письма читателей?!

А между тем, разве меньше они говорят о том или ином писателе, чем письма самого писателя? Не больше ли! И разве меньше они говорят о времени, о нравственном здоровье (или нездоровье) общества, нежели, быть может, само произведение, вызвавшее поток этих писем?

Да, не было прецедента. Да, непривычно и в определенной степени самонадеянно писателю самому выставлять напоказ письма, адресованные ему. Но если максимально избежать в отборе писем оценочной их стороны, то есть похвал и восторгов, а сделать упор на деловую часть, на боль и тревоги, если показать через эти пись-

ма, насколько люди могут быть еще чутки и живы, или, напротив, насколько они забиты, равнодушны и сбиты с толку, то может быть это, действительно, интересно... Мало ли что — не было прецедента. Писатель — это уже прецедент.

Чем дольше я думал над этим предложением, тем оно казалось мне все допустимее и реальнее. Если к тому же иногда строкой-двумя прокомментировано то или иное положение письма... И потом: чем я рискую? Попробуем и посмотрим — что получится.

Это письмо, бесспорно, одно из самых интересных и обстоятельных в моем архиве.

Однажды в дверь моей квартиры позвонили, я открыл. На пороге стоял коренастый мужчина лет сорока пяти, в облике которого по каким-то неуловимым признакам угадывался сибиряк. Он протянул мне завернутый в газету сверток трубкой, наподобие того, как свертывают чертежи, и коротко пояснил:

— Мой отец просил это после его смерти отдать в хорошие руки. Я отдаю это вам. Делайте с этим что хотите.

В свертке не оказалось ни письма с обращением, ни подписи в конце, тем более ни обратного адреса. Но подлинность документа и всех данных, содержащихся в нем, не вызывает, конечно, никаких сомнений. Несмотря на длинноту первой части документа, списка всех жителей села Сивково на семи страницах, думается, его стоит опубликовать целиком.

«ОБ ОТМЩЕНИИ ВЗЫВАЕМ...»

ПОИМЕННЫЙ СОСТАВ ДОМОХОЗЯЕВ СЕЛА СИВКОВО ОТ 1908-го ПО 1945 ГОД.

№ п/п	Фамилия, имя, отчество домохозяина	Особенности хоз-ва	Вид жилья	Кол-во прожив. в доме	Убиты в войну	Погибли: в восстание 1921 г.	Погибли: в 1930 г.			Остались в живых
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Сбродов Игнатий Гаврилович		0	2					2	
2	Степанов Петр Иванович		0	2						2
3	Осипов Трофим Аркадьевич		0	6						6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
4	Токаренко Гавриил Кириллович			4			1		3	
5	Токаренко Никифор Гаврилович		0	3			1		2	
6	Степанов Федот Иванович			2						2
7	Токаренко Матвей Кириллович		0	2						2
8	Квашин Никифор Тарасович			4	1					3
9	Еликов Андрей Васильевич		0	3						3
10	Квашнин Назар Пахомович	К	0	3						3
11	Коваль Иван Тимофеевич			3		1			2	
12	Осипов Михаил Игнатьевич			4						4
13	Токаренко Дмитрий Кириллович		0	2		1				
14	Коваль Василий Тимофеевич			4					4	
15	Мальцев Дорофей Петрович		0	4	1					3
16	Мальцев Иван Варфоломеевич			3						3
17	Дюрягин Василий			3						3
18	Еликов Меркурий Осипович	М		3				3		
19	Еликов Аким Федорович			5		1				4
20	Калашников Иван Никифорович			4		1			3	
21	Ковалев Иван Васильевич		0	4						4
22	Еликов Ион Николаевич		0	2						2
23	Квашнина Клавдия Яковлевна		0	1						1
24	Квашнин Павел Константинович			5						5
25	Мальцев Осип Михайлович			4		1		3		
26	Еликов Лифантий Васильевич			4	1					3
27	Квашнин Никифор Семенович			2						2
28	Мальцев Афанасий Варфоломеевич			3				3		
29	Мальцев Миней Варфоломеевич			4					4	
30	Мальцев Емельян Григорьевич			5	1	1		3		
31	Мальцев Варфоломей Иванович			5				5		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
32	Мальцев Ануфрий Федорович			4		1			3	
33	Михайловский Осип Киприянович			3					3	
34	Квашнин Лука Киприянович			4	1					3
35	Мальцев Осип Павлович	М		4				4		
36	Михайловский Тимофей Миронович	М		3				3		
37	Мальцев Лев Васильевич		0	3						3
38	Мальцев Лука Миронович	К		6				6		
39	Квашнин Денис Павлович			5				5		
40	Токаренко Тимофей Кириллович			3						3
41	Журавлев Матвей Куприянович	М		3				3		
42	Журавлев Савва Куприянович			2		1				1
43	Мальцев Иван Иванович	КП		2				2		
44	Квашнин Тит Павлович			4					4	
45	Мальцев Максим Федорович			4						
46	Квашнин Осип Павлович	М		4				4		4
47	Мальцев Иван Максимович			3						3
48	Мальцев Осип Федорович.			6						5
49	Мальцев Фирс Васильевич			3						3
50	Мальцев Егор Васильевич			3						3
51	Мальцев Доментиан Георгиевич			6					6	
52	Квашнин Елисей Ильич			3		1		2		
53	Квашнин Трофим Изосимович			3				3		
54	Самохвалов Осип Кондратьевич			4			1	3		
55	Сбродов Алексей Петрович	М		4				4		
56	Самохвалов Никифор Кондратьевич			4			1	3		
57	Квашнин Евтропий Тимофеевич	М		3					3	
58	Самохвалов Зотик Кондратьевич			2					2	
59	Квашнин Григорий Тимофеевич			2				2		
60	Сбродов Николай Севастьянович			4					4	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
61	Мальцев Клементий Егорович	М		2		1				1
62	Мальцев Егор Клементьевич			2		1				1
63	Мальцев Иван Клементьевич			2		1				1
64	Мальцев Григорий Иванович			6					6	
65	Мальцев Антон Лукич			2					2	
66	Квашнин Егор Исаевич	М		2		1				1
67	Квашнин Яков Исаакович			2					2	
68	Шешуков Ефрем Трофимович			3		1				2
69	Мальцев Захар Кириллович	М		3						3
70	Жильцов Максим Алексеевич			3	1					2
71	Самохвалов Григорий Денисович			3	1					2
72	Шешуков Иван Трофимович			3						3
73	Мальцев Яков Евдокимович			3					3	
74	Квашнин Трифон Федотович	К		4				4		
75	Шешуков Константин Трофимович		0	2		1				1
76	Квашнин Леонтий Филимонович		0	4		1			3	
77	Мальцев Фрол Евдокимович			4					4	
78	Мальцев Лазарь Иванович			4					4	
79	Мальцев Зотик Ефремович			3					3	
80	Мальцев Агафон Прокопьевич			5						5
81	Мальцев Петр Сергеевич			4				4		
82	Мальцев Степан Сергеевич			3					3	
83	Мальцев Никон Петрович			1				1		
84	Мальцев Василий Ефремович			4	1					3
85	Мальцев Егор Максимович			4				4		
86	Мальцев Зотик Иванович			4					4	
87	Мальцев Трофим Федорович			4				4		
88	Мальцев Савва Игнатьевич			3						3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
89	Мальцев Степан Тимофеевич			4						4
90	Квашнин Терентий Филимонович			6	1					5
91	Мальцев Дмитрий Тимофеевич			5	1					4
92	Мальцев Кондратий Никифорович			5	1				4	
93	Мальцев Осип Кондратьевич		0	2		1			1	
94	Мальцев Епифан Григорьевич	СТ		4	1					3
95	Мальцев Созонтий Григорьевич			4						4
96	Мальцев Еврам Григорьевич			5					5	
97	Мальцев Галактион Сидорович			4						4
98	Ковригин Артемий Андреевич			6				6		
99	Ямов Евтихий Егорович			3						3
100	Мальцев Александр Родионович			2	1					1
101	Самохвалов Зотик Тарасович			3	1					2
102	Квашнин Степан Тимофеевич	КМ		4		1			3	
103	Квашнин Андрей Клементьевич			3	1					2
104	Науразбаев Иван Юсупович			4						4
105	Самохвалов Андрей Иванович			3	1					2
106	Квашнин Иван Сергеевич			3						3
107	Самохвалов Арефий Исаакович			4	1					3
108	Мальцев Петр Степанович			4						4
109	Сбродов Григорий Трифонович			3					3	
110	Мальцев Осип Яковлевич			4	1					3
111	Мальцев Степан Васильевич			2		1				1
112	Мальцев Александр Варламович	МК		3					3	
113	Сбродов Федор Никифорович		0	2					2	
114	Сбродов Василий Гаврилович			5						5
115	Буравцов Даниил Алексеевич		0	3					3	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
116	Озеров Тимофей Васильевич			5						5
117	Сбродов Иван Артемьевич			5					5	
118	Мальцев Игнатий Иванович			4						4
119	Мальцев Лаврентий Иванович		0	1						1
120	Сбродов Максим Палитович	М		3						3
121	Ямов Дмитрий Егорович			4	1					3
122	Ермаков Исаак Федорович		0	3						3
123	Квашнин Алексей Павлович			3						3
124	Квашнин Евстафий Ефимович			4		1				3
125	Квашнина Надежда Алексеевна			3						3
126	Мальцев Иван Ефимович			3					3	
127	Мальцев Андрей Ефремович			3	1				2	
128	Мальцев Яков Васильевич			3					3	
129	Квашнина Евдокия Кузьмовна		0	1						1
130	Мальцев Тарас Артамонович			3						3
131	Мальцев Федор Савинович			2					2	
132	Мальцев Кирилл Иванович	М		3					3	
133	Мальцев Яков Артамонович		0	1	1					
134	Самохвалов Ефрем Поликарпович			4						4
135	Самохвалов Зотик Поликарпович			2						2
136	Сбродов Антипа Петрович			5				5		
137	Мальцев Федор Васильевич	СТ		3					3	
138	Самохвалов Никифор Павлович			4	1				3	
139	Сбродов Клементий Семенович		0	2	1				1	
140	Крашенинин Леонтий Филиппович			5	1					4
141	Крашенинин Иван Филиппович		0	2		1				1
142	Крашенинин Филат Филиппович		0	2						2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
143	Сбродов Леонид		0	2						2
144	Сбродов Макар		0	2						2
145	Сбродов Никита Семенович		0	2						2
146	Сбродов Роман Семенович		0	2	1					1
147	Еликов Семен Семенович			2					2	
148	Квашнин Иван Авдеевич	К		3					3	
149	Сбродов Никифор Яковлевич	М		2					2	
150	Сбродов Александр Михайлович			5					5	
151	Мальцев Иван Артамонович			2						2
152	Сбродов Зотик Политович			2						2
153	Сбродов Филипп Филиппович			2					2	
154	Воробьев Андрей Васильевич			3						3
155	Сбродов Михаил Федорович			3						3
156	Мальцев Сидор Васильевич			4					4	
157	Буравцев Максим Алексеевич			3					3	
158	Самохвалов Севастьян Семенович			3					3	
159	Самохвалов Григорий Архипович			3		1				2
160	Сбродов Терентий Филиппович			3					3	
161	Сбродов Петр Матвеевич			3					3	
162	Сбродов Лука Матвеевич		0	3					3	
163	Сбродов Порфирий Родионович			2						2
164	Сбродов Макар Родионович	М		6						6
165	Мальцев Осип Лукич			4					4	
166	Сбродов Ефросин Яковлевич			2						2
167	Сбродов Константин Гаврилович		0	3						3
168	Сбродов Ипат Васильевич		0	2					2	
169	Мальцев Калина Артамонович		0	2						2
170	Самохвалов Федот Семенович		0	2						2
171	Сбродов Иван Самсонович		0	3						3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
172	Сбродов Акинтий Самсонович		0	4		1				3
173	Сбродов Василий Емельянович			5					5	
174	Сбродов Петр Осипович		0	2						2
175	Мальцев Фотей Ефремович			2				2		
176	Мазь Софроний Осипович			3		1				2
177	Сбродов Ананий Клементьевич	М		5		1		4		
178	Сбродов Семен Савельевич	М		4	1				3	
179	Сбродов Сидор Яковлевич	М		4		1				3
180	Сбродов Степан Савельевич	К		4				4		
181	Сбродов Ермалай Осипович			4	1					3
182	Сбродов Андрей Осипович			5						5
183	Квашнин Леонтий Никандрович			3						3
184	Квашнин Осип Никандрович		0	3						3
185	Квашнин Михаил Игнатьевич			4						4
186	Квашнин Панкратий Игнатьевич			4						4
187	Квашнин Дионисий Никандрович			5						5
188	Снигирев Петр Федорович			4						4
189	Сбродов Никодим Осипович			4					4	
190	Мальцев Иван Лукич			5	1				4	
191	Квашнин Григорий Александрович			5	1				4	
192	Прокопьев Даниил Трофимович		0	4		1				4
193	Мальцев Дементий Игнатьевич			5					4	
194	Сбродов Константин Андрианович			5	1				4	
195	Мальцев Троп Лукич			2				2		
196	Квашнин Изосим Яковлевич			3				3		
197	Квашнин Петр Трофимович	М		4		1			3	
198	Квашнин Семен Изосимович			3				3		
199	Квашнин Потап			2	1					1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
200	Квашнин Мартемьян Перфильевич			4		1		3		
201	Квашнин Иван Порфирьевич			3				3		
202	Квашнин Аверьян Нифантьевич	М		3				3		
203	Квашнин Алексей Ильич	М		3				3		
204	Квашнин Мин Иванович			5						
205	Квашнин Потап Иванович			5				5		5
206	Квашнин Иван Иванович			3	1				2	
207	Квашнин Григорий Григорьевич			4				4		
208	Квашнин Игнатий Ильич			4		1		3		
209	Сбродов Спиридон Семенович			2					2	
210	Квашнин Аватоном Трофимович			5	1					4
211	Мальцев Никита Родионович		0	2						2
212	Москалев Иван Кондратьевич			1		1				
213	Долгополов Николай Александрович			1		1				
214	Квашнин Леонтий Федотович			4						4

ПОЯСНЕНИЯ К СПИСКУ

1. В графе 3 показаны:

а) знаком М — хозяйства, имевшие в собственном владении и пользовании ветряные мельницы; таких хозяйств в селе было — 22, ветряных мельниц в их владении — 22;

б) знаком К — хозяйства, владевшие собственными кузницами, кузнецов в селе было 8 человек;

в) знаком СТ — показаны 2 столяра, знаком П — один портной.

2. В графе «Вид жилья» показаны:

а) знаком 0 — строения в одну жилую комнату, в таких строениях (избах) проживали в селе 43 двора (семьи), с числом членов в 110 человек, кроме того, в Сивково имелись деревянные пятистенные (двухкомнатные) дома, крытые тесом (в таких домах проживали в селе 83 двора, с числом членов семей в 395 человек) и деревянные крестовые (трехкомнатные дома), крытые тесом (в таких домах жили в селе 85 дворов, с числом членов семей в 308 человек).

Три семьи из проживавших в селе 5 человек не были постоянными жителями села и собственного жилья не имели.

3. Графа «Погибли в восстание 1921 года» имеет такое содержание:

а) конным отрядом Курганской ЧК 23 марта 1921 года были арестованы в своих домах в селе Сивково, собраны в группу, выведены из села и в 15 километрах от него, на льду степного озера Сазыкуль, были раздеты до нижнего белья и расстреляны, трупы там брошены, а вся одежда похищена; погибшие 7 человек следующие:

№ в списке	Фамилия, имя, отчество
11	Коваль Иван Тимофеевич
30	Мальцев Емельян Григорьевич
61	Мальцев Клементий Егорович
66	Квашнин Егор Исаакович
111	Мальцев Степан Васильевич
159	Самохвалов Григорий Архипович
193	Мальцев Дементий Игнатьевич

б) по приказу коменданта курсантского полка ЧОН 21 марта 1921 года были арестованы в своих домах в селе Сивково и зарублены саблей в пригоне сивского жителя Луки Мироновича Мальцева следующие 5 человек:

32	Мальцев Ануфрий Федорович
68	Шешуков Ефрем Трофимович
76	Квашнин Леонтий Филимонович — убежал
179	Сбродов Сидор Яковлевич
212	Москалев Иван Кондратьевич

в) Курганской ЧК были арестованы в своих домах в селе Сивково, увезены в село Макушино и там в ночь на 14 апреля 1921 года расстреляны на кладбище и зарыты следующие 7 человек:

42	Журавлев Савва Куприянович
62	Мальцев Егор Клементьевич
63	Мальцев Иван Клементьевич
93	Мальцев Осип Кондратьевич
197	Квашнин Петр Трофимович
200	Квашнин Мартемьян Перфильевич — убежал
208	Квашнин Игнатий Ильич

г) арестованы отрядами ЧК — в селе Сивково и там расстреляны в марте 1921 года следующие 5 человек:

25	Мальцев Осип Михайлович
52	Квашнин Елисей Ильич
176	Мазь Софроний Осипович
177	Сбродов Ананий Клементьевич
213	Долгополов Николай Александрович

д) убиты при участии разновременно в боях на стороне восставших в феврале—марте 1921 года:

20	Калашников Иван Никифорович — в дер. Крутинькое
102	Квашнин Степан Тимофеевич — в дер. Жидки
124	Квашнин Евстафий Ефимович — в селе Обутки

141 Крашенинин Иван Филиппович — в селе Пруды

е) захвачены в плен и расстреляны Курганской ЧК:

13 Токаренко Дмитрий Кириллович — в селе Макушино

19 Еликов Аким Федорович — там же

75 Шешуков Константин Трофимович

172 Сбродов Акинтий Самсонович — там же

4. В графах «Погибли в 1930 году» показаны плоды коллективизации и переустройства деревни, именно:

а) в ночь на 25 на 26 июня 1930 года в здании ОГПУ по Уралу в г. Свердловске были расстреляны четверо из жителей села Сивково, принадлежавшие к большой группе в 58 человек, расстрелянных вместе с ними в ту же ночь и там же.

История эта такова. В преддверии всеобщей коллективизации 1930 года власти разработали ряд мер, чтобы накалить атмосферу в районах, намеченных к коллективизации, и тем спровоцировать что-либо вроде выступления населения против власти; этим оправдано было бы введение чрезвычайных мер в районах коллективизации. Одной из таких мер, разработанных ОГПУ, была засылка в районы коллективизации специальных агентов с целью выявления там лиц, нетерпеливо относящихся к мероприятиям властей по коллективизации, и ведения между ними подстрекательской агитации.

Так, в Частоозерском районе Ишимского округа в конце осени 1929 года появился некто Власов, бесхозный житель и уроженец дер. Власовки Утчанской волости Ишимского уезда, болтавшийся до этого на подворье Частоозерского райкома ВКП(б) в качестве инструктора одного из отделов. Выдавая себя за разошедшегося с властями правдолюбца и за болельщика мужицкой несчастной доли, Власов стал энергично мотаться по селам и деревням Частоозерского и Долговского районов, везде выискивая недовольных мужиков и подбивая их вступать в организацию против власти и коллективизации. Неискушенные в мерзостях ОГПУ доверчивые мужики не рассмотрели в жалостливых призывах новоявленного поборника мужицкой правды подлинной рожи провокатора. Конечно же, все они были недовольны, больше того, озлоблены были всем тем, что творили с ними власти, и, как плотва на крючок, они кинулись на приманку, которую кидал перед ними Власов. Мужики поверили этому проходимцу и охотно стали делать все, к чему он их подбивал.

Так за зиму 1929/30 года Власов вовлек в свою «организацию» более сотни мужиков из деревень и сел Частоозерского и Петуховского районов Ишимского округа. Такой успех выглядел внушительным, и власти вверху (ОГПУ) сочли, видимо, это достойным. Они даже не посоветовали Власову (для большей реальности и убедительности) организовать какое-либо, пусть даже незначительное, выступление «заговорщиков». ОГПУ, видимо, рассуждало — к чему это? Сойдет и так! Ведь все равно разбираться публично никто не будет! Все это — только для внутреннего потребления!

В самом деле, если вглядеться внимательно и без предупреждений, вся «организация», созданная Власовым, не представляет ничего ценного. Ничего не было в ней реального, существенного! Одна поза взамен дела! Были одни слова, одни высказывания своих желаний! Да чтоб было как можно более скрытно все, более таинственно. В то же время, чтоб выглядело всамделишным и было похожим на реальность, а не на игру. Власов требовал, например, от опекаемых им мужиков не просто агитировать и склонять других на свою сторону, а обязательно собираться где-либо группой, лучше в бане или в амбаре, лучше ночью, при лампе, чтобы выглядело все не понарошке, а вполне солидно, как и подобает настоящему заговору; чтобы было не просто как случайная встреча или мимолетный разговор, и чтобы на таком тайном собрании не просто разговаривали, а чтоб один кто-либо обязательно докладывал, а другие чтобы выступали в прениях, и чтоб велся протокол такого собрания, с повесткой собрания и с приложением списка всех присутствующих и выступавших на этом собрании. Протоколы эти Власов забирал потом себе. Уж это одно обстоятельство, кажется, должно было и недалекому уму подсказать, что не все чисто в этой игре, что скрыто тут что-то непонятное. Но неискушенный мужик во все хотел верить и верил, он не замечал ловушки, хотя она и была почти не замаскирована.

А операция по принудительной всеобщей коллективизации меж тем приближалась к своему взрывному пункту. И вот в одну из ночей конца февраля 1930 года все «заговорщики» из всех деревень и сел Частоозерского и Петуховского районов были бесшумно враз арестованы и препровождены в г. Ишим, где их закупорили в тесных подвалах окружного ОГПУ. Началось следствие, которое тянулось с марта до половины мая

1930 года. Состояло оно в том, что каждого из заключенных вызывали из подвала к следователю и добивались от него письменного подтверждения всего того, что и так ОГПУ было известно по донесениям Власова. Некоторые из допрашиваемых первоначально не сознавались или отказывались признать то или иное, тогда вызывался Власов и начинал усовещевать упрямого мужика — «ну как же ты, Петро Яковлевич, не помнишь, ведь вот как дело-то было» — и усовещенный мужик, потупив глаза, признавался. Все это обстоятельство фиксировалось в протоколах допроса, которые сшивались в папки, и создавалась таким путем занятная повесть о том, как злобное мужичье-кулачье в Ишимском округе замыслило свергнуть родную для народа Советскую власть, но бдительное ОГПУ своевременно раскрыло этот коварный замысел и обезвредило врагов трудового народа. Так был задуман и так составлялся этот сценарий. В действительности же все это было не больше, как сказка для малышей. Или материал для скудоумных творений литераторов современности.

Под конец допросов главные обвиняемые признали и подписали все, что подготовили им на подпись следователи ОГПУ, взамен чего получили от них заверения: «К севу вас выпустят! Ведь не за что же держать-то вас! Ведь ничего худого вы не сделали, вы только мечтали что-то сделать, зато чистосердечно во всем признались и раскаялись».

В конце мая папки с протоколами допросов увезли в Свердловск, в ПП ОГПУ по Уралу. Следом за ними всех мужиков вывели из подвалов ОГПУ в Ишиме, посадили в тюремные вагоны, перевезли в Свердловск, ввели за решетчатые ворота Свердловского изолятора и разместили в просторных камерах этого знатного сооружения, на втором этаже. «О, как здесь хорошо! — ликовали мужики после подвалов Ишима. — И просторно, и светло, и нары!»

Условия в Свердловском стационаре, конечно, были несравнимы с Ишимским: тут было обычное двухразовое питание, была ежедневная прогулка, назавтра всем желающим было разрешено работать на дворе, была почта, были газеты. Ничего этого в Ишиме не было. И мужики воспрянули духом. Не зря, видно, их напутствовали в Ишиме, что скоро выпустят. Хотя уже и сев прошел, сенокос на носу, а освобождения все нет. Уже три недели, как они здесь! Уже жены поприезжали к

некоторым, получив их письма. Да что же это так тянут с освобождением? Видать, дел там наверху много накопилось! Так уж поторопились бы! Ведь полевые-то работы не ждут!

И вот наконец к решетчатым воротам главного подъезда изолятора подошел крытый черный автофургон и встал своей задней дверцей впритык к проходной дверце в воротах. А по этажам и коридорам изолятора полетело: «Выходи с вещами на освобождение!» Дважды в этот день приезжал к воротам изолятора крытый черный автофургон, и за оба раза он увез 58 человек. Мужики ликовали, подымаясь по ступенькам переносной лесенки из проходной дверцы в фургон и размещаясь на лавках кузова — ну, наконец-то!

Наутро жены мужиков, приехавшие из деревень, собрались к началу занятий в приемную прокурора города за пропусками на свидание со своими мужьями. Секретарь прокурора в окошечко объявил им, что их мужья этой ночью расстреляны.

Так закончилась мужичье-власовская игра в заговор.

А что Власов? Власова никто и нигде больше не видел.

б) «Раскрытие заговора», организованного Власовым, стало сигналом к массовым и повсеместным репрессиям против «кулаков», то есть обыкновенных крестьян-мужиков. В результате в селе Сивково были арестованы 38 домохозяев и вместе с их семьями в составе 131 человека были высланы из села неизвестно куда, вроде бы куда-то в отдаленные и малообжитые углы севера области. Все имущество высланных было, конечно, разграблено.

Аресты и высылка мужиков проводились по весьма упрощенному трафарету: в дом, намеченный к ликвидации, вламывались подобранные для того молодцы-опричники и объявляли, чтоб все находящиеся в доме собрали необходимые им вещи и одежду и были бы готовы через час покинуть помещение. Через час нагруженных вещами жильцов выводили из дома на улицу, где уже стояли сани с запряженными в них лошадями. Конвоируемых распределяли по этим саням, и обоз начинал движение, направляясь за 60 километров к железнодорожной станции Петухово. Там доставленных мужиков, их жен с ребятишками, дедушек и бабушек со всем их скарбом вталкивали в товарные вагоны стоявшего на путях состава из красных вагонов и закры-

вали на болты. Затем подходил паровоз, гудел свисток, и состав с высылаемыми двигался в неизвестность. Вот и все, что знали о высланных оставшиеся на месте.

в) Видя все это, происходившее на их глазах, оставшиеся в селе Сивково мужики примеряли все на самих себя и, конечно, приходили к вполне резонному выводу, что опричники не остановятся на этом, доберутся они и до них. «Вору дай хоть миллион, он воровать не перестанет» — слышал мужик еще от стариков, задолго до ленинских истин. И мужик принял-таки свое решение. Постепенно стали исчезать из своих домов и из села мужики. Сначала исчезнет мужик сам — один, а семья остается на месте: придут вдруг за ним из сельсовета — им ответ, уехал куда-то. Но через какое-то время исчезала из дома и вся семья этого мужика. А имущество — дом, скот и вся рухлядь? Да пропадай оно все пропадом! Не погибать же из-за него! Будем живы — наживем! Что можно с собой захватить — брали, остальное же отбрасывалось. На разграбление!

Так исчезли из села Сивково 65 домохозяев, с числом членов их семей в 207 человек, исчезли и растворились в неизвестности.

Остались в селе Сивково только дворы «не бей лежачего», у которых взять было нечего. Таких дворов было 108, с числом членов семей в них 310 человек.

Сивково — селение Частоозерской волости Ишимского уезда Тобольской губернии (по старому административному делению). Расположилось село в 50 верстах к северу от середины отрезка железнодорожного полотна между городами Курганом и Петропавловском.

Сивково, в его дореволюционном прошлом и вплоть до тридцатых годов двадцатого столетия, старинное село крепко сбитых сибирских крестьян-мужиков, исконных хлеборобов. Все коренное население села делилось на 211 крестьянских дворов и состояло из 713 человек обоего пола, которые проживали семьями в собственных жилищах, в том числе:

а) 110 человек проживали в однокомнатных 43 избах;

б) 295 человек жили в 83 двухкомнатных деревянных домах;

в) 308 человек жили в 85 трехкомнатных деревянных домах.

Пятеро из проживавших в селе не были постоянными жителями села и собственного жилья не имели.

Основным занятием всех жителей села было земледелие. Пахотной земли в постоянном (пожизненном) пользовании жителей села имелось по пять десятин на каждую мужскую душу (десятина — 30×90=2700 кв. сажень). Несколько меньше и тоже в пожизненном пользовании имелось у жителей лесных угодий и сенокосов. Площади лесов поделены были также на мужские души и также закреплены были за каждым двором в постоянное (пожизненное) пользование, на правах личной собственности; сенокосы же в зависимости от ежегодного состояния трав на площадях делились между дворами также на мужские души каждую весну заново.

Одновременно с основным занятием население занималось промыслами побочными, так: домохозяева 22 дворов владели 22 собственными ветряными мельницами, в 8 дворах домохозяева имели собственные кузницы, в 2 дворах были столяры, в одном домохозяин работал портным. Среди кузнецов имелись умельцы, изготовлявшие охотничьи ружья с диаметром ствола в дореволюционный медный пятак.

Нормально функционировала в селе, ведя заготовительные и торговые операции, одна кооперативная лавка, круглогодично работали два общественных маслодельных завода, работало сельскохозяйственное машинное товарищество, били масло из конопляного семени, осенями работали в селе три скотобойни.

Были в селе и другие подспорья, как-то: зимняя охота на пушное мелкое зверье (заяц, хорек, колонок, горностай), летняя и зимняя рыбалки (в нарезке села — 35 не лишенных рыбы озер).

В личном пользовании жителей села имелось множество сельскохозяйственных машин, таких, как сенокосилки, самосброски, сноповязалки, сеялки, двухлемешные плуги, культиваторы, букера, чистодающие и простые молотилки. В машинном товариществе имелись и работали трактор и молотилка.

В личном владении населения имелись многие сотни голов крупного рогатого скота, овец, лошадей, свиней, множество домашней птицы.

Во владении и использовании населения села были богатые степные — лесные — заливные сенокосы, обширные пастбища для молочного скота, овец и молод-

няка, достаточные вполне площади плодородной земли, раздольные лесные угодья. В лесах не переводились многие виды ягод и грибов. Одним словом, довольное всем окружающим и самим собою село, процветающее, богатеющее! «Знай, работай, да не трусь!» — по Некрасову.

Действительно, село цвело и хорошело. Оно вроде бы позировало и хвасталось своею статностью, планировкой. Посреди центральной площади — сельский храм и школа. Высоко уходил и вонзался в небеса белый шатер колокольни, увенчанный позолоченной маковкой с крестом. Еще шесть таких же позолоченных маковок с крестами венчали остальную часть здания храма. В целом это было величественное архитектурное сооружение, с формами древнего дониконианского церковного зодчества, возвышавшееся над ансамблем добротных крестьянских домов, свободно расположившихся по сторонам площади в центральной своей части, а по мере удаления от центра — почти опоясавших зеркало круглого, с версту в диаметре, поджильного озера.

И вот подошел 1930 год. Провозглашено было начало переустройства деревни. Был брошен клич — «ликвидация кулачества, как класса, на базе сплошной коллективизации». Потом последовало как бы отрезвляющее — «головокружение от успехов». А еще через какое-то время новое подхлестывание — «сделать все колхозы большевистскими, а колхозников — зажиточными».

Все эти и им подобные приторно-сладкие и хмельные призывы и заклинания, каждодневно сыпавшиеся со всех газетных полос и настенных плакатов того времени, видоизменявшиеся вдобавок применительно к вкусам и склонностям окружающей среды, все это было пищей богов и для люмпен-пролетариев города, кинувшихся искать удачи в мутные воды сельского хозяйства и, по существу, ни на что стоящее и дельное не способного сельского люда той поры, взбалмошного и бездельного, готового и умеющего, по примеру Квазимодо, только рушить да уничтожать все то, на что ему укажут.

В результате такой «творческой» стыковки и единения зачинателей перестройки, взявшихся созидать светлый рай коммунизма в деревне с непосредственными проводниками и исполнителями заданий этой «мудрой» политики партии, цветущее село Сивково, славившееся на всю окружавшую его группу сибирских поселений

как наружным праздничным обличьем, так и внутренней мощью и благолепием, за непродолжительный период стало пустырем из развалин да скособоченных лачуг, как после пожара или бомбежки. И никто из знавших это село прежде никогда больше не сможет разглядеть в этих развалинах какого-либо признака или подобия прежнего большого села Сивково! Мертвое бывшее поселение!

Первые наскоки на свое благополучие и на свой жизненный уклад, освященный годами и унаследованный от предков, сибирский мужик встретил вскоре после того, как появились на его землях «красные». А случилось это в октябре — декабре 1919 года. Придуманные Лениным военный коммунизм и продразверстка, введенные взамен рассудительного хозяйствования и мирных добрососедских отношений с окружающими, мужик, конечно, отверг сразу, как чуждые его природе и формой и содержанием, как воровские и разрушающие основы домоводства. Но Ленин не хотел уступать мужицкому уму. Он стал насылать на мужика своих опричников, называвшихся продкомиссарами, которые во главе специально подобранных головорезов, вооруженных с головы до ног и объединенных в продотряды, заполнили все мужицкие поселения и занялись грабежом: у мужиков отбирали и увозили к железнодорожной станции хлеб, мясо, отбирали скот, даже птицу. И все это под тем предлогом, что надо будто бы кормить голодающих, Питер, Москву и пр. А кто же довел Питер и Москву до голода, разве мужик? По его разумению, чтобы выправить положение, ведь и надо-то было всего лишь иначе, по-умному да по-хозяйственному, поразговаривать с Западом — и изнемогающий от избытка всех видов продовольствия западный мир вмиг ликвидировал бы всякую опасность голода в России. Но так рассуждать могло лишь существо с умом хозяйственным. Взбалмошный же шарабан Ленина, натренированный на решении задач из быта воровского и бездомного и привыкший вращаться в кругах людей склада авантюристического, не мог он породить действа умного и практически ценного, он видел перед собой одно — быть по-моему! И потому он предпочел путь грабежа. Грабить, разорять ненавистного мужика! Лучше его разграбить — чем потерять власть! И грабеж начался.

И вот к началу 1921 года обстановка в Сибири на-

столько накалилась, что мужик таки не выдержал. Как ни был он медлителен и тяжкодум, но проняло и его — мужик восстал! Как порох от спички, враз вспыхнул народный гнев, и в два дня обширный Ишимский уезд, весь охваченный восстанием, был освобожден от угнетателей мужицкой породы. Сброшено было ненавистное иго новоявленных батыев, которого сибирский мужик искони не знал. Он приготовился по-прежнему дышать во всю свою могучую грудь. Мужицкая правда, казалось, поборола.

Но недолго ликовал мужик. Ленин двинул против мужика армию — и восстание в Ишимском уезде через полтора месяца после его начала было подавлено. Со всей возможной жестокостью и изуверством расправились посланцы и агенты Ленина с восставшим мужиком, в том числе в селе Сивково, где за время мужицкого правления не был наказан ни один человек ни из местных, ни из представителей Советской власти, опричники Ленина расстреляли и зарубили 32 человека.

Вновь утвердилось за Уралом поганое Батыево право, утвердилось против воли мужика, насильно. Пришла-вернулась Советская власть-матушка, противная для мужика, вредная для его хозяйственных устремлений. Опять и по-прежнему сидел Ленин в Кремле, защищенный от любящего народа высокими зубчатыми стенами, но теперь, после восстания, он не грозил уже народу военным коммунизмом и продразверсткой. Понял ли он сам потухающим своим умом или подсказал кто, что пренебрегать нуждами крестьянина и отрицать собственнические интересы мужика неразумно, что надо искать какую-то иную, компромиссную форму. И был придуман нэп. А вскоре не стало и самого Ленина.

На смену Ленину пришел Рыков. Этот руководитель и его группа (Бухарин, Томский и др.) понимали и, насколько можно, оберегали интересы крестьянина. Это они бросили крестьянину лозунг: «Обогащайтесь!» Расшатанное хозяйственными экспериментами ленинской политики в деревне крестьянское хозяйство стало при Рыкове снова набирать силы, стало восстанавливать упавшие промыслы и свои прежние занятия, возрождать забытые традиции и порядки сельского уклада. И за какие-нибудь 3—4 года нэпа мужик почти залечил изъяны ЛЕНИНСКОЙ поры, и хозяйство его почти достигло довоенного уровня.

Но тут всплыло на поверхность общественной жизни нечто новое — появился Сталин. Этот «деятель», не зная и вовсе не понимая ничего в делах хозяйственных вообще, а в крестьянском хозяйстве — в особенности, признал, однако, за собой высший авторитет в решении судеб деревни. Тогда как действительным мерилом его осведомленности в крестьянском вопросе была лишь лютая его злоба к мужику. А злоба отчего? Да оттого, что как волку везде псиной пахнет, так и Сталину, постоянно бегавшему и скрывавшемуся от полиции, в каждом бородатом мужике чудился враг, смертельный враг, готовый всякую минуту мгновенно кинуться ему под ноги, как бородатые дворники то проделывали, поймать, свалить на землю, скрутить и сдать потом в полицию. Так Сталин — Ленин — Дзержинский считали всегда мужика своим потенциальным врагом, противником всякого бунтарства — бродяжничества и заступником существующего порядка, который те, наоборот, всегда пытались как-то подорвать, нарушить. И вот теперь, сам дорвавшись до власти, Сталин именно на мужике начал вымещать, пусть с опозданием, все свои злобы и обиды за прежние и во всем неудачи и просчеты. Сталин задумал и начал перестраивать деревню. Взялся он за это капитально и усердствовал до «головокружения» с привлечением к активному участию в операциях воинских контингентов, всего многоликого аппарата ОГПУ и всего партийного аппарата сел и городов, печати и радио. Были придуманы и такие новые названия проводимых Сталиным мер и операций, как раскулачивание, за большевизацию колхозов, беспартийные большевики и пр. А по сути все это было наипростейшим из того, что мог человек руками и головой своей создать — круши-ломай все, что видишь, бери-хватай все, что хочешь! Такими концентрированными мерами Сталин добился-таки, чего не смогли, не догадались или не успели сотворить до него над ненавистным мужиком и над сибирской деревней Ленин с Дзержинским, именно: Сталин сгубил мужика вконец, самого мужика он расстрелял или со всей его семьей сослал в отдаленные дебри Нарыма, Васюгана и других неоглядных болотистых и лесных пространств в бассейне рек Оби, Енисея, Лены, а все хозяйство мужика и все прежние поселения его на Сибирской земле он развеял по ветру.

Такою в историческом аспекте оказалась подлинная

природа и правда «мудрой ленинской политики в деревне»!

И такою по своему содержанию была ОНА, во всю богомерзкую свою харю неприкрашенной, «родная Советская власть-матушка» — это исчадие Золотой Орды хана Батыя и его кнутобаев-сподвижников на многострадальной Русской и Сибирской земле!

Об отмщении взывает Сивково, обязательном и неотвратимом!

Старинное село Сивково, мирное жилище исконных хлеборобов крестьян-сибиряков, подверглось неспровоцированному нападению и разбою и было разграблено — разорено — уничтожено бандитами, посланными Лениным — Дзержинским — Сталиным. Эти человекоподобные чудища, потенциальные воры — бандюки — проходимцы, на своих грязных хвостах приволокли в людские поселения мужицкой земли моровую заразу людоедства и богоотступничества. Сами будучи носителями ущербной скособоченной психологии, названной ими учением о социальном равенстве и братстве, они погубили на Руси многие миллионы честных людей, в том числе под корень уничтожили Сивково, как поселение, а мужиков-сивковлян расстреляли — зарубили или сослали в период 1921 и 1930 годов.

Об отмщении взывает Сивково и кровь замученных жителей этого села!

Виталий МАСЛОВ

Мое отношение к письмам — и к добрым и к не очень добрым — почти спокойное: ведь в основном приходят отклики на то, над чем работать давно закончил.

Другое дело, когда письма — в ответ на публикацию документальную. Первые отзывы на «Еще живых» — все равно что появление в суде свидетелей, показывающих в мою пользу: когда писал, всерьез рассчитывал, что в случае неприятностей свидетели — еще живые.

Прочитав эту книгу, Ю. А. Соловьев из Волгоградской области попросил: «Особый поклон и благодарность при случае передайте вашим землякам. Этими удивительными людьми никогда не устанешь восхищаться. Очень верно сказала Афанасья Степановна: «Мы — не овцы, чтобы за куском бежать»...

Спасибо, Юрий Алексеевич. Выполняю Вашу просьбу.

«У НАС СЕЙЧАС ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ В ЖИЗНИ НАРОДА»

Уважаемый Виталий Семенович!

Прочитал вашу статью «Пересвет-на-Мурмане» и все публикации под рубрикой «На перекрестке мнений», касающиеся этой статьи. Ваша публикация интересна, идея, изложенная в ней, заслуживает внимания. Виден писатель как человек, неравнодушный к отечественной истории, недюжинный энтузиаст.

Сразу высказываю свое мнение за увековечение имени героя Куликовской битвы Александра Пересвета и присвоение его славного имени новому поселку морских нефтяников. Так как считаю — дело это настоящее и своевременное, соответствующее перестройке в обще-

стве. Это будет практическое дело не только по возвращению исторического прошлого, но и по возвращению духовного богатства и наследия нашего народа, которое было утрачено в годы культа личности, волюнтаризма, застоя. Ведь в прошлом — величие, сила духа, правды нашего народа и «уважение» к предкам есть первая и главная основа всякой культуры. Без него невозможно сохранение даже и национальной независимости народа, как показывает горький опыт прошедших веков (Дм. Балашов). Прошлое — это истоки силы нашего народа, фильтр совести и чести. Без прошлого мы бедны.

Это великое начало послужит практическим уроком в деле приобщения молодежи к историческому наследию нашего народа, чтобы знали «кто мы есть и откуда пошли», в деле воспитания молодежи в духе патриотизма на славных страницах летописи нашего Отечества.

А то на сегодня имеем, что ученики 6—8-х классов поверхностно знают историю нашего Отечества. На мои вопросы по истории, которые я задал знакомым школярам, некоторые даже не знают о Пересвете, путают битвы Александра Невского и Дмитрия Донского, не знают, кто был основателем Москвы, не знают даты первого упоминания Москвы. А о поистине великом стоянии на Угре, где русские победили без битвы и ордынцы ушли, осознав окончательный закат своего влияния, никто не сказал ни слова. Но еще больше было мое удивление, когда некоторые не ответили, в каком году был основан Мурманск, а год основания Колы никто не сказал. О русских былинных богатырях знают по картине «Три богатыря», былины о них не читали. Да здесь неудивительно, ведь книг одних «днем с огнем» не сыщешь. Киоски и книжные магазины завалены другой литературой, которую мало кто берет, мало читает.

На вопрос: «Что же вы так плохо знаете свою историю?» — они ответили: «А что нам, говорят, что ли? Мы больше знаем о папе римском, о Людовиках, об Александре Македонском, Египте и пирамидах, так как изучаем историю древнего мира и мировую историю». Конечно, мировую историю изучать надо, но знать свою лучше. Ибо, как сказал великий поэт: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Конечно, потом они будут знать все это и еще больше, так как намечается сегодня в обществе тяга к историческому прошлому наших народов.

Какое отношение имеет Пересвет к Кольскому полуострову? Знали ли вообще о Кольской земле в те времена московские, новгородские князья? Почему из ряда тысячи и тысячи героев взято имя Александра Пересвета? — приблизительно такие вопросы задают сегодня читатели.

В газете «Полярная правда» от 4 июня 1988 года, вторая страница, статья «Феодорит — креститель лопи», читаем: «Кольский полуостров, где жило около тысячи саамов, входил в состав новгородских владений по меньшей мере с начала XIII в.». А еще есть источники, что новгородцы начали осваивать полуостров в IX—XI веках.

А разве Пересвет и все ратники поля Куликова не встали на защиту своего народа, на защиту всего нашего Отечества, частью которого являлся и является Кольский полуостров, на защиту всей земли русской?! Разве ими не владели те идеалы и чувства, которые были присущи и героям Великой Отечественной войны: преданность и любовь к нашему Отечеству, любовь к земле русской и ее народу. Да и русскую православную веру не надо сбрасывать со счетов, за которую в те времена сражались. Ведь носит же одна из улиц областного центра имя героя Великой Отечественной войны Зои Космодемьянской, а она тоже не имеет отношения к Мурманску. Просто память народная увековечила ее имя. А дать имя Пересвета новому поселку боимся или стесняемся.

И чтобы понять значение и величие подвига Пересвета и ратников Куликовской битвы в истории нашей страны для всех последующих поколений, необходимо изучить и понять эпоху, время, предшествующее этой битве. Ведь некогда могущественная и всесильная Киевская Русь рухнула под ударами татаро-монгольских орд еще в 1240 году, да так и не возродилась. И был поставлен вопрос самой Историей: «Устоит ли Русь под игом Орды и натиском католического Запада? Быть Руси или не быть государством? Быть русскому народу как нации: сохранив свой язык, обычаи, культуру и веру или он растворится как песчинка в море других народов, что, как известно, стало с Византийской империей, даже и с самой Золотой Ордой?» Вопрос был поставлен историей значительно острее, чем в Великую Отечественную войну. Ведь шла борьба на два фронта, если так можно выразиться. С одной стороны, всесиль-

ное ханство Золотой Орды, которое часто о себе напоминало набегами за данью. С другой — не менее жестокий и сильный католический Запад: «Литва, немецкие рыцарские ордена, свея (шведы). Да и раздробленность русских княжеств давала о себе знать, и князья зависели от всесильного хана Золотой Орды. Был самый критический, самый переломный момент в истории нашего Отечества, такого, может, и не было больше никогда. Кто возглавит Русь? Кто соберет воедино национальные силы, подготовит их духовный взлет? Ибо в «единении» была сила и спасение нашего русского народа как нации. Таким главою стала Москва.

И не жалела усердия,
Русь собирая, Москва,
Словом игумена Сергия,
Грозною правдой права...

Годы от заката Киевской Руси до рассвета новой Московской Руси были годами терпения, страдания, мук народа, годами «тишины». Куликовская битва стала первым испытанием, экзаменом молодой Московской Руси. И поединок Пересвета — это начало борьбы за освобождение от татаро-монгольского ига. О поединке Пересвета очень хорошо выразился поэт Геннадий Серебряков:

Ждать остается недолго им,
Близок мечей пересверк.
Яростной сшибкою с ворогом
Битву начнет Пересвет.

Вскинется черною тучею,
Вестником русской грозы —
И опрокинет могучую,
Грузную тушу мурзы.

Доблестным ратником Сергия
Дело исполнит свое
И, обретя бессмертие,
Примет под сердце копье.

Именно «вестником русской грозы». И видно, что Пересвет был не только «келейным монахом, вся предшествующая деятельность которого ограничивалась стенами монастыря», но и опытным богатырем, бойцом. Неопытного на такое дело не ставят. А кому неясна роль русской церкви в делах государства в те времена, когда мы сегодня отмечаем тысячелетие крещения Руси.

Богатырь Пересвет — это лучший пример доблести и славы русских ратников. И, увековечив имя Пересвета, мы тем самым отдадим дань памяти, чести и славы русским ратникам Куликовской битвы.

Просто подумайте, чтобы было, если бы Пересвет и ратники не устояли. Русь пала бы, а вместе с ней и Кольская земля, и скорее всего бы стала землей одной из стран Скандинавии или Англии.

Да и если Русь поднялась бы снова. Сколько ей понадобилось на это веков бы? Стала бы такой могучей, как сейчас, или нет?

И имя Пересвета, думаю, взято не случайно из тысячи героев. Во-первых, оно связано с эпохой начала освобождения от татаро-монгольского ига. А разве у нас сейчас не эпоха начала освобождения от ига наследия культа личности и застоя? В этом видна связь эпох, времени и поколений.

Чтобы, сшибаясь с неправдою,
Не отступив ни на пядь,
Каждый рубеж свой Непрядвою
Тоже могли мы считать...

И не случайно многие писатели, философы, историки, изучающие события Великой Отечественной войны, ставили вопрос: «Где же в этой войне поле Куликово?» И приходили к выводу: «Где ты стоишь, там и поле Куликово». Разве не видна в этом связь поколений: русских ратников, солдат Великой Отечественной войны, поколения нашего времени! Так или иначе, а истоки силы нашего народа идут оттуда, из глубины веков, и связь времен и поколений проходит через всю историю.

Во-вторых, у нас сейчас переломный момент в жизни народа. Люди хотят осмыслить прошедшую историю, хотят понять, где оторвались от ленинских принципов. И если сейчас идет процесс реабилитации невинно репрессированных людей, то считаю, необходимо реабилитировать славные имена и героев нашего многонационального Отечества, которые также подверглись репрессиям. Поставить им памятники, дать названия улицам, новым городам, поселкам. Предки наши, что ли, из упрямства или еще из-за какой прихоти, отдавали дань памяти, чести славным героям Отечества. Взять хотя бы Пересвета. Предки наши более пяти веков хранили, ухаживали за его могилой. А в наше время над ней совершили кощунство. Обо всем этом хорошо написал в

стихотворении «Сказание о черных ратниках» поэт Геннадий Серебряков.

Думаю, что коренное население, если уж так вышло нам идти с ними вместе по одному пути, будет не в обиде на «прошлое» за то, что оно частицу своей прошлой истории принесет с собой, хотя бы в названии. И если это великое дело совершает первые шаги в стране, то разве не вызовет чувство гордости каждого жителя Кольского полуострова за свой край. Как вызывает чувство гордости, что праздник славянской письменности и культуры впервые в стране два года назад прошел у нас в Мурманске. А затем в Вологде, ныне в Новгороде, в 1989 году будет в Киеве.

«В Мурманске и Вологде было начато, без преувеличения, великое дело», — читаем в газетах. Разве это не гордость за свой край? Необходимо оказывать помощь малым народам в изучении их истории, развитии и сохранении культуры и языка. Заканчиваю словами Дмитрия Балашова: «Уважение к предкам есть первая и главная основа всякой культуры» и «Память прошлого дает нам не только чувство гордости за свою Родину, но чувство уверенности в народных силах, высокое чувство надежды».

Имя Александра Пересвета будет вдохновлять нас на новые дела во славу Отечества.

А. Крюков, рабочий,
г. Мурманск

Когда получил 9-й номер журнала «Север», а, признаться, ждал его с нетерпением, то читать его начал с повести Виталия Маслова «Еще живые...». Это было в начале октября, сейчас начало декабря. Просто не хотелось писать сразу, выражая одни восторги, хотя есть чем и восторгнуться. Говорю это и сейчас, спустя два месяца, так как редкий день не обдумываю повесть с разных точек зрения. А подумать, прочтя повесть, есть над чем.

Возможно, мои мысли немного и примитивны, но надеюсь, что Вы поймете меня. Пишу не для публика-

ции, а для того, чтобы сказать Виталию Маслову, что он занял правильную линию в своем творчестве, и пусть он ее продолжает, а журнал, надеюсь, будет знакомить с его новыми произведениями.

Так вот о повести. Выше я упоминал, что восторгаться есть чем. Для меня лично это заключается вот в чем.

Не стану описывать, что для нас, русских, значил и значит М. В. Ломоносов. В школе в свое время нас учили, что он был выдающимся человеком своего народа и своего времени. И останется таковым навсегда. А почему он стал таковым, говорили кратко — очень любил учиться и постигать неизвестное, подчеркивая при этом (да и сейчас это тоже подчеркивается слишком сильно), что выходец из простого народа. И откровенно скажу то, что у нас, тогдашней ребятни, сложилось впечатление — это случайность. Игра природы, если можно так выразиться. Эти выводы, пусть и детские, стали возможными лишь потому, что нам мало, очень мало рассказывали о людях, населявших Север. Простые анкетные данные были не в силах дать истинной картины. Да и литература еще мало исследовала нутро северного человека. Если и было что, то не до всякого доходило.

А познакомившись с масловскими произведениями, и особенно последней его повестью, мне стало ясно, почему Михайло Ломоносов появился именно с Севера.

Вот такое я сделал для себя открытие, и оно достойно восторга. Я думаю, что даже восторг моего открытия требовал все обдумать и взвесить.

Теперь постараюсь покороче пояснить, почему пришел к своему открытию именно с помощью Маслова. Хотя ведь есть и другие писатели — В. Белов, Н. Жернаков и другие. Но у Маслова получилось более выпукло и доходчивей. Герои, мне кажется, получились реальней, т. к. сумел он образней показать их внутренний мир, так свято и бережно сохраненный героями от своих предков. А почему они его так берегут? Да потому, что знают от отцов и дедов, матерей и бабушек, каких трудов стоило приобрести и утвердить в себе на Севере этот внутренний мир. Ибо видели свое счастье жизни в бескомпромиссной борьбе с природой. А любая борьба требует знаний, знаний глубоких, научно обоснованных. Доброта, взаимопомощь всем и во всем и высокая грамотность, которая позволяла видеть да-

леко вперед, — вот тот треугольный камень русского северянина.

И сейчас, когда начался новый исторический период нашего социалистического общества — перестройка не только экономическая и техническая, а прежде всего перестройка каждого из нас без исключения, очень благодарен Виталию Маслову. Он учит своим творчеством всегда помнить о прошлом. Ибо без прошлого не было бы настоящего и не будет будущего. Многими веками человек Севера вырабатывал здоровые взаимоотношения, без которых не было, не и не будет движения вперед, будь даже сверхсуперная техника.

Мне приходится разговаривать и общаться с людьми как члену редколлегии заводской стенгазеты. И я лишний раз убеждаюсь в том, как правильна линия Виталия Маслова. Каждый по-своему высказывается о понимании перестройки, но все едины в одном — взаимоуважении; доверие, взаимовыручка, тесная взаимосвязь науки и труда и нетерпимость к любым беспорядкам — это то, из чего состоит фундамент перестройки.

А коль он, Виталий Маслов, мой ровесник, позволю обратиться к нему просто. Молодец, Виталий, что сумел увидеть то, что необходимо сейчас людям. Большое спасибо за помощь мыслить правильно. Не зря трудиться.

Закончу словами Александра Романова:

«Да, писатель остается в памяти народа не по количеству выпущенных книг, а по величию правды, высказанной им».

А ты, Виталий, не только высказал ее, правду, но и сумел вложить ее в душу. В этом двойная твоя заслуга. Как говорят у моряков: так держать!

С уважением,
Ю. Соловьев.
г. Волжский,
1986 г.

Здравствуй, Виталий!

В гатчинских магазинах появился «Внутренний рынок»... Ох как поздно для меня это все! Будь я таким,

какой сейчас, четырнадцать лет назад, может, отец и доселе жил бы... И болезнь его навряд ли оправданьем мне служить может. Когда схоронили, все в памяти всплыло, что за несколько месяцев до того было.

И слезы отцовы помню, и голос дрожащий: «Вот Сашка приедет, все ему расскажу». Не приехал Сашка, никому отец ничего не рассказал. А ведь я — сопляк, подлец, для отца полуслепого отказался за каплями в аптеку сходить. Для отца, который на своих руках меня вырастил. «Сам сходишь», — сказал.

Как жить-то дальше?! Не у тебя, у себя спрашиваю. Ведь поздно теперь, жизнь повторно не проживешь. Мать жива еще, да ведь и с ней не опоздал ли? Ведь у нее струны перетянутые вместо нервов. А братья-сестры мои ей ни отца, ни бабки забыть не могут. Не видят, или не хотят видеть, цепочки порочной: как мать с матерью своей, так и... А ведь дети у них подросли уже!

Вот и гадаю, хватит ли одного моего тепла, чтобы струны-нервы не лопнули? Не опоздал ли?

Не совета, не оправданья у тебя ищу. Жизнью своей то, что еще не поздно, исправлять буду. А за то, что понял это, — тебе, Виталий, спасибо! И не тебе даже, а делам и книгам твоим. И для кого-то они, может быть, не так запоздали и чьи-то жизни спасли.

К.
4.02.87
г. Гатчина,
1987 г.

Константин
ВОРОБЬЕВ

После выхода из печати каждого произведения К. Воробьева приходили письма из разных республик и регионов страны, из городов и сельской местности и даже воинских частей. Отзывались и некоторые из тех, кто отбывал срок за «неверность» Родине. Писали люди, способные сердцем постичь то, что хотелось сказать самому Константину Дмитриевичу, сказать открыто, громко, но читателю часто приходилось о многом догадываться по скупым, сдержанным порой фразам и сказанному между строк.

Эти письма говорили о том, что у него есть свой читатель, понимающий его язык. Обращались люди, желающие искренне открыть свою душу писателю, который оказался им дорог, слову которого они поверили. Для Константина Дмитриевича это была очень нужная моральная поддержка, вселяющая в него веру в то, что, несмотря на долголетний духовный гнет сталинского периода и последующих лет в жизни страны, не угасает вера у людей в возрождение человеческого в человеке, живет стремление к истинным духовным ценностям. Искренние слова читателей, чутко сумевших услышать самое его сокровенное, помогали ему жить и писать, хотя критика и клеймила его перед массовым читателем как не способного понять чувства тех, кто строит новую жизнь и зовет в светлое будущее.

Константин Дмитриевич в ответных письмах читателям на их добрые слова отвечал тем же, хотя и не стремился к продолжительной переписке. И на это были причины: он часто говорил, что вообще не любит писать письма, и считал, что в наше время в них таится опасность полуправды, ненавистной ему до глубины души. Может быть, эти соображения сковывали щедрость его души, и большинство писем не стали началом переписки. Конечно, у Воробьева была широкая переписка с близкими ему по духу писателями и доброжелательными сот-

рудниками журналов и издательств, с критиками. Она как бы являлась частью его общения с дорогими ему людьми. Но слово из глубины души простого (не литератора), искреннего человека он ценил по-особенному бережно, благодарно, с каким-то ему одному известным чувством прикосновенности к светлому и благородному.

В. В. Воробьева

«МЫ НЕ ОТКРЫВАЕМСЯ КАЖДОМУ»

Дорогой Константин Дмитриевич!

Ваше письмо заставило меня даже как-то растеряться: столько в нем для меня доброго, так щедра Ваша доброта, и вот, как видите, не сразу даже собрался ответить — непривычно мне отвечать на такое. За все время еще только раз или два коснулось меня дружеское внимание писателей, которых я ценю и люблю: Василь Быков однажды прислал несколько строк, и еще Бакланов. Но с ним мы до этого познакомились, он знал, что меня больше не печатают, чем печатают, и, видимо, хотел утешить.

Ваше имя я запомнил с тех пор, как прочитал «Убиты под Москвой». И теперь слежу за всем, что появляется Вашего, и покупаю все Ваши книги. Еще я читал «Друг мой Момич», в машинописном виде, — это мне Инга Николаевна Фомина присылала. Года два уже прошло, как я читал, и читал-то один раз, залпом, за вечер, потому что сразу же надо было вернуть, но помню все так, как будто это даже не прочитанное, а пережитое самим. Засело во мне множество подробностей — есть удивительные по наблюдательности, кое-какие места помню почти что дословно. Написана повесть на редкость сильно, изобразительность великолепна, а горькая правда рассказанного, сам «звук» не просто оставляют в сердце след, но больно и навсегда его ранят. Происходит что-то подобное тому, что происходит после чтения чеховских «Мужиков», «Веселого двора» Бунина, — ей-богу, не преувеличиваю. Недавно, встретившись в Ленинграде с Виктором Астафьевым (из Перми), мы говорили о Вашем «Момиче», сошлись на самой высокой оценке и тут же оба сокрушались и злились без меры, что ничего-то настоящее не может пробиться сквозь за-

слоны, воздвигнутые подлостью и трусостью. Сколько уже сгублено запретительством и сколько оно еще сгубит! А сколько остается в зерне, на корню, в черепных коробках, задавленное тягостным чувством безнадежности?

Хотелось бы мне сказать еще много хороших слов о Ваших книгах, в своей глубинной сути очень как-то созвучных моим чувствованиям, моему внутреннему устройству, да боюсь, не станет ли это выглядеть, как в крыловской басне? Ради бога, пусть не возникает у Вас подобного ощущения; такое свое восприятие Вашего творчества я уже десятки, наверное, раз, в выражениях куда более восторженных, излагал своим знакомым, множа число Ваших читателей и ценителей. Их у Вас немало, хотя Вы, вероятно, не всегда это видите, не всегда чувствуете, и посему — не уставайте и не сдавайтесь.

Буду очень рад, если когда-нибудь мы встретимся, поговорим.

Ваш Ю. Гончаров,
1968 г.

Дорогой мой Юрий Данилович!

Наверное, я смог бы тремя-четырьмя фразами объяснить Вам, что я имел в виду, когда повторял и повторял, что надо писать, но для этого нам следовало бы быть наедине.

А вообще-то дело тут простое. У меня бывали тупики отчаяния, ожесточения и безверия не только в свои силы, но в тени тех, кого Вы упомянули. Тогда наступала жуткая полоса бессилия души, и хотелось уйти совсем, потому что на вопрос, стоит ли продолжать, ответа не находилось.

Справлялся с этим я трудно! Но все же справлялся. Мешало этому еще и то, что я, полагаю, по натуре не шибко общителен и достаточно одинокий. Мне помнилось (когда я читал Вас), что и Вы не из радостно-бодрого племени, вот потому я и звал Вас, подбадривая в то

же время и себя, не ронять щит. Только и всего. Очень нужна рука в рассеянии сущих!

Поздравляю Вас опять с весной на земле.

Крепко жму руку.

Ваш К. Воробьев.
1969 г.

Дорогой Юрий Данилович!

И «Ночи» прочел, и письмо получил — спасибо! Книга у Вас вышла плотная, по-бунински беспощадная, чистая и благородная. Ей, конечно, не проникнуть ни в «Гвардию», ни в «Кордегардию» на Сапуновском проезде — порода и осанка не те, но, право же, не тужите. Все закономерно и логично, если только эти слова уместны здесь. Мое личное отношение к Вашему светлому дарованию известно. Придира и сухарь, я все трудней и трудней читаю моих современников — этот процесс всегда сопровождается надсадным напряжением всего нутра, будто помогаешь вытаскивать из болота увязшую телегу. А Вас читать мне радостно и свободно, и временами я ловлю себя на ребяческой зависти, что вот, дескать, кто-то может, а ты — нет. У Вас бывает такое, когда читаете Бунина, например? Стыдиться этого не следует, тут все верно и свято.

«Сто холодных ночей» приобрели пламенного пропагандиста в лице моей жены. Она заведует кафедрой языков и литературы в одном тут прибалтийском вузе, ну и вся кафедра читает книгу в тихом удивлении тому, что такое еще появляется на нашем чудесном свете. А это опять-таки хорошо, хоть и грустно оттого, что «все наше будет после нас», если немного перефразировать этот Ваш тайный эпиграф к своей книге.

Итак, поздравляю Вас с большой удачей. Я надеюсь, что нам однажды удастся — совершенно одним, вдвоем — отпраздновать Вашу победу над ублюдками, застившими свет.

А как Вы, сударь, смотрите на то, чтобы приехать летом в Литву? Вы только послушайте: Литва — это пока что зеленый, вполне пасторальный угол земли, испещ-

ренный безлюдными лесными озерами. А в них лещи, караси, угри. Есть две резиновые лодки, куча удочек. Квартира у нас большая, три комнаты на троих. Сынишке 15 лет. Как, а? Это в случае, если Вы к тому времени не удержитесь в «Подъеме». Мне бы хотелось в ЦЧО: родина ведь, да ведь там руду добывают открытым способом! В общем, об этом мы еще условимся попозже.

Мучаюсь с повестью. Не выходит конец. И вообще пишу не то, что надо.

Крепко Вас обнимаю. Жена моя Вера Викторовна и сын Сергей просят передать Вам свои искренние приветы.

Ваш К. Воробьев,
1971 г.

Дорогой Константин Дмитрич!

Изо дня в день живу в нелепой суете и нелепой растрате самого дорогого — времени, ибо я чиновник, существо подвластное, казенное, самому себе не принадлежащее. Где уж тут письма писать! Не корите, а сочувствуйте и понимайте, ведь Вы психолог и душевед. А вообще-то я собирался написать весной, после того, как нас с Вами обложили в «Правде» за то, что мы портим благопристойный вид советской литературы. Но Инга Николаевна сказала: «Костя на такие вещи плюет», и с писанием после таких ее слов у меня ничего не вышло, пришлось злиться в одиночку. Ох, как не хватает мне Вашего умения плевать — особенно сейчас, когда опять же в «Правде» с грубыми натяжками обругали наш журнал...

А, все это ерунда в сравнении с озером Лайдзе в Латвии, на котором я полтора месяца назад ловил лещей... Вот уж чудо из чудес в наш промышленно-индустриальный век: тишина, синяя гладь, безлюдье и обилие всякой рыбы, не пахнущей керосином. Что-то совсем доисторическое, аксаковское. Детские годы Багрова-внука... Не предполагал, что еще существуют такие места на нашем испоганенном шаре.

На обратном пути проезжал через Вильнюс...

Было у меня в намерениях заявиться к Вам, но заско-

чить на пять минут не имело смысла, а большего времени я не имел, отпуск кончился, надо было жать в Воронеж без остановок и передыху.

Рассказы Ваши хороши, душевны, но удастся ли напечатать их после ругани в «Правде» — не знаю. Теперь у нас начнется крен в сторону одной лишь современности, понимаемой исключительно как текущий день, и рабочего класса. «Миня» с его концовкой вообще не пробьется сквозь заслоны, а сила этого рассказа — именно в концовке.

Между прочим, сегодня разговаривал по телефону о своих издательских делах с Ингой. Случайно выяснилось, что она, благоговея перед Вами и запуганная Вашей суровостью и непреклонностью, не решается Вам сказать, что в «Ровеснике» надо снять эпизод с раскулачиванием, из-за него может задержаться и пострадать вся книга. Я ее утешил, сказал, что из любви и уважения к ней переложу ее ношу на свои плечи — напишу Вам об этом сам. В моем сборнике, который я готовлю для «Сов. Рос.», мне придется убирать примерно такие же места. Смирился. Цензуру не перебороть, это я хорошо узнал вот только что, когда в Воронеже на 7 месяцев задержали и искромсали мою книгу воспоминаний о Паустовском и в ответ на мои упорствования хотели даже вообще ее уничтожить, отправить в разбор. Так что мой совет — не следуйте моему дурному примеру, и пусть скорее выходит Ваша книга; что в ней заложено — все равно скажется, сколько бы из нее ни вырезали.

Рассказы Ваши должны пройти через редколлегию, таков порядок. Как только мнение определится, сейчас же сообщу.

Крепко и сердечно жму руку!

Ваш Ю. Гончаров,
1972 г.

Дорогой Данилыч!

Уже месяца три все собираюсь написать тебе письмо, а оно не получается: сразу же начинаю в нем хныкать да плакаться, а это, как говаривал Бунин, ни в транду

не годится. Коротко же так: в день смерти Шукшина, т. е. в начале сентября, я вернулся в Вильнюс, почти полностью пролечив машину. Словом, как раз хватило. В Москве мои родственники облюбовали для меня хату в Барыбино — это 60 верст от Москвы — за 5 тысяч, но власти не позволили это. Сказали, чтобы покупал в дачной местности, где любая конура стоит 15—20 тысяч. Здесь, в Вильнюсе, вдруг все для меня стало чужим... Надо уезжать. Пробуем менять свою квартиру (три комнаты, под окном каменный гараж) на какую-либо клеть в Москве. Там ведь похоронены мать и отец, оттуда я ушел с кремлевцами на фронт. Разрешение на обмен Моссовет дал. Нас трое — жена, сын и я. Не пишу. Левым глазом почти не вижу.

О тебе и делах твоих я знаю, что все у тебя хорошо, все слава богу — я поплевал через левое плечо и постучал по деревянному подлокотнику. Знаю, что ты счастливый отец, с чем тебя сердечно поздравляю, что в «Сов. России» выходит твоя книга, что Павловский из «Лит. России» позавчера звонил тебе и заказал «Как мы пишем», — напиши им всерьез, как мы это делаем, как сходим с ума, как нищенствуем, что умные и грамотные люди с чистой совестью знают тебя, любят тебя, ну а все остальное зависит от тебя самого. Но, как сам понимаешь, надо нам удержаться на прежнем уровне — я разумею «Неудачу», «Дезертира», «Убиты под Москвой».

Вот такие они, дела, юный папа. Хочу домой. А тут еще курить нельзя. И пить тоже. Хоть бы немного. Но мне будет не хватать пустынности здешних озер и лесов, хотя в последнюю пару лет столько моторизовалось разной сволочи, что трудно уже куда-либо скрыться.

В Москве меня навещала иногда Инга Николаевна. Так как в издательство пришел новый главред, то протолкнуть там что-нибудь уже немыслимо. Хорошо, если твоя книга выйдет.

Напиши мне письмо. Побольше. Тоска.

Обнимаю тебя крепко,

Твой К. Воробьев
1974 г.

Уважаемый Константин Дмитриевич Воробьев!

Я учительница математики и завуч маленькой восьмилетней школы одной деревушки Молдавии. С вами «познакомилась» посредством журнала «Наш современник». Его девятый номер за 1971 год попал к нам совершенно случайно. Еще тогда, в октябре, я заявила в учительской, что я открыла нашего советского Хемингуэя и что он неправоподобен. Почему Хемингуэя? Во-первых, ваша повесть живо заинтересовала всех, кто только ее прочитал. По-моему, это бывает только с произведениями общепризнанных писателей. Вы напомнили мне Хемингуэя краткими, очень удачными диалогами, лаконичностью изложения, вашей симпатией к рыболовам и охотникам, пишете от первого лица, и мысли у вас текут так же свободно и естественно, как будто пишутся сами. Мало кто осмелился взять себе в герои писателей.

Мне, конечно, в литературные критики не записываться, и трудно будет мне выразить то, что хотелось бы сказать. Один наш молдавский поэт (Эминеску) писал, что «легко сочинять стихи, когда сказать тебе нечего» (перевод мой). А мне почему-то очень много хотелось сказать вам. Например, я хотела бы поделиться с вами мыслями о том же Хемингуэе. Сердцем я понимаю, что он велик, очень талантлив, очень смел, оригинален, необыкновенно отважен и глубоко человечен, но умом я не до конца его постигла. Я учительница и считала, что составила себе определенные взгляды о хорошем и плохом, но Хемингуэй меня встревожил и озадачил.

Я не могу понять, как могут его герои так много пить, оставаясь неалкоголиками, почему им совершенно чуждо чувство верности (я имею в виду в любви), многое я еще не «переварила» в голове. Может, мне не следовало это сказать? Я еще не знаю, как вы примете это мое письмо. Я ведь читала где-то, наверно, даже у самого Хемингуэя, что он брезговал своими поклонниками. Может, вы и этим на него похожи? Поэтому я так долго собиралась.

Мое очень сильное увлечение — чтение. Я чувствую, что хочу читать, как чувствую голод или жажду. Я не ставлю это себе в заслугу, просто этим наделила меня природа. Но это увлечение чтением и учительство переутомили меня, и я стала более разборчива.

Меня раздражает, когда читаемое звучит банально, фальшиво, когда никак не поверишь тому, что там на-

писано. К сожалению, это встречается чаще в современных произведениях, наверно, просто потому, что плохие книги не выжили и не могут до нас дойти. Их читали только их современники.

В этом смысле ваша повесть была для меня большим сюрпризом, огромной радостью, обновлением и очищением моей души. Я восхитилась ею, как каким-нибудь очень красивым уголком природы или журчанием воды или очень хорошей музыкой. Все это я почувствовала, когда прочла первую часть вашего «Великана...», и, чтобы подольше сохранить это необычайное настроение, я решила ничего не читать, пока не выйдет ее вторая часть. Я все-таки не выдержала и прочла в том же номере «Характеры» Шукшина, и меня от них тошнило. Может, дело здесь в натуре человека, в его вкусе. Грубость мне никогда не была близка. Видите ли, «Галя, молодая, аппетитная женщина». Очень приятно мне узнавать истины, данные в такой форме, как это бывает у вас.

Но нам оставалось еще найти этот десятый номер, и удалось это только в декабре. Конечно же, мое настроение не сохранилось. У меня были большие неприятности на работе. Все-таки это не помешало мне прочесть вторую часть с тем же восхищением и очень сожалеть о том, что «повесть печатается с сокращениями».

Мне очень нравится ваша Ирена. Она умна и чутка. Мне нравится, что вы не подчеркиваете, будто бы она очень красива. Это наводит на приятную мне мысль, что можно «очень» любить и не очень красивых женщин. Она не идеальна, но она не может не вызвать симпатию. Ее страх перед всеми за свою большую, тайную, незаконную любовь естествен и трогателен. Она не может, как, впрочем, не может никто другой (кроме Хемингуэя), игнорировать условности. Либо, живя среди людей, надо обязательно считаться с их взглядами на мораль, и это, так называемое общественное мнение гласит, что жене надобно быть верной мужу. То, что она никогда не познала любви и что она, эта жена, имеет право (моральное право) узнать ее, люди не понимают или не хотят понять. Такое никогда не прощается, особенно женщинам. Она, ваша Ирена, мать, и она остается ею! И ей столько же лет, сколько и мне. Как тут ее не полюбишь. И она, «детприемовская», и очень нужна ей настоящая любовь и ласка.

Уж я не могу сказать, как, конечно, мне мил ваш Кержун. И человечностью, смелостью, эрудицией, и неравнодушием к красивой одежде. А главное — он реален, верится, хочется верить, что такие люди есть и их много. Вообще, по-моему, все герои у вас совершенны. Ново, что Волобуй вызывает не ненависть, не презрение, а сострадание. Он любит Ирену и готов ее прощать. Но это не господин Бовари. Он по-своему борется за Ирену.

Удачен конец вашей повести. Конечно, счастье, оно всегда недолговременно. Ирена не могла пожертвовать дочерью ради своей любви. Но все, что было, было не напрасно. По-моему, человек добрее, лучше, когда ему есть что вспоминать хорошее. И тогда ему легче жить на свете и легче преодолеть трудности.

Я уже сказала кое-что о форме. Да, ваш лиризм, что ли, Ваши «улыбки через слезы», ваше меткое слово, полуирония понятны, близки мне, неоценимы. Создается впечатление, что слова не написаны, а текут и текут из неведомого золотого ручейка.

И когда мне трудно, и когда хорошо, я снова и снова возвращаюсь к вашей повести и перечитываю ее, иногда некоторые части, иногда всю, и это помогает мне как лекарство. Мы, учителя нашей школы, долго искали ваши произведения, но никто ничего не нашел. Я не верю, что они не издавались книгами. По правде говоря, меня удивила ваша скромная «литературная» биография. По-моему, она могла бы быть богаче, намного богаче.

Я еще раз прошу вас простить мне мою «степную отсталость». Я ведь всего-навсего молдаванка, родившаяся и жившая в деревне. У меня, наверно, много ошибок. Я могла бы обратиться за помощью к учительнице русского языка. Но что-то меня остановило. Я долго раздумывала, писать или не писать.

Я преклоняюсь перед величием Л. Толстого, Чехова, Есенина, конечно же, Хемингуэя. Но они были для меня далекими звездами. Мне даже в голову не приходило, что кто-то к ним осмелился дотрагиваться. А тут заявился Константин Воробьев, чем-то необыкновенно мне близок, и живет где-то, и ходит по той же земле. Как воздержишься, не поблагодаришь его за то, что он есть, и он твой современник, и твой соотечественник, и умный человек, и талантливый писатель.

Я желаю вам здоровья и славы, большой, большой славы, ту, которой вы очень достойны.

С очень большим уважением к вам,

Нина Лупэческу.
с. Мошаны, Молдавская ССР. 1972 г.

Дорогой Константин Дмитриевич!

Я не собираюсь навязываться Вам в постоянные корреспонденты и все же разрешите побеспокоить Вас еще раз.

Большое Вам спасибо за письмо. Я не смела надеяться, что Вы мне напишете. Мне было очень приятно узнать Вас, того, какого я себе представляла по повести: чуть иронического, отзывчивого, внимательного. Это был очень счастливый день моей жизни.

Я допустила оплошность, попробовав выразить свои еще не созревшие мысли о героях Хемингуэя. Мне почти все его женщины показались другими, я не могу сказать, хуже они или лучше тех, что я знаю. Мне показалось, что они очень легко сходятся и расходятся, а я знаю хороших, интеллигентных, сильных людей, которые так и не пришли в себя после развода. Поэтому мне это показалось странным. А насчет верности, конечно, я не права. Я вспомнила, как сказала Мария Моряэн после смерти мужа, что в ней все умерло. Я дам времени поразмыслить вместо меня, если сможет. Но вообще-то, конечно, я понимаю, что, когда берешься читать, недостаточно знать лишь алфавит. Я не верю сказкам сентименталистов, что бывает, мол, какая-то врожденная интеллигентность, что ли. Мол, посмотри, полудикая, даже, может, читать не умеет, а такая прелесть. Нет, по-моему, это накапливается, добывается по крупицам так же трудно, как золото, или даже может совсем не прийти. До конца дней твоих. И еще я знаю, что обыкновенные люди могут расти не более, чем пропорционально той среде, откуда они вышли и где они живут. Ведь недаром на селе встретившегося ребенка спрашивают сперва: «Чей ты?» Я отлично сознаю, кто такая наша Молдавия среди других пятнадцати союзных республик.

Она — недалекая, отстало-аграрная провинция Румынии. Здесь совсем не было индустрии, был только виноград, что способствовало прочному усвоению оборудования стаканами. Моя республика сызнова родилась лет 25 тому назад, и она бурно растет экономически, но людям ее еще нужно время. Мое поколение училось почти само, так как у нас совсем не было кадров.

И еще одно я знаю. Еще в конце прошлого века наш публицист и писатель Михаил Когылнигану писал, что в Молдавии можно найти девушек, жен, матерей, но очень редко встретишь женщину. Встань сейчас Когылнигану, не узнал бы Молдавию, а отыскать женщину ему было бы, наверно, так же трудно. Ведь наши женщины сейчас все работают, а работать надо всерьез и хорошо, иначе работа не дает удовлетворения, а этим пренебречь вряд ли стоит. Ведь удовлетворениями нас не балуют. Да и не только поэтому. Они заботятся о муже, о детях, а сельские (а таких у нас 90%) и о хозяйстве, и только очень немногие и о себе, о своей внешности, культуре, эрудиции.

Я не знаю, с какой стороны подойти, но я очень хочу попросить Вас о чем-то. Я прочла в Вашей миниатюрной биографии, что Вы готовились стать педагогом. И вот я очень прошу Вас написать повесть или роман о педагогах. Я не жила среди писателей и не знаю, что принято просить их, а что нет. Может, это дерзко и глупо. В таком случае простите меня. Ведь Вы знаете, «чья я». Но я очень хотела посмотреть педагогов Вашими глазами. Я почти не знаю ни одного героя художественной литературы — педагога, на которого могла бы равняться. Меня заинтересовала одна Ваша мысль насчет серого цвета, и я подумала, что многие дети становятся на плохой путь, именно избегая серого цвета, они предпочитают ему любой, даже черный. Им претят наши полузаслуженные тройки, учеба им становится неинтересна, и они ищут удовлетворений на стороне. Что они находят, уже известно. Говорят, ученик — это факел, который надо зажечь. Но как зажечь этих «серых факелов», как убедить их, что тройку тоже можно уважать и надо стараться получить ее заслуженную — этого я не знаю.

Ну, я кончаю. Боюсь посмотреть назад, перечесть написанное. Тогда Вы сделали преприятнейший мне комплимент. Вы назвали мое письмо талантливым. Конечно, я понимаю, что это всего-навсего комплимент, где можно чуточку солгать, но мне все равно было очень приятно

читать это, и я хотела бы сохранить его за собой. Извините за длинное письмо.

С очень, очень большим уважением к Вам,

Нина Лупэческу.
с. Мошаны

Здравствуйте, уважаемый Константин Дмитриевич!

Простите, что я беспокою Вас, но я просто не мог не написать Вам. Кто-то из писателей, по-моему, М. Горький, сказал: «Хорошая книга — это большой праздник». Так вот у меня сегодня тоже большой праздник — я прочел Вашу книгу «У кого поселяются аисты». Повести «Убиты под Москвой» и «Крик» я читал раньше, а вот повести «Сказание о моем ровеснике», «Почем в Ракитном радости» и все помещенные в книге рассказы я прочел сейчас впервые. Особенно большое впечатление на меня произвела повесть «Почем в Ракитном радости». Может быть, это потому, что я сам родился и долгое время жил в селе, или потому, что уж больно современна тема повести, но только каждое Ваше слово находит отзвук в моем сердце.

Я родился в средней полосе России и так же, как и Вы, могу сказать, что унес оттуда солнце, речку, тугой перегуд шмелей в цветущих акациях, запахи мяты и, конечно, песни...

Песни!.. Они в моей памяти, так же, как и у Вас, улеглись навеки рядом со стихами Пушкина и Есенина. Я не литературный критик, а только инженер-дорожник и совсем не ставлю цели сделать в этом письме подробный анализ Вашей повести. Я только хочу сказать: «Большое Вам спасибо, Константин Дмитриевич!» Своей книгой Вы очень порадовали меня, да и не только меня, а тысячи своих читателей. Вы действительно хороший писатель!!!

Сейчас у нас в стране выходит очень много книг, но такая, как Ваша, это — редкость, это — действительно настоящий праздник.

К сожалению, в книге нет Вашей автобиографии, но я почему-то уверен, что Вы родились где-то в центре

России, скорее всего в Курской области. Я не знаю, что у Вас написано, кроме этой книги, но я очень прошу Вас: помогите мне и подскажите, где можно приобрести Ваши книги, в том числе и «У кого поселяются аисты»...

О себе писать много не буду. Мне всего только тридцать лет. Родился и жил до восемнадцати лет на Брянщине. Окончил строительный институт, работаю и живу в Ленинграде.

Если Вам придется быть в Ленинграде, то очень прошу побывать у нас. В нашей семье Вы будете желанным гостем.

Пока до свидания.

С уважением к Вам,

Николай Васильчиков.
Ленинград,
1964 г.

Уважаемый тов. Воробьев!

(Простите это официальное выражение, но, к моему горю, не могу найти в литературных справочниках Вашего имени и отчества.)

Один писатель (не буду называть его) написал мне письмо еще 31 марта 1969 года: «Читали ли Вы книги Константина Воробьева — отличный, очень честно пишущий писатель. У него есть умная, правдивая, очень талантливо написанная повесть «Убиты под Москвой». И, к большому сожалению, этой книги мне не пришлось достать, но я был вознагражден 26 декабря 1969 года, будучи в Донецке, увидел Вашу книгу «Цена радости», сразу же в электричке начал читать «Крик» и уже не смог удержаться. Хотя у меня была ночная смена, все равно я нашел время дочитать Вашу правдивую, настоящую книгу.

Большое спасибо Вам, тов. К. Воробьев, за удовольствие и за то, что я смог на некоторые вещи посмотреть другими глазами. Вспомнились мне повести Василя Быкова «Мертвым не больно», «Неудача» воронежского писателя Юрия Гончарова. В повести «Крик» — новый, мало встречающийся тип — стукач, фискал в самой от-

вратительной форме, Крылов, человек, не имеющий ничего человеческого, готов продать кого угодно и что угодно, и даже перед лицом смерти, где, кажется, всякие утилитарные вопросы должны отпадать, это тот самый страшный внутренний враг, оклеветал в 37-м году тысячи, сотни тысяч людей, и ведет он начало от Михаила Лыкова, абсолютно бесчувственного, бессовестного героя романа «Рвач» Эренбурга.

И здесь начинаешь понимать цену радости в Ракитном — вашего малого лирического героя, который невольно под влиянием редактора райгазеты стал стукачом и чуть ли не виновником смерти своего дяди Мирона. Книга «Цена радости», просто не могу сказать, какая новость, ведь на улице 1969—1970 годы, Александр Чаковский как может реабилитирует Сталина, куда там, Верховный Главнокомандующий не был виновен (я писал ему в письме, не собирается ли он во второй части «Блокады» обелить и показать кристальную честность Лаврентия Павловича Берия и сталинского наркома Ежова). И в это же время Ваши повести показывают, что есть еще честные писатели. А «Круглянский мост» Василя Быкова, как атаковал этот же «литератор» Чаковский (Игорь Мотяшов — подставное лицо). Надо же лауреатам Сталинских премий Чаковскому, Бабаевскому, Бубеннову, Николаю Вирте (этого морально нечистоплотного Вруна с большой буквы печатает «Дон» в № 1 за 1970 год). И поэтому хочется поблагодарить Вас за то, что и Вы посильным трудом помогаете в борьбе с лжелитературой, этой «кочетовско-бабаевской» беллетристикой.

Р. Роллан писал: «Нас всех объединяет прямота, непримиримая честность: говорить правду, не писать ни строчки, того, что не думаешь и не хочешь претворять в действие» (цитирую по книге Т. Мотылевой о Ромене Роллане в «ЖЗЛ», стр. 80). И эти строчки можно отнести к творчеству В. Тендрякова, Бакланова, В. Быкова, Ю. Гончарова, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Твардовского и Константина Воробьева. Большая радость, что нашел большого, честного, нелицемерного писателя.

Жду ответа от Вас, если Вас не затруднит, если я не помешал Вам в работе.

С уважением, Павел Евтихиевич Лементарь.

15 января 1970 года,
г. Дзержинск Донецкой обл.

Дорогой Константин Дмитриевич!

Простите меня за нахальство, что я беру у Вас минуты, которые бы Вы использовали на писание, на чтение чего-нибудь поважней.

Но я, просматривая дневники свои, нашел вопрос, который хотел задать Вам. Извините за нескромность, но во всем описанном в повести «Почем в Ракитном радости» есть что-то автобиографическое. Мне понравился образ Марите из Литвы. Да, есть женщины в настоящем смысле этого слова, что-то есть от моей Насти, сколько горя ей пришлось хлебнуть, когда первый секретарь нашего горкома два года не допускал меня ни к какой работе, как вспомню 65-й и 66-й до мая 67-го года. Какой ужас, работает на асфальтовом заводе, раскидает эту вопящую горящую смолу в день, еще две девочки на ее шее, и ни слова упрека мне. Как меня крыли за критическое отношение к жизни, сколько я написал писем в Москву, в ЦК и ничего нельзя было сделать, у нашего первого секретаря родственник — министр СССР. Только когда он переехал в Донецк, я смог взять документы и устроиться хоть сторожем в Константиновку за 25 километров за 62 рубля 50 копеек. И, читая, как Марите «за два года прислала мне на Север сто два письма и четыре посылки — две новогодние и две к пасхе», вспоминаю обращение с репатриантами на Донбассе в 46-м году, а читая «после войны я два года водил в тундре трактор — это тоже что-нибудь значит», становятся ясными и хворь, и тоска, потому что сейчас «Цена радости» попросту бы не вышла из печати. Сижу я и пишу свои немудреные заметки и думаю: а ведь чтоб подзабыл кочетовский журнал, то и мои б заметки увидели б свет, хотя я к этому и не стремлюсь.

Хочется высказать себя хотя бы близким людям. Я не вполне согласен с Брюсовым:

Напрасно жизнь проходит рядом
За днями день, за годом год.
Мы лжем любовью, словом, взглядом, —
Вся сущность человека лжет.

Да, мы не открываемся каждому, но есть люди, которым бы все рассказал, хотя это и очень трудно.

Вечер. Сижу на кухне, возле меня кошка спит, читаю Фета, Апухтина, Ахматову, Бальмонта, Белого — пред-

шественников и современников Блока (я вам писал в письме). Как сел в три часа дня, сейчас одиннадцатый час, но еще часика два посижу. Сегодня воскресенье, выходной, надо полностью отдать Блоку.

Смотрю на Ваш портрет в «Цене радости», задумался человек, да страшно, когда многое видишь, знаешь и ничего не можешь сделать. Простите за беспокойство.

Всего Вам доброго.

17 января 1970 г.

Томас Гарди говорил, что «подлинная история человека определяется не тем, что он совершил, но тем, что хотел совершить». Так и Вы, Константин Дмитриевич, и «Момич», и другие насильно убитые книги определяют Вашу большущую ценность правдивого, честного, «хорошего», по Вашему выражению, писателя, а Чаковские, Кочетовы пишут трилогии, дилогии, и это все между телефонными звонками, между редакторским креслом, заседательством в Союзе и заграничными вояжами. Издаются 1,5—2-миллионными тиражами. Но эти ядовитые однодневки забудутся, в то время, когда Ваши и других, не буду перечислять, писателей будут читать и наши правнуки.

Не унывайте, мой дорогой Константин Дмитриевич, придет и на нашу улицу праздник.

Павел Лементарь

Дорогой Константин Дмитриевич!

Большое спасибо Вам за книги, за внимание, за то, что и наш труд, я называю труд читателя, не остается незамеченным.

Радость такая, волнение, когда получаешь книгу, которую тебе посылает автор, хотя это и не впервые, но это бывает очень редко, и это событие незабываемое (есть у меня несколько подарков от писателей Юрия Гончарова, Ильи Григорьевича Эренбурга, от местных литераторов).

Теперь еще один вопрос: можно будет еще задержать на недельки две «Убиты под Москвой», из которых я

делаю огромные выписки (целые абзацы)? Просто непонятно, как такое произведение не привлекло работников пера, разных Дымшицей и Бровманов. Ведь по силе изображения, по правде художественной и по правде жизни, хотя двух правд не бывает, это только у нас: правда века и мелкая правда, которая зачастую и есть настоящая правда, но правда века гремит по всем газетам, по журналу с милым осенним наименованием — кочетовскому «Октябрю», по Москве, да сейчас, пожалуй, заходит эта правда века, т. е. безудержная демагогия вся эта.

«Убиты под Москвой» написаны с большой психологической достоверностью. Представьте себе, я встречал такое только в «Мертвым не больно» Василя Быкова и «Неудаче» Юрия Гончарова. Даже в «В окопах Сталинграда» и «Пяди земли» (я прочитал на днях обе повести) нет таких картин.

«— Заходят на нас! — почти безразлично сказал Гуляев, и Алексей увидел его мгновенно побелевший, совершенно обескровевший нос и сам ощутил, как похолодело в груди и сердце застучало».

Вот так редко, кто передает состояние. Возьмите, с какой жуткой прямотой Вы передаете:

«Алексей изо всех сил боролся с дремотой, и было невозможно унять мелкую трепетную дрожь мышц, и поминутно надо было ходить по малой нужде».

Цитировать Вам больше не надо, ибо не только в этом шедевре нашей литературы (разговор об «Убитых под Москвой»), но и в других рассказах, как «Большой лещ» (сцена с грабителями!), такое же сильное проникновение в душу человека. Не льщу, но так умеют передавать Достоевский, Андрей Платонов, Тендряков. Льва Толстого не называю, у него какая-то однобокость (не время дискуссировать, может, даст бог, когда-нибудь встретимся, хотя бы на два дня, тогда можно было б поговорить; но это лишь мечта, сон; ни с кем из живых настоящих писателей не беседовал, да и, наверное, не придется, заработок 60 рублей в месяц, на эти деньги не разгонишься; но хватит об этом, начинает голова болеть и зубы, когда посмотришь «над простотой глумящуюся ложь, ничтожество в роскошном одеянье... и вдохновения зажатый рот». Что говорить, как трудно на все это смотреть. Ладно, не к месту эти разговоры. Справедливости, правды нигде не добьешься.

«Тетка Егориха» — сильнейшее произведение, впер-

вые описана коммуна, прообраз будущего, председатель верно передан, и один штрих, что даже помешанный Царь от одной угрозы отправить его снова туда, пугается, на минутку даже у идиота случается озарение, а что говорить о нормальных людях, и видно, что автору это известно не со вторых рук. (Я на днях перечитал «Алексея, сына Алексея» в «Молодой гвардии» № 11 за 63-й год. Плохо, что там по вине типографии дважды вшиты 65—96 стр. и нет ни одной 32—65, т. е. 32 страницы мне неизвестны.) Видно, что Вы выросли сиротой, это я так представляю по Вашему предисловию к «Тетке»: «Сейчас мы делаем это неохотно» — не то сейчас он сам, прочтя книгу, воссоздал по ней портрет автора — физический, и духовный, и ошибки тут исключены полностью и совершенно.

Дальше Момич — сильный образ, представляю, какая это была правдивая повесть «Момич», которая умерла, не родившись, фактически она родилась, может быть, и увидит свет, но... когда?.. Ведь Голуби всесильны, да я очень хорошо знаю эту породу, приходится на работе очень часто ее встречать. Правильно сказал Сухово-Кобылин, так жить, чтобы квартальный не мог обидеться. Главная задача же Расплюевых, Голубов «оболванить человека» (убить достоинство, вытравить все человеческое, подрезать крылья) — вот высший подвиг в понимании Расплюева.

Простите, Константин Дмитриевич, за сумбурность, за незаконченность мыслей, спешу на работу, живу в Дзержинске, а работаю в Константиновке — 25 километров от дома, уже три года, за 60 рублей. Постарался Голуб дзержинский — первый секретарь горкома партии Пеклун, но это я все опишу, если Вам интересно. А может, и неинтересно, надо было написать мне в «Правду» письмо «В защиту Эренбурга» против выступления ряда критиков в марте 63-го года, когда Никита Сергеевич лично громил Эренбурга, и загремел я с воспитателя общежития как демагог.

С уважением, Павел Лементарь.
24 марта 1970 г.

Дорогой Константин Дмитриевич,
прошу извинения за мое молчание.

У меня сейчас было такое положение, что было не до писем. В последнее время три года я работал в соседнем городе Константиновке за 25 километров от дома. Получал мизерную зарплату — 62.50, работая в охране, и это при 50-километровой поездке. Пообещали мне работу в нашем городе (у нас большая безработица, особенно среди женщин). Рассчитался в Константиновке, горком партии послал на это место человека (в Госбанк инкассатором). И я с 17 апреля по вчерашний день был не на работе. Теперь, несмотря на больное сердце, с горем пополам устроился на шахту. Вчера впервые был 500 метров под землей, лазил по лавам под углом падения 75 градусов, как суворовцы при переходе через Альпы. Поэтому и не писал писем.

Очень жаль, что «Убитые под Москвой» теперь не мои, а очень хотелось бы.

Вас отмечали на Вильнюсском региональном совещании, что Вы в лучших произведениях отобразили патриотизм (это Вам плюс для печатания и минус от теперешнего положения, когда Вадим Кожевников громил Быкова, клеветал на Юрия Гончарова, Розена. Даже Гранин как секретарь правления Союза писателей РСФСР не избежал критики).

Высылаю Вам фотографию. Этому старому человеку — 40 лет. 9 июля исполнится 41 год.

Извините за некоторую прямоту, но, судя по Вашей «Тетке» и по «Убитым», считаю и буду считать Вас одним из самых правдивых и честных художников слова.

Напишите мне кратко (в КЛЭ нет) Ваш день рождения, а то находишься в таком положении, что не знаешь, когда Вас поздравить, ибо я Вас очень, очень крепко уважаю. Жду письма.

Павел

Дорогой Константин Дмитриевич!

Решил дописать первое письмо, которое не окончил, идя на работу. Хочу похвалиться, что горком партии не

забывает меня. На днях прихожу с работы, пообедал, сел читать о Карамзине. Вдруг слышу, подъехала машина. Глянул в окно — горкомовская (у нас очень отличаются черные «Волги», это в Вильнюсе их до черта, а в нашем Дзержинске они на счету). Так и подумал, что ко мне. Заходит женщина, представляется помощником секретаря горкома, просит пожаловать к ним. Приезжаем, заходим к первому секретарю горкома, через минуту заходит секретарь горкома Реуцкая, и больше сорока пяти минут проводили со мной политвоспитательную работу. Какое право я имел называть выступление Кожевникова клеветническим, почему дискредитирую писателей, стоящих на партийном посту, таких, как Леонид Соболев и Михаил Алексеев (я в письме в секретариат Союза писателей требовал исключения Л. Соболева и М. Алексеева из Союза писателей за насаждение групповщины, за возобновление рапповщины, за воскрешение приемов Авербаха, за проведение в жизнь политики Линь Бяо, маоцзэдунизма, приемов китайской культурной революции). Потом, почему я писал, чтобы на первой странице был помещен портрет Берия. Я поясняю, раз Александр Чаковский написал «Блокаду», в которой Сталин представлен ангелом, спасителем Отечества, то почему бы не поместить портреты его ближайших соратников — Берии и Ежова, ведь они всего-навсего были исполнителями. Затем доказывали мне о Бабаевском. Я же парировал «Кавалером Золотой Звезды» и другими, зацепил и «Белый свет».

О военной литературе сказал, что Симонов, Бакланов, Быков, Некрасов, Воробьев, Гончаров, Розен «не нужны», а «нужна» лишь «Белая береза» и «творения» Н. Вирты.

Был разговор о Достоевском. «Вы, — это мне, — излишне увлекаетесь Достоевским, Камю, Булгаковым». Оказывается, мое письмо из Москвы прислали в обком партии, а там забили тревогу: в шахтерском городе и то находятся люди, которые берут под сомнение политику партии в области культуры.

Пока все.

27 июля 1970 г.
Павел

Дорогой Константин Дмитриевич!

Пожалуйста, простите меня за то, что отвлекаю Вас от дела. Сейчас на больничном. Вчера в шахте на откаточном штреке попал в аварию, был в лапах смерти, вытянули из-за вагонетки, которая придавила меня к металлической раме, обошлось ушибом ног, побито плечо, немного потиснута область ребер. Выходит, что еще 30 секунд и был бы на приеме у Господа нашего Бога. Ну, ничего, остался жить.

Хочу попросить у Вас, если есть в Вашей библиотеке, произведения Миколаса Слуцкиса, хотя бы на очень короткое время. Не знаю, печатал ли что-либо Авижюс после «Деревни на перепутье». Везет Литве, не то, что моей родной Украине. На моей родине, увы, нет ни одного настоящего писателя.

Очень болит нога. Не могу писать больше. Прошу, если сможете, выполните мою просьбу. Буду благодарен.

Самый душевный привет Вам и Вашей семье.

Павел.
19 сентября 1970 г.

Олег ВОЛКОВ

Для пишущего отклики читателей на его публикации — чувствительный показатель актуальности затронутой им темы, если говорить не об отзывах специалистов — критиков и литературоведов, — а о широком круге людей, охочих до печатного слова. По характеру отзывов и их количеству можно вполне составить себе представление — насколько тобою написанное отвечает «злобе дня». Более того: что в данное время особенно заботит, волнует твоих соотечественников?

Ныне наступили годы, когда можно с уверенностью сказать о центральном месте в откликах проблем экологии. Люди насмотрелись на хищническое истребление лесов, оскудение водоемов, оборачивающиеся большой бедой для природы проекты преобразований, а главное — сыты по горло бесплодными посулами исправить, наладить, не допустить разорения и оскудения окружающего нас живого мира, чтением газетных полос, начиненных перечнями подготавливаемых заботливой властью спасительных мер, и потому основным содержанием отзывов на затронутые публикацией природоохранные вопросы является взволнованный рассказ очевидцев о неприглядных местных делах и бессилии общественности отстоять тот или иной природный объект от покушений проектантов, чреватых бедственными последствиями для природного окружения, добиться благоприятных перемен, отвести прямую беду, нависшую над природными угодьями.

Автору нередко задается вопрос: неужели правительство на самом деле не осведомлено о наносимом природе вреде, о надвинувшемся кризисе ее живых сил? Ведь и впрямь нелегко поверить, чтобы местные власти не знали о том, что творится у них на глазах, не видели, как загрязняются реки, сводятся леса, скудеет земля. Ведь сверху все обозревается много лучше — вся картина охватывается целиком: от закрытых черноморских пляжей

и погубленного Арала до окутанных ядовитыми смогами городов Урала, истребленных кедровников Алтая и Дальнего Востока, деградации черноземов и т. д. и т. п.

Здесь, быть может, уместно упомянуть о сделанных мною попытках обратить внимание власть имущих на особенно вопиющие случаи хищничества в природе, приводимые в письмах, адресованных мне после выступлений по радио и телевидению. Я чувствовал себя вооруженным фактами проникнутых болью людей, бессильных самостоятельно отстоять на месте то ли подгородний лес, то ли обращенную в сточную канаву речушку. Ощущая поддержку многочисленных своих корреспондентов, я обращался к Г. М. Маркову — тогда первому секретарю правления Союза писателей СССР, посылал открытое письмо Л. Брежневу. Нужно ли упоминать о том, что никто из адресатов на письма мои не откликнулся?

Живой отклик находят статьи и другие материалы, затрагивающие вопросы охоты, борьбы с браконьерством. Авторами писем на эти темы чаще всего оказываются охотники-любители и промышленники, сталкивающиеся с злоупотреблениями лиц, ведающих охотничьими хозяйствами, заказниками и резервациями. Практикуются незаконный отстрел, нарушение сроков, исключения из правил для привилегированных стрелков, вплоть до закрытых охот в заповедниках! Последнее особенно бросается в глаза и порождает много жалоб и обид.

Заинтересованно и даже требовательно реагируют корреспонденты на обсуждение нравственных тем, проблем воспитания и морали. Нередко приходится читать горькие строки лиц, обделенных судьбой (точнее — недобросовестными функционерами), ставших жертвой несправедливости (будь то неудовлетворенная законная просьба об улучшении жилищных условий, о нищенской пенсии, о служебных ущемлениях и т. д.), — тут писателю приходится иметь дело с подчас остающейся неутешенной скорбью, обидами слабых, узнать о потаенном горе, угадывать, через какие жестокие и сложные испытания доводится пройти человеку, зачастую при внешнем благополучии...

Что говорить! В обыденной жизни, в круговороте ежедневных забот и переживаний нам свойственно забывать о «неудачниках», «обиженных и несчастненьких», даже отворачиваться от не слишком приглядных картин, стараться задвинуть их в тень, игнорировать. Это

особенно так, если собственная судьба не дает повода для сетований и жалоб. Иной отклик читателя, рассказывающего о своей судьбе, о незаживающей ране или обиде, горестных обстоятельствах, как бы отрезвляет, заставляет одуматься, почувствовать, что жить по-настоящему нельзя, замыкаясь на себе и близких, а надо сочувствовать бедам и неурядицам любого человека... Излечивает от эгоизма.

Ныне в нашем обиходе вновь обрели права гражданства изгнанные и осмеянные революцией 1917 года слова и понятия «милосердие», «сострадание», «благотворительность» и т. д. До этого события они внушались с колыбели, вместе с основными христианскими заповедями. Прививали их и в школе. Чтобы ими могли проникнуться подрастающее и будущие поколения, надо отречься от проповеди ненависти, пусть она названа «классовой», от подозрительности и бдительности, перерастающих в манию преследования и возведенных в ранг первостепенных добродетелей. Пора смягчать, а не ожесточать сердца, пора наступить духовному просветлению!

Накопленный многолетний опыт — почти три четверти века! — показал, что отворачиваться от основной христианской заповеди «возлюби ближнего, как самого себя» для человечества опасно: от этого прямой путь к торжеству насилия!..

«ТРУДНО БЫТЬ ОПТИМИСТОМ»

Уважаемый Олег Васильевич!

2 марта с. г. в 9-м часу я слушал Ваше выступление по радио по вопросу охраны природы.

Скажу Вам откровенно, что мне Ваше выступление испортило настроение почти на целый день потому, что оно правдиво, а в жизни никак не можем ничего сделать.

Вы правы: «А много ли таких, которые бы брали за руку браконьеров? Моя, мол, хата с края, я ничего не знаю»...

1. Лес — наше не только народнохозяйственное богатство, но он, лес, к тому же и духовное сокровище. Я не буду вдаваться в лирику, а скажу немного: я родился и вырос на берегу Амура, детство прошло в тайге северных районов рр. Буреи, Селенджи, Зеи, учился и работал на золотых приисках в 1931—1937 годах. И прямо скажу, что так к лесу не относились: берегли ели, пихты, лиственницы, без особой надобности не губили лес. Пом-

ню, расстояние около 3 км от п. Умальты до сопки преодолеть было почти невозможно, лошади вязли во мху. Нужно было, однако, проложить путь, чтобы дальше до Половити добираться, т. к. там нужно было добывать молибден и золото. И управляющий прииском Шипицын сказал: «Не губите зеленый лес, а используйте сухостой, а еще лучше — это валежник, смытый рекой»... (нанос). Так и сделали. А сейчас свалить ель для того, чтобы сделать шалаш на ночь, ничего не стоит! Читаем «Краткую энциклопедию домашнего хозяйства», том II, стр. 638: «Устройство палатки из срубленной ели», рис. 9, разд. «Туризм».

Более 25 лет я хожу по грибы в сторону ст. Конобеево, далее в направлении на ф-ку им. Цюрупы, д. Дворниково.

Вот посмотрели бы Вы! Тракторами, бульдозерами, «Дружбой» (пилой), тягачами из красавиц сосен, елей создаются кладбища! Там делают просеки, прокладывают дороги, а бедные сосны, ели и пр. породы деревьев просто разрезают на пряжи, а остаток до 50% сваливают в кучи, пускай, мол, гниет... Хотя бы предали огню... И за день ходьбы по лесу не только тетерку не увидишь, но и мышь!.. Лесные обитатели, наверное, говоряг про себя, что «пришли варвары средневековья, пора уходить отсюда. А куда?».

А муравейники? Кому они мешают? И опять-таки или «рыболовам-спортсменам» для ужения на яйца или просто-напросто хулигану для потехи!

Стоит побывать на озерах, водоемах в день открытия осенней охоты, сердце обливается кровью: ревут моторы мотоциклов, а/машин, бегут стаями натасканные собаки, начинается оружейная канонада. Бедные уточки! Куда им деваться! И прошлой осенью, не помню день, как эти уточки, покидая водоемы, присаживались к уткам и гусям (домашним), что плещутся в лужах дер. Богачево (Воскресенский р-н), Лидинки. А куда деваться рыбке? От малька до взрослой — на все виды снасти. Кстати, их в той же ЭДХ, т. II, стр. 540—541 (на вкладке), перечислено только 45 — нет неводов и тралов!

Теперь о травушке-муравушке.

Прихожу на рынок в г. Жуковский, справа за торговыми столами стоят старушки, выложили товар: зверобой, ромашки, водяной перец, корни и корневища каких-то растений и кустарников, адамов корень и пр. У каждой из них книжка, вроде «Лекарственные травы Удмуртии»

и т. д. «Бери, бери, голубушка, зверобой от 99 болезней, а адамов корень рукой снимает ревматизм»... и прочая чепуха. И берут! Пучками берут! Я попробовал задать вопрос, не врач ли она, сама торговка, так получил ответ: иди прочь, а то позову милиционера. Я подошел с милиционером (он не назвал себя), он так ответил: «Это рынок, и тут два дурака: один покупает, другой продает»... И все-таки я попытался одной покупательнице сказать, что все эти травы продают в аптеках. А она: «А зверобой тоже?» Я говорю: «Сколько угодно!» И в этом случае я сел на мель: есть книга, есть право на сбор и продажу. А мне думается: надо за это судить как знахарей! Ведь надо знать время сбора и технологию приготовления, а также назначение травы согласно болезни, что может сделать только врач!

Я еще не досказал о рыбе. Ловят ее недозволенными орудиями лова, продают на рынке. «Где поймал и чем?» — спросил я. А он ответил: «Ты проваливай-ка, дядек, пока я тебе мешковину не одел на голову!»

А люди берут, а рыбка-то (карп) из Раменского рыбхоза. Взять да посмотреть, за что зацепил рыбак рыбку — за губу, жабры, или она легла на подъемник 3×3. Это может сделать администрация рынка! Мелочь же хозяйки берут кошкам!..

Уважаемый Олег Васильевич!

Человеческому мозгу обязательно нужна животная пища, рыба (Вы, вероятно, понимаете, о чьих словах я говорю). Но делать это надо все умеренно, бескорыстно, а то получается, что иногда регламентируем нормой отлова, отстрела, сбора или вовсе запрещаем законом, а с другой стороны — разъясняем в энциклопедиях, брошюрах обратное, вроде, как хорошо «запечь рябчика, тетерку в пере, завернув ее в перг. бумагу или тряпку, прикопать, а сверху разжечь костер»... или фото в журнале, газете «Удачный улов»...

Второе. Я за цивилизацию. Так вот в этой связи я хотел бы напомнить через Вас слова величайшего ученого — Ф. Энгельса о том, что «когда человек вмешивается в явления природы, то она жестоко наказывает его»... Хорошо было бы это знать и большим людям, которые, создавая что-то, о многом забывают, то есть не все продумывают, прежде чем создать.

С уважением к Вам, Молоков Никифор Иванович.
г. Раменское

Я не работаю, мне 59 лет, инвалид Вел. Отеч. войны 2-й гр., но к природе я неравнодушен, когда она оберегается, и тяжело переживаю, когда ее ранят, как, напр., «Обмелел Амур»...

Уважаемый Олег Васильевич, здравствуйте!

Только что прозвучало Ваше выступление по Всесоюзному радио в защиту нашей чудесной природы, в защиту всего живого на земле. Слушал и предыдущее Ваше выступление. До чего же правильны и своевременны вот такие выступления! Основной урок, который из них следует, на мой взгляд, можно было бы выразить несколькими словами: нельзя медлить, надо действовать!

В 1955 году, почти 23 года тому назад, приказом министра обороны СССР маршала Жукова Г. К. я в числе других офицеров был награжден охотничьим ружьем. Служил тогда на Северном флоте. Не знал, конечно, Георгий Константинович, что я увлекаюсь не охотой, а совсем другим делом, далеким от охоты. Подарок министра обороны сохранился и до сих пор как напоминание о незабываемом морском походе. Но за 23 года из этого ружья не сделано ни одного выстрела ни по чему-либо живому. Хранится просто, как бы это выразиться, на правах сувенира, что ли, зарегистрированного, конечно, в органах милиции как оружие, без права охоты. Нет у меня никаких к нему принадлежностей, ни пороха, ни дроби. Да и зачем оно все это, когда испытываешь чувство отвращения к бессмысленному убийству любого живого существа, исключая, разумеется, заклятых врагов нашей Родины, которые не раз пытались и вновь пытаются посягать на ее свободу и независимость.

Перед глазами все время стоит пример Владимира Ильича Ленина, который, будучи на охоте (находясь в сибирской ссылке), пожалел лису, не выстрелил в нее. Уж очень, говорит, красивая была. Вы знаете. Вот и подумалось, Олег Васильевич, не пора ли остро поставить вопрос о сокращении производства охотничьего оружия

в нашей стране и о продаже его только тем лицам, коим государство сочтет нужным. До чего же много развелось этих охотников! Установлены сроки охоты, количество отстрела той или иной дичи. Ну, может быть, сроки охоты еще как-то выдерживаются. А вот количество отстрела — в этом позволительно сомневаться. Во всяком случае, далеко не все придерживаются правил. Лишь бы для себя, а после меня хоть потоп! Не пора ли ставить вопрос о сокращении числа охотящихся, в конце концов, на мой взгляд, можно было бы создавать специальные охотничьи организации на правах госпредприятий, с государственным планом, где работники работали бы на правах государственной профессии, со своим стажем работы, с правом выхода на пенсию и т. д.? Всем же остальным гражданам, имеющим оружие для охоты, сдать его государству за соответствующую стоимостную плату или сохранить его у них на правах сувенира, но обязательно без права охоты. Немало, конечно, найдется крикунов: ущемляют права! сокращают развлечения! и т. п. Но охота — не развлечение, а прямое убийство живого. И гораздо громче будем кричать потом, когда и охотиться-то будет не на кого. Примерно такого же мнения придерживаюсь и в отношении любительского лова рыбы, хотя здесь ужесточать дело, может быть, особенно и не следует. Против браконьеров — да! — следует ужесточить. В летнее время часто бываю на Волге. Родился здесь, с детства Волга вошла в мою душу настолько, что просто и не мыслится другой жизни.

И вот здесь хотелось бы поговорить по другому вопросу. Помню Волгу довоенную. Помню ее и в первые послевоенные годы. Бывало, придешь на Волгу, захотелось тебе пить... Отплыл немного от берега, нырнул поглубже, напился чистой прохладной воды, вынырнул, приплыл к берегу, жажда утолена! Попробуйте это сделать сейчас! Пройдет немного времени, и вы можете оказаться на больничной койке. Пройдите в летнее время по многочисленным волгоградским пляжам, где в выходные дни отдыхает трудовой народ. Почему у каждого термос с кипяченой водой, с чаем, с квасом или просто с сырой водой из-под крана, бутылки с минеральной водой или лимонадом... Короче, без своей воды для питья ездить на Волгу нельзя, умрешь от жажды. Не верите? Приезжайте, пожалуйста, к нам, Вам немного потребуется времени, чтобы удостовериться в полной справедливости этих слов. Это сейчас, а что дальше будет?

Конечно, время от времени на страницах газет можно прочесть заголовки крупным шрифтом: «Быть Волге чистой!» Но, видимо, все-таки медленно движется дело со строительством очистных сооружений, иначе не была бы наша красавица Волга с такой водой до сих пор. Живем мы в низовьях Волги и видим, какая сейчас в ней вода. Очень многое, что еще не очищается в вышестоящих городах и селениях, плывет к нам сюда. Вода — бесценное богатство, без которого человек жить не может. Надо возвысить голос в защиту чистой воды, которой с ростом промышленности, сельского хозяйства и населения все больше и больше будет не хватать.

А рыба! Почему ее в Волге становится все меньше и меньше? Не только потому, что Волга перегорожена плотинами многих гидроэлектростанций (это, конечно, главная причина), но и потому, что сама вода-то в ней не очень-то благоприятствует воспроизводству этой рыбы. Пора, как мне кажется, нашим ученым-ихтиологам вплотную заняться проблемой условий жизни рыбы в Волге, они, по-моему, там спят, и их пора разбудить, иначе все проспят. Когда это было у нас, чтобы в нашем краю стояли «километровые» очереди за свежей рыбой?! Была бы рыба в Волге, не так остро стояла бы проблема обеспечения людей, живущих в бассейне Волги, и мясными продуктами. А это как-никак, а что-то 60 или даже 70 миллионов человек. Вот что такое чистота волжской воды!

От души желаю Вам, Олег Васильевич, успеха в борьбе за чистую воду, за свежий воздух, против ружья охотничьего, против бездумного порой распыления ядохимикатов по нашим лесам и полям, за все, чем мы живем и дышим, что мы зовем нашей Родиной.

Извините за нескладность повествования. Написал от души, что думал, безо всякой подготовки.

Всего Вам доброго.

Дудин Иван Алексеевич
Волгоград,

1985 г.

Уважаемый товарищ Волков!

Не знаю, живы ли Вы — ведь 1900 год рождения, но очень надеюсь, что живы. Прочитала сейчас «Горстку праха», и что-то поднялось в душе, не могу найти себе места. Такое же впечатление произвела «Софья Петровна» Чуковской. Это — настоящее, выстраданное, пережитое, передуманное. (А до этого читала Льва Разгона, Рыбакова — и кроме желания попугать, постращать, ничего не вижу в их произведениях. Не жалко им тех, о ком они пишут, любуются они своими страданиями.) А вам жалко людей, о себе мало пишете.

Я живу в поселке Ныроб, известном многим «Ныроблаг». В 1949 году отец приехал сюда служить, привез маму и меня, двухлетнюю. Отец — честный человек, он работал в спецчасти, оформлял документы. Сейчас, стараясь задним числом вспомнить и оценить прошлое, я могу с гордостью сказать: отец — честный человек. Мы были в Куйбышеве в отпуске у родных в гостях, ехали в трамвае, и вдруг к отцу бросился человек: «Гражданин начальник!» Я была мала, но помню, что он утащил нас к себе в гости, а вечером мама ругала, что пропали. Отец не матерился, долго не мог курицу зарубить. У него было 5 братьев, жили под Куйбышевом (Самарой), потом их раскулачили, выбросили на улицу детей зимой. Мать умерла, и разбрелись они все кто куда. Отец мой, мальчишка, отправился в Ташкент, город хлебный. Был на фронте, ранен в правый локоть — рука долго не разгибалась, 1924 года рождения.

А мама моя татарка, они бежали по чужим документам из Петропавловска, жили в Самаре в землянке. Бабушка озлобилась, била их поленом, выгоняла зимой за дверь. Голодали в 33-м или 32-м годах.

У мамы навсегда остался страх перед голодом, перед властями. Очень мало рассказывала о пережитом мне, все с отцом шептались. А я была «настоящая сталинистка» — еще от горшка два вершка, а играла в Зою Космодемьянскую, гордо молчала «на допросах», когда играли в партизан. Помню, что клялись мы так: «честное ленинское», «честное сталинское», «честное пионерское». Видимо, родители оберегали меня от всяких сомнений, чтобы ненароком не погубить.

Мама работала в зоне фельдшером и, смутно что-то помню, говорила что-то о «доходягах», которые на помойках собирают картофельные очистки. С заключен-

ными мне сталкиваться не приходилось, видела только, как солдаты с собаками вели колонну с работы или на работу. Опасалась этих людей. Но, видимо, заключенные того времени отличались от теперешних уголовников.

Мама повесилась 11 марта 1983 года, у нее была шизофрения, бред преследования. Заболела остро в 1981 году. Мало она видела хорошего в жизни, страшную смерть приняла.

Я вот все думаю, что не правы те, кто во всем обвиняет Сталина. Диалектика событий привела к этому кошмару, НЕ МОГЛО БЫТЬ ИНАЧЕ; не было муки в России, чтобы испечь пирог социализма. Ввязались в драку, не подумав, что дальше будет, и вот... Но ведь не зря все это, не зря. Общество наше переживает духовный катарсис, и такие произведения, как «Горстка праха», заставляют думать.

Низкий Вам поклон и большое спасибо. Живите долго.

Бывшая сталинистка
п. Ныроб,
Пермская обл.,
1989 г.

Дорогой Олег Васильевич,

обращаюсь к Вам так, не будучи с Вами лично знаком, потому что сблизился с Вами и сроднился, читая Вашу прекрасную страшную книгу, которая потрясла меня и заставила немало слез пролить. Казалось бы, читано уже столько «на эту тему»!.. Да и сам я с 1957 по 1963 год, совсем молодым человеком, пробыл в мордовских лагерях (московское «университетское дело», о котором Вы, быть может, слыхали) и будущую свою жену там — издалека встретил... А взяли Вы (и разумеется, не взять не могли) ноту настолько верную, чистую — или просто, быть может, сердцу моему близкую, — что как будто впервые открываю не только чью-то родственную судьбу (важен ведь ответ!), но и злосчастный удел человека, нашей милой замученной России, по которой душа

плачет неизбывно даже и тогда, когда глазам-то пора пересохнуть. Душа, сердце ли... несть числа их глазам! Ими видим без промаха, словно верное на вес угадываем, сообща отмеряем пульс судьбы и времен. Спасибо Вам и низкий поклон; Ваша книга, уверен, останется и не забудется.

О себе в этом «контексте» и писать неприлично... а все же скажу несколько слов. Вы, возможно, знаете моего русского Valiry, статьи и переводы (Mallarmi, Lautre amout, Rimbaual и другое); а вот собственную поэзию и прозу смог напечатать лишь тут; первую книгу — когда жил еще в Москве, а две другие — когда застрял во Франции с больным сыном, а потом с превеликим трудом семью вытащил (целая история, тем же злодеям обязанная... и эмигрантом себя не считаю).

Если бы удалось в России побывать, непременно хотел бы с Вами встретиться. А если и не удастся, знайте, что есть у Вас еще один верный друг... пусть он и ничего для Вас не сделал, ничем Вам не помог на Вашем крестном пути, как помогли делом, словом, взглядом все те НЕУНИЧТОЖИМЫЕ люди, которых я знаю теперь и глубоко люблю — благодаря Вашей книге.

Позвольте мне хотя бы мысленно Вас обнять.

Вадим Козовой
1988 г.

Писателю Олегу Васильевичу Волкову

от Анохиной Марии Харитоновны
Каменск-Шахтинский Ростовской обл.

Олег Васильевич, в «Литературной газете» от 19 октября 1988 года за №42 я прочла статью журналистки Ирины Тосунян. Она вела беседу с вами о вашей книге «В ожидании света», которая должна скоро выйти в свет. Статья Ирины Тосунян вызвала у меня слезы. Она близко касается нашей семьи. Мои родители были высланы в Свердловскую обл. Ивдельский р-н, граничащий с тундрой. Ссыльные работали на лесоповале для нужд Серовского металлургического завода. Нас,

детей, у родителей было пять человек. Я вторая, мне сейчас полных 64 года. Жив наш отец, природный пахарь. В октябре 88-го года ему исполнилось 90 лет. До 86 лет он обрабатывал землю, и нельзя было его оторвать от земли. Вот такой пахарь был выгнан из деревни.

Олег Васильевич, мне захотелось дать вам дополнительный материал к вашей книге, пока она не вышла в свет. Вы много видели страданий ссыльных, на себе испытали, но всего не могли узреть. Я опишу, что испытали наши родители, а вместе с ними и мы. Люди работали на лесоповале, голодные, по пояс в снегу, тех, кто не выполнял норму, десятники били и не пускали ночевать в барак. Смертность была ужасна. Мертвых хоронить было некому, их складировали в пустом бараке до оттепели. Жена коменданта Серафима Жуланова бесилась от жира, за счет пайка ссыльных. Придумала заниматься физкультурой с голодными и полуживыми женщинами после тяжелого физического труда в обязательном порядке. Кто имел прогул, она для острастки сажала в наказание в барак к трупам. Я уверена: дети ее живы, если их не взяла война или болезнь. Она по возрасту моложе меня на 3—4 года. Мне хочется, чтобы ее дети и все мученицы прочитали эту статью и узнали Салтычиху № 2.

6 лет назад наша старшая сестра с дочерью посетила поселок смерти. Показала и рассказала ей, где прошло наше горькое детство, как мы сидели в холодном бараке, голодные, и скулили, как щенята. Те места запустели, снова выросла тайга. От своих родителей мы слышали много раз, они говорили, что когда-нибудь и кто-нибудь напишет о страданиях раскулаченных. Вот и дождались. Я взяла газету со статьей Ир. Тосунян, пошла к отцу и прочитала.

Приезжайте в Каменск, наша семья вам даст обширный материал. У отца светлая память, он назовет всех по фамилии, по имени, кто что творил и много-много того, что я не написала. Ответьте мне, пожалуйста, добро или отрицательно. Я буду знать и ждать, как вы отреагируете на мое письмо.

Анохина

Все эти вопли с высоких трибун,
Призывы к труду и спасению —
Тщетны, пока бюрократов табун
Топчет личное мнение.

Личное мнение — это ответ,
Ответственность, взятая смело:
Лишь тот, кто на «ДА» скажет твердо «НЕТ»,
Способен
делать
дело

14 декабря 1988 г. *Борис Никитин*

Уважаемый Олег Васильевич!

От души желаю Вам крепкого здоровья и творческих сил на благо Родины!

С новым, 1989 годом Вас!

Вы абсолютно правы — в России трудно быть оптимистом. И не только Вам, но и нам, рожденным в 1946 году. Вас всю жизнь погружали во тьму. Сейчас это погружение вроде бы приостановилось. Руки развязали, но ноги на всякий случай оставили связанными. И объявили, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Ну и на том спасибо! Ноги мы кое-как пытаемся развязать сами. Развяжем — будут широкие шаги, большие дела. А пока у нас у всех только маленькие прыжки вперед (из-за связанных ног) и страх потерять равновесие, упасть в начале пути.

...Сейчас оптимизм нам необходим, как воздух! Кроме архиважной для самосознания народа «Энциклопедии русских деревень» (я тоже принимаю посильное участие в этом деле), необходимо отнять у чиновников провинциальную (районную и областную) печать.

Русская народная интеллигенция без трибуны, без голоса — это все равно, что крестьянин без поля. Холопство кончается там, где рождается самодостоинство, самоответственность (чувство хозяина) и глубокое уважение к самоценности любого опыта (мнения).

Вот почему и мне не нравится Маяковский. В его талантливой литературе есть холопская безответственность, этакий плебейски-хулиганский посвист и замах на святая святых, на нашу Душу Земли Русской — на Пушкина, Л. Толстого, Бунина, Шаляпина, Горького!

Мало иметь силу и знать ее в деле (допустим, слов), надо, чтоб эта сила не разрушала, а созидала все доброе, разумное, вечное. Я уж не говорю о милости к падшим, без которой не может быть не только поэта, но и просто человека.

И в отношении В. Набокова Вы правы: мало у него сердца. Не чувствую я в нем русского писателя.

А памятник Пахарю в Москве — это наш сыновний долг. Именно памятник Тысячелетнему Мужику с русской сохой — нашему общему могучему (физически и духовно) предку. И место ему — у Белорусского вокзала. А еще лучше — у Киевского.

Буду рад еще раз пожать Вашу руку.

Борис Никитин,
г. Яхрома,
1988 г.

Дорогой Олег Васильевич!

Пишет вам «рядовой читатель», вернее, слушатель. Мой возраст 36 лет.

Я прослушала по Би-би-си чтение отрывков из вашей книги «Погружение во тьму». Чтения продолжались 5 недель. Я не пропустила ни одной передачи. Кое-что успела записать на пленку, но потом сломался магнитофон. Всего продолжительность записи час с небольшим.

После двух недель чтений мне захотелось как-то высказать свою благодарность. Я написала маленькое послание. Приблизительно: «Ваша книга — событие в моей жизни. Какое утешение, что такие люди были и есть. Иначе все выглядело бы просто безнадежно. Спасибо вам».

Продолжая слушать чтение книги, мне все больше хотелось поделиться своими впечатлениями, мыслями. Это не письмо, а скорее заметки, написанные после чтений книги по радио. По-настоящему этим поделиться не с кем. С кем было бы можно — того уже нет.. Увы, не всем дано умение выразить письменно свои мысли и чув-

ства так, как хотелось бы. К тому же не получается «коротко и ясно».

Не знаю, где найти слова, чтобы выразить то, что я чувствовала, слушая чтение книги. Пожалуй, никакими словами не передать те чувства утешения и благодарности, что я испытала.

Эту книгу можно назвать честно выполненным долгом человека и писателя. Вспоминаются пушкинские слова: «Подвиг честного человека». И написана она была в то время, когда все погрязло в трясине беспросветной лжи, демагогии, показухи. О такой книге мечталось, как о противоядии от безудержных, захлебывающихся юбилейных славословий. О книге, где беспощадная правда о нашем прошлом и настоящем была бы выражена с предельной степенью откровенности. Мечталось, но не верилось в это. Скорее относилось к области фантастики. А книга уже создавалась, уже была создана в то время. И почти через десять лет, впервые узнав об этом, испытываешь удивление, восхищение, какое-то потрясение открытия.

Мне очень близок ваш взгляд на сталинские репрессии. И представляется очень узким тот взгляд, которым смотрят на это многие, выступавшие в печати.

Вся эта ложь, в которой они тонули, в конце концов должна была обрушиться на многих из них. Ведь Сталин был создан их системой, ими самими. С самого начала они извратили и запретили все человеческие понятия. И не только для себя, что было бы простительно, но для всего общества.

Нравственность заменили классовостью, партийностью и пролетарской моралью, игнорирующей всякую мораль. И перевернули все старые понятия — объявили свой режим вершиной свободы и демократии. Правда, многие их представления и взгляды кажутся очень уж унылыми и примитивными. Трудно поверить, что сами они в них верили. Примитивные понятия предназначались главным образом для народа, для оболванивания масс. Так что Сталин возрос на хорошо удобренной ими почве.

И еще удивляются — как это могло случиться? Было бы удивительно, если бы не случилось.

Ваша книга останется памятником прошлому. Свидетельством, документом времени, не только восстановленного в книге, но и времени ее создания. Здесь все вещи названы своими именами. Веришь в честность, ис-

кренность, привлекает бескомпромиссность. И кроме того, что-то такое, что трогает душу и сердце. Я всегда с волнением ждала и слушала передачи. Словно не о чужом человеке, а о близком и дорогом. Конечно, это и оттого, что взгляд на события и позиция автора близки твоим собственным.

К большинству наших «советских» писателей относишься с недоверием, неуважением, скептически и настороженно. Подавляющее их большинство — это чиновные представители свободных профессий. (Слова Н. Мандельштам.) Но как любят они изображать себя «совестью народа». Может, какая-то сотая часть из них и может претендовать, хотя бы частично, на это звание. Однако претендуют совсем не те. Это то же самое кощунство, что и: «партия — честь, совесть...» и т. д. «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно».

Восхищение оттого, что книга написана писателем, про которого нельзя было сказать, что его книги очень редко выходят. Столь резких высказываний не надеялись уже услышать от нашего писателя. И поэтому это потрясает. Резкость поражает? А если вспомнить, сколько раз самим приходилось высказывать такие же слова в узком семейном кругу. Да. Мы являемся продуктом всей нашей системы, нашего воспитания и образования. Лжи и подмены понятий было слишком много, и возникло пресыщение. Ко всей нашей лжи теперь стойкая невосприимчивость и отвращение. Но в то же время ее отравляющее воздействие сыграло и играет свою роль. И что в результате? Страшно, когда ни во что не веришь и ничего не любишь. Не любишь свою страну. Даже к людям черствость и равнодушие.

И в противоположность этому неверию тянет к чему-то «идеальному». И такая книга, как глоток живой воды. А то ведь становишься мертвым духовно. И что можешь дать своему ребенку, когда за душой не имеешь ничего положительного.

С нашей низовой системой экономики была возможность познакомиться в годы 70-е. Приходилось «работать» в должности «чернорабочего» в деревнях, на стройках. Конечно, не по своей воле, а потому, что отказаться у нас невозможно. Зато благодаря этому нагляделась на весь этот развал, деградацию, одичание, бесхозяйственность, повальное пьянство. И какой контраст все это представляло тому, что видели на экранах кинотеатров и телевизоров в фильмах о деревне и на

производственную тему. Даже таким, где не все было в розовом свете. Тогда казалось, что тут исправить и улучшить ничего нельзя. Надо все создавать заново на других экономических основах.

Воспоминания, документы — это самое интересное чтение для меня. Занимаюсь историей (это же и мое хобби). Даже считаю себя знатоком истории XIX—XX веков. Многое пришлось прочесть, то, что было доступно (в основном в Исторической библиотеке в Москве), и то, что было куплено в букинистических магазинах. Наших собственных книг и журналов очень мало сохранилось. Но далеко не все, что хотела бы прочесть, доступно читателю. Многое издано за границей. Погребено в разных архивах и никогда не издавалось.

Живя не в столицах, лишена многих возможностей знакомства с желанными изданиями. Была бы возможность, перепечатала бы для себя «Погружение во тьму» на своей старой машинке. Ужасно жалко, что не имеешь возможности взять книгу в руки, читать и перечитывать. Потому что желаешь читать в первую очередь то, что близко твоим чувствам. А мы вынуждены читать совсем другое. Сколько раз приходилось в нашей жизни не иметь и не достигнуть того, что желаешь. Опыт есть.

Когда-то столько сил было потрачено на попытки обменять «жилплощадь» на жилье в Ленинград или поближе к Москве. Но все оказалось нереально, хотя желающие были. Но таинственные инструкции, заменяющие у нас закон, запрещают обмен в эти города всем жителям страны, у кого не найдется там мужа или жены. Перед этими преградами чувствуешь себя бессильным и беспомощным. Чтобы их обойти, нужно уметь заниматься махинациями, иметь высоких покровителей или большие денежные средства. Ведь кое-кто обменял квартиры за 10—20 тысяч. Впрочем, об этом даже в газетах писалось, и назывались цифры. Решать все проблемы системой запретов — это несложно. Но логика запретов такова, что их нужно все более ужесточать и увеличивать, чтобы был эффект. Так и происходит. Однако чем больше запретов, тем сильнее желание как-то обойти их. Любым способом зацепиться за Москву, остаться там после институтов. Какое развращающее действие все это окажет на молодежь. И тогда, следуя логике запрета, нужно будет запрещать браки москвичей с иногородними. Смешно!

По налаженной системе государственного закрепощения человека мы находимся, наверное, на первом месте в мире. Сужу по себе. Я всегда чувствовала себя именно крепостным, который ничего не может решить для себя сам, бессильным что-либо изменить. Человек считается у нас собственностью государства, партии. За их «благодеяния» он должен считать себя обязанным и благодарным им всю жизнь. То, что считалось бы личным делом каждого человека (даже сто и более лет назад) и везде считается, в СССР воспринимается как «измена Родине», «отщепенство» и т. д. Например — съездить за границу, одному ли или с семьей, и даже пожить там сколько пожелаешь. Да, как все это дико.

А как совместить гласность с монополией на идеологию, охватывающую всю систему информации, все представления о прошлом, настоящем и будущем? Среди наших писателей, а не только властей, все еще существуют такие дикие понятия, как: «идеологически вредное произведение», «антисоветчина» и т. п. Это самое ужасное и нелепое из всего их арсенала.

Наша история — это также монополия партии. Она скорее часть пропагандистской системы, чем науки. Существует лишь один мертвый, догматический и к тому же лживый взгляд на события прошлого. Главное в нем — пропагандистская установка, а остальное к ней подгоняется.

Тогда как подлинно живую картину, объемное изображение можно получить, если время, события, действующие лица будут освещены со всех сторон, с разных точек зрения, позиций и разными авторами. Такая история нашей страны, пожалуй, существует только за рубежом. Тот, кто желает, может там прочесть о нашей истории что захочет, на свой вкус. У нас же в этом отношении безнадежность пустыни. История накрепко связана с пропагандой и идеологией. И не веришь, что это изменится при существующей системе.

В конце концов их «партийный» взгляд на исторические события часто лишен даже логики, простого здравого смысла.

Для меня лично интересна история ради самой истории. «Как оно, собственно, было».

У нас не может быть издано на историческую тему не только «идеологически чуждое и неприемлемое», но и просто «безыдейное», идеологически нейтральное. Именно то, что ближе стоит к правде.

Даже источники: мемуары, документы, письма, все, что было когда-то издано, и они 60 и более лет не переиздавались. А сколько исторических источников так никогда и не было издано. Зато вместо них бесчисленное множество историко-пропагандистской макулатуры, никому не нужных книг и брошюр. И как передать ту бессильную ненависть, которую испытываешь, бывая в наших библиотеках и книжных магазинах. Складывается впечатление, что по доступности, свободе и разносторонности информации мы находимся на последнем месте в мире. У нас нельзя свободно купить ни одной зарубежной книги (газеты, журнала), где бы события, явления, люди освещались с позиций не коммунистических или им не сочувствующих. И это в то время, когда на Западе выходят советские и партийные газеты, издаются книги. И притом там имеется своя собственная коммунистическая информация.

Наша громадная пропагандистская машина охватывает все сферы жизни, все стороны бытия (сравнить ее можно разве только с подобной машиной «третьего рейха»). Она обходится стране в громадные суммы, хотя конечной своей цели по обработке населения все-таки не достигает. Однако все привыкают воспринимать систему, идеологию и прочее как нечто вечное и незыблемое, то, что всегда было, есть и будет. Отсюда апатия и равнодушие к вопросам общественно-политической жизни у большинства.

Все закрепощения и насилия происходили у нас под вывеской свободы. Перевернули, так сказать, все прежние понятия, объявив рабство свободой. Это оказалось самым страшным. Ведь и при Сталине мы были «самые свободные и счастливые». Но если бы не было этой всепроникающей лжи, разве могла бы система так благополучно существовать? Мне кажется, что полностью отказаться от лжи они так и не смогут. И значит, будет полуправда выдаваться за полную правду.

Даже в сегодняшних песнях о гласности слышатся знакомые мотивы. Мы, оказывается, уже стали самой свободной страной в вопросах информации. А когда мы такими не были? Когда у нас не процветали свобода и демократия? Но свобода прославления наступившей гласности — это еще не сама гласность. Вот когда будет возможно свободно прочитать «Погружение во тьму» и сотни других книг, напечатанных за рубежом за долгие десятилетия, когда история будет сама по себе,

а «партийная история» сама по себе — тогда можно будет назвать это гласностью. Но покуда все средства информации находятся в руках государства или, вернее, партии (что, впрочем, у нас одно и то же) — на что надеяться? Все-таки рано или поздно должно это все стать доступным и для нас.

Вы писали вашу книгу, не приспосабливаясь ни к чему. Вы были свободны от необходимости считаться с условиями наших издательств. Вот почему ваша книга имеет такую ценность. Для меня она стала какой-то моральной опорой.

Мне никогда не приходилось отправлять письмо писателю. Но с вами захотелось поделиться своей благодарностью.

О. Л.
Владимирская обл.,
1988 г.

Уважаемые Олег Васильевич и Маргарита Сергеевна!

Я очень благодарна вам, дорогой Олег Васильевич, за ваш ответ на мое письмо. Я с интересом прочитала вашу статью. Она написана на ранней стадии перестройки и гласности, однако пока еще остается в силе. Трудно не согласиться со всем тем, что высказано в этой статье. Хотелось бы отметить приводимое вами в ней заявление председателя Союза китайских писателей о «культурной революции». Вы считаете, что это полностью может быть отнесено к нам, если заменить «культурную революцию» словами «диктатура партии». Как же это верно.

Сейчас, когда в печати так много всего того, что ранее прочесть было немыслимо, все же хочется, чтобы больше было статей и материалов, где бы присутствовала смелость в оценках прошлого и даже «инакомыслие». Такую смелость в нашей печатной продукции пока еще очень редко можно встретить. Конечно, очень важно то, что печатается под рубрикой «Наследие». Хотя и там очень много «крамольного» отсекается и остается за бортом.

Сейчас самая популярная тема в нашей печати —

Сталин и сталинизм. Я вот не вижу, чтобы причины и истоки этого явления назывались полностью. Самые главные-то и не называются. Мне представляется, что культ Сталина возник на основе уже существовавшего культа Ленина (Сталин — это Ленин сегодня). И этот ленинский культ никогда не был даже чуть-чуть поколеблен. Поэтому и после разоблачения Сталина могли возникнуть если не культы, так культики. Даже самый безобидный, слегка критический подход к установкам, делам, к самой фигуре Ленина у нас был немыслим. Это все-таки какое-то нездоровое явление, уже граничащее с абсолютным обожествлением.

Что касается самой революции, то и здесь грандиозный миф заслонил реальность происходившего. Мне думается, что Октябрьская революция была революцией лишь в социальном плане. Что касается областей: права, свободы, демократии, политики — объективно она являлась контрреволюцией. И дальнейшее ее перерождение было уже неизбежным.

Считается, что Сталин создал и укрепил административно-бюрократическую, командную систему и фактически сам захватил абсолютную власть. Все это так. Но разве он явился откуда-то со стороны? Вышел ведь из недр самой партии. Именно диктатура партии создала и диктатора, создав сначала его культ. Сама по себе, одна его авторитарная власть еще не могла бы привести к таким громадным репрессиям против своего аппарата и армии. И тогда бы судьба диктатора совсем иначе сложилась. Постигла бы его судьба Павла I.

Но тут все было как раз наоборот. Чем больше самых нелепых репрессий обрушивалось на общество и представителей аппарата, тем больше этим же аппаратом Сталин прославлялся как гениальный вождь и учитель. Авторитаризму Сталина способствовала и помогала созданная тоталитарная система государства. Впрочем, система и создала его диктатуру. Его заслонял и культ вождя, и фанатизм революционных идей, и, конечно, весь пропагандистский аппарат партии, который осуществлял грандиозный обман и одурачивание масс не хуже, чем в Германии. Да и вообще новое общество покоилось уже на каких-то других, новых основах. Оппозиция властей, даже к самому их существованию — все это для нового строя казалось уже диким и сугубо контрреволюционным.

О сталинизме сейчас пишут очень много, но как мно-

го среди этих писаний можно встретить наивности и слепоты. Особенно среди статей тех авторов, которые умудряются самую резкую критику сталинизма совместить с воспеванием революции и ее деятелей как что-то абсолютно святое, праведное и чистое. То, что ядовитые семена примешались с самого начала, это они увидеть не в состоянии, да и не хотят. Почти религиозное почитание этих мнимых святых, отсутствие малейшего критического подхода очень много способствовало застою нашего общества в прежние годы. Вот это им не мешало бы понять.

Что касается сталинского террора. В атмосфере абсолютной нетерпимости, беспощадной ненависти к врагам, переходящей в фанатизм времен гражданской войны, Сталину действовать было довольно легко. Еще задолго до 37-го года партийная пропаганда много поработала для создания самой обстановки, в которой мог получить такой размах террор. Сталин умело воспользовался благоприятным моментом для уничтожения якобы возможных соперников и противников. Конечно, это говорит не в его пользу. Совсем наоборот. Он знал, что все это будет воспето советской печатью как замечательная бдительность в отношении врагов народа. Ведь никакой другой печати, кроме официальной, в стране не существовало. А большая часть советской интеллигенции? Произведя переоценку прежних ценностей, еще в двадцатых годах, превратив себя в слуг партии, разве не прокладывали они этим дорогу Сталину? В былые времена как подвиг воспевался поступок жен декабристов. Теперь герои были иные — Любовь Яровая, Павлик Морозов. Нравственные ориентиры полностью сменились.

Вот еще такая черта времени — отношение к рыцарям-чекистам. Всегда ведь старались подчеркнуть, что ЧК были органы, воплощавшие революционную чистоту и целомудрие. И вдруг такое перерождение. Применимо ли понятие чистоты к органам тайной полиции? Да еще к тем, где непосредственно исполнялись смертные приговоры руками сотрудников этих органов. А их прославляли как гордость советского народа. И когда оно, собственно, началось, это перерождение? Увы, не в 37-м, а пожалуй, что и в 18-м.

Костер классовой ненависти никогда не угасал и после полной победы над врагами. Он продолжал тлеть и в годы нэпа, чтобы разгореться пламенем в конце 20-х и

начале 30-х годов. С новой силой воспевалась особая классовая мораль, не допускающая какого бы то ни было инакомыслия. Можно привести, например, слова Косарева: «Наша новая мораль не человеческая, а пролетарская».

Всегда старались затушевать и скрыть от читателя позорную роль многих из тех, кто вошел в официальную когорту советских классиков, как будто для читателя нравственный облик писателя и его поступки не играют никакой роли. Ваши слова о В. Катаеве очень важны и справедливы. Вот недавно была публикация о Дьякове. Писатель считал доносы своим нравственным долгом. Впрочем, это и требовалось от настоящего советского человека, настоящего коммуниста.

Почему же таким честным книгам, как ваша, трудно увидеть свет в нашей стране? Наверное, и потому, что они написаны в годы застоя. Их критическое отношение к системе, смелость в суждениях, а также пессимистический настрой не совсем подходят к нынешней обстановке надежд. Но ведь эти книги как раз и подводили к мыслям о необходимости и неизбежности перемен.

Когда я слушала чтение вашей книги, то сразу почувствовала, что вы один из тех, которые олицетворяют утраченные нашим обществом старые понятия: чести, совести, порядочности, независимости, честности. Этими понятиями раньше так гордились почитатели русской литературы, и все это советскими литераторами, вроде В. Катаева и других, втаптывалось в грязь.

Что касается «антикоммунизма» и «антисоветизма». Я думаю, что их существование, даже в нашей стране, вполне допустимо. Тем более после всего того, что было. Да и «антикоммунизм» точнее следует назвать антитоталитаризмом. Если взглянуть на наше общество как бы со стороны, то многое покажется близким к абсурду. Ну вот, например, полное идеологическое единство всего населения страны и нерушимая, несмотря ни на что, вера всех в коммунизм. Не есть ли это один из главных советских мифов? Правда, некоторые из пишущих ныне страстно желают, чтобы этот миф остался путеводной звездой. Ничего в этом зазорного нет: каждый должен иметь возможность высказать свои взгляды. Однако такие авторы делают вид, что говорят от имени всей интеллигенции, жаждущей перемен. Все последние опубликованные литературные произведения они стараются подогнать под свои узкие понятия, и этот взгляд

назойливо навязывают читателю в своих бесчисленных публикациях. Почему-то фанатическая вера, не допускающая сомнений, всегда соседствует с агрессивностью в навязывании своих взглядов, с желанием, вернее, требованием, чтобы эти взгляды были единственно верными и правильными для всех. Мне кажется, что эту слепую веру пора сдавать в архив.

В какой-нибудь там Бельгии или Дании как-то умудряются сосуществовать и по 12 политических партий. А территории стран меньше многих наших областей. А тут шестая часть Земли — и такое единство во взглядах. Все марксисты-ленинцы, и не желают, и не должны желать быть иными. Не кажется ли вам, что это из области фантастики или из какой-нибудь антиутопии? Однако для нас это было и остается реальностью.

Вместо короткого ответа у меня получается длинное письмо. Так что нужно заканчивать.

С глубоким уважением,

О. Л.
Владимирская обл.,
1988 г.

Многоуважаемый и дорогой Олег Васильевич!

Вам, наверное, покажется странным, что мы посылаем Вам стихи нашего отца. Но, прочитав Вашу книгу «Погружение во тьму», мы почувствовали, что Вы нам удивительно близки. И захотелось поделиться с Вами очень дорогим для нас — стихами нашего отца.

Начало творческого пути Л. Н. Зилова было удачно. Вышли две книги стихов, и отец стал печататься в «толстых» журналах. А потом все кончилось.

Маленькая справка. Отец родился в имении под Дмитровом, там же, отчасти в Москве, провел свои ранние годы. Вплоть до революции родители каждое лето ездили в Ставрополь на Волге. Сначала одни, а потом с нами — детьми. В 1917 году решили не возвращаться в Москву, а пережить лихолетье на Волге. Поэтому стихи распределяются как бы на этапы:

Ставрополь, 1917—1921,

Иваново-Вознесенск, 1921—1923,
Москва, 1923—1936.
Умер Л. Н. Зилов в 1937 году. Умер дома.

Семья Л. Н. Зилова

ТРОИЦА

Березки нежные, пахучие,
Вошли вы в комнату мою
Оттуда, где ручьи гремучие,
Где память детства я храню.

Совсем забыл, что нынче Троица,
Что нынче светлый праздник ваш,
Вхожу — и все рябит и двоится,
Шепчу далекий «Отче наш»...

Воспоминанья позабытые:
Кивот с Христом, и в белом мать,
И окна в крупный дождь открытые,
В который хочется бежать.

Воспоминаньями-пылинками
Я окружен, ко мне пришли,
Пришли вы тихими поминками,
Березки нежные мои!

1910 г.

ХРИСТОС

Среди болот, у речки ржавой
Поник над кладбищем погост —
К нему идут в осоке лавы,
И тлеет шаткий дряхлый мост.

Сюда, в Петровки, в полдень ясный
Под пенье клира к алтарю

Принес, волнуясь, в час причастный
Я веру детскую мою.

И поп, в сиявшей ризе, строго
Склонился с чашей золотой,
И выпил я во имя Бога
Кагор, и жгучий и густой.

И, поперхнувшись просвирою,
Я долго набожно хранил
В гортани боль, а надо мною
Веселый благовест звонил.

У южных врат архангел нежный
То отплывал, то подплывал,
И образа я так неспешно,
Проникновенно целовал.

Последний раз блеснуло злато
Благословлявшего креста.
В цветущих липах хор крылатый
Пел о Христе и для Христа.

1911 г.

МАМЕ

Мглистый путь. Дорога дальняя.
Рожь пахучая цветет...
Воротись, моя печальная, —
Смутен в поле поворот.

На глаза навеет волосы
Ветер пасмурных лощин.
От колес затонут полосы
В мшистых складках луговин.

Вскинет солнце очи влажные
На извилины межи,
Запоют свои протяжные
Заливные песни ржи.

И очнешься ты затерянной,
Как печаль твоя, — одна,
В широте полей немеренной,
Широтой полонена.

За востоком солнце дальное
Заревого утра ждет.

Воротись, моя печальная,
Смутен в поле поворот...

1911 г.

НА ДАЛЬНЕМ БЕРЕГУ

Вот скоро год, как я сюда заброшен.
Тропами летними прошла зима,
И ландыш мой серпом метелей скошен,
И путь назад, как родина сама,
Холодным пеплом густо запорошен.

Я одинок на дальнем берегу —
Остатки проводов между столбами
Звенят — гудят, задеты на бегу
Порывными, шумящими ветрами,
Но ими даль окликнуть не могу.

Измотаны, разбиты паровозы.
Разрушено, размыто полотно...
Пойдут к Москве скрипучие обозы,
И странники под каждое окно
Вновь принесут дорожных слухов грезы.

Вновь явит Бог святые чудеса,
И новые угодники от мира
Укроются в дремучие леса,
Велики духом, выспренни и сиры,
Поднять за Русь и веру голоса.

Вы, мудрецы, укрытые дубравой,
Молите у Творца, простершись ниц,
Не рай земной, неверный и кровавый,
А рай небес, земли и певчих птиц,
Наполненный нетленной чистой славой.

1918 г.

* * *

Лохмотьями чужими грею спину,
Чужой кусок, не посолив, жую,
В чужом углу колючей дрожью стыну —
Ветра, туман и гарь в родном краю.

Все сердце выжато сухою злобой,
Железной проволокой заржавя кровь.
Жизнь черной развороченной утробой
Смертельную выплевывает дробь.

На лбу клеймо, полголовы обрито,
Во рту цинготный вырезан язык,
Могилами Россия перерыта,
И над могилами звериный зык.

1922 г.

* * *

Мой кабинет за кухонным столом.
Сижу за ним, разбуженный клопами,
И счастлив тишиной, и кой-каким углом,
И солнечным пятном на печке за плечами.

Больные спят. Мучительный заказ
Написан начерно, и я свободен.
За много месяцев мой бесконтрольный час —
Когда мой мозг еще на что-то годен.

Я не ропщу. Сумбурна жизнь моя,
Забита мелочами обихода,
Но все по-прежнему, как в ладанке земля,
Сохранена внутри меня свобода.

На рынок ли иду, с отбросами ль ведро
Несу на кладбище помойной горки,
Я весь в себе, со мной мое добро,
Валютным золотом горят пятерки.

Здорово, солнце, старый верный друг!
Мы прежние, и на дворе на заднем,
И под твоим сияньем все вокруг
Опять становится ценнее и нарядней.

Картуз пропойцы на мусорной плите,
И тот сбекренился молодцевато...
Спасибо вам, клопы, по вашей доброте
Я солнечные посетил палаты.

1931 г.

* * *

Жизнь кончена. Все в прошлом, все вдали,
Что новый день, то новая усталость.
И знаю я, что краю нет земли,
Что ничего от жизни не осталось.

Смешно мечтать о будущих стихах...
Что не было ни дел, ни славы — не обидно.
Есть крылья, нужен ли за взмахом новый
взмах,
Чтоб в действии те крылья было видно?

1935 г.

* * *

Человек обязан быть счастливым.
Быть несчастным, что за интерес?
И накладисто, и хлопотливо:
Сколько надо средств, лекарств, чудес!

«Для чего живу я в этом мире,
Для чего и самый создан мир...»
Нет, спили скорее эти гири,
Разгони ты этот скучный клир!

То ли дело вновь отдаться счастью!
Счастье — это воздух, свет, вода,
Их насильно рознял ты на части,
Но они едины навсегда.

Счастье — это люди, звери, птицы,
Каждый миг отпущенный судьбой!

Только бы успеть вглядеться в лица,
Проходящие перед тобой.

Не успеешь вдоволь наглядеться,
Надышаться и наслушаться, как вновь
В смерть-рожденье дверь раскрыть готова
Направляющая все любовь.

1936 г.

Виктор АСТАФЬЕВ

Я никогда не получал такого количества писем, как в последние два-три года. За это время почта возросла примерно в пять-десять раз. Кого-то незаконно уволили, арестовали, где-то погубили природу, вырубили последние деревья... А поскольку администрация на местах работает плохо, как, впрочем, судебные и прочие органы, то обязательно увеличивается поток писем.

Иногда мне кажется, что у нас есть люди и даже органы, которые всеми способами пытаются отвлечь писателей от дела. И вот это море бумаг, море слов, исходящих отовсюду, особенно сверху, местные власти не в состоянии не только переварить и принять по ним меры, но многие из них прочесть. Это надо и ЦК сказать, и Верховному Совету. Покороче, поменьше слов, а больше дела. Тогда и легче будет следить за выполнением своих постановлений и решений.

...Интересных писем, без обвинений, без назидательно-прокурорского тона, умных, уважительных, к сожалению, не прибыло. Это показатель того, что по сравнению с тринадцатым годом количество хорошего читателя на писательскую душу, так же, как и писателей на читателя, тоже не прибавилось. Многие перешли смотреть телевизор. А в тринадцатом году его не было, люди читали книги. Кроме того, сейчас читающая публика увлеклась газетами, журналами — периодической печатью. Там много сенсационных материалов, разных сплетен. Все торопятся высказывать, поучать, себя похвалить. Происходит какая-то нравственная судорога. Но в целом поток этих писем все-таки дает ощущение доподлинного состояния общества, его нынешнего духовного уровня. Увы, на мой взгляд, не очень высокого.

«ОБЪЯСНИТЕ, ЧТО У НАС ПРОИСХОДИТ»

Народному депутату СССР
АСТАФЬЕВУ В. П.

Уважаемый Виктор Петрович!

Обращаемся к Вам, как к депутату Верховного Совета СССР, как к своему земляку, человеку, который неравнодушен к своей родной Красноярской земле, к ее будущему, которому грозит опасность.

Пишут Вам жители с. Сухобузимского, который является центром Сухобузимского района и расположен рядом с краевым центром г. Красноярском.

До недавнего времени мы, как большинство граждан нашей страны, не интересовались ядерной энергетикой, но после аварии на Чернобыльской АЭС в прессе все чаще стали появляться тревожные публикации по проблемам ядерной энергетики. Эти публикации насторожили нас, так как в непосредственной близости, в 40 км от нашего села, находится закрытое предприятие «Красноярск-26», связанное с оборонной промышленностью. Это предприятие на территории нашего района в 10—12 км от с. Сухобузимского строит могильник по захоронению радиоактивных отходов, которые образуются в результате работы этого предприятия. Из неофициальных источников (так как эта тема закрыта для официальных сообщений) нам стало известно, что сюда будут поступать отходы с других таких же предприятий и всех стран — членов СЭВ.

Инициативная группа, которая образовалась в результате данной проблемы, вышла к 1-му секретарю ГК КПСС с просьбой организовать встречу с представителями этого предприятия. После нескольких отложенных встреч она все-таки состоялась. Приехали три представителя от «Красноярска-26», главный врач СЭС, председатель краевого Общества охраны природы, начальник краевого штаба ГО. И все слухи, которые носились в воздухе, подтвердились. Товарищи ответили на все интересующие нас вопросы. Мы узнали, что:

1. Решение о передаче территории под строительство могильника, так называемая пром. площадка № 27, было в 1982 году.

2. Запланировано израсходовать средств 120 млн. руб., израсходовано — 27 млн.

3. Радиоактивные отходы в этот отстойник будут поступать из всех стран — членов СЭВ.

4. Отстойник глубиной 1000 метров в находящихся там пустотах. Заграждением выхода на поверхность радиации будет служить «подушка», состоящая из глиняного пласта.

5. Радиоактивные отходы будут захораниваться в жидком виде в грунт.

На все вопросы мы получили ответы. Был задан вопрос о том, насколько это опасно для жизни человека на данной территории. Ответ был дан: безопасность гарантирована на 10 тысяч лет. Нас заверили в безопасности объекта все товарищи, которые приехали на встречу. Все приехавшие товарищи входили в комиссию по работе с документацией по введению в строй этого объекта. Но в комиссию не вошел ни один ученый, который мог бы говорить что-то убедительное с точки зрения науки. Поэтому мы усомнились в качественной проверке этой документации.

Почему же нам так упорно приехавшая комиссия навязывала свое мнение о безопасности, а некоторые даже о полезности этого могильника? Ответ прост. Они рассчитывают на нашу некомпетентность в этих вопросах. Но раз это безопасно, то почему же этот отстойник делается именно у нас, а не где-нибудь на границе, где и средств было бы затрачено меньше, и расстояние короче.

Считаем, что это сделано в надежде на то, что мы в Сибири ко всем невзгодам привыкли и это не вызовет у нас возмущения. Мы, жители Сухобузимского района, не хотим быть заложниками ведомственных интересов. Хотим дышать чистым воздухом, пить чистую воду, есть чистые продукты.

Этот могильник строится в эпоху перестройки и гласности, но никто не спросил у жителей района, кто родился, вырос и живет на этой земле, согласны ли мы ставить под угрозу свою жизнь, жизнь своих детей и внуков, тех, кто еще не родился. Наш район является пригородным. И жители краевого центра приезжают на отдых, кроме того на территории района расположены пионерские лагеря Норильского горно-металлургического комбината, они известны всей стране под названием «Сибирский Артек». Летом отдыхают здесь десятки тысяч детей норильчан. Рядом протекает важнейшая водная артерия — Енисей, погубить который равняется

катастрофе. Все это еще больше усугубляет наше беспокойство по поводу строительства могильника. Считаем, что строительство данного объекта — это преступление перед будущими поколениями, перед природой, перед Енисеем, перед всем живым!

Наша позиция однозначна: МЫ ПРОТИВ СТРОИТЕЛЬСТВА МОГИЛЬНИКА, потому что в мире не существует надежного способа захоронения радиоактивных отходов.

Поэтому обращаемся к Вам с просьбой заняться срочно этим вопросом, так как строительство ведется полным ходом и тратятся народные деньги, которых у нас и так мало. Медлить нельзя.

Результаты решения этого вопроса просим направлять председателю инициативной группы Ю. В. Пирогову по адресу:

Красноярский край,
с. Сухобузимское.

От имени жителей Сухобузимского района инициативная группа.

Народным депутатам
В. П. Астафьеву,
В. И. Белову,
В. Г. Распутину

Уважаемые Виктор Петрович, Василий Иванович, Валентин Григорьевич!

Закончился съезд. Люди в растерянности. Бодрые заверения мало кого обманули.

Что же будет с Россией? Похоже, ей, горемычной, опять за все расплачиваться. Прибалтийцы и иные ультиматумами — хотя было и заявлено, что «никакие ультиматумы не пройдут», — вытребовали для себя особое положение. Теперь они будут решать, что им нужно и что нет. Дело, конечно, хозяйское. Но означает это все, что самые вредные, малодоходные, убыточные производства будут свалены в Россию — мало ей поганых

выгребных ям! Еще это означает то, что народам иных республик даруется некоторая степень свободы, лишь бы не обиделись, не откололись — знакомое положение: до 1861 года крепостной-то и была Россия в нашей империи, не Прибалтика, не Ногайская орда и т. д. И ныне так?! Ах как любят правители наши многомудрые народ русский! А не хватит народца, так и лимитчиков понаймут из Китая, скажем. Вьетнамцы-то и прочие уже вкалывают вовсю. Так чего ж его жалеть-то — народец-то русский, — дери с него за водяру, покуда дышит, а потом и без него обойдемся — китайцев миллионы несчитанные, да и платить им много не надо. Как говорил О. Бендер — «Турция нам поможет?!». И то — в Москве Пассаж турки отстраивают... Да как же своим-то доверить?! Их только лишь в лагерной системе ЛТП содержать можно. Видать, умники наши кабинетные крест поставили на Народе Русском! Да черт с ними, с умниками! Но Вы-то?! Не услышал голоса Вашего съезд — замяли-зажали-прокатили, будто и не было вопроса... Так, может, и понастойчивее следовало быть бы? Кто ж еще заступится за Россию вымирающую, смертельно больную? «Прорабы» наши хваленые? Навряд ли. Может, и могли бы, да знают «прорабы» — их заграница не шибко поддержит за заботушку о людях российских.

Выбрали мы могучих разумом и любвеобильных «слуг народных». А они народу с ходу и долю выбрали! Да так, что и не переиначишь. А доля та: Колонизация, Химизация, Работорговля, Перевороты рек (а Рыжков на открытом заседании Совмина не так давно четко заявил, что будут переворачивать, хоть ты лопни, а все, что можно перевернуть — все перевернут, дескать, на благо народа!). А доля та, продолжаю, Тюмень проданная и Ленинград. А Крым?! Слыхали Вы или нет, что ведется ныне грандиозная кампания всеми средствами, суть ее такова: людям нашим российским, уроженцам, дескать, средней полосы, нет ничего страшнее и опаснее, как отдыхать на югах, в Крыму, — и ТВ стращает, и пресса. Во как! Русским вредно! А англичанам с норвежцами да шведам с финнами — в самый раз! Да и Байкал, говорят, как зона отдыха нашему брату противопоказана, там на пользу лишь японцам с американцами! Так, может, сразу — резервацию для россиян где подальше, за Полярным кругом?! Эх, хватанул через край! А кто ж тогда обслуживать гостей дорогих будет? Чьи дочери

их в постельках греть будут? Недаром же сейчас престиж «интердевочки» в стране нашей превыше всего! Все средства массовой пропаганды готовят младую поросль для клиента валютного! А мы молчим на съездах — все хорошо, благодать!

Рыжков Тюмень и Катунь гробит! С ними Россию. Но не Тюмень и Катунь одни лишь! Все сложнее! Ведь это клич сверху! Сейчас тысячи мини-рыжковых и сотни микро-рыжковых — по вельможному примеру — начнут гробить ручей каждый, полянку, лесок — да все, что можно продать, изгадить... А Егор Кузьмич собирается — да еще с каким напором! — рыть еще более грандиозные каналы в пустынях, да еще их плиткой обкладывать, чтоб не в десятки миллиардов, а в сотни обошлись! И что это его все так в пустыни, ближе к узбекам тянет?! Ума не приложу! Хотя, конечно, и подозревать не смею... Но странно. Вот и получается, уважаемый Валентин Григорьевич, что Вы тома можете написать о вреде Катунской Гидры, тысячи аргументов привести. А Рыжков лишь рот раскроет: «Надо, товарищи, для энергетики, стало быть, надо!» И все! И ничего более! А наши «народные» избранники уже бурно рукоплещут! И тишина, и молчок, и глухо! Будто речь не о судьбе страны, не о судьбе народа.

Говорят, что фашисты сулили славянам лишь водку да табак. Может, так, может, и нет, не знаю. Но ныне нам, точно, без карточек лишь — водка, табак, нитраты, яды, химия да незримое клеймо в каждую русскую душу: «оставь надежду всяк...».

Надежды нам не оставляют. Тюмени, атомные мины, колонизация, русофобия, безумная алкоголизация, бесовщина с псевдоинтернационализацией. Сколько нам лет осталось? Предки наши семьсот-шестьсот лет назад приговаривали: «...даст Бог и орду переменит...» У нас нет такой надежды, нет впереди десятка и сотен лет.

Неужто наш путь таков: Революция, Гражданская Война, Коллективизация, Индустриализация, Отечественная Война, Деморализация, Дерусификация, Алкоголизация, ЛТПлизация, Химизация, Колонизация, Смерть?!

Во всяком случае, съезд нас не сдвинул с этого гибельного пути. Мы по нему уверенно идем, с ускорением мчимся. И молчим. Народ безмолвствует (как это видится с трибун). Но народ не безмолвствует, а молча, по-русски гибнет и гибнет в каждом из нас, до последней смертной секунды веря все-таки: «А может, так и

надо, может, не зря гибнем, ведь не можем же мы завтра-то гибнуть, ведь есть же цель какая-то?????» И пользуются этим! Пользуются!! Пользуются!! Губят! Умерщвляют!! Уничтожают!! — Неспешно, с благим видом, не собственными руками, без умысла, мирно, с улыбками и рукоплесканиями, обстоятельно и мило — но умерщвляют, уничтожают, губят!

Как же получилось-то так, что будто в душу наплевали, нагадили да и отвернулись — все нормально, все в порядке! И как же остатние годы с изгнанной-то, заплеванной, тяжелой душой жить?! Или на то и расчет?! Дескать, чего думать-то и мучиться? Пей вволю, извивайся под бесовские наигрыши, навязываемые отовсюду, держись за брюхо свое, пока оно варит, да радуйся, кланяйся, молчи, благодари да пялься на шоу всевозможные, дозволенные, хрен с ней, с Россией, — все пропьем, прогуляем, продадим. Не «профукали» ли мы страну-то, как Вы, Валентин Григорьевич, выразились как-то?

Много вопросов. Одно знаю точно! Будет проданная Тюмень с Ленинградом — конец России и Народу Русскому. Процесс примет необратимый характер.

Не отказывайтесь от России, от Народа — рано еще! Впустили бесов в Храм мы сами. Нам их и изгонять.

С уважением

Юрий Петухов,
Москва.

Уважаемый Виктор Петрович!

Объясните, что у нас происходит. Если ваш голос утопает в дебрях говорильни, то наш вообще не доходит. На Съезде представители республик высказывались о своих бедах с гневом, с требованиями. У нас же, благодаря пустому, безликому выступлению Сергиенко (председателя крайисполкома), оказывается, тишь и благодать. Только этим можно объяснить выступление в «Известиях» за 15 июня 1989 года Бородина Ю. с хвальбой КрАМЗа, являющегося первым помощником освоения зоны Бадалыка. Мало того, в период гласно-

сти безгласно роют братскую могилу для всего региона. Мы во весь голос предъявляем претензии к ушедшим и боимся ненароком не обидеть живущих творцов сегодняшних бед. Где Федирко, Татарчук и наши деятели, ведущие за спиной народа свои безголовые дела. Ни Центральное телевидение, ни пресса не желают обращаться к этой теме, материал для будущих времен. За вашей подписью послана телеграмма в отношении захоронения, а встреча как бы по незначительному вопросу на телевидении проходит без вас и без Р. Солнцева. Кругом фальшь. Дважды скомпрометированный в печати Брюханов В. переводится в крайисполком, и параллельно демократический жест с призывом к народу о выборе нового председателя. Нет, поистине нас считают абсолютными кретинами. Надо сказать, и печать наша и телевидение (местное) придерживаются выжидательной позиции, боясь зацепить начальство. Кто писал по делу Перцовича, «Индустрия», о захоронении — «Комсомольская правда», да можно много добавить примеров роли престижности, но все это бесполезно.

Хотелось бы хотя бы некоторую пользу принести нашему краю и послать в Комитет по охране здоровья Верховного Совета СССР т. Бородину Ю. И. выдержки из ответов А. Манасяна об экологической обстановке в г. Красноярске и, конечно, о захоронении, в причастности к которому наше руководство старается отмежеваться. На Съезде В. Белов об этом высказался, Сергиенко умолчал, струсил. Такому руководителю я от имени ветеранов войны и труда выражаю недоверие. Если не трудно, прошу сообщить адрес Комитета по охране здоровья.

Ветеран войны и труда Ярков Е. И.,
г. Красноярск.
1989 г.

Народным депутатам СССР
В. Астафьеву и Р. Солнцеву

Уважаемые депутаты, поводом для письма послужила передача по Красноярскому радио 20 июня 1989 года.

Ответ на ваш запрос в Министерство среднего машиностроения по поводу полигона радиоактивных отходов в районе г. Красноярска (по-видимому, «Красноярск-26»).

Я житель г. Сосновоборска, коренной житель Красноярского края, всю свою жизнь совершенствовался в районах с радиоактивными веществами в открытом, закрытом виде и рентгеновским излучением, а также радиационной безопасности. На уровнях от промышленной дефектоскопии до организации отдела ионизирующих излучений по Красноярскому краю (по линии Госстандарта СССР) совместно с краевым ГО и краевой СЭС.

Сейчас, когда я нахожусь на положении безработного (то есть сокращенного за ненадобностью в рентгеновских исследованиях), я вынужден искать свое дальнейшее применение. И потому передача по радио подсказала мне мысль обратиться к Вам. О необходимости создания радиоизотопной лаборатории по линии охраны окружающей среды в г. Сосновоборске, как потенциально опасном районе. С невежеством по отношению к радиоактивным отходам я сталкивался не раз. По воле случая первого мая я был в пятистах километрах от Киева. И у нас, когда радиоактивные отходы вывозятся в обычные свалки. Особенно сейчас, когда все леса буквально завалены различными отходами, можно и радиоактивные вывалить подальше от своего «огорода» в любом мешке. Тогда не потребуется официального специального полигона радиоактивного захоронения до 2000 года.

По данному вопросу я обращался к председателю исполкома т. Горенскому. Ответ был — никто не разрешит и нет штатов.

А ведь г. Сосновоборск — молодежный город с вездесущими детьми, и растащить отходы по Сосновоборску и даже в Красноярск не представляется особого труда. Поэтому, думаю, такой независимый от «Красноярска-26» контролирующий орган просто необходим, пусть временно, до 2000 года. В Красноярске единственная служба контроля — краевая СЭС, радиологическая группа, которая, естественно, не в состоянии охватить все вопросы, связанные с радиационной безопасностью. Гражданская оборона края нацелена на военное время и все ед. ПДК и ПДУ рассчитаны на военное, а мы живем в мирное время и хочется прожить дольше.

Если уж мы все взялись за окружающую среду, то радиоактивность должна стоять на первом месте. Можно вырастить деревья, можно перекрыть дымящие трубы, можно оздоровить реку и т. д., но если разбросать радиоактивные отходы, то это уже на века и что случится с поколением, этого сейчас никто не скажет, но, безусловно, оно будет хуже.

Поэтому я был очень рад за то, что вы обратили на это особое внимание.

И сейчас, я думаю, на это не нужно жалеть средств.

С большим уважением к Вам,

Ростовцев Геннадий Кимович,
г. Сосновоборск.
1989 г.

Уважаемый Виктор Петрович!

Я не знаю, будете ли Вы выступать на Съезде, но все равно я обращаюсь к Вам, думая, что Вы сумеете довести до сведения делегатов Съезда мое (и не только мое) отношение к Мавзолею Ленина и вообще к захоронениям на Красной площади.

Прежде всего хочется спросить делегатов, хотели бы они, чтобы у могил их родственников, близких и добрых людей пели песни, играла веселая музыка, грохотали танки. Это кощунство, думаю, скажут они. Так почему же все это можно проделывать у кладбища на Красной площади? Во всем мире кладбище — это тишина, покой, уважение к усопшим. Даже громко разговаривать стыдно. Туда идешь поплакать, посидеть в тишине, положить цветы. К Мавзолею же идешь очередью, окруженной милицией, и даже цветы нельзя положить неофициально.

Помню, как по телевизору показали группу молодых людей, которые танцевали у могил родственников А. С. Пушкина. Но разве не то же самое происходит на Красной площади в дни праздников у Мавзолея и у других захоронений? В первом случае мы возмущались кощунством бездуховных молодых людей, во втором принимаем как должное. Кто мне объяснит — где

разница. Не здесь ли один из источников нашей бездуховности, что мы забыли обычаи и заветы наших предков? Эти обычаи складывались годами и веками. Кто и как сумел сделать нас манкуртами, что мы все это сумели забыть?

Раиса Степановна Кувалина.
г. Снечкус Литовской ССР.

Глубокоуважаемый Виктор Петрович!

Не можем прийти в себя от радости, что вы — ответили! На наше семейное письмо, потому что писала я, по мнению — всеобщее. Да тут еще выяснилось, что немолодой уже человек, наш знакомый, после «Затесей» — тоже написал вам — как мог и как умел. Но — не выдержал, так вы ему душу всколыхнули.

Прежде всего хочу представиться — Яворская (фамилия отцовская, деревенская, украинская, из села Киевской губернии), Галина Ивановна, 54 года, через год — долгожданная пенсия, если посчастливится дожить.

Муж, отец моей взрослой дочери, умер в 40 лет более 10 лет назад, царство ему небесное. Причина — русская, он — русский, из Владимирской области. Вообще-то мы почти урожденные москвичи. Но родители — и его, и мои — сбежали от голода в тридцатые годы. И прилепились к Москве, почти оборвав связи с родными местами: то были очень уж молоды, то война, то послевоенные трудности.

Растили нас бабушки. Меня — мать отца, неграмотная, но светлая женщина. Она была такой круглой, теплой, с совершенно седыми большими волосами: этот седой ливень из-под гребешка очень помню. Потом, в конце своей 78-летней жизни, болела долго и тяжело, ходила под себя, в маму кидала всем, что под руку попадется. Но моя мама за все восемь месяцев ее тяжкой болезни не сказала ей не только грубого — недовольного слова, все вытерпела.

А после ее смерти — мы были три девочки в возрасте

14—17 лет — наш отец оставил маму. И перешел к другой женщине (кстати, не моложе и не красивее), но к более легкой жизни.

Он тогда вернулся с фронта — отвоевал всю войну, немножко лежал в госпитале — не по ранению, а по болезни. А у него крошечная зарплата и четверо иждивенцев. Вот и пошел на облегчение своей участи — тридцатилетний глава огромного семейства. Располосовал души всем — и себе, и родным, и друзьям. Уже не считая детей. Как же мы его жестоко казнили-судили! Он жив пока, слава богу, мы любили его всегда, давно простили, с его сыновьями — в дружбе, хорошие, добрые люди, семейные. Теперь считаем, что это — не он, это война и нечеловеческая жизнь — причина этой бессовестности. Не хватило у него терпения тогда. Отцу 76 лет, он перенес три инфаркта, старается зиму работать, чтобы что-то «сунуть» сыновьям, а летом помогает им на даче — дрова, печка, вода, огород, внуки.

Маме тоже 76 лет, пенсионерка, внучки взрослые, правнуков Бог пока не дал. Поэтому она лето проводит за огородом, в деревенском, три года как купленном доме, за сто километров от Москвы, с преданным ей пуделем. По мере хватки сил возится с огородом, грядками. Словом, не городские и не сельские.

В этом году сорняки — циклопические, видно, дошла радиация. Правда, ни на свеклу, ни на морковь это не подействовало. Ягодного урожая нет. Даже тополь, московское наваждение, в этом году почти без пуха.

Я — редактор многотиражной газеты на небольшом ремонтном заводе в Сокольниках. Моя дочь секретарствует в издательстве. Я — старшая, окончила школу с золотой медалью и потому поступила в МГУ, на факультет журналистики. Одна сестра — ведущий специалист в закрытом («оборонном») КБ, вторая — заведует канцелярией в каком-то управлении автомобильного министерства.

Родители — без особого образования, неверующие, но много читающие — до сих пор. Дом всегда был беднее бедного, но всегда на этажерке — книги, от которых некуда деваться.

Муж, отец дочери, примерно из такой же семьи. Только его отец не воевал — по электрической части обслуживал литейно-механический завод под Москвой, умер в 1977 году, за год до его собственной нелепой смерти. Моя свекровь жива до сих пор, теперь уже нянчит прав-

нука, сына племянницы. А моя дочь — «ключница». Так называют детей, которые ходят с ключом на шее в школу и на улицу, пока родители на работе. Родили ее поздно, в тридцать лет, она — жданная и желанная, поэтому все крутилось вокруг нее. Но обе бабушки были молодые, работали, ни одна не могла помочь. Ей сейчас почти 23 года — очень строгая и серьезная особа, как говорят в народе, «несовременная» — с ангельским личиком.

Племянница тоже такая — весь десятый класс по субботам и воскресеньям работала в больнице санитаркой, чтобы получить рекомендацию в мединститут. Окончила 10 классов на пятерки, мы так и не поняли, почему же не дали медали. Но сейчас в образовании ничего не понять. Будет сдавать в мединститут — в июле. Если провалится — блата нет, то продолжит работу в больнице — обычной, районной, не дай бог что увидит — с шестнадцати лет... И пойдет на подготовительные курсы в мед. Очень упорное стремление. Даже не стала увольняться на лето, а только попросила отпуск на два месяца.

Чтобы уже поступать и через год, потому что девочке вообще очень трудно, и каждый год туркают детей по новой: то профильный экзамен — по физике, то по биологии, то по химии. И все же бестолковость имеет определенный смысл — чтобы отбить охоту у слабых и неуверенных, чтобы протолкнуть на этом фоне своих, своих и только своих.

Работа моя тяжелая, хожу на работу ежедневно, нервов требуется много. И единственного жду — пенсии, чтобы почитать, посидеть спокойно, дом прибрать, теток престарелых навестить, поговорить напоследок. Да, видно, ничего этому не быть. Такую жизнь устроило нам правительство. Да еще недовольно, когда люди недовольны. Да еще вербуют себе «единомышленников», теперь уж желательно среди народных депутатов. Как гадость требуется сотворить, так дур-женщин выставляют. А те из-за детей не боятся и запачкаться. А зря.

Глубокоуважаемый Виктор Петрович! Если вы и ваши близкие будете в Москве и что-нибудь, мало ли как бывает, понадобится, то звоните.

Не собираетесь ли вы в какой-либо подмосковный Дом творчества типа Переделкино или Голицыно? Там ведь хорошо, что еда, врач, телефон — без проблем.

Кажется, в отдельных домиках устраиваются семьей. Не знаю точно, но детей видела.

Огромная благодарность вам за ваш ответ. Побольше вам здоровья, бодрости. Не унывайте ни в коем случае. Низкий поклон вашей супруге и вашим близким.

Не пишите, пожалуйста, ответ, не трудите ваши глаза.

Я видела два раза на предвыборных встречах вашу Батынскую (редактора краевой молодежной газеты), может, исказила фамилию? Представляю, как же ей тяжело работать — похлеще моей скороварка! Но надо жить, что же делать. Надо преодолевать недуги, писать. И, извините меня, беречь себя, свой дом, своих близких. Простите, пожалуйста, — это прежде всего.

С бесконечным уважением *Г. Яворская.*
Москва.

Ответа не нужно. Извините — *Г. Я.*

1989 г.

Валентин ИВАНОВ

В творческом наследии Валентина Дмитриевича Иванова, автора исторических романов о Руси, свое особое место занимает переписка с читателями. Он получал много писем и считал необходимым отвечать на каждое из них. Обширная переписка не тяготила его, наоборот, наводила на серьезные размышления, позволяла ему увидеть какие-то новые стороны жизни, дарила ему интересные встречи. Он писал письма легко, свободно, с предельной открытостью. «Я себе положил за твердое правило отвечать на письма честно и недвусмысленно», — это его слова, и он неизменно придерживался этого правила.

Его привлекали в читательских письмах неистребимая потребность выразить себя, жить не хлебом единым, стремлением понять что-то важное в окружающем мире. Он любил своего читателя — собеседника и находил для него теплые, душевные слова. Вот небольшой отрывок из ответа Валентина Дмитриевича: «Благодарю Вас за труд, который Вы потратили на мою «Русь». Вы поразили меня глубочайшим вниманием к моей книге, поэтому пишу Вам как близкому другу и за дружбу Вашу могу Вам заплатить лишь полнейшей откровенностью». Откровенностью и глубокой привязанностью платили и ему.

Публикуемые в этом сборнике немногие письма читателей, письма, похожие на исповеди, дают некоторое представление о той духовной близости, которая соединила ранее незнакомых людей — писателя и читателей, сделала их друзьями-единомышленниками. Написанные около двух десятилетий тому назад, они и сейчас, в наши дни, представляют живой интерес, так как затрагивают вечные вопросы бытия, полны тревоги и надежды, наполнены любовью к своей родной земле и еще раз подтверждают выраженную однажды мысль Валентина

Дмитриевича: «высказываться — одна из насущнейших потребностей человека».

В. Путилина.

«НАША ИСТОРИЯ — НАША ВЕЧНАЯ ГОРДОСТЬ, НАША НЕТЛЕННАЯ ПОЭЗИЯ»

Дорогой Валентин Дмитриевич!

Я, читатель Ваш и безвестный молодой русский поэт, не могу удержаться, чтобы не выразить Вам глубокой благодарности за роман Ваш «Русь изначальная». Какое наслаждение доставляет эта книга сердцу русскому! Сколько радости она приносит! Сколько гордости за русский народ — великодушный, смелый, незлобивый, светлый умом и сердцем своим — поднимает в русском человеке эта книга из глубин души его! Кажется, никогда я не испытывал ничего подобного, кажется, ничего не читал я такого, чтобы так перевернуло душу мою. Целую неделю после прочтения романа меня не покидало праздничное чувство, какое-то горделивое настроение, как будто я сам сделал что-то людям бесконечно хорошее, радостное, что и самому от радости некуда деться.

Вспоминаю. Читал я много о Руси, я очень люблю книги из истории русского народа, в них всегда меня привлекали героизм и смекалка, светлая талантливость простых людей, людей незаметных, обездоленных, людей «подлого» звания. Но, чтобы так полонить мое сердце... нет, ни одна книга не может для меня быть ближе, чем «Русь изначальная». И вот чудо какое — в ней, в книге Вашей, не говорится ни об одном из громких событий русской истории, таких, как нашествие Батыя на Рязань, осадное сидение или взятие Азова, битвы Дмитрия Донского или Александра Невского, — но как сильно передан русский дух, мужание молодой Руси, которая потом повесит Олегов щит на вратах самого Царьграда! Какой же любовью, каким огнем должно гореть сердце, чтобы человек мог создать такое чудо, как «Русь изначальная»!

Этой весной мне пришлось поехать на лечение в санаторий в Геленджик. Где-то под Ростовом я разговорился с молодым по возрасту, но уже опытным летчиком. Обычно в поездках я скрываю свою профессию и называю себя человеком одной из специальностей, которые мне лучше известны. Не помню, кем я назвался, но

летчик вдруг попросил меня порекомендовать что-нибудь из художественной литературы по своему вкусу. Я назвал ему несколько книг, а потом упомянул и «Русь изначальную». И тут оказалось, что друг его, молчаливо сидевший рядом, тоже летчик, уже прочел эту книгу. Ему она тоже очень понравилась. Он разом вспыхнул радостно, глаза его блеснули, и он начал быстро-быстро и горячо пересказывать отдельные эпизоды из романа. Я тоже не мог удержаться и вслед за ним стал рассказывать о других сценах и деталях книги. Все мы были возбуждены, а потом я увидел, как летчик, мой первый собеседник, вдруг открыл снова блокнот и два раза подчеркнул фамилию автора и название книги — «Русь изначальная», добавив в конце записи три восклицательных знака.

Я не знаток искусства прозы, но что еще мне понравилось в романе, это какая-то умная, тонкая неторопливость повествования. Читаешь — и наслаждаешься, и хочется вновь перечитывать прочитанное. Да я так часто и делал — перечитывал многие страницы, стараясь понять, как это происходит, откуда возникает это необъяснимое волшебство, которое приносит столько радости и волнения! Какая-то странная, захватывающая неторопливость! Ах, как бы я хотел овладеть такой манерой неторопливого повествования. Я ведь, сказать по секрету, давно думаю над романом, материалом для которого послужит все, что пережил я сам и мои друзья — живые и сложившие свои головы в великую войну за Родину в 1941—1945 годах.

Дорогой Валентин Дмитриевич! Вот уже около трех лет я вынашиваю большую поэму из русской истории (это не мешает мне думать и о романе). Время действия — десятый век, до Крещения Руси. Сюжет и в сердце и в голове созрел, я вижу хорошо всю фабулу поэмы. Сейчас меня заботят две вещи. Первое. Я хотел бы лучше знать языческую мифологию Древней Руси. Литература о язычестве и мифологии, о празднествах и обрядах мне малоизвестна. А мне хотелось бы знать получше, что праздновали россичи в календарном году (по порядку), как и каким богам поклонялись они? Не могли бы Вы мне посоветовать что-либо по этому вопросу? И второе. Как Вам представляется большая эпическая поэма из жизни Древней Руси — может ли она быть написана белым стихом или лучше все же рифмованным! Если белым, то, очевидно, не традицион-

ным ямбом трагедий — это было бы тяжело читать, а скорее всего размером более легким. Как Вы думаете все-таки о размере для такой поэмы?

Буду Вам благодарен чрезвычайно, если Вы сумеете найти время и ответить мне.

Желаю Вам крепкого здоровья и творческих радостей.

Ваш Вит. Буханов.
Белгород.
1962 г.

Дорогой и милый Валентин Дмитриевич!

Как же мне Вас благодарить, и слов у меня нет, чтобы я мог сказать такое спасибо, какое надо и хочется сказать Вам за подарок Ваш — книгу «Повести древних лет».

Вы меня простите за натуру мою дурацкую: меня ошарашивает радость с такой же силой, как и горе. Я так же не мог прийти в себя от счастья держать Вашу книгу в своих руках с душевной надписью дарственной. Так же я не мог сразу сесть и написать Вам благодарное письмо.

Понимаю, что, может быть, это глупо, если со стороны глянуть. Ребенок, да и только. Но ничего с собой поделать не могу. Не могу стать благоразумно сдержанным и не подавать виду ни в горе, ни в радости. И горюю бурно, мучительно, и радуюсь не по-человечески: слишком открыто и, наверное, наивно. Ну что ж... Себя не переделать.

«Повести» я еще не читал, но когда прочту, непременно поделюсь с Вами своими впечатлениями, думами. А пока что обнюхал книгу со всех сторон: перечитал ее эпиграфы, просмотрел рисунки, вдумался в смысл изречений... Рисунки выполнены чудесно. В эпиграфах — сила, мысль. Правда.

Каждое Ваше письмо для меня новое открытие. Открытие потому, что я — невежда. Очень плохо знаю религию. Библию в руках держал. Кое-что читал, но, наверное, ничего не понял. Доступнее оказался Экклe-

сиаст. Я его переписал себе, чтобы подумать и поговорить о нем с самим собой, с приятелями.

«Нового мира» еще не читал. Раз достану и непременно прочту Солженицына. Ваши мысли о прочитанных его рассказах захватывающи. Например о двутонии — плюс-минусовом.

Только у меня, Валентин Дмитриевич, есть к Вам вопрос по этому поводу. Для меня он ОЧЕНЬ важен. Важно для меня это потому, что я хочу кое-что показать в романе. Но в *жизни* я не *раз* видел почти обнаженное двутоние. Как бы это покороче?

Как *я* мыслю? Так: в романе могут быть даны разные люди в смысле их характеров. А именно, как в жизни: люди, которые в романе *развиваются:* люди, которые *уже сложились* и в романе действуют как бы без развития; люди, которые прежде были с «каким-то секретом», скрытные, и вдруг раскрывшие свою сущность; люди, о которых заранее уверены их знакомые, что они — подлецы и в трудную годину окажутся подлецами *законченными;* люди, на которых прежде особого внимания не обращали, но они оказались сильными личностями и умели сделать много для родины в трудную для нее минуту; люди открытые, о которых сразу скажешь: этот не подведет, и т. д.

Меня всегда возмущало стремление критики продиктовать романисту лишь один способ показа героя: покажи в развитии!!! И только в развитии. Отсюда — представление о людях, что люди в жизни существуют только несложившиеся (как характеры). Но ведь это великая ложь!

Само это требование — покажи в развитии! — тоже догма! Догма! Ибо жизнь дает столько вариантов показа, сколько в ней мы видим характеров, судеб! Отсюда мое убеждение: в одном романе художник, если он добросовестный, *всегда* покажет *разные характеры.* В таком романе мы всегда встретим и героев, развивающихся на наших глазах; и героев, взятых романистом уже с определившимися характерами; и типов, *сущность которых читатель может увидеть уже в начале романа;* и характеры, не поддающиеся расшифровке заранее.

Я знал односельчанина до войны, сущность которого была видна не только моему отцу, но и мне, четырнадцатилетнему мальчишке. Не надо было быть ни физиономистом, ни матерым психологом, чтобы сделать верное определение: в горькую пору этот прохвост пока-

жет себя не героем. И что же? Так оно и вышло. В нашем прифронтовом селе, когда мы были у немцев, а за огородами начиналась нейтральная полоса, когда широкое поле зимой просматривалось до самого леса на горизонте, поле шириной в пять километров, многие жители утром увидели идущую к нашему селу темную фигуру мужчины. Сельчане молча ждали. Немцы не стреляли, тоже ждали... Человек шел от леса, в котором как будто были наши. Поле было покатое. Его плоскость была наклонена в сторону нашего села, и человек шел как бы под гору. Нам он был хорошо виден еще и потому, что белые хаты наши лепились по склону гряды холмов, и на поле мы смотрели сверху. Вот человек приближается к лугу, пересекает луг, сворачивает к мостам. Дорогу он, как видно, хорошо знает. Немцы молчат, переговариваются. Пулеметчики впились в приближающегося человека. Офицеры потирают носы, хлопают себя по бокам руками (в перчатках — холодно!). Но не стреляют и со стороны леса. От наших. Оказалось, что наших-то в лесу и не было, они занимали оборону дальше, километрах в трех-четырех.

Человек стал подниматься на гору, к офицерам. И все люди, мои односельчане, ахнули: к немцам пришел... наш бывший парторг!!!

Не буду рассказывать, как повел себя этот человек у немцев. Это была такая подлость. Он пришел с убеждением: все кончено и надо как-то жить. Как-то? Нет! Он жил подлецом, каких не рождала земля. Мои односельчане видели это! И он же, этот гад, который разглагольствовал о партии до войны, стал активным и при фашистах. На глазах у людей, среди которых вырос, жил, работал. Изобрази его таким, каким он был, критики скажут, что это неправда, герой дан нетипично, не в развитии и лишь при помощи черной краски, в лоб.

Теперь, когда прошло двадцать лет, я снова интересовался, не с заданием ли от наших пришел в село этот человек. Оказалось, нет. Просто — трус, мелкая душа. Я на своей памяти знал его уже законченным характером, вполне сложившимся человеком определенного склада.

Вспоминаю. Платон Каратаев — это не развивающаяся личность, он дан сложившимся, другие — Наташа, например, — изменяются на наших глазах. Мцыри — тип. И он дан не в развитии, а с ярким характе-

ром, уже сложившимся. Герои «Мертвых душ» — тоже даны не в развитии.

Смею взять в пример Ваш роман «Русь изначальную». Ратибор — характер, формирующийся у читателя на глазах, и он — главный герой романа. Всеслав дан уже в другом плане. Это, как мне кажется, характер, данный нам сформировавшимся. Развился он когда-то раньше, до показа его в романе. Это очень умный славянин, в котором сконцентрировалась дума народа о необходимости единства всех племен. В развитии дан грек Малх.

Я думаю: нельзя давать в романе всех героев в развитии, в движении. Преимущественно так показать можно лишь главных. Тут тоже, очевидно, действует закон меры.

Прав ли я, Валентин Дмитриевич, полагая, что Витте высказал очень дельную мысль о многогранности личности нашей, но надо и писать жизнь нашу такой же многогранной, какая она на самом деле есть, то есть не пользоваться одним рецептом, по которому писать одни только развивающиеся характеры, но и показывать людей со сложившимися характерами, взглядами. Ведь люди имеют характер (я имею в виду законченный характер) не только в тридцать лет. Я знаю таких ребят, у которых цельный характер, видел уже тогда, когда им было по пятнадцать. О таких говорят: каким ты был, таким остался. И в этом есть, по-моему, правда.

Что касается того, что у нас и главных героев пишут так, как на инкубаторе вырабатывают цыплят — одинаковых, белых, — то тут я с Вами согласен, крепко согласен. А ведь характер человеческий уже сам по себе, в силу того, что он характер, проявляет себя в жизни своей непохожестью, своей особой складкой.

О технике. Да! Главное — душа, а не техника. С сучком осиновым в груди не напишешь «Один день», не напишешь «Орину — мать солдатскую», а вот «Треугольную грушу», чего же, — можно написать и с пустым сердцем. Это я к тому, что от этой «Груши» не заплачешь. И сердце не защемит. И не задумаешься о чем-то.

Хочется рассказать один случай. Историю. Интересную историю. Мне девять лет. Живем на хуторке. Отец работает в колхозе, кажется, председателем. Семья наша небольшая — четверо: мать, отец, семилетняя сестренка и я, девятилетний второклассник. В семье хоро-

ший обычай: читаем вслух. По очереди. Чаще всего я. Отца не видим даже вечерами, у него много работы. Слушают меня мать и сестренка.

Мать подкладывает в грубу солому. В хате тепло. Лампа семилинейная хорошо светит. И вот я читаю. Мать слушает. Сестра засыпает, а мама все подкладывает солому в грубу и слушает. Я вижу, как она хмурит брови. Я читаю, читаю. Читаю какой-то чудесный, тревожный рассказ. О пленнике. Ком в горле... Глотаю ком за комом. Вытираю мимоходом слезы... и вдруг не сдерживаю слез и рыдаю. Нет, не плачу, а рыдаю! Громко! На всю хату! Утираю слезы и все хочу сделать так, чтобы слезы перестали бежать, чтобы я скорее взялся опять за книгу, чтобы скорее рассмотреть буквы. Но слезы долго не дают мне читать.

С большим трудом я разбираю слова, не удерживая слез. Мать молчит. Она подкладывает солому в грубу и хмуро смотрит в огонь. Очевидно, ей не до меня.

Прошли годы. И вдруг я вспомнил этот вечер на хуторке, это чтение. Какой же рассказ мы читали тогда? А помню, что рассказ потряс меня до глубины души. И не только меня. И мать, оказывается, не могла спокойно слушать мое чтение. Спрашиваю: «Мама, что мы читали в Генераловке?» Но мать не могла припомнить названия того рассказа. Она называет книги, которые тогда читала: «Хаос» А. Ширванзаде, «Утро» И. Микитенко... И вдруг я вспомнил! Ах, Валентин Дмитриевич! И кто же заставил плакать столь разных по возрасту людей: меня, девятилетнего, и мою маму, которой тогда был 31 год? Оказалось, это Лев Толстой! И читали мы рассказ «Кавказский пленник».

А теперь признаюсь Вам, Валентин Дмитриевич, плакал я и тогда, когда читал «Русь изначальную». И тогда, когда я радовался за русских людей, за их победы, и тогда, когда они гибли. Спасибо Вам за то, что Ваша книга вызвала эти слезы. Их вызывает не каждая книга, не каждая поэма или роман...

Между прочим, очень верное Вы дали определение — порченые, как дурноезжие лошади. Переучивать-то дело почти напрасное! И вот что я замечал среди студенчества: приходит в университет или в институт молодой человек. Склад его виден: не тем ветром его обвевали до института. Потом выходит так: наука не пошла ему впрок. Так и остался с вывихнутыми мозгами, даже резче стала видна эта вывихнутость, потому что в науку

окунулся. Получается в таких случаях совсем по Толстому: чем ученей, тем глупей. Вроде бы и противоречие, ан нет, уживается в человеке и такое.

Отсюда мое убеждение: человек формируется задолго до института. В четырнадцать — уже характер. Знаю я таких подростков, прекрасных отроков, убеждения которых — главные — не поколеблешь. Знал и прежде, когда я был на оккупированной территории. Многим подросткам я доверял больше, чем взрослым. Ошибок не было. Как это получалось, мое проникновение в людей, трудно сказать. Скорее всего интуитивно, как в любви. Впрочем, любовь тут ни к чему. Помню, однако, что человека я видел в мелочах. В мелочах он для меня и проявлялся. Даже в улыбке, даже в манере говорить, в симпатиях и антипатиях, мелких, еле заметных.

Боюсь, что отрываю у Вас дорогое для нужной работы время. Прошу Вас, не тратьте на меня дорогие для Вас рабочие часы, когда хорошо Вам пишется.

Еще раз благодарю за Ваш подарок — «Повести древних лет».

Доброго Вам здоровья и бодрости!

Всегда и душой Ваш,

Вит. Буханов.
Белгород,
1963 г.

Дорогой и многоуважаемый Валентин Дмитриевич!

Не пишу Вам так долго, только лишь потому, что хочется мне, как ученику своего учителя, порадовать Вас какой-то работой. И получается, что сроки отодвигаются, работа затягивается, хотя и весьма интересная, захватывающая меня всего без остатка. Иной раз сам на себя досадуешь: начал одно, назавтра захватило другое. Правда, не могу сказать, что разбросанность моя безгранична, нет. Однако бывает. Очень часто приходят в голову чудесные сюжеты, быстро записываю их и начинаю вынашивать. Такие сюжеты с подробными записями складываю в одну толстую папку — «Замыслы». Время делает отбор: некоторые наметки так и остаются

наметками, зато другие в памяти и соображении становятся ярче, вырастают и начинают все больше точить душу. В какой-то день душа не выдерживает... и я сажусь за стол, чтобы избавиться от переполняющих меня дум... И получается так, что в моей папке замыслов, в этой малахитовой шкатулке, сюжетов не убывает, наоборот, число их растет. Растут и опасения, что я не угонюсь сам за собой и не смогу, физически не смогу переплавить все мои сюжеты в законченные вещи. Вот ведь беда! По наивности я полагал, что напишу поэмы на эти вот замыслы, напишу роман, а тогда уже можно будет подумать и о других сюжетах. А получается совсем не так, и теперь я уже иногда мучаюсь сомнением того, что самые лучшие мои замыслы могут оказаться неосуществленными: их отнимет... смерть. И никто не будет знать, какие прекрасные вещи я думал написать, не будет знать, что эти вещи были уже в душе как бы написанными, я ими жил, я ими уже мучился, и осталось только вылить их на бумагу.

Рассуждения об искусстве Вы мимоходом назвали «рецептурой писания». Я понимаю, что Вы не верите в рецепты. Я тоже не признаю рецепты в искусстве, они, попросту говоря, невозможны, как и в любви, ибо, как и Вселенная, искусство безгранично, бесконечно, неповторимо. Неповторима и всякая любовь. И все же мне кажется, что даже о неписаных законах искусства, о каких-то его приметах говорить можно, так же как Стендаль говорил о любви и даже написал, кажется, трактат под таким названием. Я это к тому, что Вы сказали: «...Стендаль, который умел не учить». Хочу сказать, что это хорошо, когда человек умеет не учить, я бы сказал — не поучать. Но говорить можно не поучая, когда ученик хочет знать, как думает его учитель. Учитель не должен уклоняться от ответа. Не может уклоняться от ответа отец. Не знаю, как другие, но мой отец от ответов на мои вопросы не уклонялся. Эти ответы я и теперь помню.

Итак, творчество — бесконечность. Такая бесконечность, как Вселенная. Любовь тоже бесконечность. И вот мой любимый Стендаль замахнулся на эту бесконечность, не убоялся ее, а попробовал даже эту бесконечность разложить по полочкам, что ли. Роды и виды любви. Зависимость темпераментов от климатических условий на земном шаре. Кто-нибудь скажет: это же кощунство! Да и попросту смехотворно стараться подметить

какие-то закономерности в любви! А Стендаль подмечал. И довольно метко. Спрашиваю себя: если передо мною бесконечность, то есть ли смысл стараться постичь ее, не умом, так чувством, а может быть, сердцем и разумом? И мне кажется, что — да. Тем более средствами самого искусства, фантазии. И Стендаль не убоялся постигнуть один из этих миров.

Очень хорошо Вы сказали о том, что надо не только показывать, но и рассказывать. Оба эти понятия одинаково хороши!

Спасибо Вам за по-отцовски искренний, добрый и верный совет, я его всей душой принимаю, да и подсознательно в практике следовал ему; я повторяю его так, как он вырвался из груди Вашей: «Милый Виталий Степанович, коль хотите жить, не слушайтесь и не читайте критиков. Единственный критик ваш — читатель. И пишущий обязан писать так, как он может». Слово «жить» я понимаю, как жить в литературе, то есть не кануть в Лету, едва народившись. Считаю, что заботиться об этом пишущий хоть немного, а должен, иначе к чему труд!

Шутку Вашу о литературном труде без помарок так и принял как шутку. Не знаю, право, действительно ли Гюго написал «Тружеников моря», не марая рукописей. Я что-то не верю в такое. Но «Труженики моря» по-настоящему хорошая книга, даже, по-моему, куда лучше, нежели «93 год» или «Человек, который смеется». Ведь у одного и того же автора всегда есть вещи, и лучше написанные и хуже, произведения — это же не карандаши...

Из Хемингуэя я читал пока немногое. Но сердце мое не устает наслаждаться его одной вещью — это «Старик и море». И когда я прочел замечание Ивана Кашкина, редактора двухтомника Хемингуэя, что «Старик и море» страшно затянутая вещь, я не поверил ему. Нет, и теперь не могу согласиться.

Хитрая это штука — мера. И когда я припомнил слова Чехова о том, что Диккенса надо наполовину сокращать, то не согласился и с Чеховым. Понимаете, есть в произведениях больших писателей такое *нечто,* к которому надо относиться очень бережно. И кажется мне, что если бы послушать Чехова и сделать усекновение Диккенса, то Диккенс перестал бы быть Диккенсом. Так и в случае со «Стариком» Хемингуэя. Меня даже обидело это высказывание Кашкина, может быть, и хорошего человека. Все это суждения со «своей» коло-

кольни, по-моему. А я поражаюсь мастерству таких писателей, у которых вроде бы и нет в романе бурных сцен, захватывающего сюжета, а читать — не оторвешься. Таков рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни», поэма «Мертвые души», «Русь изначальная». Я считаю, что написать такую вещь — это значит достигнуть вершин искусства.

Вот беда, не могу я повидаться с Вами, кое о чем посоветоваться. Правда, якобы в мае будет в Москве какой-то съезд писателей. И меня хотят послать на этот съезд. Так что, возможно, я и зайду к Вам. Но я не уверен, что моя поездка сбудется, уж больно не люблю я слушать речей, а ведь съезд — это прежде всего бесконечные речи, споры, из которых не рождается (как из морской пены богиня) истина.

Спасибо Вам за Ваши письма. Они помогают мне понять моих героев, героев будущих поэм и романа. Как хорошо Вы мыслите: резко, отчетливо, определенно! Вот этой резкости у меня, кажется, нет.

Если вы не против, прочтите мою еще не напечатанную поэму, написанную в прошлом году. Был бы очень благодарен Вам, если бы Вы сделали свои замечания об этой поэме.

Доброго Вам здоровья, искренне Ваш

Вит. Буханов.
Белгород,
1963 г.

Дорогой Валентин Дмитриевич!

Что привлекло меня в Вашем письме? Напоминание о том, что часто на события художники смотрят «снизу», а надо бы и «сверху». Разговор у меня на эту тему был с хорошим другом-однокурсником примерно в 1952 и 1954 годах. Но тогда речь шла у нас не о военных событиях, а о жизни в селе. Будучи студентом, я каждое лето жил на родине и видел тяжелую жизнь села. Сердце разрывалось от того, что я видел, но я не мог объяснить причин такого бедствия, казалось, что виновата война, но и войной объяснить всего я не мог,

было много другого. И вот товарищ мой нападал на меня, что я болею болью моих односельчан. Друг говорил, что я не умею смотреть на страдания философски, как на временное и даже обязательное явление, что на все я смотрю «снизу», глазами крестьян, что не так уж плохо в селе, как мне кажется (кажется!!), что надо приучаться смотреть на жизнь, на исторические сдвиги «сверху» глазами тех, кто ведет, а не тех, кого ведут... Я соглашался, что да, действительно, я слишком часто смотрю глазами односельчан, глазами матери и соседей, смотрю «снизу», а надо бы «сверху», глазами усатого дедушки, который заботится обо всех и знает все.

Позже, слушая рассказы многих бывших военнопленных, старых друзей, повидавших и перенесших отступление 1941 года, плен в лагерях Норвегии, Франции, Белоруссии, я понял, что значит смотреть на события не только «снизу», но и «сверху». Для художника это совершенно необходимо, обязательно, иначе он многого не поймет, не переварит и в конечном счете все переврет в своих писаниях. Яркий, очень яркий пример привели в своем письме Вы, рассказывая о десанте.

Мне Ваше письмо помогло глубже, осмотрительнее отнестись к событиям под Белгородом, о которых я думаю написать. Без этого взгляда «сверху» не будет и всей правды, о которой **знают** рядовые воины. Но правду эту надо уметь разглядеть. (Это я для себя больше.)

Но романом я в эти дни не занимаюсь: вся душа моя отдана другому делу: поэме из жизни XII века на Руси. Три года уже изучаю «Слово о полку Игореве», есть неясное для меня, а спросить некого. Перечитываю Ваше письмо — первое, оно очень густое, хорошее и помогло мне понять резче многое.

Меня очень привлекает личность автора «Слова», но со многими предположениями о нем я не согласен и выработал свою точку зрения. Перечитал на темы о «Слове» художественные и научно-исследовательские произведения, выписал А. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». Очень толковой работой нашел книгу проф. К. В. Кудряшова «Про Игоря Северского», очень не понравилась работа генерала В. Г. Федорова «Кто был автором «Слова» и где расположена река Каяла». Но всей литературы еще не разыскал.

Валентин Дмитриевич, не смогли бы Вы высказать свои суждения по «Слову» и по тем толкованиям, с ко-

торыми Вы знакомы. Мне кажется, что Вы крепко помогли бы мне в работе, тем более что пишу-то я не научную работу. Если найдете время, напишите, если не найдете — не нужно. Только хотелось бы мне Вам сказать, что скорее всего я приеду к Вам именно с этой вещью, которую теперь пишу. Приеду, когда закончу поэму.

«...Поймите, художнику нужно приподняться на высотку, откуда больше видно, чем рядовому бойцу» (из Вашего письма).

Понимаю, что мне, рассказывая о событиях древности, нужно думать так же. Правда, здесь у меня высотка уже та, что прошло время, расстояние во времени. Однако время само по себе не всегда спасает.

...Вас читают. Захожу в школу, с которой связан лет пятнадцать, вижу на столе потрепанные книги. Спрашиваю у завуча, чьи это книги?» «Да у ребят отобрали. Читают прямо на уроках. Под парту заложит книгу и смотрит вниз, читает».

Я присел к столу и стал рассматривать, какие же книги читают ребята на уроках? И что же Вы думаете? «Повести древних лет» В. Д. Иванова! Истрепанная книга. И так я обрадовался встрече с Вашей книгой! Обрадовался и... не осудил ученика, более того, почему-то рад был, что читал он не что-либо «про шпионов», а «Повести древних лет», читать которые тоже нужен горячий интерес.

Доброго Вам здоровья и творческих сил.

Вит. Буханов.
Белгород,
1963 г.

Дорогой Валентин Дмитриевич, добрый день!

...А как бы хотелось повидаться с Вами! Да рассказать Вам о начатом труде, да услышать хоть словечко в поддержку затеянного дела, чтобы крылья души укрепить, чтобы со стороны услышать доброе слово в защиту своей дерзости. Так и думается: вот постучится чело-

век в дверь, зайдет и скажет: «А я мимоездом к вам, на два дня. Иванов». Вот это было бы чудо!

Думалось и другое: какого возраста Валентин Дмитриевич? Лет 48—50? А каков он внешне? Дорогой Валентин Дмитриевич, я Вам посылал, кажется, свою фотокарточку. Не могли бы и Вы подарить мне хоть какую-нибудь маленькую? Боюсь, не увижу я Вас. Если будете проезжать Белгород, возвращаясь с моря, остановитесь у меня — я буду страшно рад Вам. Прокормить Вас прокормлю отлично, стихи слушать не заставлю, как иные поэты, в руки которых я сам попадал. А расскажу я Вам только о главном.

Так где же Вы теперь? На юге у моря или еще дома, в Москве?

Недавно я сделал интересное открытие. Во всяком случае, для себя открытие. Помните, я интересовался Вашим мнением насчет размера эпической поэмы на древнерусскую тему? Так вот, для меня этот размер был и есть вовсе не безделица, он — музыка. Но для меня была нужна особая музыка, та, что наилучшим образом выражала бы характер моего народа в XII веке. И я долго искал для себя такую музыку, МОЮ МУЗЫКУ и одновременно ту, которая звучала тогда. В этой музыке как бы совмещалась чудесным образом эпоха прошлая и настоящая, то есть такая музыка, в которой бы не господствовала архаика и в то же время ощущался дух древности. Может быть, это для каждого представляется своеобычно, особо.

В таких поисках я однажды засиделся над переводами «Слова о полку Игореве» и, осененный, вскочил и побежал к хорошим знакомым. Я решил проверить свое открытие на слушателях, которые не догадывались о моем открытии, — подтвердится моя догадка или нет? Я предложил послушать по одной странице из «Слова» сначала в рифмованном переводе Н. Заболоцкого, потом в нерифмованном — Майкова. Прослушали. Спрашиваю: какой перевод лучше передает торжественность повествования и дух величественной русской старины? Спросил одного человека, другого, третьего, четвертого... И все в один голос назвали лучшим перевод Майкова! То есть, НЕРИФМОВАННЫЙ перевод! Я был изумлен и рад бесконечно своей догадке, интуитивному решению писать поэму белым стихом. Именно белый стих лучше передает музыку древней героической и трагической эпохи. И даже в этом есть доля того поэтического успе-

ха, который пришел к «Слову» с его открытием. Пусть только доля, но доля немалая — музыка! А музыку-то я и искал! Размер — музыка. И теперь вспоминаю, что и Вы предложили белый стих. Я хорошо помню вашу «Речь на форуме!».

О природе в жизни древних у меня сложилось такое мнение: для них она не была только средством к жизни, хотя это, надо понимать, и было основным: зверопушной промысел, бортничество, рыболовство... Древним славянам очень рано доступно понимание красоты, лепоты, то есть эстетическое чувство. Иначе не родилось бы столь рано искусство славян. Мне кажется, что душа славянина издревле была поэтичной, ему всегда были доступны тонкое понимание души другого человека, сострадание, жалость, радость. Ведь изобретение свирели не было только необходимостью сзывать стадо на пастбище. Человек слышал прекрасное пение птиц, и ему хотелось выдумать такую дудку, чтобы она заговорила на таком же языке, как и соловей или клест. Задумываюсь, почему стал не только возможен, но и любим пейзаж в живописи, пейзажисты Шишкин и Федор Васильевич с его «Мокрым лугом». Славянину, по-моему, красота доступнее была всегда именно потому, что он был, как никто на Западе, человеком природы, человеком, любящим мирный труд и свою землю, с которой он не сходил веками. Его душу не изъедал меркантильно-торгашеский мир. Русский человек, мне кажется, издревле был наделен душой с мажорным восприятием жизни природы. Вместе с тем он всегда чувствовал свое родство со зверями и деревьями, с птицами и цветами. Он с ними разговаривал, как с существами, которые могут его понимать. Такое чувство у нас сохранилось и по сей день. Я не забуду, как одна женщина, цветочница, выговаривала луковице амариллиса, который все никак не выбрасывал цветочную стрелку: «Ну, чего ты сидишь! Пора бы уже расшевелиться. Глянь, другие-то. Не в пример тебе. Уж у всех почти стрелки, а ты все сидишь, как кукла...»

Не считаю, что вам нужна полемика с автором книги о таманской операции. Видите ли, тем для полемики в нашей жизни очень много, а жизнь наша не столь велика. Если бы вы были человеком полемики, это было бы иное дело. А так... что же? Важнее знать, видеть ложь и фальшь. А то ведь сколько энергии можно ухлопать на то, чтобы доказать индюку орлиную истину.

А эта энергия как раз нужна для единственно важной работы — писать роман, повесть, поэму. Кричат много о «пульсе жизни». Эти слова прямо-таки не сходят с газетных страниц наших. Но именно эти слова (как и многие другие) коробят меня: я знаю, что здоровый человек никогда не вспоминает о пульсе, не щупает руку, чтобы сосчитать количество ударов в минуту. Хватается за пульс лишь больной человек да вдобавок еще мнительный не в меру. Вот вам и пульс жизни, вот уже и предмет для полемики. А я не хочу хвататься за «пульс жизни», если я здоров, как бы неистово меня ни призывали к этому газетные страницы.

Даю читать вашу «Русь» моим знакомым. Пришел однажды ко мне в гости старый мой учитель, когда-то окончивший Петербургскую духовную академию, а в советское время и университет. Читает он по преимуществу философские сочинения, приходит ко мне в гости, приносит граммофонные пластинки с записью хорошей классической музыки и книги мне, а я ему даю из своей библиотеки. Так вот он начал читать «Русь», да и не может оторваться! А немалого труда стоило мне уговорить его прочитать ваш роман. Он предполагал, что пустяк какой-нибудь, а вышло иное. Теперь приходит и делится впечатлениями. «Как он любит русское! — говорит об авторе учитель. — Даже такие мелочи, как выделка кожи, всякая работа, которой заняты русские люди, вызывает радостное ощущение. Громадных знаний, должно быть, человек! И литератор и историк. И немолодой, наверное, молодым он не может быть... Так вы говорите, о северной Руси тоже есть у вас его книга? Хорошо. Прочту «Русь изначальную», возьму у вас «Повести древних лет».

Издательство у нас ликвидировали. Теперь «прикреплены» к Воронежу, но на расстоянии дела идут куда хуже. Поэт! Звучит. Но как же худо поэту без хлеба. Но ничего не попишешь. Жаловаться некому, да и кто услышит.

Желаю Вам доброго здоровья, крепких сил и многих радостей.

Всегда Ваш

Вит. Буханов.
Белгород,
1964 г.

Дорогой Валентин Дмитриевич!

Спасибо за быстрый ответ, за весть, что пакет мой с лентами уже у врача поликлиники. Может быть, и вправду мне удастся полечиться по-людски.

А пока думаю: правы вы (сто тысяч раз правы!), говоря: «Все поиски форм — ими ВСЕГДА занимались — суть, с одной стороны, естественные стремления к новизне. Но с другой — это от внутренней пустоты, от беспомощности самомнений». Мне даже кажется, не только к «новизне», но прежде всего стремление найти форму, наиболее подходящую для выражения того или иного содержания (форма может быть и старой), духа повествования, его души. Но теперь очень много занимаются поисками формы не от богатства душевного, а от нищеты, форма служит для прикрытия умственной и душевной худосочности... Это что-то вроде платья для голого короля...

Стилизация — препротивная вещь. Она-то в первую очередь дает повод издеваться над нашими предками, глядеть на историю пращуров своих свысока, с ироническим верхоглядством. Недавно я начал читать да и бросил поэму, кажется, Ильи Сельвинского. Вот уж стилизация! Начнешь читать и не поймешь, всерьез это написано или пародия, злая, ядовитая. Нет уж, Боже избавь от такого понимания народности, от такого изображения жизни и души русского человека.

Хорошо вы сказали о роли князя в *обществе свободных людей.* Для меня это было, пожалуй, ново, ибо — резко и ясно сказано. Об этом я только душой догадывался и шел по пути такого понимания как-то неосознанно. Мысль эта ваша, по-моему, пронизывает и «Русь изначальную». А я-то и хотел следовать ДУХУ вашей «Руси», работая над своей вещью, для чего и взялся второй раз читать чудесный ваш роман, чтобы пропитаться насквозь Русью тех времен.

Для себя я сейчас разрешаю такие загадки. Откуда у автора «Слова» такая симпатия к князю Игорю? Как она могла возникнуть? При каких обстоятельствах князь мог приблизить песнотворца к себе и сделать своим советником? Ведь он же был не только наставником детей Игоря — это ясно! Исследователи «Слова» говорят, что песнотворец должен был быть ровесником или чуть старше Игоря, только при этом условии князь мог внимать советам этого мужа, считаться с его мнением.

И опять же, автор «Слова» полюбил Игоря разве только за то, что тот обладал сильным человеческим обаянием, добрым характером, душевным расположением к песнотворцу? Хотя это уже великое дело — иметь душевное расположение не к именитому боярину, а к вольному человеку, не имеющему своего обширного вотчинного землевладения. Но — книжник! Исследователи (некоторые) полагают, что Беловолод Просович бежал с поля боя. Другие считают его случайно уцелевшим, может быть, израненным в битве. Но Беловолод сам, по своему хотению отыскал великого князя Киевского, чтобы рассказать о гибели Игорева войска и необходимости защищать Северское княжество и всю Русь от возможного набега половцев.

Моя душа никак не может принять ту мысль, что Беловолод бежал с поля битвы. Нет, беглец не способен на такой поступок — рассказать о гибели войска и просить защиты для Северской земли, беглец скорее бы зарылся в нору или забежал в лесные дебри, чтобы спасти собственную шкуру...

Преданный вам и благодарный,

Вит. Буханов.
Белгород,
1964 г.

Дмитрий БАЛАШОВ

Читательские письма в основном разделяются на просьбы прислать книжку, которые автор обычно не в состоянии выполнить, поскольку распространяет книги не он, а книготорги, и на более или менее краткие похвалы. Ругательных писем писатель, как правило, не получает, а если получает, то это письма обычно сфабрикованные, с определенным умыслом, и скорее отражают мнение недружелюбной критики, чем собственное читательское мнение. Дело не в том, что читатель щадит автора, а попросту, если писатель нелюб, книги его не читает. Ну а не прочтя книги, писать не о чем.

Очень небольшое количество писем, быть может, одно на сотню, радует тем, что читатель читающий глубоко вник в авторский замысел, проникся идеями автора. Собственно, получая как раз такие письма, и начинаешь чувствовать, что работа твоя не напрасна.

Впрочем, что говорить. Пишущий читатель уже не читатель, а критик. Истинный читатель ничего не пишет, он просто читает книгу. И о собственной популярности правильней всего судить не по отзывам критики и даже не по читательским письмам, а по тому, с какой скоростью расходится, точнее, распродается твоя книга. И вот это-то и есть самый истинный ответ в той части вопроса, которая касается популярности. Но, увы, не в той, что интересует вдумчивого автора больше всего. А именно — какова будет посмертная судьба его книг?

И вот этого-то автору не объяснит никто. Долго ли будут читать его или, пошумев и повосхищавшись лет десять, вдруг и навсегда забудут? Скажем так, средняя читаемая книга живет 25 лет. Возраст сознательной жизни одного поколения. То, что проживет столетие, — это уже классика. Ну а авторы, произведения которых проживут много веков, уже имеют право претендовать на гениальность. Ну а пока ты живой и пока, как говорит Прутков, не наступила история, остается повторить

каждому из нас прекрасные и горькие строки Тютчева: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется, и нам сочувствие дается, как нам дается благодать».

«И СТЫДНО НАМ ПЕРЕД ПРЕДКАМИ»

Глубокоуважаемый Дмитрий Михайлович,

жена моя Валентина Александровна, охапками таскающая сейчас книги из нашей бедной районной библиотеки, принесла на днях Вашу замечательную и редкую в ряде отношений книгу «Бремя власти». Приношу Вам особую благодарность еще за то, что Вы, видимо, стремились держаться исторической правды.

Мне в феврале 1986 года исполнится 82 года. У меня неизлечимо болит нога, и я почти ослеп — об этом потом.

Оттисками статей, книгами и 7 монографиями у меня заполнены 6 полок по моему основному призванию. Это по одному экземпляру всех изданий, включая переведенные на много языков от Скандинавии до Италии и от Нанкина до Нью-Йорка: в сентябре ожидается выход 2-го издания написанной мною биографии Лапласа (20 п. л.). Хотя вряд ли она Вам интересна, я Вам ее пришлю. Первое ее издание вышло в «ЖУРГАЗобъединении» 50 лет назад, 40 000 тираж; теперь почти 100 000. Верстка моей монографии «Внегалактическая астрономия», изд. 1972 и 1977 и это же в английском переводе, лежит на полке. Но выйдет ли она — сомнительно.

В 13 лет я увлекся астрономией, о чем сделал машинописный дневник за 10 лет — «Через тернии к звездам». Начал до Октябрьской революции, в 1924-м стал научным работником. Если Вы учились в 10-м классе, то по моему учебнику.

Но раньше этого я заинтересовался брошюркой в 30 страниц о происхождении нашей фамилии, написанной гардемарином Сергеем Ивановичем Воронцовым-Вельяминовым, убитым через год при защите Порт-Артура от японцев. Вышла брошюра в Туле в 1903 году.

В бывшем Екатеринославе я пережил первую мировую, затем гражданскую войну. Но заниматься потом расширением и продолжением книги Сергея Ивановича по истории фамилии было одиозно, и до того, что весь тираж книги С. был сожжен страха ради, и недаром. В 1947-м, когда мы победили и когда постепенно участ-

ников создания Великой России и Москвы стали вспоминать, и даже без хулы, я занялся этой работой по второму призванию (истории и генеалогии). Мой пыл был особо горяч потому, что я сын — двоюродных брата и сестры. Эту работу я сделал в увеличенном размере, то, о чем мечтал перед мировой войной Горький и что одобрил Ленин, указав, что многолетнюю историю одной семьи можно написать только после революции. И я убедился, как он был прав. Революция дала завершение такой истории. Об ее печатании я нигде и не заикался. В научной форме в нескольких рукописных амбарных тетрадях она хранится в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР. Ее название «Суздальско-Московские тысяцкие и их потомство».

Популярное ее издание в машинописном виде хранится в моем обширном Архивном фонде № 773 рукописного отдела Библиотеки имени Ленина в Москве. Другой идентичный ее экземпляр хранится в отделе рукописей Библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Еще один хранится в архиве моего покойного друга и покровителя, продуктивнейшего историка А. А. Зимина, пока у его вдовы Валентины Григорьевны. Потом он поступит в архив Академии наук СССР. 4-й экз. у меня, но несколько лиц в Москве и Ленинграде в складчину перепечатали лично для себя около 10 экз., по 1500 страниц каждый. Этот вариант не только излагает популярно ту же работу, но доводит ее и от Петровской эпохи до наших дней, не пропуская ни одного лица из 27 поколений. 4 моих экземпляра богато иллюстрированы картами, схемами, фотографиями местностей, лиц с начала прошлого века, формой одежды, выдержками из разных писем, статей, книги Атавы «Оскудение», копиями купчих, завещаний, выдержек из худож. литературы о членах рода и написанных членами рода, например, журналиста НН 60-х гг. XIX в. и т. д. Ее название «От варягов к строителям коммунизма».

Теперь прошу извинить за долгое вступление и представиться:

Я — Борис Александрович Воронцов-Вельяминов, засл. деятель науки, проф. МГУ, д-р физ-мат. наук, чл.-корр. АПН СССР, почетный член и т. д.

У меня по истории генеалогии напечатана статья «К истории ростово-суздальских и московских тысяцких» в сборнике «История и генеалогия» (1977 г.).

Лет 5 назад я написал, после большой работы, книжку около 4 п. л. к юбилею г. Дмитрова «Дмитровская земля под удельными княжениями», получил хороший отзыв от Ленинградского отделения Института Истории СССР, но они советовали сделать из рукописи пару печатных научных статей, но не знают, где ее можно напечатать, потому что портфели их заполнены уже на 3 года вперед.

Надо Вам пояснить, что этот Ваш поклонник и корреспондент являет собой редкий случай, когда он в то же время является прямым потомком вашего героя. Точнее, я — прямой потомок Протасия тысяцкого и его сына Василия Протасьевича, но потомство самого Василия Васильевича было лишено Донским всех прав и при Иване Грозном пресеклось. Потомством брата Василия Васильевича, «Тимофея окольничего», был один сын, но ветвь его пресеклась, хотя в его доме воспитывался Кирилл Белозерский. Следующий за Василием Васильевичем брат — Федор, по прозвищу Воронец, создал ветвь славных, богатых бояр Воронцовых. Их род пресекся в 1578 году. Уже при них возникли Воронцовы — однофамильцы. У Федора по прозвищу Грунка был сын Вельямин — он родоначальник Вельяминовых, существующих доныне. Но у Вельяминова был внук Иван Федорович Вельяминов, прозвищем Аксак. Его-то внуки и стали именовать себя Аксаковыми, вместо Вельяминовых. Немного позже этих Вельяминовых Вельяминовыми же стали именоваться одна из ветвей рода Годуновых. Позднее еще возникли чуждые этим двум родам Вельяминовы новые, и не одни, менее знатные роды. При бытовавших местнических спорах при назначениях на должность возникали недоразумения. Для уменьшения споров именем царя Михаила Романова в 1615 году Вельяминовым одного корня с боярами Воронцовыми велено было писаться впредь Воронцовы-Вельяминовы. (Будем для краткости именовать их В.-В.) При Петре Вельяминовы, родичи Годуновых, получили разрешение именовать себя Вельяминовы-Зерновы, по имени Зерно, одного из предков. Но тогда, после упразднения местничества в 1696 году, это потеряло надобность. Дело усложнилось опять после революции.

Из неведомых ранее 1600-х годов некие Воронцовы стали фаворитами царицы Елизаветы, возведенной ими на престол. Она раздала им несметные богатства и земли. Несведущие люди стали подозревать в давно обед-

невших В-В Воронцовых-Дашковых и стали притеснять их. (Дашкова присоединила к своей фамилию; один из графов Воронцовых в память об умершей его родственнице кн. Дашковой испросил у Александра I разрешение прибавить себе «кн. Дашков».) Поэтому с 1918 года многие В-В стали отбрасывать одну из фамилий.

Чем глубже в даль веков, тем все яснее было и без недоразумений.

Итак, от дележей земли между наследниками, от снижения по службе, от давления князей, теряющих своих уделы и теснящих старых московских слуг, от чрезмерной честности и щепетильности (видимой из многого) в Боярскую Думу попало только 2—3 Вельяминовых после Дм. Донского, и они пошли на службу к удельным князьям Дмитровским. С уничтожением их уделов при Грозном они попали в среду так называемых дворян московских на мелкие поручения. Твердо стояли они за русских владык, тогда как другие перебегали к самозванцам и обратно, выпрашивая земли за перебег. К эпохе Петра весь род состоял из одного лица. Необычайным образом ему удалось приобрести сына. Без протекции он пошел рядовым в полк, родил трех сыновей, из коих старший — интендант — мой предок, а младший — прапорщик. Петр-прапорщик женился на дочери вытащенного теперь на постамент А. Т. Болотова. Сын этой пары Павел был героем Бородина (в 16 лет — золотая шпага за храбрость). Его сын Аркадий женился на кузине А. И. Герцена, а их сын Павел — на внучке Пушкина. У интенданта один сын (отец мамы), а служивший бедно в Москве Дмитрий (дед отца) имел сына — военного инженера, покрывшего Москву первыми асфальтами, с Кавказа. Его сын — мой отец — специалист по ремонту паровозов. Отец матери служил в земстве. Племянник матери — токарь в Туле.

С помощью дмитровского краеведа лишь около начала этого года с трудом удалось пропихнуть в местной газете пять коротких сухих очерков по теме моей брошюры о Дмитрове под удельным княжением. Не могу их прислать Вам, так как он прислал мне лишь четыре очерка из пяти по одному экземпляру.

Я понимаю, что мне надо прислать вам экземпляр несчастной рукописи о Дмитрове для суждения, чтобы вы могли с ней что-то сделать, в смысле напечатать. Подожду, что пришлете Вы в принципе. Если можете,

пришлите на время экземпляр Вашей книги «Бремя власти». Жена почитает мне ее вслух, так как я такой шрифт не читаю, а в библиотеку пришлосcь вернуть, ибо для чтения вслух и слушания надо больше времени. Я ломал голову, как выпросить в Союзе писателей Ваш адрес, но мне его дала вдова Валентина Дмитриевича Иванова. Перед смертью этого писателя мы с ним очень подружились.

Не будете ли Вы в этом году в Москве? Был бы рад с Вами побеседовать.

Оглавление рукописи:

Глава I. Сын Донского князь Петр и его жена Ефросинья Полиэктовна — внучка Тысяцкого.

II. В начале XV в. кн. Юр. Вас. Его завещание и двор. «Дворцы князей». Разгром изменников новгородцев.

III. Дмитровское войско XV в. и его походы, «война льготными грамотами». Личный состав двора. Полураб-полупосол в Крыму Вас. Ив. Вельяминов, сын окольничего Шадры. Загадочная записка кн. Юр. Ив. Кижье, засилье в числах. Духовная грамота — зеркало жизни.

Духовные грамоты братьев Вельяминовых, боярина и воина. О богатейших и древнейших селах. Древние имена на современной карте. Конец Дмитровского удела и его князя.

С приветом и уважением, Б. Воронцов-Вельяминов.
1985 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Михайлович

(а не «уважаемый», как мне часто пишут люди, не знающие, что «уважаемый» было до революции обращение к официантам и коридорным).

Едва жене пришлось сдать в библиотеку Ваш роман «Бремя власти», как ей дали Вашу же книгу предшествующего периода «Великий стол». Ее тоже смог только немного полистать, что дает мне меньше, чем дает людям беглый взгляд на страницу, чтобы уловить

ее содержание. Я не могу скользить по ней взглядом теперь, а только через лупу могу ухватить немного строк по своей полуслепоте правого глаза с отслоением начавшейся сетчатки вследствие прогрессирующей близорукости (около 5 в І-м классе до 22 сейчас, в 82 года) плюс малая катаракта, которую из-за сильной близорукости не решаются оперировать.

И все же спешу поздравить Вас со вторым (для меня) прекрасным романом и с обоими Вас от души поздравляю. Увидел, как удачно Вы передаете эпоху, заменяя неизвестный в точности тогдашний разговорный язык не на церковнославянский, а идеей, что язык бояр тех времен сохранился, вероятно, в современной крестьянской речи. Не Вы ли первый об этом догадались среди писателей современности? Заметил так же дополнительно, что Вы, видимо, честно изучили, внимательно генеалогии эпох, Ваших людей и оживили их, выводя их действующими лицами в свое время, в своей роли и в своей местности, хотя и у потомков и у генеалогов позднейших эпох немало хронологических и других ошибок. Вот, кстати, уловил у Вас на стр. 11 «Великого стола» упоминание тысяцкого Протасия в форме «Протасий-Вельяминов». Несомненно, Вас попутал мой большой старший друг С. Б. Веселовский. После выхода его «Землевладение Северо-Восточной Руси» — по памяти, а тем более его «Исследования о классе служилых землевладельцев» я стал смелее продолжать свою работу. Значит, приняв его остроумный новый термин (вместо ненавистных бояр и дворян), теперь стало, по-видимому, не опасно интересоваться их судьбами. И все же его ученик, будущий проф. Черепанов, очень ругал его с классовой точки зрения. Память его была поразительна. Первой его монографией было изучение Писцовых книг, а когда я к нему пришел со своей работой, он сразу спросил меня: «Вы потомок писца Кирилла Семеновича Воронцова-Вельяминова?» А он увлекся потом боярскими родами и презрительно писал о ком-нибудь: «Выше окольничих такие-то уже не поднимались». Но этим Кириллом я горжусь, потому что, давно изучая Писцовые книги, он (не зная еще меня) привел, что в трудной писцовой работе «Описания земель и проверке прав на них» кто-то пожаловался Кириллу, что такие-то «земли были исстари за нами, а боярин, какой-то князь, завладел ими насильственно», «и те наши

бумаги писец твой, государь, Кирилло Воронцов бумаги смотрел и отвел и записал наши земли как по старине было».

Есть у меня челобитная царю около 1630 года дьяка Молчанова, постоянного сотрудника Кирилла, насколько он обнищал, не получая жалованья более года: «Вели, Государь, выдать мне твое государево жалованье». Кирилл и его брат Федор Семенович были очень немногими Вельяминовыми, являвшимися потомками тысяцких и родичами Бояр Воронцовых, вымерших в 1578 году при смерти Василия Федоровича — земского окольничего, а в опричнине — боярина. Он был начальником артиллерии при сражении под Кесью, когда, по Гейденштейну, татарская конница и русская, доверенная Грозным своему любимцу дьяку Щелкалову, бежали. А артиллеристы Воронцова утром были найдены повесившимися на своих пушках, не желая попасть в плен, а пушки заклепали. Гейденштейн дал первую и единственную зарисовку боярина Воронцова в боевом наряде и его пушкарей.

Разрядный приказ, ссылаясь на волю юного царя Михаила Романова в 1615 году, издал указ всем этим Вельяминовым писаться впредь Воронцовыми-Вельяминовыми. Второе, несомненно, не ради памяти первых, а для уменьшения местнических споров при назначении. Но старший брат этих Вельяминовых в указе о введении для них двойной фамилии не был указан. Также и их племянник стольник Леонтий Андреевич (Батраков) Вельяминов, по-видимому, фактический военный глава второго ополчения в Смутное время. Я выяснил причину этого. Этот Леонтий умер от ран в 1615 году, а его старший дядя Никифор Семенович в 1605 году был убит Самозванцем за то, что вопреки присягнувшим ему со-воеводам Чернигова, отказался присягнуть Самозванцу. Вот эти и другие документы о патриотизме моих Вельяминовых вместе с размножением и принципиальностью в боях обедневших быстро и чрезвычайно уже в начале XVI века и «захудавших» местами по службе. Кстати говоря, Леонтий, умирая бездетным в 1615 году (его брат Михаил был убит «разбойниками» в Смутное время, стольник, и жена умерла), завещал родовому Богоявленскому монастырю родовое село Федоскино под Москвой. Оценил его в 100 рублей. Его дяди мечтали выкупить его у монастыря в начале XVII века, но 100 рублей наскрести не смогли. Это удалось

их внуку Андрею, строителю кремля во Владимире, но патриарх Никон, нарушая закон и решение суда, отобрал Федоскино у В-В, а родовое их село Вельяминово, даренное ими Богоявленскому монастырю в XV веке, переименовал во Владыкино. Теперь Федоскино славится кустарной разрисовкой черных лаковых коробочек. Сейчас реставрируют церковь Богоявленского монастыря, заложенную, как Вы, м. б., упомянули Протасием в 1320 или 1330 году, как и Успенский собор. Мне по телефону один человек сказал, будто при раскопках там нашли плиты «Воронцовых-Вельяминовых».

На стр. 11 Вы назвали тысяцкого «Протасий-Вельяминов»: вероятно, Вы взяли это у С. Б. Веселовского. Он мне давал свою рукопись «Исследования». Так эта ошибка осталась и в печати. Железно, как теперь говорят, в XIV веке ни у кого фамилий не было. Даже самых знатных звали только по имени и отчеству. Фамилии стали возникать лишь столетием позже, и чем «проще» были люди, тем позднее они получили или брали себе фамилии. Вначале эта новизна была неустойчива. Вспомните Кошковых, Кобылиных, Романовых и т. п. Отпочковывавшиеся ветви брали себе новые фамилии...

Так вот: ни в актах, ни в летописях XIV века Вельяминовы не упоминаются нигде. Род тысяцкого Василия Васильевича записан в одной летописи — раньше начала введения родословных книг. Перечисляются Василий Васильевич, его 3 сына, внучка, выданная за Всеволжского, и внучка Евфросиния, выданная за Петра Дмитриевича — сына Донского. Им дали в удел Дмитров, отчего позднее, оттесненные княжьем, потомки тысяцких и перешли на службу в Дмитров. Далее перечисляется потомство казненного Ивана, старшего сына тысяцкого Василия Васильевича, и после нескольких поколений пресекшейся ветви, со словами «И тысяцких роду только», кажется ясно! Теперь у Василия Васильевича был сын боярин Федор по прозвищу Воронец, для отличия его от младшего Федора Васильевича, имевшего прозвище Грунка. Его потомство иногда называли логично Грункины, а потомство Воронца — Воронцовы. Брат тысяцкого Василия Васильевича — Тимофей Васильевич имел в потомстве лишь одного сына, и его род пресекся бесфамильно. Вельяминовы же пошли от Вельямина, Грункиного сына. Сыновья Вас. Вас. в свое время звались тысяцкими, но не Вельяминовыми. По-

чему Воронцовы держались в Боярской Думе до конца и были богаты, а из потомков Грунки и Вельямина лишь сам Вельямин был еще боярином. Федор Вельяминович был еще боярином при великом князе Василии Дмитриевиче. А его сын Василий Федорович был, хотя и первым боярином, но у удельного князя Юрия Васильевича Дмитровского.

Старший же из его сыновей был еще окольничим Великого Князя Ивана III, но его родичи имели чины бояр или дворецких в лучшем случае в Дмитрове. Почему? Да потому, что после наложения князем Донским опалы на все потомство казненного Ивана Васильевича они были изгнаны из родовитых людей. «И в роду своем в счете не стояли». Как часто цитируется, по местническим понятиям, после потомства выбывшей старшей ветви тысяцких первое место заняло потомство следующего сына — Федора Воронца, Тимофей же создал ветви. А Грунка с Вельямином были 4-м братом и внуком, и им полагались места много ниже. Ясно?

Заодно сообщаю Вам о неприятностях размножением однофамильцев с течением времени. Они возникали и у Вельяминовых и у Воронцовых. Несколько родов Воронцовых стали возникать еще при Грозном. Род их, по-видимому, чуждых друг другу, а не только боярам, был переселен Грозным из центральных уездов в завоеванные уезды Арзамаса и др. При составлении Бархатной книги в 1688 (?) году некий стрелецкий полковник подал петицию, будто Федор-Демид не было двойным именем одного из Воронцовых. Но Грозный казнил-де одного, а другого лишь сослал в Арзамас, и от него-де по данному списку он и произошел. «А кроме меня никого потомков этого боярина нет». Вообще-то в этом уезде в конце XVI века я нашел видимо-невидимо Воронцовых, но родства их неизвестны. Но претензия была столь нахальна и вздорна, что ее игнорировали. Молодые офицерики Семеновского полка доводили свой род лишь лет на 100 назад, но, участвуя в возведении Елизаветы на престол, были осыпаны ее милостями. Но их считали выскочками, хотя Елизавета купила им графский титул, причем такой «генеалог», как римский император, удостоверял, что они через столько-то поколений от бояр происходят. Щеголев в «Минувшем» подробно описал великосветский скандал, когда в середине прошлого века П. Долгоруков за взятку 20 000 р., в анонимном письме, обещал Воронцову — Ново-

российскому наместнику «припаять» его род к боярам. Сын сего, женатый на скончавшейся потом бывшей княжне Дашковой, выхлопотал у царя разрешение присоединить к своей фамилии — «Дашков». Остались ли, кроме него, просто еще графы Воронцовы — не знаю. Но последний наместник Кавказа, умерший в 1916 году, был Воронцов-Дашков. А в 1919 году офицер, вероятно, сын его, отступал с белыми пешком из Тифлиса на побережье для эвакуации. В моем родном бывшем Екатеринославе (ныне все еще Днепропетровске) есть микрорайон слесаря Воронцова. Памятник новороссийскому Воронцову я видел недавно в Одессе, а посол СССР во Франции тоже Воронцов. В справочной мне не хотели дать адреса одного родича (уже, с деда начиная, отбросившего «Вельяминовы»). А Воронцовых в Москве, сказала киоскерша, сотни, поэтому без массы подробностей от меня о нем его найти невозможно. А вот правнучка Пушкина и ряд других, по своей или милицейской воле, именовались только Вельяминовыми. Теперь все перепуталось совершенно, но это теперь неважно. Еще в XVI веке появился знатный род Вельяминовых — родичей Годуновых. Царь Борис им благоволил. При Петре I они стали писаться Вельяминовыми-Зерновыми. Сейчас есть киноактер и режиссер Вельяминов. Некие Вельяминовы за взятку смогли вписаться в Бархатную книгу, как якобы ветвь от одного нашего Вельяминова, бежавшего якобы в Литву при Иване Грозном и сосланного за это в Каширу. От него-де и пошла ветвь в 10 поколений, за какое время у Воронцовых-Вельяминовых сменилось их только 5! «Воронцовых» к ним, однако, в Бархатной книге не прибавили. Но они иногда сами себе потом прибавляли вторую фамилию, в том числе два брата — генералы, один был наместником в Сибири в 30-е годы XIX века. Для Вашей темы все это не имеет значения, и я просто делюсь с Вами своими находками.

Извините за бессвязность изложения мыслей, хотелось сказать побольше, а времени не хватает.

Очень Вас уважающий,

Б. Воронцов-Вельяминов
1985 г.

Дорогой Дмитрий Михайлович,

к Вашей, вероятно, радости, давно не писал Вам и тем самым не отягчал хотя бы Вашу совесть отсутствием реакции на нее. Но Вы виноваты сами, что заставляете мозги и чувства читателей трепетать под влиянием Вашего писательства. Пишите меньше и хуже, и Вам меньше будут докучать Ваши читатели. Вскоре примемся за второй курс штудирования пяти ваших книг, уже в хронологическом порядке, включая в их круг и Марфу.

Затем мне понадобилось время на то, чтобы сделать для Вас «Лествицу» рода моего в двух частях, черновую хотя б, чтобы убедить Вас, что я не являюсь аристократом, как Вы меня обозвали прошлый раз. Замечу, что понятие об аристократе и само слово у нас применимо только к эпохе после середины Петра I. Например, ни Ивана Грозного и его бояр, ни Протасия неуместно называть аристократами. Если же Вы обозвали меня так за мою личную жизнь, значит, Вы не заглянули в мою биографию, напечатанную в журнале «Смена», и я напрасно послал Вам свой последний ее экземпляр, чтобы, так сказать, представиться Вам лучше, чем если бы я прислал Вам собственноручную биографию, написанную когда-то для поступления на работу.

В 16 лет грузить мешки с углем и чинить чужую грязную обувь едва ли было типично для аристократа. А последний клочок земли пахать было нельзя по причине продажи последнего 150 лет назад по необходимости. На прилагаемой лествице же в начале 16 века боярином был лишь один — Данила Федорович, да и то лишь в удельном княжестве Дмитровском, в 1530 году уже закрытом.

Необъяснимо, с другой стороны, почему у В.-В. — Иван Алексеевич с братом Андреем (бывшим позднее воеводой и строителем кремля во Владимире) были пожалованы стольниками в то время, когда их отец Алексей на старости лет, около 1625 года, был все еще жалким стряпчим с платьем.

Затем меня отвлекла надобность писать срочно о восстановлении приоритета открытого мною в 1929 году поглощения света между звездами — для СССР и для США. А паче всего невозможность встречи с Пахомовым из-за его бесконечных отчетов по археологии, так как надгробия всякого графья, захороненного в Богояв-

ленском, поблизости, в виде их надгробий, свезены уже на Данилов монастырь навалом. Как добиться поддержки патриарха, чтобы раскоп не закопали для устройства раздевалок и буфетов для посетителей концертов, назначенных в верхнем этаже храма?! Они же (5 штук) уникальны большей древностью и прямой связью с Протасием — строителем сего храма. Подскажите срочно, что делать. Так как Пахомова трудно застать, я осторожно поговорил с Векслером, оказавшимся себе на уме. Он сказал, что история храма и связанные с ней люди его и археологов не интересуют, чтобы я передал материал на усмотрение какой-то Ревекки Беленькой, которая-то найдет этим материалам применение!

Я думаю еще над тем, можно ли дать сообщение в каком-либо патриаршьем издании (и захочет ли оно?), какие есть издания у патриархии, адрес и телефон, как с ними связаться? Не знаете ли? В московских справочниках нет ни церквей, ни духовных лиц, ни их изданий. Надо нам действовать! Это только снег немного задерживает возможную ссылку древних надгробий и засыпку раскопа, хотя Векслер сказал мне, что археология будет продолжаться, но, наверно, лишь снаружи храма, где найти древности со значением меньше шансов. Очень прошу Вас помочь с сохранением добытого археологами (теми, которые лезут в грязь ямы, а не собирают потом сливки с чужого труда) материала.

Надеюсь на сей раз получить какую-либо конкретную помощь советами или адресами. Я-то все поджидал упомянутой возможности Вашего приезда в ноябре.

Поздравляем Вас с Новым годом и желаем здоровья и дальнейших успехов.

Ваши Воронцовы-В. Б. А. и В. А.
1985 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Дмитрий Михайлович,

еще раз сердечно благодарим за присылку № Севера 5—7, с наиболее волнующими, важными и загадочными эпизодами, сиречь о борьбе за тысяцкое звание, замят-

ня у татарвы, лечение Алексием ханской вдовы и пр. Давно загадывал, как Вы подадите читателям ночное убийство Хвоста. Вероятно, Вы не раз задумывались над тем, как его подать читателю. Сделали здорово, судя по летописям, следов кругом убитого не было, но целая ватага конных вокруг Никиты и умирающего (по Вашему), истоптав след, вероятно, говорили бы не об убийце, а о взводе убийц. Вся татарская замятня, конечно, будет откровением для большинства русских читателей. Жаль, что неизвестно, дойдет ли до моей смерти эпизод с Иваном Васильевичем битвы на Воже и Куликовом поле. И вот там Вы встретитесь с разрядами Куликовской битвы, где говорится, что мл. брат тысяцкого Федор-Грунка был вторым воеводой одного из двух «крыльев» сводного войска. У него был сын Вельямин, от которого только и пошла фамилия Вельяминовых. Добывая для чтения тома романов Вашей эпопеи, я с огорчением заметил, что в «Младшем сыне» еще Вы назвали самого Протасия Вельямином через черточку. Теперь труднее поправить то, что все его потомки сразу стали Вельяминовыми. Ведь сын Федора Грунки изредка назывался «Грункиным», что было правильно, но не удержалось. Вот у Федора Грунки был сын Вельямин, от которого и пошла фамилия Вельяминовых...

1987 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Михайлович, дорогой,

благодарю Вас за интересное и содержательное письмо. Мне оно приятно было тем, что избавило меня от печального впечатления, когда в беседе на отвлеченную тему Вы действительно ни за что, ни про что меня много раз именовали «аристократом» в смысле, обычно понимаемом либо в возвеличивающем, либо в презрительном тоне, который только и мог пониматься в данном случае Вашего разбора людей. Ваше письмо снимает с моей души неприятное впечатление от своего гостя. Я уж подумывал парировать словами, а Вы, су-

дарь, зачем ходите в современной столице в нарочитом маскараде крестьянина? Из того, что в Ваших прекрасных и любимых книгах Вы пишете разноязычно. То под князя, то под болярина (боярина), то под мужика, то под крестьянина, то под «владыку», то под попа, то под воина, то под кметя, то под служивого воина и т. д. И, положа руку на грудь, согласитесь, на сердце, что ведь мы заимствуем кое-что из летописей разных местностей с помощью Ваших филологических изысканий, особенно полезных писателям исторических романов. Но ведь никто из нас не знает того, как говорили в точности в то древнее, но в различное время разные слои населения. И еще скажу, простите, зачем дорогой советский писатель, пишущий на древние темы и довольно правдоподобным языком, рядитесь в неурочное время в красную рубаху и смазные низкие сапоги, отошедшие в вечность? Это слово друга. Маскарад сей ни к чему. «Видно, чудит барин, чудит!» — рекут поселяне, прибывшие в Новгород на реактивном самолете, человек 100.

А в современной русской речи сохранилось много синонимов, меняющих оттенок смысла слова *«АРИСТОКРАТ»:* «ори сто крат», а в кафе ни хрена тебе не дадут, коли нет валюты в кармане. Вас, мы видим, обижают, а с Вами и Русь: отпускают голодные тиражи. Писатель с Вашим талантом мог бы иметь миллионные тиражи и соответствующий гонорар.

А вот «ваш аристократ» (франц. понятие, мы имели боярынь, потом барынь, потом госпожу, потом хозяйку, потом стряпуху, и были среди них и бедные и богатые).

Поздравьте знакомого болярина и аристократа, через восемь лет ожидания и работы получил на днях роскошно оформленный, на мелованной бумаге, в дорогом переплете, с множеством рисунков, переснятых заново спец. редактором по всем обсерваториям США, снабженный длинными сносками на объекты исследования и их авторов труд. Книга эта есть английский перевод моей монографии «Внегалактическая астрономия». Она содержит, кроме того, точное указание на 250 моих статей и книг, посвященных только этой теме, 51 работу авторов других стран. Эту работу Вашего «аристократа» из-за дорогого оформления издатель в лице Гарвардского университета (США) еще не оценил, боясь, что оно получится слишком дорогим (может

быть, свыше 50 долларов) и будет плохо расходиться, хотя отдельные экземпляры уже посланы в Англию, Францию и Австралию. А мне прислан всего один экземпляр, и будет ли за это мне хоть один рубль (уже объявлено у нас, что деньги выдают лишь советскими купюрами) — неизвестно. А я-то мечтал купить пишущие машинки — нашу и с латинским шрифтом, — мои обе развалились и, печатая Вам письмо, уже шесть раз звал жену вправлять выскакивающую ленту.

По сильной уже слепоте, старческой, прошу Вас, дорогой кандидат филологических наук и любимейший писатель, писать мне не столько мельче, сколько контрастнее, чтобы линии букв выделялись черным.

Жалко, что трудно с вами общаться, а мне уже 84 года. При плохих зрении, легких и ногах мало надежд на много общения. Хотелось бы Вам показать из моих давних работ «древо» некоторых ветвей, например, мама (тоже Воронцова-Вельяминова) имела деда, участника похода на Париж 1813 года, вышедшего в отставку в 1820 году из мариупольских гусар, где была и кавалерист-девица Дурова. Получил часть земли, дарованной царем Алекс. Михайловичем в 1650 году за войну с Польшей за Малороссию. В 1681-м он упокоен в Богоявленском соборе, и его и четырех родичей неожиданно нашли саркофаги лет пять назад. Брат его без чина умер от чумы в 1655 году. Всю его землю, 125 десятин от царя, сын Михаил дополнил обменами. Село это в 1860-м имело 110 душ: поделило его пятеро братьев. Василий Иванович — дед мамы имел 18 детей, а другой стал дедом моего отца. Отец моей мамы учился в корпусе до 5-го класса, потом родитель ему сказал (и многим другим): «Мне за твое ученье платить нечем. Иди куда хочешь». Тот поступил солдатом в пехоту. Его братья, помоложе, совсем без образования, пошли в Тамбов искать счастья. Один заимел семью и пятеро детей. Я видел документ: его прошение председателю Дворянского собрания устроить на учение одну дочь. Другой там же имел дочь, с которой жил помещик, его родич В.-В. Он подал в Сенат прошение присвоить детям фамилию Воронцовых-Вельяминовых. Сенат решил: детей усыновить и дать фамилию Воронцовы, но без Вельяминовы. Моя кузина училась с одним из них и спрашивала меня — что они, родственники нам или нет? Следы этих двух близких мне семей я не смог найти — этих аристократов.

Так-то, дорогой Дмитрий Михайлович, сложна жизнь человеческая и никогда своими силами и своим разумом мы не достигнем на Земле Царства Божия. Но у нас при желании есть возможность приблизиться к его подобию. Будем дружить сколько можем!!!

Ваш раб Божий не яко и другие человецы. Простите меня грешного.

Ваш Воронцов-Вельяминов.

Уважаемый Дмитрий Михайлович!

Извините. Такое письмо пишу впервые и очень кратко, так как не могу (инв. I гр.).

Спасибо Вам за Ваши книги «Великий стол». «Время власти» и «Симеон Гордый» (сейчас читаю). Читаешь и как будто погружаешься в *ТО* время. Спасибо! Но я пишу не поэтому.

Очень надеюсь дожить и увидеть Вашу разработку о времени Дм. Донского. Все, что об этом написано: поверхностно и подчас бездарно. Этим грешат не только литераторы, но и историки.

Я уверен, что, изучив имеющиеся материалы, Вы придете к выводу: что Дмитрия вели к славе такие люди, как митрополит Алексий, боярин Бренк (ему не нашлось места в БСЭ?!) и Дм. Мих. Боброк, великий полководец средневековья. А сим князь (я не призываю лишить его всех заслуг) не был ни государственным стратегом, ни полководцем, ни даже рубакой-воином.

Воздайте должное всем.

От души желаю Вам здоровья и вдохновения.

А. О. Вятсон
г. Ухта

Добрый день, многоуважаемый Дмитрий Михайлович!

Ваше письмо давно получил, но не смог ответить, так как находился в больнице. Сердце. Проклятый И. Б. С. все-таки доконал. Рад, что Ваш роман «Отречение» печатается в журнале. Если сумею достать журнал, то с радостью прочитаю. Что Вам еще написать. В городе был шум. Был митинг на набережной Волги, около памятника Некрасова. На нем собравшиеся требовали, чтобы бывший 1-й секретарь обкома партии был выведен из списка, где он включен как делегат на партконференцию. Ф. Лощенков у нас правил 25 лет. Был избран почетным гражданином города. Все сельское хозяйство развалил. Город был на голодном пайке, хотя и сейчас не лучше.

На митинге требовали, чтобы дачу Лощенкова отдали детям. Чтобы сейчас новое здание обкома партии переселили в старое, так то пустует, а обком отдали бы под музей. И еще кое-что. Не знаю, чем все это кончится. Да и сейчас у нас за городом есть живописное место. Малые Соли. Там несколько лет назад для обкома и других руководящих построили закрытые дачи, обнесли забором. В окружности 30 км никто не имеет право, в реке Черная Заводь, ловить рыбу, а в лесу собирать ягоды, грибы. Там постоянно курсируют автомашины с милицией. Да и когда был у нас Ф. Лощенков, в подвале этого дома постоянно находилась милиция, охрана. Сейчас не знаю как там.

И еще. Мне скоро исполняется 58 лет. Не сможете ли Вы выслать на память Ваше фото с подписью. Это будет хорошая, добрая память о Вас, как о писателе и человеке.

Хорошие пожелания Вам от моей жены, Маргариты Федоровны.

Балабанов Владимир Григорьевич.
1988 г.

Уважаемый Дмитрий Михайлович!

Искренне радуюсь Вашему замечательному подарку — книге «Ветер времени». Святитель Московский

АЛЕКСИЙ дорог нам как замечательный Богослов — исследователь глубин Священного Писания. Велик его вклад в дело становления самосознания Русского Государства.

Считаю, что Ваша книга удалась. Каждый маломальски образованный человек должен знать о времени Святителя АЛЕКСИЯ и его славных сподвижников.

Спасибо ВАМ, Дмитрий Михайлович, за книгу, которая послужит большому делу — историко-культурному просвещению читателей.

Желаю Вам всего самого доброго.

Ректор Ленинградской Духовной
Академии и Семинарии
проф. прот. Вл. Сорокин.
1989 г.

Здравствуйте, уважаемый Дмитрий Михайлович!

Приближается Ваш юбилей, и мне хочется от всей души поздравить Вас с шестидесятилетием, поблагодарить за Ваши замечательные книги!

Я читатель, который пришел к Вашим книгам два года назад. И очень сожалею, что не удалось читать их раньше. Для меня это большой праздник. Когда я сажусь читать Ваши книги, то обязательно настраиваюсь на «Балашовскую мелодию слова» (так я для себя обозначил Вашу прозу). Это целый ритуал с прослушиванием грамзаписей, просмотром репродукций, слайдов. Иначе очень трудно сбросить с себя грех психологии современного человека и окунуться в те события давно минувших лет — понять быт, психологию, язык тех людей.

Я работаю инженером-металлургом. Часто приходишь домой усталый, неспокойный. Зато какое наслаждение испытываешь, читая Ваши книги, — это праздник души. К сожалению, книжный дефицит и дефицит собственного времени не позволяют прочесть Вашу последнюю книгу. Но я надеюсь в ближайшее время достать журнал «Север» и прочесть.

Я любитель исторической литературы. Но, к сожалению, поистине исторических наук у нас очень мало. Появилось много псевдоисторических книг (хотя и очень популярных у читателей), авторы которых поверхностно знают историю, увлекаются собственным вымыслом, как бы от себя переписывают историю. Мне кажется, это очень негативное явление в исторической литературе. Читатель (особенно молодежь), который читает такие книги, просто попадает в дебри несопоставимых фактов, строит искаженное представление об истории. Тем самым умножает свое невежество в этой области.

К сожалению, дефицит систематических знаний по истории — очень большая проблема. И мне кажется, эту проблему нужно решать с раннего детского возраста. Издавать специальный журнал «История» (научно-популярный) с дифференциацией по возрастам, издавать больше литературы по истории, и художественной и научно-популярной.

Ваши же книги написаны на большом фактическом материале — это то, что меня в первую очередь и подкупает. В них чувствуется труд исследователя, изучающего глубины исторических событий. Ваше знание быта, уклада жизни, языка меня просто потрясает. Я читаю и перечитываю многие главы Ваших книг. Хочется запомнить многие подробности.

За каждой Вашей строкой лежит большой труд пытливого человека, который, перед тем как вынести свою книгу на суд читателя, продумает каждую строку, каждую фразу, слово. Я очень доверяю Вам, Вашим книгам. Именно они, а никакие другие сформировали у меня представление о тех событиях средневековой Руси, о людях той поры. Они вселили в меня гордость за наших далеких предков.

Не поверите, но своими книгами Вы вселяете в меня новые силы. Хочется работать больше, творчески, чтобы не было стыдно перед упорством и трудолюбием наших предков. У героев Ваших повестей есть чему поучиться, сделать для себя выводы.

Честно говоря, мне с трудом давалось чтение первой Вашей книги (для меня это была «Марфа-посадница»). Барьер, который я никак не мог перешагнуть, — это язык героев. Труден он для современного человека.

Но как же он нужен! Теперь я с трудом представляю Ваши повести без этого языка.

Я сам украинец, люблю украинский фольклор, национальные традиции, искусство. Но, к сожалению, у нас на Украине (особенно на юге) практически не встретишь человека, говорящего на чистом украинском языке.

Язык героев Ваших книг заставляет человека задуматься о своих корнях, очистить свой родной язык от шелухи, беречь жемчужины фольклора. Только человек, прекрасно знающий северный фольклор, может наделить своих героев таким языком.

Ваша любовь к Северу передается и мне — Вашему читателю. До чтения Ваших книг я бывал на русском Севере. Я полюбил этот край: людей, природу, язык. После чтения Ваших книг эта любовь стала еще сильнее.

Вот сейчас жалуются, что в современной литературе нет сильных личностей, на которых могла бы смотреть молодежь. Я другого мнения. Ваши книги, на мой взгляд, о сильных личностях. Даже если это и простой русский мужик, а не известная историческая личность.

Для меня многие из них — «герои», а не «персонажи» потому, что в простых поступках, в обыденной жизни, трудах и заботах, на поле брани — они возвышаются до понятия Личность. Суровый Север закалил этих людей. Мы обязаны помнить этих простых людей, которые кровью и потом осваивают этот край, сохранять все то, что они нам оставили. Ведь почему гибнут многие исторические памятники от нашего бездушия, безразличия и нерадивости? Мало специалистов и профессионалов, которые могли бы отреставрировать то, что сработали наши предки. Но это не самое главное. Души нет и гордости за предков. И очень жаль, что нет самолюбия у современного человека, нет гордости за выполненную работу. А взыграло бы самолюбие у нашего мужика: «Как же так, мой предок топором все это чудо сработал, а я при современной-то технике не могу?» И поучился труду и упорству у героев Ваших книг. А труд и упорство у Вас не лубочное — это та правда жизни, которая необходима современному человеку. И не важно, что люди, о которых Вы пишете, жили в средние века — проблемы, там поднятые, очень современны.

И стыдно нам перед предками, что разучились мы так же добросовестно трудиться, как это делали они. Новгородцы как славились на земле русской! Работали хорошо, умело, торговали за морем, строили, грамоту знали. Москвичи им завидовали. Нам бы сейчас у новгородцев поучиться, да чтобы самолюбие взыграло — много славных дел можно сделать для земли русской, для собственного народа. И не стыдно было бы перед предками.

Губко Игорь (34 года)

P. S. Извините за просьбу, но если это возможно, пришлите, пожалуйста, Вашу фотографию с автографом.

Донецкая обл.

Уважаемый Дмитрий Михайлович!

Думаю, что мое письмо к Вам придет вместе с целым потоком писем, которые должны явиться откликом на Ваше появление на телевизионном экране в передаче «Диалоги о литературе».

Большое Вам спасибо. Спасибо за Вашу гражданственность, за чистоту души и за Вашу молодость, которая проявляется во всем Вашем облике — седая борода не помеха.

Спасибо за упоминание о Льве Николаевиче Гумилеве, о его теории пассионарности. Неужели ничего нельзя сделать для того, чтобы этот талантливый человек и большой ученый стал известен своим согражданам? А как бы хотелось! Уж коли отца в «Огоньке» печатают...

Я человек неверующий — последствия воспитания, но с детства верила в свою судьбу, да и вообще, в значение судьбы и в предназначение человека. Трагедия сегодняшнего времени — опустошенность и бездуховность. Вероятно, один из путей — возврат к религии, к лучшему, духовному, что в ней есть. Это путь не для всех, но для многих.

Читала, к сожалению, только одну Вашу книгу, а хотелось бы прочитать больше; хотелось бы побольше узнать о Вас, о Вашей работе.

С уважением

Марина Гранова
г. Москва

Василий БЕЛОВ

Чуть ли не на второй день после смерти Василия Макаровича Шукшина сразу в трех крупных издательствах Москвы появились заявки. Люди, не любившие и не печатавшие Шукшина, видевшие его лишь на экранах кинотеатров, вдруг пожелали срочно написать о нем целые книги.

Появилась такая заявка и в издательстве «Советский писатель». Автор «Блокады» просил поставить в план то ли восемь, то ли десять печатных листов о Шукшине. Узнав об этом, я тоже (правда, сгоряча) написал в «Советский писатель» такую же заявку.

Увы, я не написал эту книгу и до сих пор! Причин было поначалу всего две: во-первых, цензура, во-вторых, я не мог писать о Шукшине, пока не написано об Александре Яшине. С годами цензура хоть и не исчезала, но как-то слегка ослабла, зато число ушедших друзей, о которых надо было бы обязательно написать, быстро и безжалостно увеличивалось. Николай Рубцов и Федор Абрамов окончательно меня осиротили, надолго выбили из колеи...

Не стало Смелякова, Твардовского, Казакова, Тендрякова. И хотя я не был с ними очень уж близок, слова о них так и просились в книгу воспоминаний о Яшине, Шукшине, Рубцове, Абрамове.

Я все еще не теряю надежду написать эту книгу, хотя у меня и нет полной уверенности. Ведь книгу о Шукшине я так и не сделал, хотя обещал публично по телевидению. Сейчас чешется мой язык сказать, что виновато издательство (юрист «Советского писателя» регулярно напоминал мне об авансе, намекая на то, что дело будет передано в суд). Однажды, получив гонорар в другом месте, я сдал в кассу «Советского писателя» восемьсот с чем-то рублей, поднялся наверх и показал квитанцию главному редактору. Результат был весьма прост: она оформила договор — на себя. Конечно, лите-

ратурных эпизодов и поважней этого было у меня множество. Их надо было записывать по свежим впечатлениям. И письма, оказывается, надо было беречь. Особенно письма родных и друзей. К сожалению, письма Василия Макаровича Шукшина я не все сохранил...

«ОДНО ЗНАЮ — РАБОТАТЬ...»

(ПИСЬМА ВАСИЛИЯ ШУКШИНА ВАСИЛИЮ БЕЛОВУ)

Здорово, милый!

Сейчас получил твою штуку и письмо. Я так и понял: не туда послал письмо. Ничего.

Настрой у тебя никудышный, друже. Я к тебе потому и просился — чтоб не реветь от тоски и похмелья. А ты вон сам воешь. Теперь ехай ко мне — я крепче. Здоровье ничего. А пить бросил. (Побожился. Не надо.) В больнице хорошо думается. Вот что я придумал: надо все снова. Надо садиться и начинать работать. Какие у меня книжки есть по всякой, по истории, Вася! Что мы делаем. Мы совсем не то делаем. Примазала русскому мужику: «пьяница». (. . . . .)

Вот приехай, я тебе все расскажу. Писать длинно.

На лето куда-нибудь надо уехать. А то я, как проститутка: вышла замуж, а к ней еще долго стучатся по ночам («Свет далекой звезды»). Поедем ко мне. Я один боялся. (...) Поедем. Понимаешь, сразу надо, иначе из этого болота не вылезти. На четырех ногах да об две головы — устоим!

А роман — хоть впору не читай. Так — руки чесались. Правда, ты поймешь. Господи, знаем жизнь, а хреновиной занимаемся. Но это ничего, это мы все дань платили.

Фильм поглядел? А тут пока не выпускают — съезд. Говоришь, — если б перестроить? Черт его знает — «сумнительно». Охота было начать с праздника. Но теперь поздно. Напиши до 25-го. Буду ждать.

М-ву обидел? Кэх!.. Ее только колом осиновым можно обидеть. Но, вообще, ты об этом с ними не пытайся говорить. Бесполезно.

Что, Яшин — пьет? Вот, оказывается, откуда еще беда приходит.

Дочь-то у меня — крошка, а всю душу изорвала. Скулю потихоньку, и уехать бы, уехать. Да еще уродилась — хорошенькая такая. Танцуем, а я плачу. Вот... твою мать-то! — Житуха. Иди — радуйся!

Жду тебя. Ни к кому не заезжай (к алкашам), ехай ко мне сразу.

Не унывай. Напиши.

Обнимаю тебя.

В. Шукшин.

Милый Белович!

Получил вот от Вани Пузанова книжечку в дар, и вспомнились те, теперь уж какие-то далекие, странные, не то веселые, не то дурные дни в вашем общежитии. Какие-то они оказались дорогие мне. Я понимаю, тебе там к последнему курсу осточертело все, а я узнал неведомых мне, хороших людей. И теперь вот грустно сделалось. Этак, глядишь, и вся жизнь — бочком-бочком — прошлепает.

Как дела твои? Что-нибудь думаешь насчет перебираться сюда? Или запустил это дело с бородой вместе?

Я отдал сценарий читать по кругу и сижу весь пустой до звона. Жду. Очень противное состояние. А еще грипп меня повалял 1,5 недели, совсем скис, и присосалась ко мне мысль о смерти (во!). Нет, просто вдруг задумался на эту «тему». Тьфу, гадко! Когда-нибудь, может быть, не будет гадко, а теперь еще гадко. Прямо молился: только не сейчас, дай сделать что-нибудь. Чудом держусь, чтоб в магазин не спуститься. Не приведи господи!

Как ты жив-здоров? Не поленись, напиши пару слов.

Хорошо, если б у тебя вышло с переездом. Очень уж порой тут одиноко бывает. Сделай что-нибудь! По-

трать время, силы... Надо ведь. Я боюсь провинцию. Лично я запил бы там.

Ну, дай тебе Бог здоровья.

Шукшин.

Вася!

Друг ты мой хороший, случилось так, что попал я в психиатрическую б-цу на Пироговке. Ничегошеньки страшного. Надо. К марту выйду. Чувствую себя преотлично.

А вот что я хотел спросить: говорил ты, что в деревне у тебя (если ты в деревне) хорошо работается. Напиши-ка подробней: что и как. Надо мне сейчас куда-то уехать. Непременно. Домой (в Сибирь) — полдеревни родни, начнется та же история. Где-нибудь на курорте, в санатории — режим, разговоры о самочувствии, печенках, селезенках... процедуры. Я после этого снова на Пироговку. Работать охота, а никак не могу найти места — где? И вспомнился мне твой разговор о твоей деревне. Может, можно там устроиться у какой-нибудь бабки рядом с тобой... Шибко уж хорошо ты рассказывал про туманы.

А потом, поработав изрядно, поехали бы в Сибирь — надо тебе там побывать.

Рад бесконечно — знают тут тебя в Москве, и широко. Я тоже хочу, как ты, — перехитрить всех.

Привет жене.

Напиши по адресу: И-323, Москва, Свиблово, пр. Русанова, д. 35, кв. 33.

Шукшин.

Вася!

Вот — то, что я писал тогда *. В издательство-то. Не знаю, что им тут не по зубам.

---

* По-видимому, речь идет о небольшом предисловии к сборнику прозы В. И. Белова.

Как живешь? Работца? Спасибо за журнал! Ничего не выкинули, не в пример моим «Сибогням».

С картиной пока — темно. Копии еще нет. Будет копия, будет — свет (искры).

До свиданья! Привет Оле, маме.

В. Шукшин.

Вася, здравствуй!

Ничего — просто лежу в больнице, выглянул в окно — весна. Дай, думаю, поздороваюсь с тобой, поздравлю с Весной. Вот и все. Да и собачка * понравилась — похожа на редакторшу. Верно?

Больше писать нечего.

Дай Бог тебе здоровья.

Шукшин.

Вася!

(До чего у нас ласковое имя! Прямо родное что-то. Хоть однажды скажи маме спасибо, что ты не Владимир, не Вячеслав, а — Вася.)

Здравствуй, друг милый!

Письмо твое немного восстановило в душе моей «желанное равновесие». Ты — добрый. Как мне нравилось твое ВОЛОГОДСКОЕ превосходство в деревне! И как же хорошо, что эта деревня случилась у меня! У меня под черепной коробкой поднялось атмосферное давление. А ведь ты СОЗНАТЕЛЬНО терял время, я знаю.

И все-таки: помнишь ту ночь с туманом? Вася, все-таки это был не спутник, слишком уж он кувыркался. А внизу светилось только одно окно — в тумане, мгле. Меня тогда подмывало сказать: «Вот там родился рус-

* Открытка (без даты) с фотографией мопса.

ский писатель». Очень совпадает с моим представлением, — где рождаются писатели. Ну, друже, а за мной — Сибирь. Могу сказать, что это будет тоже хорошо.

У меня так. Серьезно, опасно заболела мать. Ездил домой, устраивал в больницу. И теперь все болит и болит душа. Мы — не сироты, Вася, пока у нас есть МАТЕРИ. На меня вдруг дохнуло ужасом и холодным смрадом: если я потеряю мать, я останусь КРУГЛЫМ сиротой. Тогда у меня что-то сдвигается со смыслом жизни.

Быт? Родной ты мой, ну а что делать? Что делать?!!! Одному жить НЕВОЗМОЖНО.

Не пишу. Ездил домой, потом ездил в Югославию. Кажется, это последний раз, что меня посылают за границу. Я перепутал Белград с Тимонихой. Ну и черт с ними! И в России места хватит.

Тебе известно, что Ершов отказался от твоей повести? Я тебе говорил, что это... Не горюй, Вася. Глупо звучит, но не горюй.

Маня растет. Обнимаю тебя!

Шукшин.

И от меня тебе привет и здоровья и радостей.

Лида.

Вася!

Ну, вот — повидались! А я искал Яшина на Лаврушинском, не нашел... А потом: «Шел в комнату, попал в другую».

Дружке, надо мне знать, в каком состоянии твой сценарий. Я заинтересовал здесь одного очень толкового режиссера — Арсенов Павел. Повторяю, толкового. Это не ленинградский вариант. Могу дать его адрес (...).

Это на всякий случай. А лучше бы, если бы ты прислал мне один экземпляр (если он есть) и я бы тут смог показать его. Есть еще один заинтересовавшийся — Юрий Чулюкин («Мосфильм»). Но это — признанный комедиограф (на штучках). Здесь надо другое. Во всяком случае, ты понимаешь, что заинтересовывает пока —

твое имя и мой путаный рассказ. Надо прислать. Если нет, когда будет — сразу.

Если хочешь, напиши Павлу. Не хочешь — дописывай скорей сц(енарий) и высылай. Я почему-то уверен, что мы пристроим его в хорошие руки.

Живу ничего. Дал мне, ты знаешь, премию (РСФСР) — за «Ваш сын и брат». Торжественное такое вручение! Куча красивейших дипломов, золотой знак на грудь... Банкет. С банкета я куда-то еще поехал (денег тоже много дали — 1200 р.), ночь... В общем, я все те дипломы потерял. Знак на груди остался. Жду последствий: найдутся где-нибудь дипломы, их переправят в Верх(овный) Совет, а там мне скажут: «Вы так-то с Государственной премией обращаетесь! Вы член партии?»

Черт знает, что будет. Мне и выговора-то уже нельзя давать — уже есть стр(огий) с занесением в уч(етную) к(арточку). Главное, такие штуки долго потом мешают работать.

Маню видал? Славная девка, русская! Я ее зову по-иностранному — Мэри Шук.

Ну будь здоров. Жду сценарий.

Передавай ребятам привет. И семейству.

Шукшин.

Вася!

Спасибо за открытку. Дела-то?.. Да так как-то все. У меня такое ощущение, что мы — крепко устали. От чего бы?! И как бы наладиться? Мне лично осточертело все на свете. Пытаюсь вином помочь себе, а ты знаешь, что это за помощь. Был у меня тут один разговор с этими... Про нас с тобой говорят: что у нас это эпизод. Что мы взлетели на волне, а дальше у нас не хватит культуры, что мы так и останемся — свидетелями, в рамках прожитой нами жизни, не больше. Особенно доставалось мне: «Завелись три лишние бумажки в кармане — пропить их!» А тут сидишь и думаешь про целую жизнь... И до того додумаешься, что и — в магазин. Неужели так, Вася? Неужели они правы? Нет, надо их как-то (неразб.).

«Стеньку» написал. Отдал — судят.

Мишу Ершова знаю — учился вместе. Парень хороший. Жаль, что ты продал право на экранизацию. Очень жаль! Договор, что ли, есть? Это ужасно глупо, друже. Такие повести не пишутся каждый год*. Если еще договора нет — не подписывая, скажи им, что передумал, что хотел бы участвовать в написании сценария хотя бы на пару с кем-нибудь. Облапошили, пираты! Повторяю, никуда бы они не делись! Как же ты так?! Ведь тебе за такие деньги надо две книги писать! Ты же не фабрика. Ах, черти!.. Не стыдись их, если не поздно. Они сами никого не стыдятся. Пойми это. Уважай себя. Это грабеж среди бела дня. Небось Нагибина не надуешь.

Послушай ты меня: если не поздно, верни свое согласие на продажу права — поставь свое условие.

Привет тебе и супруге твоей от моей «половины». Дочь растет. Болтает. Поет.

Дай тебе Бог здоровья.

Шукшин.

Белович, дорогой!

Видишь, как получается: я бегаю от своей боли, а ты ее — в поездках — обретешь. Но кто же говорил, что бросит гулять попусту?! Одолей ты эту Москву! Это ничего не стоит — раз плюнуть. Себе дороже. Нужна пауза в пять лет, это надо с горечью понять, как исчезнет зависть к выпивающим, так можно малость порадоваться жизни. У меня еще не исчезла. Но нужно — 5 лет. И я их выдержу, вот увидишь.

Письмо твое получил уже в Москве (переслали из Ялты).

Был у меня вчера Олег Табаков. Говорили о тебе, о твоей пьесе. Сгоряча оба засобирались к тебе — узнать, что с пьесой, и помочь, если это возможно. Про себя я подумал так: не сценарий нам надо бы написать (хоть это не исключено, если захочешь), а пьесу: бли-

---

* Речь идет о повести В. Белова «Привычное дело».

же к литературе, как-то понятнее для писателя, не так шпыняет совесть, как за сценарий. Охота мне, чтобы у тебя случились хорошие деньги, и ты бы не так зависел от каждой книги.

Не знаю, как Табаков, но я к тебе приеду — поговорить об этом.

Про сценарий — так: хочешь, завтра с нами заключат договор. И есть режиссер... Но надо понять: что это такое будет для нас?

Про Бондарчука... Если б взялся, сделал бы — это таран с кованым концом, он все может. Думаю, что предложит соавторство. На мой взгляд, оно не позорное. Он, правда, художник, несмотря на «Войну и мир». Кроме того, он сельский.

С книгой у меня такая же история. Отклонили 11 рассказов, из 15 листов осталось 9. Я был там, говорят: «Ну это тоже неплохо».

Оно, знамо, неплохо... Но в отличие от тебя, я и не зависаю в безденежье — шут с ними. С паршивой овцы... Это редкое удовольствие — сказать: не подходит? — прекрасно!

Приеду этак через неделю: еще мотнусь в Коктебель, провожу своих. И приеду к тебе.

Ну, и не болей уж так, если и погулял! Ведь болит-то душа — вроде, совместно, да — зачем? И пр(очее). А с душой, все же можно говорить — унять как-нибудь, это ж не гипертония.

К сведению, раз пишешь пьесу. Вот — вдруг — стали активно предлагать (начальство!) для кино и для театра «Две зимы» Абрамова. На «Ленфильме» прямо наваливают одному режиссеру, а он не хочет... Что-то же случается там... Логику обнаружить трудно, но работать, видимо, надо.

Передай привет Оле, Астафьеву.

Был ведь я в Ленинграде, когда выступали там, и уже шел в ихний ЦДЛ, а завяз по дороге в гостинице «Ленинград».

Приедем с Толей Заболоцким (оператором).

А потом охота учинить тебе просмотр фильмов.

Будь здоров, дорогой мой человек!

В. Шукшин.

Тезка!

Сел писать тебе и вспомнил, как я тебе писал всегда — все что-то нехорошо, на душе нехорошо, и все я вроде жалуюсь, что ли. Не знаю, за что я расплачиваюсь, но — постоянный гной в сердце. Я тебя очень серьезно спрашиваю: у тебя только тело болит или душа тоже? Потому спрашиваю, что судьба твоя такая же — и, может, тут какой-то общий, грустный закон? Тело болит — это от водки, я знаю. Но вот я и не пью, а весь измаялся, нигде покоя — ни дома, в деревне, ни тут. Все перебрал и вспомнил пору, когда было 20 лет, — не ныла же она так! Что же теперь-то? Я никому не говорю об этом, никому до этого нет дела, а скажешь, так не поверят. Да, вообще, кому это нужно? Еще поймут, что — ослаб, лягать кинутся. Вот... Кричу тебе в Вологду. Вообще-то, это похоже на то, как болит совесть: постоянно и ровно. Есть у тебя такое? Скажи правду — охота докопаться до корня.

(Написал слово «корень» и — вот что: в Сибири у нас есть (растет) Золотой корень, это что-то вроде женьшеня. Спроси в аптеке — нет ли? Он как раз по части тела — убирает боль. Правда.)

Приедешь в Москву, не объехай.

С Петром П. виделся. Приедешь, расскажу.

В. Астафьеву за книгу спасибо.

«Разина» закрыли.

В «Нов(ом) мире» больше не берут печатать, взял оттуда свои рассказы.

Но все же, душа не потому ноет. Нет. Это я все понимаю. Есть что-то, что я не понимаю. Что-то больше и хуже.

Жду письма или самого.

В. Шукшин.

Вася, дорогой мой!

Если Лида услала мое письмо к тебе (недавно), то я очень неуместно выскочил там с бодряческим тоном (откуда что взялось!), так что — пропусти эту бодрость,

ей, видно, вообще нет места в жизни: как где вылетишь, так самому потом совестно.

Я не знал, что у тебя Нюра-то заболела... Я знаю, что это такое, когда они болеют. Но тут — скрепись и жди, больше ничего: им Бог помогает. Выздоровеет она, Вася. Природа разумна, добра — она не может так вот просто — наказать, и все. Она испытывает. У нас Маша лоб рассекла в садике, привели ее всю перебинтованную, бледненькую: «Срочно везите к хирургу зашивать рану!» Я так и сел, и говорить ничего не могу, а только думаю: «Но все равно кто-то (сам не знаю, кто) поможет». Зашили рану, но шрам на лбу есть — на девичьем-то лице. А я в душе упорно думаю: «И это пройдет, зарастет как-нибудь». А как же зарастет?

Позвонили сейчас из «Современника» — повесть не берут. «В течение года ничего острого не будет давать». Раньше бы расстроился, а сейчас — лежи, хоп что (может, перелечился?).

Нет, какой-то Новый этап наступает, несомненно. «Ничего-о думаю, это еще не конец. Буду писать и складывать».

Напиши мне, если сможешь теперь, как дочка, как сам. Не падай духом, не падай духом, Вася, это много, это все. Много не сделаем, но СВОЕ — сделаем, тут тоже природа (или кто-то) должны помочь. И — немного — мы сами себе, и друг другу.

Обнимаю тебя. Держись.

В. Шукшин.
февр., 74.

Вася!

Лида прочитала мне по телефону твое письмо. Спасибо за доброе слово! И спасибо, что приехал.

Теперь о рассказе:

Вася, это не будет всуе, это про то, как один лакей разом, с ходу уделал 3-х русских писателей. Это же

ведь славно! Не мы же выдумали такой порядок. Чего тут стыдного? Ничего, ничего — я чувствую здесь неожиданную (для литературы) правду... Клейма на такую форму рассказов у них еще нет, в эту-то прореху и сунуть.

Толя едет к тебе, и вы в деревню... Отступаете? Ну, отдышитесь. Напиши за неделю ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ рас(ска)з: так мне стали нравиться документальные рассказы!

Ну, душой буду с вами, а телом — в Кунцевской больнице. Вот же б... — хворь — это уже стало угнетать: я же так ни черта не сделаю! Так охота работать!

Вась, не мне учить тебя, но... как-нибудь выгороди в душе участочек покоя — для работы. Я про своих родных и думать-то, и рассказывать боюсь: дядя из тюрьмы не вылезает, брат — двоюродный — рецидивист в строгом смысле этого слова, другой — допился, развелся с женой, поделили дом, свою половину он пропил, теперь — или петля, или тюрьма, сестра родная так вдовой и живет с 27 лет... Непролазно, Вася, черно. Как же быть?! Как быть-то?!! Одно знаю — работать. А уж там как Бог хочет.

А по весне-то (в марте хоть) не собираешься опять в деревню? Ах, попросился бы с тобой!

Обнимаю.

В. Шукшин.
6 февр. 74.

Вася, дорогой мой!

Спасибо тебе за письмо и за фотографию. Славный человечек там, сколько любопытства к миру в двух «омутах» (из твоего арсенала)! Разве она может стать другой? Только и другого, наверно, что — без волосиков. Это ты стал несколько другой, это так — глубоко и полно пережил, и стал чуть другой. Слава Богу, что все теперь хорошо. Вишь, какие якоря в жизнь кинуты!

Надо и свое здоровьишко поберечь. Давай, как встретимся, поклянемся на иконе из твоего дома: я брошу курить, а ты вино пить. С куревом у меня худо: ноги стали болеть — это, говорят умные доктора, на пять лет, а там — отпиливать по одной. А ты бросай вовсе другую заразу — тоже жить можно, даже лучше — это уж я из своего опыта говорю.

Сценарий-то... Вот как. Ну, черт с ними! Самому делать бесконечные варианты, да бегать с ним — это столько время и нервов, что, я знаю, ты не нашел бы ни того, ни другого. Да и время-то твое дороже, так и прими это. Я думал, что они все же не такие бесстыдники. Но ты бы на полдороге плюнул...

Повесть в «Современнике» мне завернули, на мой взгляд, вовсе безобидную. Говорят: «Мы в течение года не будем давать ничего острого». Завалили журнал. Я больше туда не пойду. Где возьмут сразу, без разговоров, туда и отдам.

Я числа 15 марта выйду отсюда. Вот штука-то: две больницы в одной стране... Эх, сколько мы не знаем, Васюха! И это еще — не край, есть и другое, и много. Переезжай в Москву! Решись.

Вите Астафьеву — привет. Скажи ему мой совет: пусть несколько обозлится. Так за него обидно с этой премией-то. Пусть обозлится — будут внимательней. А то привыкли, что — ручные. А ублажают тех, кого побаиваются.

Привет всем твоим и маленькой лысенькой. Я вот ей тоже на память фотографию.

Шукшин.

Юрий БОНДАРЕВ

...Писатель всегда хочет навязать свои мысли и чувства читателю. Если бы этого желания не было, книги не писались. Я хочу, чтобы вы на какой-то странице задумались, может быть, засмеялись, заплакали или же почувствовали себя в возрасте восемнадцати лет. Я называю это тиранией писательского таланта. Есть здесь элемент честолюбия? Думаю, есть. Я хочу, чтобы вы взволновались моим настроением, задумались о смысле бытия, я хочу, чтобы мое стало вашим, понравилось вам. Честолюбие — это ожидание хвалы от других. Так? Честолюбие — это не мелкое тщеславьишко, не мелкая суета, выжидание каких-то выгод. Честолюбие — это любить честь.. Офицерская честь, крестьянская честь, честь революционера, честь студента, честь писателя...

«ИМЕЮ ПРАВО ГОВОРИТЬ КАК ДУМАЮ»

Уважаемый Юрий Васильевич! Здравствуйте!

Я не могу представиться почитателем вашего писательского мастерства, да и думаю, ради этого глупо было бы и писать вам. Я прочла и «Выбор», и «Берег», и после этих романов с нетерпением ждала «Игру» (после некоторых критических заметок в прессе). Еще до прочтения слышала разные отзывы... И мне казалось, что само мнение о романе уже говорит о том, каков тот человек.

Я не могу выразить своего впечатления, но меня после «Братьев Карамазовых» ничто в литературе не брало так за душу. Как тяжело, что мы не верим в бога! Мне хотелось молиться — до исступления, фанатически за все наше русское, за то, что мельчает, за трусость при нашей-то силе. Мне не стыдно написать вам о своих раздирающих душу слезах... А сердце будто на ладони. Неужели таков исход?!

Протопоп Аввакум и Крымов, а еще и Достоевский — какое в них великое прощение! Я вспоминала о споре своем когда-то в институте. Мне старались доказать, что Бориса и Глеба канонизировали только ради установления статуса русской христианской церкви. Чисто интуитивно я сопротивлялась этим убеждениям, меня бесило, что не могу доказать, убедить, ведь именно в прощении наша сила. Но я также уверена, что прийти к этому прощению может человек сильный, познающий сладость победы и испытавший яд людской молвы.

Почему я пишу Вам! Вы пронзили меня своим Крымовым, он рассуждал моими мыслями, и поэтому мне просто невозможно не поделиться. Я давно привыкла, что в обычном моем кругу это вызывает иронию, недоброжелательность и меня хватает только на изнуряющие беседы по ночам с самой собою. Иногда мне кажется это ужасной глупостью, от этого я перестаю быть женщиной.

Мне везет на хороших людей: просто попутчиков (а что, у меня их в памяти очень яркий калейдоскоп), знакомых и друзей, но тем не менее часто бывает пусто, так что рвешься кого-то увидеть и одновременно никого не хочешь видеть. Я завидую вашему Крымову за то, что он прожил яркую, сильную жизнь, полную смелой интуиции, решительности, святой любви. Как жаль, что могу т о л ь к о завидовать, потому что в нашей жизни очень трудно быть умелым, что-то любить всей душой, для всего требуется смелость. За смелость только дорого приходится платить. И что самое поразительное, что смелость эта не ради собственного кармана... А вот смелость иного сорта котируется намного выше почему-то. Мне тридцать лет, но я уже устала, потому и ревела над вашим романом. Как трудно порой найти ответы.

Иногда кажется, что вот ухватился за истину, увидел просвет, рвешься к нему и снова вдруг понимаешь, что, наоборот, падаешь. И самое ужасное, что никому невозможно это объяснить. Я работаю воспитательницей в детском саду, очень люблю своих детей, да и они меня тоже, только в этом (вернее, в их глазах) ищу спасения. Этому моему спасению еще в училище завидовали девчонки, завидовали доброй завистью, и я их до сих пор люблю за это.

Уже пять часов утра, и я, наверное, смешно выгляжу со своей писаниной. Простите меня! Мне так много хо-

телось сказать, но больше всего боюсь смешно выглядеть. Ведь вы тоже не святой, и не знаю, с каким, вернее — под какое настроение прочтете мое письмо. Еще раз простите за бессвязность моих мыслей.

Я не знаю, смею ли просить Вас о добром слове, а так бы хотелось. Думаю, оно чем-нибудь помогло бы мне.

С уважением, *Тамара Сапрыкина.*
Макеевка.

Уважаемый Юрий Васильевич!

Я прочитала ваш роман «Выбор» на украинском языке, так как не смогла прочесть его на русском. Читала со словарем вашу бесстрашную, жестокую и правдивую книгу. Самые сильные страницы: это описание последнего боя Ильи Рамзина. Да, не пленные виновны (во всяком случае не все) в том, что оказались в плену. Раздавленный несправедливостью и подлостью высшего командира, человек не может быть героем. Саша Матросов закрыл собой дзот не потому, что боялся русской пули больше немецкой, а потому, что свято верил своим командирам и любил товарищей. Враг у него был впереди, а рядом товарищи и друзья. А у Ильи Рамзина было не так. Приказ — вынести на плечах пушки из окружения — невыполнимый. Их посылали на смерть бессмысленно и еще обещали русскую пулю. Не тогда ли у него появилась мысль о плене? Безумная мысль, но, может, так. Он не был предателем, не служил у Власова, зачем ему это! И поэтому я не поверила в описание встречи его с матерью. Я сама мать взрослого сына. Я ваша ровесница, но не была на фронте, работала на военном заводе, потом училась. Не верю я в «железность» матери. Все могут отвернуться от нас, но не мать. Мать поймет, найдет оправдание сыну, забудет свои страдания. Я думаю, мать сказала бы примерно так: «Сынок, я так долго жила одна, всю жизнь. Я ждала тебя, несмотря ни на что, и вот дождалась, не умерла раньше, спасибо за это богу. Я верю, ты не был предателем. Расскажи мне свою жизнь. Расскажи, я так исстрадалась. Расскажи, как ты жил и как выжил?»

Кстати, мать знала, что сыну «врага народа», бывшему в плену, пришлось бы трудно сразу после войны. О, она бы нашла для него оправдание и забыла бы свои страдания. Увы, майоры Воротюхи и сейчас есть, им наплевать на конечный результат работы, на судьбы людские, лишь бы рапортовать красиво. Карьера прежде всего.

Роман ваш многоплановый, и послевоенную, современную жизнь исследуете вы бесстрашно во всей ее иногда жестокой, а иногда суетливой реальности. И вот снова юная девушка, дочь Васильева, над которой надругались хулиганы, в своем горе, гадливости до людей, готова бежать куда угодно, хоть к черту на рога.

Ну хватит, я не критик, простая читательница, осмелилась написать вам лишь потому, что подумала, может, вам интересно знать, как воспринимается ваше произведение. Хотя и понимаю, что посягаю на ваше время. Желаю вам крепкого здоровья. Мне и прочитать вашу книгу было нелегко, а как написать ее? Такие книги пишутся не чернилами, а кровью сердца.

С уважением

Р. К. Воробьева,
инженер (уже на пенсии).
1983 г.

Дорогой Юрий Васильевич!

Простите меня за нескромный вопрос к Вам. Участвовали ли Вы лично в этом бою, который Вы описываете в романе «Горячий снег»? Так правдиво описать то, что произошло с артиллерийской батареей, на мой взгляд, мог только тот человек, который сам участвовал в этом бою. Аналогичный бой пережил лично я сам, воюя в составе 51-й моторизованной гвардейской бригады. Разница только в том: у нас не артбатарея, а стрелковая рота. В бою в районе ст. Котельниково от нашей 4-й роты осталось в живых столько, сколько осталось от батарей Дроздовского. Разница только в том, что изменены фамилии комсостава в батарее Дроздовского и нашей роты. Комбата Дроздовского можно заменить нашим коман-

диром роты ст. лейтенантом Жердевым, тоже такой же самолюбивый и высокомерный. Командира орудийного взвода Кузнецова — нашим помощником командира роты мл. лейтенантом Шадуром, офицер он очень храбрый и добродушный. Командира орудия Уханова — нашим командиром пулеметного взвода лейтенантом Приколотеным. Медсестру Зою — нашим батальонным врачом Зоей (фамилию не помню). Очень бесстрашный у нас был старшина роты Захаров. По-моему, бывший кавалерист, он никогда не снимал свою кавалерийскую шинель. Лично я особых подвигов не совершал, но делал то, что делали все наши бойцы, чтобы уничтожить ненавистного врага и быстрей приблизить День Победы.

Наша рота участвовала в боях за освобождение от врага таких населенных пунктов, как ст. Котельниково, Абганарево, Аксай, Котлубань, и многих других.

После контузии и ранения мне еще посчастливилось выйти живым после полевого госпиталя, который сгорел в районе ст. Ремонтная. О том, что случилось со мною и многими другими раненными в последнем для меня бою, можно написать целую книгу.

Хотел бы коротко остановиться на том, что произошло с ранеными нашей роты, которые остались в живых после страшного сражения в одном из населенных пунктов Сталинградской области (названия я сейчас не помню). С поля боя нас, раненых, подобрал какой-то шофер, который привозил боеприпасы для нашей роты. Нас, раненых, поместили в одной уцелевшей деревушке. Меня, писаря нашей роты, и еще одного солдата поместили в одном из уцелевших домов, где проживала многосемейная семья. Сам хозяин дома — инвалид, он сильно хромал (фамилию его я не знаю). После обработки ран нашим батальонным врачом хозяева дома нас, раненых, уложили на кроватях, которые были в доме, а сами спали на полу. К утру следующего дня за нами пришла машина, подвозившая боеприпасы для фронта и попутно эвакуировавшая раненых подальше от фронта. Когда нас стали укладывать в машину, оказалось, что у меня только один валенок, второй был разрезан пополам при обработке раны на ноге. Добродушный хозяин дома увидел, что у меня раненая нога совершенно голая, недолго думая, снял с себя последнюю телогрейку и перевязал мне больную ногу. На замечания хозяйки, мол, в чем он сам останется, хозяин

иронически заметил, что, мол, скоро будет май, хотя на дворе стоял январь 1943 года.

В дальнейшем нас, раненых, примерно человек 12—15, на открытой машине провозили весь день, с девяти утра до шести вечера. В какой полевой госпиталь нас ни привозили, везде был один ответ: «Везите дальше, у нас все переполнено». Не помню, какой это был по счету госпиталь, где нас приняли. Это была среди бескрайней степи большая палатка. Шофер обрадовался, что в конце концов он избавится от нас, открыл все борта и, кто не смог самостоятельно слезть с машины, снял и положил нас на снегу недалеко от «дверей» палатки.

Что представлял собой этот эвакогоспиталь? Это большая палатка, внутри постелена солома, в середине стояла большая бочка из-под бензина. Кому требовалось перевязать раны на скорую руку, перевязывали и за ночь перевозили раза три или четыре все подальше от фронта. К утру следующего дня нас привезли на сортировочный пункт на ст. Ремонтная.

С этого сортировочного пункта после очередной обработки поместили нас в здании бывшей школы. Это длинный барак, в середине коридор и с обеих сторон классы, превращенные в палаты. В палатах была очень большая теснота. Раненые лежали на полу, выстланном соломой. Привезли нас туда примерно в восемь или девять часов утра. В шесть часов вечера слышим испуганный голос медсестры или санитарки: «Спасайся кто как может — горит госпиталь». Все, кто как мог, выползли в темный коридор. Куда ползти, в какую сторону, никто не знал. Мешало нам еще то, что в коридоре полно дыму и на полу лежали умершие от тяжелых ран, которых не успели похоронить.

Что было потом? Всех, кто мог выбраться из этого пекла, полураздетых, лежавших на голом снегу, подобрали добрые люди из близлежащих домов. Меня и еще нескольких человек подобрали солдаты, которые охраняли недалеко от госпиталя какой-то склад. К утру следующего дня за нами, «погорельцами», приехали из другого госпиталя.

Не буду Вас переутомлять рассказом о дальнейшей моей судьбе, пока я не попал в тыловой госпиталь в г. Энгельс, а потом в Орск Оренбургской области.

Несколько слов о моей военной биографии. Действительную службу я начал в 1940 году на Русском острове недалеко от Владивостока в 1-м зенитно-артиллерийском

полку Тихоокеанского флота. В начале войны на Дальнем Востоке тоже была напряженная обстановка. Все время держали готовность номер один. О том, чтобы попасть в действующую армию, наше начальство и думать не велело. Только в начале 1942 года стали набирать только добровольцев для отправки в действующую армию. В одном эшелоне с добровольцами отправился и я. Наша 51-я мотострелковая бригада формировалась в поселке Ворьм Павловского района Горьковской области.

Прошу извинить меня, что так плохо и, может быть, нескромно с моей стороны поставил вам этот вопрос.

Инвалид войны II группы
Гимельфарб Яков Семенович.
г. Орск Оренбургской обл.
1984 г.

Дорогой Юрий Васильевич!

Я так обращаюсь к Вам потому, что уже в основном прожила жизнь, немолода и имею право говорить как думаю...

А вас очень люблю и как прекрасного прозаика и как человека. Знаю очень давно, начиная с первых шагов Ваших по нелегкому литературному пути. Наверно, не совру, говоря, что все читала, все то, что создано Вами. И все мне близко. Так близко и понятно, что порой кажется: а не я ли сказала это?.. Не я ли шла вместе с героями, страдала и падала, вновь подымалась, боролась, верила?..

Давно мне хотелось написать Вам, да все как-то не решалась. Думала: зачем ему это? Своих забот хватает, да и работа, работа... Но вот читаю в «Литературной России» отклики на письма к Вам и набираюсь смелости. Им можно? Можно и мне.

А так хорошо встретиться хотя письменно. По телевидению, конечно, не пропускаю такую возможность, вместе с миллионами других.

Немножко поясню о себе: отца потеряла в 1937 году, только вступая в жизнь. Первый жестокий удар.

Время было такое («Тишина», «Родственники»). Не смогла поступить в Литинститут, хотя данные были. Уже позже окончила Лесной. Правда, работа в лесу оказалась по душе.

Муж прошел все военные дороги и остался жив (а много близких не возвратилось), но сильно искалечен. Все время за него боялась и как могла охраняла, но умер он пять лет назад.

Так вот, от него-то я все знала о войне. Так знала, что как бы сама побывала в этом аду. А с ним мы читали Ваши книги. Никто так не писал о войне, как Вы, даже К. Симонов, хотя я его очень уважаю.

Не хочу повторять то, что уже говорили другие. Только вот немного о последних романах «Берег» и «Выбор». Они так написаны, что я плакала, когда их читала.

Вот — Никитин. Его встреча с Эммой первая и последняя. Какое красивое и глубокое чувство среди крови и смерти. И ведь в любви — правда! Нет деления на своих и чужих. Люди есть и плохие и добрые, независимо от национальности. Цветок и на мусорной яме распускается.

Я хочу Вам рассказать, как было у меня. В 1942 году эвакуировалась из Ростова. Муж в армии, со мной парализованная мать. Ехали в Пятигорск, надеялись на приют у родственников (увы, узнав, что мы без вещей и денег, встретили более чем прохладно). Ехали семь дней, хотя расстояние 500 километров. Ехали поездом, автобусом, на телеге с зеленой травой, на тачке, все испытали. Ведь человек (мама) неподвижен, а я с одним чемоданчиком и без гроша. Что и было, украли в начале пути. В Пятигорске догнали немцы. Дальше пути не было. Только пешком, а мать не могла. Я не могла ее оставить.

Испытали всю «радость» оккупации, Приказали всем разъезжаться по домам и вывели на большую дорогу. Кто как мог добирались. А меня с больною никто не брал. Кому нужно? Два дня мы сидели в канаве, днем пекло солнце, а ночью дрожали (октябрь месяц). Голодно, страшно!! И никому не скажешь.

Ехала машина с бочками горючего. Шофер — немец. Он заправлял в пути немецкий транспорт. Остановился. Понял (мое слабое знание немецкого языка), что беда! Взял мать на руки и усадил в машину за бочками. Так и поехали. Снимал и сажал ее безропотно, когда было

нужно, на ночь укрывал брезентом (а я на остановках бегала и грелась, да ведь молодая была), и это в продолжение пяти дней, пока добрались до Ростова. И ни намеком, ни взглядом не обидел меня (я-то вначале боялась). Кормили нас крестьяне в деревнях. Так я это к чему? Ведь «враг» же, а сердце оказалось доброе. Свои ехали мимо и отворачивались. А он — простой парень — пожалел. Забыть это я не могу.

Вот так и Эмма, встретив доброту Никитина, не могла не полюбить его. А он ее не мог не пожалеть.

Или вот «Выбор».

Все пишут о Васильеве. Спора нет: хороший, талантливый, нашел правильный путь. И я с ним. Но мне понятен и Рамзин. Ведь и он родился как все, готовый ко злу, но и к добру тоже. Ведь любил же он Машу, был и сильным и смелым. Но ошибся, сбился с пути, не смог вовремя выбраться... Ведь так бывает! Вот и пошло все криво, по сорнякам. Ожесточился, веру потерял. Да и кто помог ему? Кто подал руку и сказал доброе и мудрое слово? Никто, даже Васильев не был рядом. И вот финал! А мне жаль его было и сейчас жаль. Я знаю, что ему можно было помочь! Ведь я много в жизни повидала. И не плохой он был человек. А так уж получилось.

«Все мы трагически одиноки...». Его слова в последнем письме. Да, это так. Хотя и живут люди обществом, а каждый по-своему одинок. Особенно в смертный час!..

Вы простите меня! Я не думала так много писать. Просто книги Ваши у меня много вызывают переживаний.

Я хотела просто поблагодарить Вас за Ваши прекрасные книги, за все, что Вы ими даете людям. Да вот разогналась...

Как хотелось бы мне поговорить с Вами. Но это невозможно. Не на конференциях, вечерах, а так, как с другом, человеком. Много нас таких, я знаю. А Вы добрый и умный человек. Об этом говорят «Мгновения». Говорят все Ваши книги. Так спасибо Вам, дорогой!

Всегда с Вами М. Смирнова.
1984 г.

Уважаемый Юрий Васильевич, здравствуйте!

Долго я шла к этому письму и отказывалась от своего намерения, и откладывала письмо, но все-таки должна сказать, что возможность поделиться мыслями сильнее, возможно, и неприятия их вами.

Немного о себе.

Мне сорок четыре года, работаю на участке врачом-педиатром. Начала следить за вашим творчеством после выхода «Берега». Когда прочла «Выбор», поняла, что нашла среди писательского мира «своего» человека, который знает меня, пытается раскрыть те проблемы, которые мучают меня, но пока оставляет их за книгой.

Очень ждала «Игру» и была, прямо скажу, обескуражена ею, так как посчитала ее игрою с нами, читателями. Мучилась, перечитывала, разговаривала с другими, пыталась понять их мысли и отношение к роману.

При музее Федина у нас в Саратове есть кофейная, где проводился диспут по «Игре». Участвовало человек тридцать, почитатели одержали верх, выступала и я, но очень неудачно, сумбурно и поняла, что в голове еще не отстоялось.

Прошло три месяца, кое-что я додумала окончательно и вот пишу.

Прошло несколько лет, как я путем простых размышлений о жизни, о прошлом Родины и настоящем, о войнах, об окружающих людях пришла к мысли о религии. У вас я вижу те же раздумья, те же слова, те же муки, какими я полна сегодня и, возможно, всю последующую жизнь. Я тот же Крымов, наблюдавший Гричмара в церкви, тот же Л. Н. Толстой в дневниках, тот же Гоголь, тот же Бондарев. Как было бы просто, если бы могли поддержать друг д р у г а, как советует Рамишвили. Вот теперь другой — плохому.

Мне ближе по характеру Крымов, я сама такая же, и пришла к такому банкротству, как и он. Если не сумею прийти к людям с любовью, то погибну нравственно, как и Крымов, несмотря на отрицание зла в других, несмотря на то, что такие люди больны несовершенством мира. Просто такие, как Крымов, наряду с достоинством не имеют главного, а от этого все муки.

Этим же мучился и любимый мною Шукшин. Когда он умер, мне казалось, я похоронила дорогого мне человека, и я мучилась вопросом, почему Г. не дал ему возможность поставить мечту его жизни «Стеньку Ра-

зина». Поняла, что больше, чем в «Калине», идею любви, возрождения ею не смог бы показать нигде больше... «Стенькой» он бы сделал шаг назад, хотя он бы мог показать все стороны человека — свет и тень, но там не было выхода для нас. А в «Калине» есть все. Я помню все эпизоды, все слова. Там и имена говорят о главном — Любовь и Егор.

Извините, это так называемое лирическое отступление.

Мне очень понравилась в «Игре» фраза о том, что мы себе присвоили ангельскую белизну и непорочность, а все сатанинское оставили за бугром. Как это правильно и честно. На мой взгляд, мы в свое время отринули Бога, а его мировоззрение подняли на щит, а американцы чтят его устами, но дела далеко не соответствуют его законам, результат один — мы враги и не можем быть друзьями.

Действительно, идем семимильными шагами к какому-то концу. Будет ли это в наше время? Страшно думать, но думать надо, и говорить надо, остерегая ближних.

Я бы очень хотела узнать ваше мнение об Ирине Скворцовой. Я ее ощущаю как символ нравственности, как Беатриче Данте — премудрость Б. Но не надеюсь на ответ, потому что понимаю, что тон и смысл письма во многом можно считать провокационными.

К сожалению, чем больше живешь на свете, тем чаще приходится видеть зло. В молодости было больше оптимизма, веселости, но я бы не хотела возврата, потому что жива этими сегодняшними размышлениями.

Крепко жму вашу руку.

С уважением,

читательница *Парамонова Галина Максимовна.*
1986 г.
г. Саратов

Низко кланяюсь вам, дорогой наш великий инженер человеческих душ — Юрий Васильевич!

Спасибо вам за потрясающий роман «Игра» (только сейчас удалось достать журнал «Новый мир»). По теле-

визору смотрела вашу встречу с читателями и теперь, после прочтения, убедилась, что большинство из выступавших были люди весьма ограниченные или не знавшие настоящего горя, трагедии. Что они понимают, если не видят в Крымове качества не только положительного героя, но идеал современного мужчины-интеллигента? Да, он не сидит божком на блюдечке, но и Маркс говорил, что ничего человеческое ему не чуждо.

Я старая вдова (с 1958 г.), мать троих детей. Ужасно неудачливая. С детства и до сих пор меня преследуют страдания, горе. Не по своей вине страдала и страдаю я, но куда страшнее, что и детям моим тяжело жить. И не потому, что они плохие, наоборот. Сейчас мне кажется, я уверена, что если б они не были настоящими интеллигентами, а были бы современными хамами, подлизами, подхалимами, двурушниками, им жилось бы гораздо легче, проще. Были бы они богаты и счастливы.

Все, все герои вашего романа — живые, взятые из толпы люди. Вот эти Гулины, Козины, Молочковы, Балабановы — разные, но делают одно страшное дело — уничтожают правду, честность, красоту. Из-за них справедливости, доброте не пробиться, она гибнет! Они ищут виновного в гибели хрупкой, надломленной девочки. А кто виновен в гибели величайшего таланта Крымова!

На нашей, Богом проклятой киностудии погибли самые талантливые, самые искренние и честные режиссеры (их целая обойма!). Теперь, видимо, очередь дошла и до моего сына, хотя он еще не успел проявить свой талант в полную силу. Его уничтожат на корню! Естественно, этим подонкам помогают и восхитительные, современные, эмансипированные монстры — жены.

Я не люблю вашу Ольгу! Разве это идеал русской женщины — жены, подруги, матери? Увы, увы, увы! Самовлюбленная кукла! Да, на фоне современных распущенных мегер — она хорошая, но не учуяла беды, страданий великих друга, мужа своего, отца детей своих... то какая же она жена? Нет, не друг она ему, а... сожительница! Герои вашего романа — мои сверстники (может, я чуток постарше). Мой покойный муж, преподаватель института, в котором я училась, обворожил меня, студентку, своей эрудицией, а став его женой, переживала, что люблю его мало (он этого не чувствовал), но не представляю, как можно обзывать своего возлюбленного так просто, без нужды «Несчастным»?! Чепуха? Нет — эгоизм!

Поженились мы в 1939 году. В первый день войны, в 12 часов дня, он ушел в военкомат, а я с грудным ребенком осталась в оккупированном Харькове. (Об этом я написала повесть «Они не герои». Она валяется, так как это никому не нужно. И правда, кому нужны молодые интеллигентки-горожанки, не участвующие в подполье? Гибли, и... туда им и дорога!) И хотя многих похоронила в голодном городе — жизнь детям сберегла и с первых дней освобождения Харькова работала инспектором библиотек в облоно. Счастливая, дождалась мужа, переехали в 1945 году в Киев, а в 1946, голодном году родила сына, Лешеньку, потом еще и Тарасика. Уговорил меня муж остаться дома, выхаживать детей, ведь их уже трое... И я смирилась. Должна была смириться, так как наши дети — наше богатство, наше счастье. Жизнь наша не была безоблачной, и не только из-за голода, холода, болезней детей и его, но и потому что на Украине тогда не просто было начинать писать «Историю украинской литературы». На каждого классика украинской литературы вешали ярлык украинского буржуазного националиста и т. д. После напряженной работы он приходил домой серым, но за двадцать лет не было ни единого раза в жизни, чтоб я не разделила его горя, его беды, сомнения, тревоги. И не уходила от него до тех пор, пока полностью не освобождала его душу от страданий.

Но я отвлеклась. Дорогой Юрий Васильевич, я ноль без палочки — всего лишь бывший библиотекарь, теперь пенсионерка, но ваше творчество знала и любила с первых публикаций. Этот роман воспринимаю великим психологическим произведением, стоящим рядом с произведениями Достоевского, Толстого! Глубокие мысли, вроде незаметные, но какие емкие штрихи... Тончайшее проникновение в душу героя, его страдания. У вас что ни фраза — то наука!

Я преклоняюсь перед вашим талантом, очень люблю читать ваши книги, слушать ваши выступления. Но искренно грустно, что, мне кажется, я чувствую, что с настоящей, в нашем понимании, русской женщиной вас судьба так и не свела! Ваши героини или современные холодные эгоистки, или что-то возвышенно-слабое, хрупкое существо, или прекрасные, но далекие, в дымке, неосуществимые. Наверно, теперь настоящих жен-подруг становится все меньше, и надо полагать, в скором времени они исчезнут, а мужчины превратятся в послушных

козликов или собачек, стоящих в позе «смирно» на задних лапках?! Это ужасно! Как жалко прекрасных мужественных мужчин и женственно-нежных женщин! А ведь меня мой покойный муж (за двадцать лет жизни) всегда приносил к себе на руках! А я у него была и нянькой, и кухаркой, и мамой, и царицей (в клетке!). Правда, мне ужасно не повезло — он умер слишком рано, а я вместо того, чтоб пробивать дорогу себе (в сорок лет), начала оживлять его рукописи, в которых оставила свои глаза и похоронила вторую половину жизни. Вырастила таких прекрасных детей, что все завидовали. У всех красные дипломы! И увы, все — несчастные, всем так трудно живется, что Лешенька (кинорежиссер) бросил свой родной город и уехал на край света, не оставив адреса. У Тарасика (физик-теоретик) зарубили, ободрали уже не одну его диссертацию. А старшая — Лариса — кандидат искусствоведения (имеющая до 300 печатных статей и 3 книги) — все еще оправдывается на своей должности.

И во всем виновата я. Правда, есть у меня и внучечка, ей 16 лет. Так это вырос монстр! Откуда? Ответа найти невозможно. Но у меня от всего, на нервной почве дикая аллергия и прочие гадости. А у дочери — язва желудка на нервной почве от ее «ангелочка». И теперь я уже чувствую себя полной перчаткой или человеком, свалившимся с Луны! Завтра дочь ложится в больницу, а я боюсь оставаться с внучкой дома одна. Боюсь. Вот до чего дожила. Хотя разум еще у меня здравый вполне.

Вновь отвлеклась. Дорогой Юрий Васильевич. Вы простите, пожалуйста, меня за «бред». Я хотела еще одно замечание сделать вашему герою. Он ведь такой чудный, такой тонкий и нежный. Но почему, почему он ни разу не подумал даже о матери своей нежной? Тем более мы знаем, какой была ее жизнь. Ведь как больно старым матерям, когда их хорошие дети вычеркивают их из своей жизни напрочь!

Я написала две повести. Одна о молодых матерях в оккупации (я уже писала об этом), другая — о молодых ученых-физиках, гибнущих среди подонков, бесчестных подхалимов. Но обе они лежат, так как никому не интересно поддерживать старую вдову, хотя, когда читала я в Доме творчества, где находилось более 40 человек, — женщины плакали, а мужчины целовали руки. Правда там, истинная правда! И нужна она людям, но

я — бесправная старуха. А вдруг у вас мелькнет искра желания поддержать несчастную вдову! Я бы рассказала вам многое интересное, нестандартное... Ведь у нас все о сельском населении пишут, вроде у горожан ни проблем, ни трагедий нет. Есть они, и еще какие. Сыновья мои и стихи прекрасные пишут. Особенно Тарас. Я очень хотела одно послать вам, но боюсь. А вдруг вы не получите мое письмо? А вдруг пропадет такое стихотворение, которое не хуже современных образцов?

Я все понимаю. Я знаю. Все ужасно заняты. Вам нет возможности поднять головы... Это все верно. Так жил и мой муж. Так живет и дочь

И все же. Сделайте зигзаг! Ответьте не молодой красавице, а ужасно изуродованной жизнью, несчастной старухе! Напишите, что есть у вас добрый человек, который согласится быть редактором моих повестей или даже соавтором! А? Юрий Васильевич?! Ведь вы поистине гениальный писатель и очень добрый, искренний, без комплексов человек! Ведь Толстой бы пожалел такую, как я. Вы не граф, но характер у вас такой, что вы чувствуете боль другого.

Все. Простите меня, пожалуйста. Но ответьте, хоть что-нибудь черкните. Пожалуйста! И дай вам Бог здоровья и настоящего творческого настроения. Удачи, счастья.

Валентина Прокофьевна Мороз.

P. S. Глубокоуважаемый Юрий Васильевич!

Не сочтите, пожалуйста, что я рехнулась. Право, нет. Просто мне действительно тяжело жить, а я, глупая, все еще верю в то, что не может быть, чтоб не нашлось в нашей святой Руси доброго, искреннего человека, обладающего даром сострадания. Я верю, я оптимист. Это Вы!

Уважаемый Юрий Васильевич!

Большое спасибо вам и всем, кто явился организатором этой интересной встречи «Диалог с писателем». Я, безусловно, люблю ваше творчество, но «Игра» вызвала во мне внутренний протест, я не поняла побуди-

тельных причин для написания этой вещи. Теперь я поняла почему. Мне казалось, что это я только не знаю, но ваш диалог (спасибо вам за ваши встречные вопросы) показал, что я не одинока в своей растерянности — оказывается, мы все (читатели) предполагаем, что вы (писатели) знаете рецепты от всех болезней нашей действительности. Вы рецептов не знаете, так я поняла. Значит, вы тоже в растерянности. И призываете всех вдуматься и думать, размышлять...

Наверняка можно было бы сказать, что в период растерянности лучше не писать, но нет, я так не скажу, я не уверена, только я согласна с вами по вопросу о воздействующей силе слова, просто сегодня я поверила вашей совести — раз вы пишете, значит, так и нужно.

Но хочу возразить вам — и только ради этого я вам пишу: не является слово «любовь» самым главным словом, не является оно и самым высоким — вся наша русская литература, с которой я живу вот уже сорок четыре года, во мне воспитала, а жизнь подверждает, что было всегда и остается поныне величайшим чувство долга, да и вы с этим, наверное, и согласитесь — только если это слово делать заглавным, у человека не отобрать смысла жизни.

Лучше я поставлю точку. Я не литератор, а скорее математик, поэтому могу во фразах запутаться. Но до глубины души уверена сама, долгом своим почитаю уверенность эту в своем сыне взрастить, в любом споре отстаивать готова, что только чувство долга — перед семьей, перед Родиной, перед человечеством плюс верность идеалам — это тот стержень, на котором держится жизнь. А любовь — это свет, который освещает и освящает жизнь, а жизнь — это и есть непрестанный труд. Но это уже другие вопросы. А во всем остальном — я бесконечно рада, что была участницей вашего разговора с читателями, посылаю свою реплику и присоединяюсь к аплодисментам, прозвучавшим в зале.

С глубоким уважением,

Николаева Зоя Ильинична.
г. Воронеж.
1986 г.

Юрий КУЗНЕЦОВ

Самые интересные письма приходят от людей непишущих. Эти письма трогают, потому что они искренние и бескорыстные. По ним видно, что люди чувствуют какие-то стихи. Они делятся своими впечатлениями, размышляют, восклицают, негодуют.

А вообще, основную почту составляют письма пишущих, причем людей активных, «инициативных», настойчивых и даже назойливых. Они всегда просят прочитать их стихи. То есть присылают корыстные письма. Люди стремятся что-то получить. Такие письма никакого удовлетворения не приносят. Их авторы хотят услышать только то, что хотят, а не то, что им говорят. Порой выскажешь отрицательное мнение о стихах того или иного человека, а он уже новое письмо шлет, протестует против твоих оценок. Но я в дальнейшую переписку никогда не вступаю.

Это зависит, видимо, от характера и образа жизни. Усидчивый я только тогда, когда пишу стихи. Даже матери пишу редко, прибегаю к помощи телефона.

Порой мои корреспонденты, я имею в виду корреспондентов «пишущих», звонят, просят о встрече. Но я от этих встреч ничего не могу взять для себя, для своего духовного обогащения. Эти встречи превращаются в мои монологи. То же, о чем говорят «пишущие», мне неинтересно.

Это прозаику необходимы встречи с разными людьми. Он — исследователь жизни. Ему важны конкретные судьбы, бытовые подробности. Но меня это мало интересует.

Я подозреваю, что основной мой читатель — это любитель поэзии, человек застенчивый и письма не пишущий. Он не хочет беспокоить поэта и тем более навязываться. Наверное, потому, что я не исследователь подробностей жизни, не прозаический у меня взгляд. Это видно по стихам. Стихи мои обобщенные. Меня интере-

суют глубины экологического бытия, а психология меньше всего. Это, естественно, сказывается и на характере моей почты.

«МИР СУЩЕСТВУЕТ ПОЭТИЧЕСКИ»

Дорогой Юрий Поликарпович!

Есть легенда об уличном акробате, который, не зная молитв, чтобы выразить благодарность Богоматери, сделал перед ее иконой то единственно, что он умел, — ходил колесом, крутил сальто-мортале и под. И никто не называл это кощунством.

Прочитав Твою книгу, я написал письмо, но увидел (разглядел), что это куча банальностей и что это — не мой «жанр». И вот я посылаю единственное, что я более или менее умею, — научную работу (в миниатюре). Не отвергай моей благодарности.

Ю. Кузнецов — поэт оригинальный, оригинальность его очевидна, и это обстоятельство достаточно ощутимо вредит его репутации поэта, так как направляет внимание критиков по ложному пути.

После Вознесенского под оригинальностью фактически стали понимать внешний вид стихотворения — при банальном, если не убогом, его содержании. Свои стихи Вознесенский наряжает, как цирковой артист себя перед выходом — ярко, пестро, и они, естественно, вызывают повышенное любопытство. Но интерес этот — «особого» свойства: толпа ждет, какую штуку «отмочит» знаменитый маэстро на этот раз. Каждое стихотворение Вознесенского — это номер цирковой программы, только «на арене слова»: тут и эквилибристика, и фокусы, и сеанс массового гипноза и т. п.

В критике встречаются общие оценки поэзии Ю. Кузнецова, но широко обсуждаются или отдельные стихотворения («Атомная сказка»), или даже отдельные строчки. Так, довольно продолжительное время критику будоражила строчка «Я пил из черепа отца». Обсуждение приняло азартный характер со скандальным оттенком, что не могло не сказаться на глубине разговора (разговора, впрочем, не было, были отдельные выкрики). Поверхностное обсуждение легко принять за мелкость самого произведения, и если это был замысел, то следует признать, что он удался. Но есть свидетель, что обсуждение происходило самым не — «лепым» образом — смех. Читать без улыбки все написанное (иногда

даже «со слезой») по поводу этой строки было невозможно. Я не исключаю даже реплику В. Соколова, самое толковое из всего сказанного. Улыбалось, конечно, само обсуждаемое стихотворение. Критики оказались в ситуации, комической по самой своей природе. Чтобы получить понятие об этой природе, достаточно представить себе, скажем, князя Игоря с «Литературной газетой» (с ее полемиками и дискуссиями, судебными очерками и золотушным смехом так называемого Александра Иванова) в руках. Критика не нашла соответствующей позиции по отношению к поэтическому творчеству Ю. Кузнецова.

Понять ее в контексте одного (именно «нашего») времени и пространства невозможно, так как в его стихах одновременно соприсутствуют несколько времен и пространств. Лирическому герою его поэзии «тесно» в пределах исторически «своего» времени и пространства, отсюда иногда своеобразное «озорство» пространством («Я хлопну-перехлопну Запад о восток»).

Если воспринимать стихи Ю. Кузнецова, твердо памятуя, что реально только «здесь и теперь», то «там и тогда» необходимо окажется «поэтической фантазией», которой иной раз трудно даже приискать объяснение, до того она представляется необязательной. Например, в стихотворении «Европа» лирический герой грезит любовью к мифологической женщине (оказываясь таким образом соперником Зевса). Вопрос: что, собственно, потерял Ю. Кузнецов в Древней Греции? — напрашивается сам собой. И этот вопрос нельзя третировать свысока. Поэзия вместе с тем не отвечает на вопросы, поставленные прозаическим сознанием. Указанным образом поставленный вопрос — вопрос риторический, он заключает в себе ответ: ничего в Древней Греции Ю. Кузнецов не потерял, и придуманная любовь к Европе — просто литературное упражнение, и только.

Выразившееся в этом стихотворении чувство, однако, не оставляет сомнения в своей искренности и подлинности. Полюбить Европу на самом деле? Да это патология! Но любовь-то бывает разная. В этой банальной мысли есть доля истины. Спросим: что «составляет» Европу? Что может составлять человека? Ну, руки, ноги. Но ведь тут любят не просто человека, а женщину, и ясно, что речь идет не о любви к «ближнему», а о любви к женщине. Но вопрос остается. В другом стихотворении поэт пишет:

В твоем голосе мчатся поющие кони.
Твои ноги полны затаенной погони.

И запястья летят по подушкам — без ветра
Разбегаются волосы в стороны света.

В любимой женщине лирический герой не только различает многовековую беспокойную жизнь степного Востока, но и любит ее, и эта жизнь входит в жизнь любимого человека, и если все это исчезнет и останется «примиленькое», пусть и любимое по-прежнему существо, то ведь очевидно, что меняется род любви.

Выразимся погрубее и пояснее: есть разница в любви к опереточной красотке и к «нормальной» женщине? Понятно, что к этим двум родам любви не только «примешиваются» различные ассоциации, но содержание этих «ассоциаций» является содержанием любви.

Любить Европу вовсе не означает уйти в Древнюю Грецию как в царство мечты. Любовь «через века» вбирает в себя эти века, а не «перепрыгивает» через них. Но тут встает снова тот же вопрос: каков реальный смысл этого утверждения? Можно любить то или иное время: время года, время дня, возраст, можно, наконец, любить и «детство человеческого рода», но нужно отдавать отчет в различном смысле одного слова. Лирический герой любит не «время», не «эпоху», а женщину, но можем ли мы сказать, что мифологическое время тут ни при чем? В этой любви исчезает противопоставление времени и женщины во времени — как отдельного существа, пребывающего «во» времени. Остановимся на этом.

Волос Европы в клюве синицы
Вился высоко на просторе
Над бездной железных веков,
Над пеной любовных историй,
Над спинами спящих быков...

Ясно, что путь синицы от Европы к лирическому персонажу изображен не «натурально», а иносказательно: в частности, время переведено в пространство. Обычно мы удовлетворяемся тем, что узнаем «непрямое говорение» и, признавая за ним право на существование, тем более в поэзии, наскоро — для себя — делаем прозаический перевод, и получается что-то вроде: огромная жизнь огромной части человечества пролегла между Европой и «Юрием Кузнецовым» (то есть «лирическим

я» поэта), и эта жизнь легла между ними как препятствие. Совершенно очевидно, однако, что сам Ю. Кузнецов сказал не только «лучше», но и точно (а не «что-то в этом роде»), и условием этой точности в данном случае и была иносказательность, соединение прямого и переносного значений высказывания.

Здесь я хочу высказать то, ради чего, собственно, стоит писать: все творчество Ю. Кузнецова убеждает меня в том, что поэзия возвращает человека в его изначальное состояние. Человек, ограниченный условиями времени и пространства («условный» человек), — это только «часть» (лучше по-гречески — ипостась) человека; весь человек, целое человека и есть целое мира, со всеми его временами и пространствами. Но человек живет реально в своем времени и своем пространстве, которые соотносятся с целым не так, как квартира с целым домом. В гости к древним грекам не зайдешь. Иносказательность слова и является уловимым свидетельством «иносказательности» (метафоричности) самого бытия человека. Наше физическое бытие и сопряженные с ним другие формы «сознательной», душевной и сердечной жизни проходят в одном бытийном плане, здесь мы устанавливаем «центр тяжести» нашей личной жизни, придающей ей устойчивость.

Поэзия, поэтическое слово зарождается у пространственно-временного человека (телесного человека) как стремление к преодолению тесноты, тягости телесной формы жизни и возвращению в слово. Не просто перейти из своего времени в другое (рядом с Европой герой стихотворения грезил бы «русской девой»), а превозмочь их — вот в чем подвиг поэта. Но «превзойти» — не значит отказаться, а продвинуться вперед, не отрицать пространство и время (уйти в дистиллированную среду — в кабинет, в книгу, в бумажку), а преодолеть их, то есть уроднить себе жизнь всего мира, пережить, перечувствовать его, но не переосмыслить. Можно собрать сокровища со всего мира и перевести их на сегодняшний курс (по доллару) и стать обладателем большого количества одинаковых денег.

Поэзия Ю. Кузнецова — воплощение того свойства русского человека, которое Ф. Достоевский назвал «всемирной отзывчивостью». Утвержденность корня бытия в целом делает неустойчивым этот корень в частных временах, и это оказывается причиной несколько беззаботного отношения к ближайшему жизненному кон-

тексту (его «фатальной» неустроенности на Руси), на что с торжеством нам и указывают (а многие даже и помогают цивилизовать) наши доброжелатели.

Поэзия, раз возникнув, получает определенное внешнее выражение, разнообразные формы, и возникает тьма «вторичных» поэтов, царящих и шумящих в своем частном времени. Во всем мире есть только несколько истинных, всемирных поэтов (к числу последних, замечу в скобках, не принадлежит Байрон), которых имел в виду А. Пушкин, когда говорил, что произведения истинных поэтов свежи и вечно юны. Только в этом, всемирном контексте можно почувствовать, «поймать» поэта и самого себя (старший брат «на мысли о младшем брате»).

Противоположное стремление — не принять в себя весь мир с его конфликтами, а усреднить его сознанием, с наибольшей силой выражается сейчас в науке. В «Атомной сказке» Ю. Кузнецов изображает событие превращения Иванушки из сказочного дурака в научном смысле слова, то есть в клинического дурака. В этом стихотворении, хотя и много о нем было сказано, упущен очень важный, на мой взгляд, момент: превращение сказочной царевны-лягушки в лабораторный препарат сопряжено не только с разрушением сказочного состояния в мире (это-то и понятно), а и с «воцарением» научно-лабораторного, в контексте которого сказка — как отдельный факт — разумеется, невозможна. Поскольку все присутствует в физическом времени и пространстве, факт этот непосредственно незамечаем, но ведь, скажем, такое теперь обыкновенное явление, как трактор (вообще машина), работать в человеческой атмосфере, в очеловеченном времени и пространстве не будет, машина создает свой уровень машинного бытия, который неуклонно увеличивается, тесня человеческий.

Нас уверяют, что истинность расчетов ученого подтверждает работа машины, построенная на их основе. Машина — это воплощенная абстракция, абстракность которой не устраняет ни ее воплощение в стали и алюминии, ни производимая ею работа. Тот — абстрактно мысленный — контекст, в котором производились вычисления, чертились схемы, теперь — реальный жизненный контекст работающей машины. Абстракция утверждается в реальном мире как реальная ситуация, постепенно забирающая в себя весь мир. Единственный реальный противник этого — истинный поэт. (Повсеместно наблю-

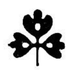
дающееся плотское остервенение есть болезненное сопротивление этому процессу.)

В стихотворении «Отец космонавта» слово «поперек» как раз, на мой взгляд, есть своеобразное проявление абстракции. Никто ничего не знает о погибшем космонавте, потому что он «прошел поперек», он ничего не знает ни о монголах, ни о немцах и французах. Напротив, в стихотворении «Повернувшись на запад спиной» Ю. Кузнецов изображает, как не «по-научному», не среди отвлеченных (освобожденных от нравственных ценностей) стран света ориентируется лирический герой, но как бы возвращаясь к донаучному способу: наши предки поворачивались лицом туда, где «встекает» солнце (востоку), и спиной туда, где оно «западает», то есть представляет себя в мире, ценностно сориентированном.

Собранный в целое, мир существует поэтически, истинные поэты — это «миродержатели».

Владимир Федоров
г. Донецк.

Владимир ЛИЧУТИН



У меня такое ощущение, что русский человек боится умереть, не высказавшись. Вот сейчас: даже в эти минуты на просторах Руси тысячи людей изливаются в письмах, исповедуются, мучаются за Отечество, засылая бумаги по всем этажам власти, чтобы как-то улучшить, исцелить кровоточащую жизнь. Кто-то ведет дневники, иной философствует, проникая взглядом в космос, за пределы мироздания. Эта, невидимая библиотека русского человека, пожалуй, перевесит видимую, что воздвигалась на полки, силою исповедального искреннего чувства. И как жаль, что миллионы криков, разосланных по властям, бесследно исчезнут, попранные равнодушной пятою служителя...

Я люблю получать письма и всегда с каким-то трепетом открываю их, как неведомое послание из невидимого мира, не зная, что обнаружится вдруг: иль приветное рукопожатие, иль капля змеиного яда.

«НЕ УТЕШАЙТЕ НАС»

Уважаемый Владимир Владимирович!

Давно хотела познакомиться с Вашим творчеством, но, поскольку времена нынче бешеные и публицистики не успеваешь просмотреть, это все откладывалось, пока не вдохновила меня статья Вл. Бондаренко («Москва», № 5, 1988).

Начала, однако, с «Домашнего философа» и «Любостая». «Домашний философ» оставил странное впечатление какой-то полуабстрактной живописи: краски — изумительные, а вот фигуры приходится разгадывать. Смысл, мне кажется, в том, что люди потеряли способность друг друга понимать, а в чем причина — и автору

не вполне ясно. Но есть какая-то магия в повести и великолепный язык.

Буду говорить лучше о гораздо более сильной вещи — о «Любостае».

Язык — выше всех похвал, прямо какое-то жемчужное шитье. Мне кажется, что в отношении языка Вы, северные писатели — Личутин, Балашов, Шергин (этот всем патриарх), Белов и другие, — скоро будете диктовать так, как в чем-то сейчас Великий Новгород берет реванш над Москвой: та разрушила все, что можно разрушить национального, а на Севере хоть что-то сохранилось, язык в первую очередь. Примеры: да хоть целиком главу 12 выписывай: «Показалась процессия, жидкий ручеек старушишек, они шли берегом и над светлою водою озера казались высеченными из елового корня-обдирыша. Латунная заря была испятнана нежной запоздалой зеленью, и было такое чувство, что поклонницы готовы вот так, не касаясь ступнями тихой озерной воды, без натуги войти в мреющее небо. Власиха шла впереди, несла икону Божьей матери казанской и через каждые двадцать-тридцать шажков начинала каралесение: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ...» Она затягивала низко, но приятно, и старушонки, поначалу ладно подхватив, вскоре уставали, разбредались голосами, угасая, как тает свеча. Горбатые, увечные, преклонные, изжитые, в той крайней степени немощи, когда уже сам почти не правишь собою, они, однако, в силу материнской натуры пеклись о родимом печище».

Но я не стану доказывать Вам и так ясное — удивительный Вы мастер, хотя у Вас и слишком много языковой роскоши, Вы украшаете языковым узорочьем и несущественное, не умеете еще ограничиваться.

Портреты у Вас прекрасные — и Бурнашов, и Гришаня, и Чернобесов, и Лизанька, и Каролишка — как живые, и все же главное не живопись, не натюрморты.

Вы подошли к главной теме, главной жиле и хребту: потере национальной культуры, и само это понимание выдвигает Вас в первые ряды, ну, пророков, что ли, которых, правда, пока бьют камнями или не замечают.

Почему разбежалась деревня? Не только потому, что прижали экономически, но стержень вынули из народа: его культуру с верой — и все рассыпалось.

Оттого и зачервивели люди всякими любостайными червями, а у кого в душе и целые змеи свили гнездо.

Люди потеряли нравственные ориентиры: «не убий», «люби ближнего», «будь кротким», «не прелюбодействуй», «чти отца своего» и т. п. Два поколения воспитаны в духе ненависти, саморазрушения — и это все губит. Ведь Бурнашов — хороший человек, все понимает, но его с младенчества не спеленывали нравственно, и он привык задираться, «скоблиться», ершиться — портить жизнь себе и другим. Он испортил себе сердце и погиб. Конечно, и судьба его наказала за то, что не был кротким (необходимость кротости и сейчас не понимают — потому что злы от воспитания). Кстати, есть Бог или нет: нравственные догмы Христа верны, а сейчас нужнее, чем когда-либо. Нужна народная, объединяющая красота, нужна ясность правды и романтическая таинственность, «старины заветные предания». Идите по пути романтизации реализма — зачем это нужно, я напишу позднее, ибо надо еще почитать «Скитальцев» и все обдумать, прочувствовать, разобраться.

У Вас, однако, начало очень затянутое. Ведь Космынин малоинтересен, не с него надо было начинать, но об этом — после. Как много я встречала таких, как Гришаня, а ведь спиваются, бедные, обесцвечиваются. Почти пропала русская задушевность. Как все восстановить? Над этим думаю и, может быть, додумаюсь также и с Вашей помощью. Почитаю Вас, обдумаю и напишу получше.

Н. Я. Серова,
г. Горький.

Уважаемый Владимир Владимирович!

Хотелось бы поделиться с Вами некоторыми мнениями по поводу прочитанного мной. Среди недавно прочитанного есть и Ваши книги.

Прежде всего с удовлетворением утверждаю, что сегодня есть у нас настоящая литература, немногочисленная, правда (и это не беда!), зато отмеченная глубоким знанием реальной народной жизни, чувством безоговорочной правды, жгучим желанием разобраться и в душах героев, и в причинах их человечности и дикости,

неподдельным сочувствием лучшим из своих героев. В книгах наконец-то дышит та же сложная, часто горькая жизнь, которая нас окружает.

Но если реальная жизнь часто бьет, но редко утешает, не лучше ли читателю искать утешения хотя бы в литературе? Тем более что такая литература всегда к нашим услугам. Когда литература как искусство тебе небезразлична, то разлад между тем, что видишь, и тем, что читаешь, становится невыносимым. Поверьте, угнетают не те трагедии, не та даже безысходность, которыми часто веет из лучших книг, а дутый оптимизм душеспасительной литературы. Заклинаю писателей: *не утешайте нас!* Одна лишь правда обнадеживает.

А теперь перехожу к тому, что, собственно, и подтолкнуло меня написать это письмо.

В книгах лучших наших писателей просвечивают два различных взгляда на недавнюю русскую историю. При этом история рассматривается писателями преимущественно через этику.

Мы читаем: сын методически, хладнокровно сживает со свету отца; дорвавшийся до власти подонок хватает за бороду всеми уважаемого человека; вооруженные инструкцией исполнители совершают надругательство над могилами; старуха, знаменитая тем, что создавала первые колхозы, теперь упрятывает в тюрьму одного зятя за другим...

Все как в жизни.

Но читатель вправе задать вопрос: а что, всегда ли в царстве этики дело обстояло так худо? Или бывали в нем иные времена? Не прослеживается ли в истории нравов более-менее прочный застой? Или и в ней действует закон эволюции? Или «революции»?

Разумеется, трудно представить, чтобы такой диалог между читателем и писателем мог произойти наяву. Но косвенно он происходит. Читатель спрашивает, писатель отвечает. И ответ чаще всего неутешителен.

Читателю говорят: жизнь всегда была суровой, жестокой штукой, и с этим ничего не поделаешь. Иногда из поединка с жизнью человек выходил победителем, но чаще погибал, либо смирялся и терпел, либо и не пытался бороться, а в своем рабстве находил некий смысл жизни. Зачем ходить далеко за примерами, дорогой читатель? Вспомни книги Гоголя, Чехова, Бунина — и ты поймешь, что мы правы. Впрочем, говорят писатели, мы не хотим вас пугать. Вот лично вы, как

вас там, можете быть вполне счастливым человеком, — в силу ли склада своего ума и характера или благодаря обстоятельствам, когда у вас не было ни возможности, ни желания глубже задуматься над своей жизнью. Что ж, будьте и дальше счастливы, только не читайте, ради бога, ни книжек перечисленных авторов, ни наших.

Иначе говоря, *выхода нет*. Или каждый должен сам искать этот выход, если сможет.

Но существует и другое, несколько противоположное мнение, в котором тоже, согласитесь, по меньшей мере «что-то есть».

Нет, говорят такие писатели, в царстве этики не было застоя, как не было его в социальной жизни. Судить о прежних временах только негативно — слишком односторонне, если не предвзято. Всему было место в недавнюю старину — и рабству, и страданиям, но и настоящему, не иллюзорному счастью, и истинной красоте во всех проявлениях человеческой деятельности, и человеческому достоинству, умеющему постоять за себя. Но затем что-то произошло...

Никогда прежде местная власть не оскверняла кладбищ, не рвала бороды старейшинам, не поощряла усердия заведомого дурака. Это просто *не было принято*. Ничего подобного у Бунина, например, мы не прочитаем. И фантазии Гоголя на такое не хватало. Достоевский *ужаснулся*, когда в России появился *один* Нечаев и погиб *один* Иванов. Чехов мог себе позволить посмеяться над унтером Пришибеевым, зато потом это перестало быть смешным, в полном соответствии с известным положением, согласно которому человечество смеется над тем, у чего нет будущего.

Да, в этом взгляде на историю есть известная доля полемики с названными писателями. Но в таком случае с ними спорят и Пушкин, и Тургенев, и Толстой, не столь мрачно смотревшие на действительность. А с Буниным в конце концов поспорил... сам же Бунин. И своими последними книгами, и своей биографией.

Когда-то офицеры не подавали руки опозорившему свое имя товарищу; теперь это достояние прошлого. Когда-то поссорившиеся бились если не на шпагах, то на кулачках, один на один; теперь одного бьют гуртом, ногами (подтверждение этому тоже есть в литературе, причем это явление названо чисто русским). Добавьте сюда еще масштабы пьянства, воровства, вранья... Вспомните, какую эволюцию претерпела нечаевщина...

Первая половина XX века обрушила на человека такие испытания, перед которыми он спасовал. Это не прогресс — регресс, не эволюция. Это и есть то, что *произошло*. Писатель, служащий правде и только правде, не может этого не знать.

Людей, исповедующих этот взгляд на историю, обвиняют в ностальгии по прошлому, в недооценке настоящего. И быть бы худу, если бы положение с этикой счастливым (простите!) образом не совпало с положением в... экономике. Точнее — в отношении к труду, а это тоже вопрос нравственности. Похоже, писатели сумели внушить, что, мягко говоря, спад темпов повышения производительности труда и его последствия (что посерьезнее «всяких там» абстракций) находятся в прямой связи с пренебрежением к этике и культуре вообще. Что ж, спасибо за это обеим сторонам!

Писатели недолюбливают слово «исправление» — нравов ли, причин ли их деградации. Хотя, пока есть силы писать, каждый, я уверен, надеется посильно исполнять и эту функцию. Иначе какой же дьявол вдохновляет его живописать человеческие мерзости! Письмо вчерне уже было написано, как вдруг попалось у Крупина (как раз на тему): «В конце концов все бились из-за одного, чтобы люди улучшались». Так вот, я думаю, Вы согласитесь, что, прежде чем что-то исправить, надо это «что-то» честно и недвусмысленно назвать по имени. Не названное исправлено не будет!

Ну хорошо, литература вправе и не брать на себя «побочных» функций. Цель творчества — оно само. Но изображать (воспроизводить, отражать, отображать — как хотите) правду и только правду — это не «побочная», а самая что ни на есть прямая функция литературы. Неужели правда писателей, условно говоря, второй группы не полновеснее правды первой?

Вот мы и вернулись к вопросу об оптимизме. Хотя оптимизм этот и сильно горчит, но если только правда обнадеживает — да здравствует правда!

Так или иначе писатели второй группы, не греша против художественной правды, *назвали* причину неблагополучия в этике. И это очень много! Понимаете: говорить, что *нет выхода*, уже не обязательно, это не неизбежно. Как же можно говорить «нет выхода» соотечественнику, у которого такое приниженное выражение глаз!

Что вы, уважаемый Владимир Владимирович, обо всем об этом думаете?

Не настаиваю, что все сказанное — мое глубокое убеждение. Это только догадка. Но разобраться во всем хочется мучительно.

С глубоким уважением

Т. М.

Уважаемый Владимир Владимирович!

Роман Ваш прочитал запоем, хотя нет в нем организующего сквозного действия, сюжета в привычном смысле слова — все за счет великолепнейшего письма. Помню «Белую горницу» и «Время свадеб», но новый роман — очень серьезный, на мой взгляд, шаг вперед в росте Вашего мастерства, с чем я Вас сердечно поздравляю! Надеюсь, не станете серчать на расточаемые похвальные слова в связи с тем, что дальше мое письмо будет обретать все более мрачную тональность — соответственно нагнетанию мрачности в Вашем романе.

Я узнал и не узнал героев, переселенных Вами из «Белой горницы» — уж очень больно и тяжело проворачиваются их жестокие, гибельные судьбы: бывший убийца освобождается от власти мира зла, бывший милиционер становится убийцей. Навязчив, постоянен мотив «пауков в банке». Убийства, пьянство, браконьерство, предательство, разврат, ссоры, страх, взаимное непонимание и безысходная тоска — спутники героев от первой до последней страницы романа. Я понимаю, что Вы поставили задачу большого нравственного смысла и силы: показать отмирание отжившего сознания — это процесс непростой, длительный и болезненный. Все так, но нельзя ли хотя бы намеком показать хоть какую-то надежду, хоть малый светлый росток. Ведь об этом буквально вопиет сама необходимость в соразмерности света и тени, ибо, переложив тени, живописец неизбежно искажает картину.

Не в упрек, а справедливости ради, должен напомнить Вам, что роман еще, на мой взгляд, не вполне «выделен» и в малом, и в большом. В малом: некоторые

эпизоды повторяются несколько раз (сон Малаши пересказан два раза, а смерть старухи Усановой, кажется, более трех); неуместно выглядит неожиданное авторское выступление о дяде Петенбурге; искания Тимофея Ланина неубедительны в истоках, в причинах, с которых они начались; наконец, тысячу раз повторяемые Ваши «черева» просто уж и смешны, и назойливы — и у кита «черева», и у неба, и у моря, и у бабы, и у мужиков — везде все «черева»...

Но главный, в большом, упрек возникает к Вам такой: отчего же все-таки такой теневой пережим? Прежде всего — Тяпуев. Глава с бронзовым бюстом — не слишком ли? И не почему-либо, а по художественной недостаточности: раздражение автора и благоговение героя — как смешение сладкого с соленым. Или уж глазами Тяпуева (тогда многие резкие определения уйдут), или глазами автора (тогда опять же интонация станет более сдержанной, без «сарафанных» сплетен). Второе: чересчур много мерзавства — во всех родах и видах. Даже эпизодически мелькнувший председатель со знаменательной фамилией Тряпкин — пьянь и никчемность, бывшая комсомолка Юлия Парамоновна — образ просто страшный, сталинист Тяпуев и бывший убийца и тюремный надзиратель Мишка Крень — одного поля ягоды получились, Куклин — вор, Сметанин — мерзавец по призванию, Коля База — мерзавец потенциальный, Гриша Чирок — предатель и подстрекатель к убийству, Тимофей Ланин — душевно надломленный, жена его — урод... На этом фоне образ Анны Вешняковой приобретает фантастическое, непомерное значение. Да еще предсмертное просветление Креня. Вкупе все это — авторская нарочитость, а не просто сгущенная правда жизни, чего, очевидно, Вы хотели добиться. Но — сгущение сгущением, но не до смертельно же спекшегося кома!

И наконец — кто фармазон-то? Крень? Тяпуев? Все? Или это понятие чисто внутреннее, собирательное? Тут бы надо прописать пояснее и поспокойнее.

Что же в итоге? На мой взгляд, «Фармазон» — прекрасно написанный роман, но с несколько несоразмерной идеей. Мне думается, что Вы излишне увлеклись и переложили соли и горечи. Если Вы пойдете на то, чтобы проредить, продергать непролазные душевные чащобы своих героев, на то, чтобы впустить в роман побольше воздуха и света, роман может стать незаурядным явлением. Между прочим, Н. П. как раз об этом и го-

ворил мне, что Вы намерены поработать над романом. Если такое произойдет, мы с готовностью вернемся к рассмотрению рукописи.

Всего Вам доброго, полного успеха с «Фармазоном»!

С приветом, *Б. Д.*
1980 г.

Валентин
ПИКУЛЬ

Хуже нет, когда читатель просит разрешить его конфликт с сельсоветом, помочь в пересмотре его уголовного дела или срочно выслать ему свое «собрание сочинений». Стараюсь на такие письма не обращать внимания, ибо я не председатель сельсовета, не прокурор и даже не классик, чтобы иметь «собрание».

Писем много! Если отвечать на все, то я уже никогда бы не смог писать прозу — для нее не хватило бы времени. Пусть читатели поймут меня правильно и не обижаются, если до сих пор не получили ответа. Из массы писем я выбираю лишь те, которые меня могут заинтересовать. Это — письма с вопросами по генеалогии, ибо я влюблен в эту науку родственных отношений. Это письма музейных работников, спрашивающих об атрибуции портретов старого времени, которые в каталогах значатся «неизвестными». Наконец, я благодарен читателям, указавшим мне на ошибки или просчеты, допущенные мною в романах.

Каких читателей я не люблю? Не люблю тех, которые считают свои биографии достойными «бессмертия» и требуют от меня, чтобы я немедленно взялся за их жизнеописание. Тошно бывает, когда из конверта выпадает скомканная десятка или пятерка — с суровым наказом выслать свои последние романы, для чего со мною заранее рассчитываются. Должен сказать, что я дарю свои книги инвалидам Отечественной войны, несчастным калекам, прикованным к постели, наконец, просто бедным людям, которые откровенно пишут, что их пенсии не хватает на приобретение моих книг.

Здесь мое сердце плачет — я становлюсь добрым!

Но добрым человеком я себя никогда не назову...

«МОЙ СЛУЧАЙ В КАКОЙ-ТО СТЕПЕНИ УНИКАЛЬНЫЙ»

Уважаемый Валентин Саввич!

Вы, быть может, удивитесь такому письму, но я решил все же написать его. Речь не о Ваших произведениях. К сожалению, у нас их достать невозможно.

Я — противник лжепатриотизма, ибо лжепатриотизм и национализм — в сущности, родные братья, они — враги правды и объективности, интернационализма и дружбы. Лжепатриотизм надо разоблачать, от кого бы он ни исходил, ибо он оскорбляет чувство национального достоинства других.

Знакомы ли Вы с книгой Г. Г. Гамзатова «Преодоление, становление, обновление» (Махачкала, 1986 г.)?

В этой книге на 37-й странице автор обвиняет Вас «в манере печальной памяти великодержавного высокомерия» и «в приемах, унаследованных из арсенала пошлой бульварщины».

Г. Г. Гамзатову не нравится, что Вы не испытываете добрых чувств к Шамилю. При этом автор апеллирует к «народам, чьей исторической и духовной памяти это имя принадлежит».

Да, действительно, Шамиль остался в памяти дагестанских народов, его неукротимая воля, гибкий ум, личная отвага воспеты благородными потомками. Но, кроме такой стихийной памяти, существует и историческая правда.

У Г. Г. Газматова, да и не только у него, постоянно речь идет о «движении горцев», об «освободительности» этого движения и т. д.

Непонятно, о каких горцах идет речь. Слово «горцы» само по себе ничего и никого не означает, это люди, живущие в горах. Но ведь в дагестанских горах живет много народов. Например, *лакцы* являются дагестанскими горцами. Но они не имели никакого движения ни против царизма, ни против «неверующих» русских. *Даргинцы* — тоже являются горцами Дагестана, но они также не имели никакого движения ни против царизма, ни против русских. *Табасаранцы* являются равноправными горцами Дагестана, но они никогда не выступали против царизма и не имели никакого движения. Это можно сказать и о *лезгинах, цахурцах, рутальцах, агулах*. Если взять *кумыков, ногайцев* и *татов,* живущих на плоскости, но тоже являющихся дагестанцами, то они также не

имели никакого движения ни против царизма, ни против русизма.

Выходит, что во главе с имамом Шамилем против царизма и русизма боролся только один народ — *аварский.* Непонятно тогда, для чего в мюридизм Шамиля и его борьбу против русских втягивать всех дагестанских горцев, за компанию, что ли? Не лучше ли движение Шамиля назвать своим конкретным именем — *«движением Шамиля»* или *«аварским движением».* Посторонних горцев не следует сваливать в одну кучу. *Кроме аварцев,* другие дагестанские народы не участвовали в *войне Шамиля,* несмотря ни на какие его усилия втянуть их в свою религиозно-фанатическую авантюру.

Профессор С. Ш. Гаджиева пишет: «Известно, что Шамиль стремился как можно больше *расширить* подвластную ему территорию, *распространить свое влияние и на другие народы.* С этой целью он применял к ним, в частности к населению плоскости, жестокие меры принуждения, не менее жестокие, чем меры, которые применял царизм. Отдельные народы Дагестана, в частности кумыки, а за пределами Дагестана — осетины, кабардинцы, адыги и т. д. придерживались веками установившейся ориентации на Россию, которая, несомненно, стояла на значительно более высоком уровне социально-экономического и политического развития». Или еще: *«Шамиль стремился подчинить себе все народности Дагестана.* При этом он *не считался* ни *с национальными интересами других народов,* ни с особенностями культурного и экономического развития»; «Движение *Шамиля* в основном охватывало горную часть Дагестана, в частности Аварию»; «Движение шло под флагом мюридизма — наиболее реакционного, воинствующего течения ислама. Движение мюридизма отрицательно сказалось на развитии производительных сил. Шамиль был чрезвычайно жесток в обращении со своими единоверцами, к тем обществам, которые его не поддерживали или не оказывали ему повиновения».

— Был ли Шамиль руководителем борьбы *всех горцев?* — ставит вопрос профессор В. С. Тотоев и отвечает: — Нет, это неверно. — По мнению ученого, социальной опорой Шамиля была феодальная верхушка. Вместе с тем он подчеркивает, что «в движении Шамиля были разбойничьи элементы», «в 1846 году, когда сам Шамиль прибыл в Осетию и Кабарду, его мюриды разграбили селения Эльхотово и Заманкула. Он мстил за то, что

эльхотовцы и жители других осетинских селений жили в мире с русскими. Во время другого похода (1843 г.) он разграбил не только казачьи станицы, но и хутора Осетии».

Шамиль убивал и грабил всех своих соседей. По отношению к соседним народам движение Шамиля было грабительским и разбойничьим. Всем известны разбойничьи походы Шамиля и его мюридов в Лакию, Даргинию, Табасаранию, Грузию, Осетию и т. д. Кого же он освобождал, каких горцев? От кого или от чего он освобождал? Не кажется ли кощунственным называть главаря разбойников и грабителей освободителем, а его грабительские и разбойничьи налеты — невинными «экспедициями». Наблюдается странная тенденция в трактовке движения Шамиля. Речь ведется о войне Шамиля с царизмом, русскими, и судят о характере этой войны. Но при этом забывают о движении Шамиля против соседних народов, о бесконечных грабежах, о беспощадном истреблении неугодных ему людей, о характере так называемых экспедиций Шамиля в Казикумух, Акуша, Хайдак, Табасаран Ахты, Джунгутай и т. д.

Шамиль жестоко расправлялся не только с соседними народами, освобождая их от жизни и имущества, но и со всеми теми из своего окружения, кто в малейшей степени мог бы быть его соперником. Профессор Г-А. Д. Даниялов пишет: «...Имамы, в том числе и Шамиль, являющиеся представителями узденства и духовенства, истребили в Аварии почти всех светских феодалов, боясь их соперничества и влияния на народ. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Наиб Шамиля Аличула уничтожил всех феодалов аулов Киди и Соситль, Гамзат-бек истребил феодалов Султаниловых в ауле Ругуджа. Кебед Магомед уничтожил телетлинских, гидатлинских и других беков и чанков. Известен факт поголовного истребления Гамзат-беком аварских ханов. Им же был казнен сын Сурхай-хана в Хунзахе. Шамилем был казнен хан Эрпелинский, уничтожено Дженгутайское ханство»; «Шамиль... создал новый привилегированный слой. Постепенно разлагаясь, эта аристократия превратилась в эксплуататорскую касту, угнетавшую население».

Вот Вам и «движение горцев» под руководством Шамиля, вот Вам «освободительная война» Шамиля! О какой «исторической и духовной памяти народов» можно тут говорить? Нельзя же прикидываться Иваном,

не помнящим родства, путая антинародное с народным, реакционное с прогрессивным.

Впрочем, дух мюридизма Шамиля не пропал бесследно. Разве аварские лжеимамы и шейхи, махровые реакционеры и антисоветчики Н. Гоцинский, Узун-Хаджи, К. Алиханов и им подобные не были прямыми духовными наследниками мюридизма Шамиля? Чего стоит духовное кредо Узун-Хаджи: «Я вью веревку, чтобы перевешать всех инженеров, студентов и вообще пишущих слева направо»?! Разве наследники этого духа перевелись сейчас окончательно? Как бы не так! Только они хорошенько перелицевались.

От исторической правды никуда не денешься. А она такова, что Шамиль боролся за свою собственную власть и неограниченные возможности безнаказанно убивать и грабить.

Теперь несколько слов о «великодержавном высокомерии». Беда в том, что сам Гамзатов страдает этим пороком. Он, злоупотребляя служебным положением, неограниченной поддержкой и властью, постоянно притесняет и преследует представителей интеллигенции других народов. От его власти, своеволия и произвола люди онемели, потеряли свое достоинство, превратились в покорных молчунов или неисправимых угодников. У нас ничего невозможно изменить. На жалобы никто не реагирует, они возвращаются на рассмотрение к тем, на кого написаны. Никто не хочет связываться с авторитарностью, вседозволенностью, семейственностью и протекционизмом. Эти пороки здесь держат круговую оборону.

С уважением З. Г. Абдуллаев,
доктор филологических наук,
г. Махачкала

Уважаемый Валентин Саввич!

Приношу самые глубокие извинения за то, что отрываю Вас от основной работы, но, возможно, что мое письмо представит определенный интерес.

Мама моего папы — Вера Петровна — урожденная Ганская. Какие-то общие корни есть с той самой Ган-

ской, женой Бальзака. Кстати, в Верховне Житомирской области сохранилось ее имение. Дом занят под сельскохозяйственный техникум, в одной небольшой комнате — довольно убогий музейчик. Так себе — кое-какие книги, бюст, почти ни одного предмета обстановки того времени.

Но вернемся к предмету моего рассказа. У бабушки было три брата: Петр, Алексей и Сергей. Жили в Одессе. Кратко, со слов умершего отца, расскажу о них.

Алексей Петрович Ганский был известным русским астрономом. Он основатель знаменитой астрофизической обсерватории в Симеизе, которая почему-то его имени не носит. Много путешествовал, один из первых поднимался с научными целями на Монблан — для проведения астрономических наблюдений и фотографирования солнца. Кстати, его фотоснимки солнечной короны долгие десятилетия считались непревзойденными. Это при той-то технике... В семье у нас бытует предание, что какой-то американский меценат долго уговаривал Ганского переехать в Америку, сулил ему, естественно... Кстати, и Симеизская обсерватория в Крыму тоже выстроена на деньги какого-то мецената. Но вот сохранилось ли его имя?

Погиб мой двоюродный дед тридцативосьмилетним, трагически и, как всегда, нелепо: утонул в море под стенами своей обсерватории. У нас только и осталось, что небольшая картина, вернее — этюд, изображающий его за столом у лампы. Одна-две его фотографии, да десяток фотоснимков, которые он привозил из своих путешествий по миру. Вот вся память о человеке. Детей у него не было.

Старший брат — дядя Петя, как называл его мой папа, был художником. Практически всю жизнь прожил в Париже, но был частым гостем на своей родине в Одессе и в крошечном и весьма запущенном имении под Одессой, где-то в сторону Молдавии.

Современник и, видимо, соратник — ведь одного же цеха — франкских постимпрессионистов, дядя Петя использовал их технику в своих работах, оставаясь по духу и существу своему глубоко русским художником. У нас дома в числе других, менее удачных, есть замечательная картина. Знойный полдень, украинский садок, в тени три мальчика — один в соломенном бриле — сидят, курят. Тишина, зной, покой... Сюжет вроде простой, но как приятно на картину смотреть в слякотную мос-

ковскую зиму, немного отдышавшись и придя в себя после столичной троллейбусной толчеи.

На родине о нем практически ничего не известно. В художественном музее в Николаеве видел как-то его картину — женский портрет, лицо в тени, волосы залиты солнечным светом. Потом картину убрали в запасник. Время было, сами знаете, — зарубежных русских деятелей культуры отнюдь не пропагандировали, какого-либо письменного упоминания о нем я не нашел.

Умер он во Франции где-то в конце войны, как мне представляется. Рассказывали, что он подвергался гонениям, потому что, расписывая церковь в одной французской деревеньке, изобразил в картине Страшного Суда (знаете, там, на стене, противоположной алтарю) Гитлера, которого мучают черти.

Детей у него тоже не было. Дома у нас есть несколько картин, фотографии, в том числе шикарная любовница-француженка с громадной меховой муфтой на фоне каких-то экзотических пальм...

Третий брат — Сережа, был, по отзывам папы, самый талантливый из них. Прекрасно рисовал, писал стихи, пел. Но себя найти не успел — скончался семнадцатилетним от менингита. (В жизни никогда не писал это слово.)

Ну а бабушка моя, Вера Петровна, была обычная любящая мать троих детей. Муж ее, мой дед, Гаврило Петрович Иваненко, потомок запорожских казаков, был врач, заведующий курортом на Куяльницком лимане. Сохранилось шутливое предание: курорт Куяльницкого лимана был популярен у нервных дамочек, которых лечили купаниями и грязями. В купальне была натянута веревка. Дамы в ночных рубашках заходили в воду и купались, держась за веревку. Волна одну даму перевернула вверх ногами, был скандал и почему-то претензии к администрации, то есть к деду.

Дача Иваненко была на Фонтане, рядом с дачей Куприных. Папа вспоминал, что они вместе с А. И. гоняли в изобретенную папой игру под названием «крикетбол» (то есть, наверное, что-то вроде травяного хоккея), восклицая после каждого удара: «Эпс! Эпс!» Куприн ходил в красной рубашке, время от времени завеивался пить водку с фонтанскими рыбачками, жена бегала по пляжу — искала, а затем его когда привозили на извозчике, когда притаскивали на руках мертвецки пьяным.

Ну а потом империалистическая война, революция, Одесса переходит из рук в руки, Мишка-Япончик командует местным ЧК, его затем расстреливает Котовский. Одесская интеллигенция в метаниях, поисках какого-то выхода, а в качестве ближайшей цели — найти что-нибудь поесть.

В общем, приходит письмо из Парижа от дяди Пети — приезжайте. Тогда еще это было возможно на законном основании. Две старшие сестры отца уехали, он с мамой остался: Одессу не бросим.

Много лет спустя, в 52-м году, приехал я романтическим и напуганным вьюношей из пыльного слободского Николаева вместе с папой в город его юности, его мечты. В засаженном платанами дворе жила оставшаяся единственная родственница — двоюродная сестра Веры Петровны — тетя Катя. В компаньонках у нее была бывшая певица Миланской оперы тетя Настя Тедориди, невысокая полная гречанка со следами былой красоты, неистребимая оптимистка, острая на слово. Вспоминали, как в голодные темные ночи во времена то ли интервенции, то ли гражданской войны к ним приезжал приятель тети Кати — профессор Филатов, и они при коптилке пускали по кругу блюдце — гадали, скоро ли наступит спокойствие и хоть чего-то в магазинах. Но потом их дружба оборвалась, Филатов резко пошел в гору, тетя Катя обращалась к нему только в исключительных случаях — по вопросам здоровья, в частности, когда нужно было устроить мою маму в туберкулезный санаторий. Вот так и жили две старухи, в основном на заработки Анастасии Петровны — она была известной преподавательницей пения, была на ножах с преподавателями местной консерватории, гордилась своей итальянской школой. Соперничество, видимо, и составляло для нее смысл жизни в то время. По крайней мере, каких-либо других рассказов я от нее не слышал.

К чему я все это пишу? Память человеческая коротка, даже более или менее талантливые или известные исчезают из памяти потомков уже через два-три поколения. Обидно, что мой внук будет знать о своих предках только понаслышке.

Валентин Саввич, у Вас, как пишут, огромная картотека. Может, там найдется и имя Ганских, то ли библиография, то ли какие-то другие сведения. Я об А. П. встретил только одну-две коротенькие статейки в энциклопедиях, а о П. П. — вообще ничего. Буду очень

благодарен, если Вы сможете выкроить время и черкнуть мне хотя бы в телеграфном стиле.

Два слова о себе. В Одесском гидрометинституте удалось продержаться только два года, потом выгнали. Плавал кочегаром на угле, сами знаете, что это такое. После всяких мытарств удалось закончить МГИМО. Трижды за границей: в самом гиблом месте Западной Африки — Гвинее и дважды в Иране — при шахе и сейчас. Я экономист-международник. С персидским языком. Сейчас — зам. торгпредства. Увлекаюсь фотографией, в двадцатитомнике «Страны и народы» мои фото: Гвинея и Иран.

Если будут какие-то поручения или просьбы — буду рад их выполнить.

С искренним уважением, еще раз извините за длинное письмо.

Владимир Иваненко

Здравствуйте, уважаемый Валентин Саввич!

Беспокоит вас московский художник-журналист Андреев Олег Александрович по причине, которая взволновала меня, — ваша публикация в газете «Советская Россия» — «Маланьина свадьба». Я очень рад, что вы взялись за такую тему, как казачество. Наконец-то после столь длительного времени она стала актуальной, и все, кому дорого имя казак, а это наша длительная история, с благодарностью относятся к этому явлению. Сейчас идет сбор средств на восстановление памятника атаману Платову в Новочеркасске (открыт счет в банке), кажется, горком партии освободил здание бывшего атаманского дворца, где планируется открыть картинную галерею. Недавно у нас в Москве состоялся благотворительный вечер клуба любителей книги под девизом «Казаки, шашки наголо!..». Много говорилось о Троцком, о его геноциде к казакам.

Сам я из славного рода донских казаков Губаревых по материнской линии. На протяжении двух лет занима-

юсь исследованием нашего рода в московских, ленинградских и ростовских архивах на тему «Донские казаки и войны XVII—XIX вв. на примере рода Губаревых». Благодаря изысканиям я узнал о своих предках, когда впервые они упоминались в документах, в каких войнах участвовали, где воевали и чем жалованы за свою службу были. Самое интересное, что открыл своих, мне не известных троюродных и четвероюродных родственников. Как они были удивлены! Сейчас переписываемся, а к весне ближе произойдет встреча. Думаю, что еще разыщу родных. Материал я собираю к графической серии, которая будет состоять из 15—20 листов в технике офорта.

Почему же я обращаюсь к вам? Дело в том, что я хочу поведать вам, может быть, заинтересует вас как материал малоизвестный, но с научной точки зрения актуальный. Я хочу рассказать вам о двоюродном брате моей бабушки Лидии Михайловны Губаревой — Иване Яковлевиче Фомине, казаке с Дона. В 80—90-х годах прошлого века он окончил Петербургскую военно-медицинскую академию, гражданский факультет. Долгое время работал врачом на бирже столицы. От первого брака было двое детей — Яков и Алла Ивановичи. Однажды он встретил где-то девушку, единственную дочь старшего Елисеева-финансиста. Того самого, который с младшим братом имел знаменитые магазины. Иван Яковлевич и дочь старшего Елисеева полюбили друг друга, но встретили препятствие в лице его жены. Развод в таких случаях не давался. Не знаю, что способствовало расположению финансиста по отношению к Ивану Яковлевичу, но будущий тесть каким-то образом через Синод добился развода и получил зятя-врача. Занимаясь медициной, он первым в России приступил к исследованию пересадки тканей человеческого тела (об этом упорно говорилось среди моих родных еще до войны, ибо дитя этого брака всегда был «притчей во языцех», так как, человек веселого нрава, беззаботный, он всегда шел в сравнение со своим отцом). Иван Яковлевич был почетным членом Английской Королевской, французской и немецкой медицинских академий, что подтверждалось самим сыном Платоном Ивановичем, ездившим в европейские столицы неоднократно с отцом, и что сыну очень нравились отцовские одеяния почетного академика.

Воспитанием Платона и детей от первого брака занималась мать через многочисленных слуг, гувернеров.

Елисеев-финансист дочери в приданое построил имение в Эстонии, в местечке Тойла, под Нарвой. После революции этим имением завладел президент Аятс, сделав его своей резиденцией. Также имение было на станции Сиверская и в Финляндии. Воспитывала детей жена Ивана Яковлевича на английский манер, и с каким восторгом, с какой благодарностью Платон Иванович вспоминал мою бабушку, когда попадал на Дон и отъедался от английского воспитания. Возвращался же в Петербург здоровым, крепким, напрочь забыв английские манеры. (Деталь — однажды супруги Фомины были приглашены во Дворец Николая II на бал, где супруге Ивана Яковлевича было сделано замечание — убрать золотые украшения, так как они превосходят царицыны.)

Перед революцией жена умерла. Врач овдовел. Больше жениться не пытался и занимался врачебной деятельностью. Вскоре грянула империалистическая война. В Петроград приезжает полностью сформированный и финансированный Японский госпиталь — дар японского правительства России. Начальником этого госпиталя был назначен по высочайшему повелению Иван Яковлевич. Вот здесь в госпитале, очевидно, и развернулся полностью его талант, а обширная практика еще больше способствовала применению пересадки тканей.

Произошла революция, и первая, и вторая. Дед Елисеев-финансист со своим камердинером, и его младший брат с родными отъехали в Париж. Вскоре из-за тяжелых условий жизни в Петрограде отбыл на Родину Иван Яковлевич с детьми. Семейное предание, да и сын Платон Иванович неоднократно упоминали об этом периоде. Словом, в восемнадцатом году вооруженная банда напала на станицу — кто это был, бог знает. Долго отстреливался врач Фомин в присутствии детей, а когда стали ломать дверь, обнял детей своих и в последнюю минуту не выдержал и пустил пулю в себя. Платон Иванович прожил почти 82 года. Был инвалидом войны. Похоронен в Орджоникидзе, где проживал. В Ленинграде живет его сын — вылитый отец и бывшая жена.

Примечательно, что в 1934 году умер дед, и Платон Иванович, как прямой наследник, получает из Парижа наследство в 20 тысяч рублей золотом, которое очень быстро промотал. На чужбине всегда найдутся и родные, и близкие, и знакомые.

Почему пишу, может быть, вам удастся установить приоритет открытия пересадки ткани, что так способствовало лечению и выздоровлению воинов империалистической, гражданской и Отечественной войн. Россия всегда славилась умом, но также сокрытием нового по причине нежелания российского приоритета.

С уважением, Андреев,
г. Москва.

Дорогой Валентин!

Надеюсь, что ты не примешь за фамильярность такое обращение к тебе. Давно, очень давно собираюсь написать тебе и, грешным делом, даже писал, но не отправлял. Писал, когда еще был жив Толя Негара, с которым мы до последних дней его жизни переписывались. Писал, когда была жива Тамара Николаевна Авраамова, которую мы не так давно проводили в последний путь. Много о тебе мы говорили при встрече в Архангельске с Толей. Говорили о тебе и с Юрой Авраамовым. Я прекрасно понимаю, что писем ты получаешь много, всем не ответить. И пишу я тебе вовсе не как к известному писателю, хотя и с удовольствием читаю твои книги. Пишу как юнге, с которым мы вместе учились и служили на Соловках в 1942—1943 годах. Когда я читал твоих «Мальчиков с бантиками», все, конечно, вспомнилось. С Женей Барановым, с которым у вас сохранилась добрая дружба, мы еще лет пять или семь назад говорили о твоей книге. С «Джеком» мы изредка, чаще по праздникам, перебрасываемся открытками и еще реже встречаемся.

Вчера у нас в Ленинграде во Дворце был чудесный вечер, встреча с молодежью и со своей юностью. Конечно, заводилой всему был С. С. Шахов, а ведущей (как я понял, знакомая тебе) Аида Николаевна. К великому удивлению всех присутствующих, на встречу пришел даже Борис Штоколов. И особенно неожиданным было оглашение телеграммы от тебя. Встречено это было всеми с большим удовлетворением. Сразу же решили послать тебе ответную телеграмму и даже матросскую

тельняшку. После торжественной части, как обычно, была часть неофициальная, в буфете. И снова приятная неожиданность. Подходит ко мне приятный, ладный мужчина. Спрашивает, узнаю ли я его. Пришлось сознаться, что не узнал. Оказывается, это был Боря Ребров. У нас в 19-й смене он был самый маленький ростом. Конечно, я был очень рад этой встрече. Вот неожиданно я и решился тебе написать. По Соловкам я тебя не помню, хотя мы, конечно, встречались и, наверное, не раз говорили. Наверное, и ты меня не помнишь. Правда, я был чуточку постарше. Виталий Гузанов в своей книжке писал, что, оказывается, даже «с мнением Юры Коренева считались. Авторитетный товарищ». Вот как, даже нос задрать можно. Но это, конечно, шутка. Все мы там были одинаковые. Конечно, кто-то с кем-то дружил больше, с кем-то меньше. В нашей землянке старшиной был А. Исаев, с которым мы встречались в Архангельске на Всесоюзной встрече юнг. Там я встретил и Толю Негара, хотя переписывались мы и раньше. В нашей смене был Миша Хорошев. В соседней 20-й смене был хорошо известный в школе Юра Дралик. И В. Леонов. Наверное, на встрече юнг мы бы вспомнили многих общих знакомых. Кстати сказать, Женю Баранова я по школе хорошо помню.

После школы я, как и ты, попал на Северный флот. Я также мечтал попасть на эсминец или на подводную лодку, а угодил на старый, еще до революции построенный угольный тральщик ТЩ-17, или, как его по старой памяти именовали, «Форель». Глядя на «Грозный», «Гремящий», «Разумный» и другие эсминцы, мы завидовали, но в общем служба шла хорошо. Привык, полюбил свою «Форель». В ноябре 1944 года, после Петсамо-Киркинесской операции, меня послали учиться в Ленинград в Военно-морское политическое училище. Позже его закончили Виталий Гузанов, Юра Безруков и другие наши ребята. Поступал туда и Миша Хорошев, но почему-то ушел. После училища до 1955 года служил на кораблях на Тихом океане. Потом учеба в Военно-политической академии имени Ленина. Потом снова корабли, и последние десять лет преподавательская работа сначала в ВВМУ имени Фрунзе, а потом в ВВМУРЭ имени А. С. Попова. Восемь лет назад с должности зам. нач. кафедры марксизма-ленинизма капитаном первого ранга я уволился в запас. Сейчас работаю в ЦНИИ имени акад. А. Н. Крылова. На работу, как го-

ворится, хожу без отвращения. По-прежнему связан с флотом.

С Юрой Авраамовым, хотя изредка я встречался в Ленинграде, когда он приезжал, но в близкой дружбе мы не были. В прошлом году осенью я поехал в командировку в Севастополь. Тамара Николаевна попросила меня зайти к Юре. Конечно, я зашел. Тогда мы были вдвоем больше часа, о многом говорили. Ну а когда ушла из жизни Тамара Николаевна, снова встретились уже по печальному случаю. Особенно много говорить не пришлось, хотя и встречались дважды. Поделился я с ним о том, что давно собирался написать тебе. Он рассказал, что получил от тебя посылку с книгами и теплое письмо. В общем, прощались мы если не как близкие друзья, то, во всяком случае, хорошими знакомыми. В наши годы все это не так просто. Года летят чертовски быстро. Просто не верится, но через несколько дней мне стукнет 60 лет. Пока 60-летних юнг еще немного. Первым эту дату, кажется, отметил Володя Никитин. Наверное, отметил или отметит скоро Витя Зорин и некоторые другие. Ну а дальше юбилеи пойдут чаще.

Валя, извини, ради бога, за мой корявый «штиль». Пишу, как говорится, без черновика. Просто хочется немножко выговориться. Это письмо совершенно тебя ни к чему не обязывает. Будет желание, время — напиши. Буду очень рад. Не напишешь — не обижусь.

По правде говоря, очень хотел бы тебя увидеть и просто поговорить. Нет, не о твоих романах, хотя и это интересно. Я много занимался историей Великой Отечественной войны, историей флота.

Еще есть один вопрос, который меня немного волнует, и мне хотелось бы посоветоваться с тобой по этому вопросу. Перед уходом в школу юнг я дружил с одной очень хорошей девушкой. Там, на Соловках, я получил от нее первое письмо. А потом переписка стала регулярной. Она писала мне и на корабль, и в училище. Встретились мы с ней уже после войны, осенью 1945 года. Встреча была очень хорошая. Потом снова переписка, большая дружба. В 1947 году я закончил училище, а она институт в Куйбышеве и... наши пути разошлись. После училища меня послали на Тихий океан, а она уехала в Запорожье. Позже раза два мы случайно встречались в Куйбышеве, когда совпадали наши отпуска, но это были уже не те встречи. Я бы не стал рассказывать тебе эту историю о своей первой любви. Та-

ких историй много. Важно другое. Все письма этой девушки с лета 1942 года и до 1947 года случайно сохранились. Я их оставил в Куйбышеве у своей мамы. Они там пролежали много лет, и лет восемь назад они снова вернулись ко мне. Сжечь эти письма у меня рука не поднимается. По-прежнему хранить их еще долгие годы?.. А кто знает, сколько у меня этих лет осталось в запасе.

Когда четыре года назад умер мой отец, мы нашли его дневник, который он вел еще в 1923—1924 годах. Ничего особенного там нет. Но когда мои сестры увидели засушенный цветок и запись в тетради, что этот цветок принадлежал нашей матери (это было в 1924 г.), они рассмеялись. Этот дневник я забрал себе. Знаешь, иногда в голову приходит дурацкая мысль: а не засмеются ли моя дочь или мои внуки, когда им в руки попадут письма, которые хранятся более сорока лет, или дневник отца, которому более 60 лет?

Ты писатель. Может быть, это не твоя тема. Но мне хотелось бы отдать эти письма в руки человека, который бы смог оценить их искренность. Вот что меня волнует. Может быть, ты подскажешь что-нибудь?

Ну прости, что я так много и путано написал. Сегодня же отправлю это письмо, не перечитывая. Боюсь, что начну читать и снова отложу его в сторону.

Еще и еще раз сердечно поздравляю тебя с 40-летием Победы! От души желаю тебе доброго здоровья, больших творческих успехов. Пиши, пока пишется. Твои книги народ читает. Конечно, всегда есть поклонники, но есть и завистники, недоброжелатели. Но раз люди спорят о твоих книгах, значит, они волнуют, значит, ты их не зря написал. Не буду говорить тебе комплименты. То, что я прочитал твое, — мне понравилось. Но сознаюсь — не все, что ты написал, мне удалось прочитать. Но ничего, еще наверстаю. Вот недавно прочитал «Фаворита». Где-то, по большому знакомству, жена приносила на неделю.

Ну пока все.

С огромным приветом!

Коренев Юрий Владимирович.
Ленинград.

Здравствуйте, уважаемый Валентин Саввич!

Представляю, как вы бываете заняты, и все же пишу к вам в надежде, что у вас найдется добрый совет для меня.

Мне тридцать три. Мировоззрение мое складывалось в условиях провинциальной обывательщины, где за житейское счастье считается чистенькая работа и хорошие деньги за нее. Здоровые дети, но не больше двух, чтоб полегче, где здоровье родителей тоже несколько ценится, потому как с здоровыми легче получить прожиточный минимум (меблированную комнату и прочее) еще до женитьбы. Школяром я был отвратительным. Житейская школа тоже почти ничему не научила.

Детская привычка принимать мир таким, как он есть, постоянно ставила передо мной вопрос: почему все так, а не иначе? Почему ценности так сильно сместились не в лучшую сторону, почему слово утратило силу? Иногда меня осеняла какая-нибудь идея, и мне казалось, что многое понятно. Потом все уходило, было жаль.

Однажды мне в руки попала брошюра по занимательной психологии. Я нашел там кое-что и предупреждение автора о том, что полуграмотность в психологии вредна.

Прошлым летом я попал в условия, где ничто не мешало сосредоточиться на какой-нибудь мысли. Раздумья в один прекрасный день привели меня к мысли о том, какую тяжесть несет в себе наше отрешение от древности. Что наше поколение оставит следующему? Тогда мне помог друг, с которым я мог говорить об этом. Он вылечил меня всего одной фразой. Он сказал: «Нельзя мыслить рационально». Я слегка остыл, но ненадолго, уединение на работе продолжало свое дело (я работаю электриком на подстанции вдали от города). Воображение мое начало четко вырисовывать художественные образы. Я почувствовал, что стою у истоков понимания красоты. Вы сказали, что бесполезно удерживать человека, если его позвало море. Море требует умения плавать и не бояться бури. Именно к вам я обращаюсь еще потому, что из кратко изложенной биографии вашей в предисловии к роману «Фаворит» я узнал, что вы пришли к творчеству необычным путем, через трудный путь самообразования. Наверное, из этого отчасти складывается счастье. Я еще не знаю, что из меня

получится. Если бы я жил два века назад, то наверняка выбрал бы школу фехтования и танцев. Современность требует знаний.

Читал я очень мало, люблю Рериха, но он мне не до конца понятен. Мне нравится Достоевский, но с ним трудно общаться.

Подскажите, пожалуйста, чем преодолеть свою серость и косность мышления, кого выбрать в помощники к толковому словарю? Я чувствую, что не мешает начать с латыни, но я не знаю даже языка республики, в которой живу. К совету вашему отнесусь серьезно и буду много благодарен.

С наилучшими пожеланиями доброго здоровья, счастья.

Харин Александр,
г. Елабуга
1988 г.

Здравствуйте, уважаемый Валентин Саввич!

С большим удовольствием прочитал ваши книги: «У последней черты», «Под шелест знамен», «Фаворит», «Париж на три часа». Остальные, к сожалению, пока трудно заполучить в библиотеке. В ваших книгах мне нравится манера изложения, и самое главное — в них узнаешь некоторые факты, события нашей истории. К большому сожалению, наша школа не сумела преподать историю нашего государства в полном объеме, чем обеднила наши познания. Большое спасибо, что вы восполняете пробел и школы, и института.

Валентин Саввич, я читал, что вы оказывали помощь некоторым людям в восстановлении своей родословной. Мой случай в какой-то степени уникальный. И прежде всего эта уникальность заключена в самой фамилии Иллюминарский. Несколько лет я пытаюсь найти истоки, откуда она берет свои начала. По одной версии, мой прапрадед служил в церкви Бориса и Глеба на улице Бакунина (она снесена) в Петербурге. Якобы в миру фамилия была Светлов. В то же время якобы был мит-

рополит униатской церкви в Польше Чернявко и за участие в восстании в Польше был казнен. У отца Василия был сын Василий с фамилией Иллюминарский, а у него был брат двоюродный Левкий Иванович Чернявко — известный в Польше хирург. О том, что фамилия имеет церковное происхождение, можно предположить в связи с тем, что существовал орден Иллюминатов, хотя этот орден никоим образом не связан с христианством. Вопрос завис по той причине, что мой отец лишился отца в восемь лет. Затем учеба, служба в Красной Армии СССР до 1949 года, болезнь, сложнейшие операции, после которых он с 1951 года живет без семи ребер спереди, шести сзади в области сердца и с одним легким. Работал журналистом в «Ленинградской правде», затем редактором отдела пропаганды в Лениздате. Работал до шестидесяти лет. Инвалид войны. Я не мог вплотную заняться восстановлением событий, как родилась наша фамилия, — военное училище, служба по всему Союзу (переезды, необустроенность — не до этого было). Теперь, заканчивая службу (мне около пятидесяти лет), я несколько лет пытаюсь найти истоки, но наталкиваюсь на нежелание помочь мне. Я обращался и в архив на Псковской улице, и Центральный архив в г. Ленинграде, и в семинарию, в канцелярию митрополита Ленинградского и Новгородского. Причем в ответе из канцелярии митрополита сообщалось, что священника по фамилии Люминарский, Иллюминарский не значится. Сам же я в книге «Клерикальное движение крестьян в России» Л. И. Емелих встречал фамилию Люминарский П. как священнослужителя. Болезнь, работа не дали возможности моему отцу заняться исходными данными фамилии Иллюминарский. Сейчас ему просто тяжело из-за болезни своей, да и мать — блокадница, инвалид первой группы, не может ходить (проработала 36 лет в начальных классах). Мой отец был первым редактором архимандрита А. А. Осипова, отрекшегося от церкви, до последних дней поддерживал с ним дружеские отношения, и только вера в долгую жизнь, а может, и скромность отца помешали обратиться к А. А. Осипову помочь в деле установления происхождения фамилии Иллюминарский. Отец мой очень образованный человек (до войны кончил 3 курса), обладает колоссальной памятью. В вопросах религии и антирелигиозной пропаганды это какой-то уникум. Конечно, и по всем другим вопросам он весьма сведущ. Валентин Саввич, убедитель-

но прошу узнать, куда можно обратиться еще, может, вы найдете время, чтобы оказать помощь. Мне самому хочется знать свою родословную и хочется удовлетворить желание отца (ведь ему 77 лет), и прошел он войну с 1941 до 1949 год, проходя службу в редакциях армейских газет. Уволился в звании майора. И тут началась борьба за жизнь, которую он с честью выдержал. Для меня он — пример настоящего коммуниста-бойца. Только вот все мои попытки помочь ему оказываются безуспешными.

Валентин Саввич, извините за назойливость, если можете, помогите в моей просьбе.

С уважением к вам.
Подполковник Валерий Кириллович Иллюминарский,
Ленинград.

P. S. Кстати говоря, во время войны отец открыл дорогу писателю И. И. Виноградову, и в его книге «Немая атака» об этом сказано.

Здравствуйте, глубокоуважаемый Валентин Саввич!

К вам обращается старший научный сотрудник Омского музея изобразительных искусств Еременко Татьяна Владимировна.

В собрании нашего музея хранится картина Валерия Ивановича Якоби «Волынский на заседании Кабинета министров» 1875 года. Работа поступила к нам в 1927 году из Ленинградского отделения Государственного музейного фонда, ранее находилась в собрании великого князя Николая Константиновича.

Глубокоуважаемый Валентин Саввич, учитывая вашу влюбленность в XVIII век и глубокие познания истории этого периода, обращаюсь к вам за помощью. Не поможете ли вы раскрыть сюжет нашей картины, рассказать, кто здесь может быть изображен?

Я искала портретные изображения Артемия Петровича Волынского, но все безуспешно. Библиотеки нашего

города страдают отсутствием хороших полезных старинных книг.

Если исходить из того, что главного героя картины художник должен выделить композиционно, то фигура стоящего возле стола — это сам Артемий Петрович. Но что за герои, изображенные в различных позах вокруг стола? Это его друзья-«конфеденты» или министры, входящие в состав Кабинета импер. Анны Иоанновны? Возможно ли, что герой справа на коляске — это Остерман? Особенно меня интересует фигура за ширмой. Кто это: Бирон или кто другой? У Ровинского нашла гравированный портрет Бирона, на котором он полный, солидный, здесь же худощавый... На пяти фигурах синие орденские ленты Андрея Первозванного. На груди «героя — за ширмой» — две орденских звезды и синяя лента. Где располагался Кабинет министров? Во дворце Апраксина, где жила Анна Иоанновна? Все эти вопросы хотела задать вам. Глубокоуважаемый Валентин Саввич, помогите, пожалуйста.

Заранее выражаю вам слова благодарности, всего вам самого доброго.

С уважением, Т. В. Еременко.
1989 г.
Омск.

Виктор ПОТАНИН

Письма на мой адрес приходят самые разные — исповедальные, требовательные, просительные... И самых первых в читательской почте значительно больше. Это, наверное, потому, что проза моя по преимуществу лирическая, т. е. в самой этой прозе заложена исповедь — разговор с самым близким другом — читателем. Да что говорить! Большинство моих книг так и строится — в форме монологов, признаний и даже писем. Да, да, это так. Мои последние повести «Письма к сыну» и «Плакала кукушка» написаны в самом откровенном, эпистолярном жанре, и эта форма, конечно же, навеяна читательской почтой. Но значит ли это, что я, как человек пишущий а значит, и неуверенный, постоянно мятущийся, сомневающийся, оцениваю свои книги — свои результаты только такими письмами? Думаю, нет. Скажу больше, при всей обширности своей читательской почты каких-то подсказок для своей прозы, сюжетных, например, я в письмах не нахожу. Почему? Во-первых, потому, что в большинстве писем чаще звучит один и тот же вопрос — как жить дальше, как быть счастливым?! Это — вечный вопрос русского интеллигента, на который уже отвечено или не отвечено в доброй тысяче книг. И книг прекрасных, среди них есть и классические. Потому для меня гораздо важнее письма другие — более конкретные, частные, наивные даже, но в этих частностях и наивностях — трагедия и радости нашей ежедневной обыденной бытовой жизни. Ведь каждому человеку выпадает именно такая жизнь, а возвышенные принцы и алые паруса являются к нам только во сне. Но вот что странно — о такой жизни, повседневной и суетной, читатели рассказывают реже, видимо, считая ее для литераторов неинтересной, невыразительной, что ли, и скучной. И напрасно считают. Но что делать — людям не прикажешь...

И все же такие конкретные письма есть на моем ра-

бочем столе. С некоторой частью из них вы сейчас познакомитесь. Не скрою, письма такого характера — для меня большой подарок и откровение. Хотя кто-то мне сейчас возразит: да какое же это откровение — на столе у любого репортера таких писем хоть отбавляй. Может быть, может быть... Но все равно такие письма для меня — подарок судьбы и читательское признание. Они значат, что книги мои кого-то задели и растревожили, — и эта душа вступила со мной в диалог. А что выше этого? Да ничего! В конце концов, ради этого и рождается наше слово, чтобы кто-то, услышав его, захотел поделиться своей болью, своими надеждами. И вот ради этого-то я и сажусь за свой рабочий стол. Чтобы кто-то нашел на моих страничках надежду. Ведь надежда наша переживает даже самого человека, т. е. умирает самой последней.

«ЗАВЕТ ОТЦА ХОТЕЛОСЬ БЫ ИСПОЛНИТЬ»

Тов. Потанин!

Прочитала Вашу статью «Сокровенное» в газете «Литературная Россия» № 41 за 1988 год и не могу не исписать Вам, мягко говоря, своего несогласия в следующем: например, о существовании у нас в стране в мире художественной литературы элиты, ее положения. В том, что та же элита никогда не сидит в зале, а уверенно садится в президиум... Вас, сидящих в залах и не относящихся к элите, — мало. А почему не боретесь? Ведь плохо это.

А как было бы хорошо, если бы состав президиума выбирался, а не самоопределялся. Ведь стыдно это! Мне бывает стыдно, когда перечисляют присутствующих высокопоставленных, а потом кое-кто, кому аплодировали, оказываются недостойными своими действиями раскрытыми...

Да, стыдно, а оно тянется и тянется... Я бы на месте зального состава боролась против этого. Ведь это пагубно для общего нашего дела! Это неверие рождает! Перестройку не воодушевляет, а отдаляет ее, задерживает... Существование элит, на разных уровнях и в разных профессиональных областях нашей Родины — враг номер один идеалам перестройки! Получается грубейшее распадение слов и дел. И я глубоко убеждена, что, отвергнув элитотворчество, дела в стране сразу резко улучшились бы.

Не можете, честные писатели, объединиться и решительно сказать? Это же видно, что боитесь за свое благополучие. «Как бы хуже мне не стало!» Вот оно — вот что губит святое дело.

Тут позволительно сказать, почему я это утверждаю: имею десять лет работы на Крайнем Северо-Востоке начальником поисковой геологической партии, где трудились вольнонаемные и расконвоированные заключенные и не было элиты ни в чем. Были инженерно-технические работники, руководители, заботившиеся о делах производственных и о людях всех одинаково. И дело шло. И на Колыме, в ее нелегких условиях, я — их начальник — числилась энтузиастом, без ЧП. И думаю, что заслужила право сказать то, что написано мною выше. А там — не словчишь... А тут ловчат. На черное говорят белое, и наоборот. Пишут передовицы!..

О том, о светлом, что может и должно стать зажигательным примером, без назидательности — написана мною пьеса. Но нет мне дороги. Нет влиятельного дяди, «наставника». А уж куда я только не обращалась.

А пишет вам женщина, *Кузнецова Валерия Леонидовна,* ныне живущая в Благовещенске Амурской области.

г. Благовещенск
1988 г.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

В. Потанину

Запомнились из детства тополя,
Тобол, борок, таинственный закуток,
И как ласкала теплая земля
Полураздетых нас, всегда разутых.
Настал черед наш отправляться в путь,
Мы поклонились низко полю, дому.
И матери родной...
Подставив грудь
Тугим ветрам, большой мечтой ведомы,
Пошли без промедленья в добрый час

По избранной — единственной — дороге...
В минуты трудные становится для нас
Надеждой и опорой всякий раз
Земля, что грела в детстве босоногих.

Это небольшое стихотворение, написанное под впечатлением чтения Ваших, Виктор Федорович, книг, не один год лежало в тетрадочке вместе с другими. Но вот вчера неожиданно прослушал Ваше выступление по московскому телевидению — не мог удержаться, чтобы не послать стихотворение Вам. Примите от души.

И еще, дорогой Виктор Федорович, к вам вторая просьба: поклонитесь, пожалуйста, родной матушке низко-низко за меня. Я ей, коллеге и другу, желаю самого наилучшего.

Здоровья Вам и благополучия

Дмитрий Андрианович Белоусов,
сельский учитель.
Село Каширино
Курганской области.
1986 г.

Уважаемый Виктор Федорович!

Мой отец мечтал о том, чтобы кто-то из его детей написал книгу о его жизни. Но из нас писателей не получилось, а завет отца хотелось бы исполнить, тем более что жизнь у него действительно интересная. Кое-что он рассказывал нам, но все не запомнилось или запомнилось с неточностями, связанными где-то и с детским воображением. Кроме того, сохранились некоторые документы (автобиография и заявления при вступлении в ряды ВКП(б) в 1928 году и другие).

Вот некоторые вехи его жизни. БССР. Ковердяки, около Бреста. 1905 год. Родился, а мать умерла при родах. Мачеха с отцом в вечной крестьянской работе. Один в люльке целый день, соседка обирала червей с него. Окончил три класса церковноприходской школы за два года. Стал грамотным человеком на селе.

1914—1915 годы. Бежал вместе с семьей девятилетним парнишкой в глубь России от немцев. Силой заставляли уходить. В пути растерял семью, остался один без средств к существованию. Нанялся в Челябинской области к богатым казакам в батраки, где скот пас, где землю пахал, где за скотом ухаживал, всякую работу делал за кусок хлеба и теплый угол. И после революции батрачил.

В 1925 году ему уже двадцать лет. Он вступает в комсомол, вместе с другими комсомольцами, такими же беспризорниками, организует коммуну «Комсомолец».

В 1928 году вступает в ряды ВКП(б). Едет на курсы секретарей в Пермь. Работает секретарем партячейки.

Женился в 1927 году.

Мне уже было 4 — 5 лет. Это, наверное, в 1931 — 1933 годах. Я кое-что помню, как он работал секретарем, как потом коммуну переорганизовывали в колхоз, как у нас загоготали гуси, заблеяли овцы, замычала корова.

В 1935 году его по чьему-то навету осудили как врага народа, что он из Польши и что специально пробрался вредить колхозному строю. Но через полгода освободили по кассации.

Рассказывал и об этой стороне жизни. А я помню его обритого, нам давали с ним свиданку. Нас было уже двое, и мама нас привозила к нему. Из партии его исключили, восстанавливаться не захотел, отошел от всякой политической и общественной жизни, замкнулся.

В 1941 году взяли на фронт, после контузии в 1944 году пришел домой. От контузии он впоследствии ослеп.

После тюрьмы он разыскал старшего брата, переписывались, увидеться не удалось, брат умер.

Потом нашел сестру, с которой повидался только после войны, в 1950 году. А через 50 лет, в 1965 году, нашел среднего брата, увиделись с ним.

Побывал на своей родине, в Ковердяках. Только там узнал, что он не украинец, а белорус. Звали его Ванька-хохол, он и думал, раз хохол, значит, украинец.

Умер в 1984 году.

И вот остались от него только документы, давно поистлевшие, и фотокарточки да моя память. Он для нас — пример доброго, честного человека.

Если бы кто-то взял этот сюжет для своей книги, я

бы могла тогда более подробно кое-что описать. Для своих детей и внуков я сделала записи о его жизни, чтоб знали свое происхождение, а вот книгу написать я не могу, таланта нет.

Заостровных Мария Ивановна.
Пос. Майский,
Каргопольского района
Курганской области.

Письмо из Кубани.
Здравствуйте, многоуважаемый, дорогой Виктор Федорович.

Пишу это письмо после прочтения в газете «Сельская жизнь» от 16 сентября 1987 года Вашего интервью под заглавием «Боль моя и надежда» о судьбе родного села, нравственных сторонах деревенской жизни. Беседу вел П. Емелин, тоже назову его уважаемым и дорогим. Мне очень понравилось все это до глубины всей души... Я каждое слово, каждое предложение много раз перечитывал, думал, осмысливал, что к чему. Некоторые предложения повторяю: «Герои у меня мучаются, уезжать или не уезжать из деревни? На развилке. Как, впрочем, и сам Курган — ворота Сибири. В 1960 — 1970-е годы через наш город валом валили эшелоны — люди ехали в поисках романтики, счастья. Но мне уже тогда думалось, что как раз от счастья-то они и уезжают...» Теперь возникает вопрос у меня, куда уезжают, зачем, почему? И на этот вопрос свой сам же отвечу. Но потом, попозже.

Через эти ворота в Сибирь я проезжал сам в 1943 году служить в Красную Армию, защищать Советскую Родину. Мне было тогда только семнадцать. А сейчас идет уже 63-й год. По возрасту я давно пенсионер, дед, с женой вырастили сына (ему 39-й год) и дочь (ей 33 года), имеем внуков.

Отслужил в армии пять лет, воевал, вернулся по демобилизации в 1948 году на родину в деревню, в колхоз. Жил тринадцать лет на родине в Марийской АССР. Вот обернулась судьба, так пришлось далее: «Взлететь, пок-

ружиться над родным и сесть обратно...» Но мне уже не пришлось сесть обратно в свое гнездо, пришлось пожизненно доживать свой век на чужбине, вдали от родной Марийской АССР.

В вашем интервью есть еще такие умные слова: «Этот пожизненный ритм укачивает его, как в колыбели. И вдруг он разом нарушает все это, уезжает куда-то на чужую сторону, попадая в совершенно иную обстановку». Да, совершенно так, в иную обстановку. Здесь, на Кубани, я в разговорной речи вынужден был говорить только по-русски, иначе меня никто бы не понял. Русский язык стал для меня вторым родным языком. Но я никогда не забуду и своего родного языка. Дома я пишу, читаю и с женой разговариваю на своем языке. Впрочем, вы, уважаемый Виктор Федорович, уже, наверное, по моему акценту догадались, что литературным русским языком я владею слабо, за что приношу свои извинения.

Я много читаю книг, газет, время после ухода на пенсию есть. После вашего интервью в «Сельской жизни» попросил в станичной библиотеке все книги Потанина. Мне принесли книгу «Тихая вода». Прочитал, мне понравилось. Вы хорошо знаете деревенскую жизнь, поэтому ваши повести и рассказы все правдоподобны.

Я всю жизнь прожил в деревне, родился в деревне и работал в колхозе с малых лет, потому что я сирота, остался без матери в 9 лет, без отца в 12 лет, и никто не помогал мне, как теперь (пенсия, пособия и другая помощь). Была единственная сестра, старше меня на 8 лет, и она воспитывала меня. Ходил в школу в лыковых лаптях, холщовых рубашках и холщовых конопляных самоткани сшитых штанах. Вот такие были сиротские судьбы. Несмотря на такие тяжелые годы, не был преступником, вором, тунеядцем, наркоманом, как нынешние отдельные молодые ребята, которые не знают, куда деть свои силы от роскоши, обилия благ и распущенности. После армии работал кассиром одной организации, секретарем сельсовета в родной деревне три года, избрался депутатом сельсовета. Видел жизнь народа, послевоенную бедность в деревнях и сам тоже получал очень мизерную зарплату, в пересчете на сегодняшние деньги тридцать рублей. Кто сейчас работает за 30 рублей на такой работе? Сторож в колхозе и то 80 рублей получает теперь. Но мы терпели, видя в

стране послевоенную разруху, и работали день и ночь в пользу Советской власти.

Лет через пятнадцать после войны страна залечила раны, окрепла, народ стал жить лучше. Почему же народ потянулся тогда в Сибирь? Ответ ясен: в деревнях свирепствовал хрущевский волюнтаризм. Вот и я поехал тогда на Кубань. На Кубани много марийцев — 2000 человек. В Волгоградской области — 7 тысяч марийцев, в Красноярском крае — больше десяти тысяч. Есть марийцы и в других областях. Вот статистика: по переписи населения, марийцев 650 тысяч человек, а в Марийской АССР живет всего триста тысяч, остальные разъехались по всему Союзу. К сожалению, не все кубанцы знают, где находится наша автономная республика. Многие думают, что в Марийскую АССР надо оформлять пропуск, а на нас смотрят как на иностранцев. Помню, с каким удивлением встретили кубанцы нас, 35 марийцев, завербованных в 1961 году для работы в местном колхозе, а то н е т на Кубани людей доить коров. Нам, полуголодным, нищим марийцам, было тогда одно удовольствие: кормят в столовой два раза в день, деньгами ежемесячно платят зарплату, а осенью получали натуроплату пшеницей, сахаром, растительным маслом, овощами и т. д.

Можно было жить и работать, не как в Марийской АССР за пустые цифры трудодней, так можно было с голоду подохнуть в колхозе, потому-то народ оттуда и уезжал через ворота Сибири в поисках романтики и счастья.

Уж прости, уважаемый Виктор Федорович, если кое-что не так написал. Особенно боюсь за «острые» слова о политике и экономике, потому что мы — пуганое поколение, я своими глазами видел, как люди в прошлом расплачивались за свою откровенность.

С приветом Е. Н. Н.
ст. Константиновская,
Курганинский район,
Краснодарский край.
1988 г.

Курганская область, Союз писателей, тов. Потанину

От гражданина дер. Поваркасы, Цивильского района Чувашской АССР БАЙКИНА Григория Филипповича, 1911 года рождения, участника финской и Великой Отечественной войн, пенсионера

Заявление

Ставлю Вас в известность, что мы, старые, ознакомились с Вашей статьей «Да сбудутся надежды» («Сельская жизнь», 1988, 31 декабря). Вы очень точно сообщаете, очень интересно.

Вот мы просим Вас ответить на следующие вопросы:

1. Когда началось уничтожение малых (маленьких) деревень и колхозов?

2. Какая власть и кто стоял во главе уничтожения?

3. Живут ли эти главари в данное время?

4. Когда будет конец привозке хлеба из-за границы? Дальше, есть ли руководители, которые усердно работали в застойный период и по данное время на руководящей работе? Кто они?

Список старых:

1. Трофимова Анастасия Трофимовна, 1901 год рождения. Неграмотная. Слепая в оба глаза (ничего не видит) с 1935 года, пенсионерка.

2. Тарасов Григорий Тарасович, 1905 года рождения, 4 кл., столяр, пенсионер.

3. Никитин Борис Никитыч, 1907 года рождения, 5 кл., лапти плетет, пенсионер.

4. Иванов Ананий Алексеевич, 1910 года рождения, 5 кл., в хозяйстве с животными возится, хромает на левую ногу, пенсионер.

5. Байкин Григорий Филиппович, 1911 года рождения, 6 кл., плотник-кузнец, пенсионер.

По вечерам собираемся у кого-нибудь и беседуем. Все хотят Вашего ответа. Это я пишу по поручению старых. Вложу вырезку из газеты.

1989 г.

Валентин
СИДОРОВ

После публикации повести «Семь дней в Гималаях» в журнале «Москва» на меня обрушился поток писем. Повесть была напечатана в самом конце «застойного» времени, примерно за два месяца до смерти Брежнева, и прозвучала, очевидно, как гром с ясного неба. Дело в том, что в ней были сознательно обнажены и заострены духовно-нравственные проблемы, которые тогдашняя официальная идеология относила чуть ли не к области мистики. И уж совсем непостижимым казалось то, что автору разрешили вторгнуться в запретную сферу непознанных явлений человеческой психики и космоса. Махатмы, Шамбала, гакрамы — все то, с чем люди знакомились по бледным оттискам ксерокопий самиздата, — вдруг появилось совершенно открыто на страницах легального советского печатного органа!

Письма шли отовсюду, и авторы их были самые разные: рабочие и ученые, пенсионеры и солдаты, студенты и священники. Эти письма были живым свидетельством того, какой гигантский духовный потенциал скопился в стране и как жадно ищут выхода своим внутренним силам люди. К сожалению, подобный обзор читательских писем, подготовленный журналом «Москва», так и не увидел света. Ревнители официальных устоев, ошеломленные на первых порах, очнулись от спячки, и началась целенаправленная проработочная критика автора «Семи дней в Гималаях».

С уходом Брежнева, увы, не ушли люди и силы, питающие брежневщину. Неоднозначно мое отношение к Андропову, ибо отлично помню, кем он был в течение пятнадцати лет при Брежневе и какой вехой ознаменовал свое вступление на пост Генерального секретаря партии. Ведь чуть ли не первой акцией Андропова было печально знаменитое постановление ЦК КПСС об уси-

лении антирелигиозной пропаганды в связи с приближающейся датой тысячелетия крещения Руси. Естественно, что рикошетом постановление било по всем проявлениям духовной жизни страны. Поднялся мутный негативный вал, как бы возрождающий вульгарно-социологические традиции рапповщины двадцатых годов, и он держался достаточно высоко и во время Черненко, и в первые годы того периода, который мы называем перестроечным.

Что же касается самих писем, то их — как можно в этом легко убедиться — отличают исповедальность и бесстрашная постановка вопросов, которых долгие годы чуралось наше общество. Есть в них и похвалы в мой адрес. Похвалы, на мой взгляд, преувеличенные. Увлеченные тем обстоятельством, что мои книги являются проводниками идей высокого духовного плана, некоторые склонны видеть во мне учителя. Вот это я решительно отвергал и отвергаю. Мое миропонимание зиждется на мудрой индийской поговорке: «Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый человек тебе учитель». Если мы, не возвышая и унижая друг друга, будем учиться друг у друга, то в конце концов создадим ту атмосферу, в которой как бы проявится Учитель с большой буквы.

С горечью должен констатировать, что я оказался неготовым к такой глобальной читательской реакции. Конечно, ответить на все письма было физически невозможно, но даже, когда я садился писать ответ на то или иное письмо, я замечал, как он перерастает или в статью, или во фрагмент новой книги. Вот так и получилось, что, мучимый невозможностью ответить каждому на его вопросы, я стал работать над книгами, продолжающими линию «Семи дней в Гималаях» — «Рукопожатие на расстоянии», а затем «Мост над потоком». Поэтому я испытываю двойную признательность к своим корреспондентам: и за то, что они стимулировали — и в этом смысле становились моими соавторами — написание новых вещей.

Разумеется, я отдаю себе отчет в том, что речь может идти лишь о частичном погашении моего долга перед читателями. Полностью же этот долг выплатить я не смогу никогда.

«ОТРИЦАНИЕ — РОДНАЯ СЕСТРА УТВЕРЖДЕНИЯ»

Здравствуйте Валентин Митрофанович!

Из опыта знаю, что неизвестно, кому и куда пишут пенсионеры, чудаки или дураки. Я — журналистка и даже работаю в редакции пропаганды. Подобных писем никогда и никому не писала. Вам — первому. Почему? Вчера я начала и закончила читать Вашу документальную повесть «Семь дней в Гималаях». Огромное спасибо за нее. Удивительно, что ее вообще опубликовали, так как у нас чаще всего не жалеют бумаги на всякую чушь. А тут — нечто из ряда вон выходящее.

Профессия позволяет мне общаться с огромным числом самых разных людей. Думаю. Анализирую. И о, ужас! Как вопиюще, в большинстве своем, они бездуховны! Отсюда — развал на производстве, безобразия в подъездах, хамство в транспорте. И критическими статьями, передачами, даже постановлениями не поправить. Все идет изначально... с самого рождения. И как разорвать этот порочный круг? Какая верная и страшная фраза: «Все нашли, а человека потеряли...»

Интуитивно я жила по этим самым законам радости, доброты и самоусовершенствования. Конечно, до идеала мне так далеко! Но я вижу, как потрясающе люди реагируют на приветливую, радостную интонацию по телефону, как меняются от внимания и доброты к ним. Все просто голодны!!! Но один человек для таких дел — это капля в море, это островок благополучия вокруг себя. А в книге есть фраза страшная: «Не опоздайте с изучением психической энергии. Не опоздайте с применением ее». Так что же нужно делать, чтобы не опоздать? А то, что люди теряют свои лучшие качества, и это прослеживается на протяжении даже моей жизни, — это факт. Чего же можно ждать от детей сегодняшних лоботрясов? К счастью, у меня такая профессия, что можно не только охать и ахать по этому поводу, но и хоть что-то попытаться изменить. Мне кажется, что Вы что-то недоговорили, что-то осталось «за кадром». И это очень хотелось бы узнать, чтобы применить на общую пользу.

Меня поразило, что эту книгу написал мужчина. Как правило, в путешествиях они ищут других впечат-

лений и редкие задумываются над жизнью души, потому что она у них слепа и глуха.

Итак, книга призывает к действию. К какому? А, может быть, я ошибаюсь... Тогда — извините. И примите огромное спасибо за интересную, неожиданную и очень нужную именно для нашего времени книгу.

С уважением, Ж. Орлова

P. S. Почерк у меня прескверный, мысли бегут быстрее, чем рука пишет, поэтому письмо я решила отпечатать, чтобы не утруждать Вас. Да, чтобы у Вас не сложилось предубеждение к автору этого письма, обладаю полным набором благ, положенных в моем возрасте: семья, дети, солидный и даже известный за пределами области муж. Отпечатаю ему цитату о раздражительности.

Перечитала и подумала: может, не стоило писать? Все равно отправлю... Извините и забудьте, если что-то было не так.

г. Волгоград
12 декабря 86 г.

Добрый день, Валентин (извините, отчества не знаю)!

Мое послание, возможно, вас удивит, но, если так подробно разобраться в причинах, побудивших меня сесть за письмо, то окажется, что единственное, чему стоит удивляться, — почему это я не написал вам еще раньше. Словом, написать вам я должен был рано или поздно.

Итак, имею основания полагать, что вам сейчас весьма трудно... Цель моего письма — оказать вам хоть какую-нибудь моральную поддержку (на текущем этапе) и предложить конкретную помощь (в будущем) по части дальнейшей пропаганды вашего поистине чудесного и благородного Учения (именно с большой буквы). Не знаю, нуждаетесь ли вы в моей помощи, но по крайней мере предложить вам ее — мой долг. Ибо

такую же поистине неоценимую поддержку год назад мне оказали вы, а именно ваши «Семь дней в Гималаях». Вам, полагаю, часто приходилось выслушивать самые лестные отзывы о вашем таланте от самых разных людей, представляющих всевозможные сословия нашего (и не только нашего) общества. Но почему-то мне кажется, что до сих пор вам не так уж часто приходится выслушивать восторженные восклицания (касательно ваших трудов) и восхищение (лично вами) со стороны простого советского уголовника, коим я на данном этапе являюсь. Ваши «Семь дней...» пришли ко мне в самый трудный момент моей творческой биографии, когда позади уже восемь, а впереди еще два столь же идиотских, никому не нужных года в колонии усиленного режима, и с того момента вся моя жизнь обрела смысл, а мировоззрение перевернулось вверх ногами (пожалуй, скорее «вверх головой», как и должно быть, а до этого оно у меня было «вверх ногами»...). Я бы мог детально, эмоционально и крайне убедительно (эпистолярным талантом, слава Богу, не обделен) изложить вам все подробности моей пестрой, удивительной и поучительной истории, но ввиду некоторой специфики моего нынешнего положения вынужден быть максимально лаконичным.

Посадили меня в 1977 году на десять лет за убийство. В подробности углубляться не буду пока, скажу лишь, что по сей день горжусь содеянным. Честная драка (с моей стороны, естественно), в ходе которой я зарезал одного из троих нападавших пьяных солдат. Это — первое, почему не мог смириться со своим положением. Второе — мои «перевоспитыватели» ни один не соответствовал этому высокому званию. Хотя и устроился я в этих антисанитарных условиях неплохо (за спиной имея два года обучения в Латвийской Академии художеств), но смириться не мог просто хронически. В результате — восстание одиночки против системы, за чем последовала закономерная расплата за такую дерзость... Я стал мстить всем, кого считал виновным в своих несчастьях, и все средства для этого были дозволены. Впрочем, это вам, может быть, неинтересно, да и не главное это. Самое существенное, что после всего случившегося я стал жестоким, злым, циничным негодяем, проповедником зла, мизантропом самым натуральным. Правда, та крупица чистого и святого, которую я на всякий пожарный сохранил в своей зачерст-

велой душе, давала мне право в своих собственных глазах оставаться благородным мстителем, но свой характер, свое мировоззрение, свою личность и т. д. я считал окончательно сформировавшимися и не подверженными никаким изменениям. На жестокость и подлость я отвечал двойной, тройной подлостью, на беспринципность, лицемерие и вероломство — тоже вдвойне... и был доволен собою во всех отношениях. Итак, субъективно считал себя благородным, никем не понятым и неоцененным по достоинству рыцарем, мстителем и т. п. Объективно я был законченным негодяем.

Не буду описывать механизм своего перерождения, задержусь лишь на результате, который даже для меня — такая чудесная неожиданность! Итак, в одну ночь я прозрел, снизошло на меня озарение, и я не то чтобы понял, что нельзя жить так, как я жил, что надо переломать, пересилить, переделать себя... ничего подобного! Я просто в один миг понял, что дальше буду жить совершенно по-другому, что не надо и не будет никаких преодолений, никаких волевых усилий... Все уже свершившийся факт, который я лишь констатирую с благоговением и с неописуемой радостью в душе, во всем теле. И единственное, что с меня требуется — поддерживать и развивать дальше зародившееся в эту ночь чудо (что я и делаю с огромной радостью и с большим успехом уже больше года, ни разу еще не свернув с начатого пути). Впрочем, не имеет значения, сколько времени я уже живу новой жизнью, так как я знаю, что это — навсегда, навечно... Если бы я ставил целью продержаться хотя бы пять лет, то этот год действительно имел бы морально поощряющую функцию. Но поскольку сие мероприятие затеяно мною с расчетом на вечность — следовательно, неважно, сколько я уже «держусь».

Ладно, перейду к делу. Но особо прошу учесть, что упомянутое перерождение произошло в тюрьме, где вся атмосфера буквально пропитана ненавистью, ложью, лицемерием... Атмосфера, полностью вроде бы исключающая всякую возможность существования Добра, но тем не менее я в один миг поверил вам и стал добрым, благородным, честным, принципиальным... Ну, может, это слишком громкие слова, но что делать, если других нет? Вернее — я уничтожил в себе всю ненависть, злость, зависть, убрал страх, а с ним исчезли все его производ-

ные: сомнения, недоверие, неуверенность. А, как известно, свято место пусто не бывает, вот и заполнили образовавшуюся пустоту во мне Доброта, Честность, Радость. Это не самовосхваление, я лишь констатирую факты, объективные факты, чтобы нагляднее и контрастнее изобразить великолепие и поразительную действенность вашего Учения. Правильно понятое и примененное, оно способно творить чудеса. Помимо всего прочего, я также понял справедливость того, что меня посадили (хотя содеянное мною по-прежнему считаю благим деянием — «закон мировой пощады»). Поверил также в реальность и искренность большевистских идей и призывов (до сих пор я люто ненавидел как саму теорию, так и ее носителей за лживость, ханжество, лицемерие и отсутствие какой бы то ни было принципиальности), почти полностью принял сердцем и одобрил все решения апрельского и июньского Пленумов и, естественно, XXVII съезда. Вместо наплевательского: «моя хата с краю...» я взял на вооружение: «Если не я, то кто же?!». Поверил в Доброту и Единство... Да, еще такие побочные явления, как незаслуженно критикуемые и не признаваемые (пока!) проявления «психической энергии», применяемые мною строго для благих целей. Поначалу я желал обладать этой энергией с целью сведения счетов с врагами, а овладел — стал добрым... и уже в мыслях нет того, чтобы мстить кому-то. Также разом бросил курить, пить, обрел железное здоровье, прекрасное настроение ежеминутно, радость каждодневную, а главное — Любовь, непоколебимую и безоглядную Веру в себя, веру в победу добра. Вы открыли для меня Рериха, Рамакришну, Вивекананду, Индию. А через любовь к Индии я пришел к любви к своему родному клочку земли; не только чисто теоретической, но и на практике проявляющейся любви. После «Семи дней...» решил любой ценой докопаться до первоисточников. Но поскольку тюрьма — это тюрьма, то, короче, заимел «Избранное» Рериха (79 г.), «Основы миросозерцания индийских йогов» и «Оккультное лечение» Рамачараки. Пока все, но и этого предостаточно. Сейчас уже не мыслю жизни без этого великолепного, одухотворяющего и божественного Учения. Кстати, ваши «Семь дней...» и «Рукопожатие...» действуют на психику гораздо эффективнее, чем первоисточники (Н. К. Рерих). У вас — прямо концентрат, эссенция всего Учения, а каждое слово — откровение. Не знаю, как на

меня подействует «Махабхарата», когда доберусь до нее, но уже предвкушаю Радость.

Глубоко уверен, что вашему Учению принадлежит будущее, что оно способно открыть глаза каждому, кто с ним соприкоснется. Проверил на практике — решил рискнуть и ознакомил с основами (как я их понимал) еще одного отпетого головореза, циника, негодяя и т. д. Подействовало безошибочно! Теперь нас уже двое «прекрасных и хороших людей» божественного происхождения. Знаю, что в моих силах (посредством вашего Учения, естественно) перевоспитать любого, самого безнадежного (уголовника, наркомана, панка, металлиста и всех, с которыми наше общество безуспешно борется). Повторяю — это не голословное утверждение и ни в коем случае не прожектерство экзальтированного и наивного гимназиста.

Через девять месяцев кончается срок, и я выхожу на волю. Трагедия Галгата меня еще больше убедила в моей правоте, Абай и Мирза вовремя «предупредили» — так не надо делать. Как я уже говорил, имею ряд конкретных предложений, как с помощью вашего Учения добиться практического и положительного сдвига в сторону морального оздоровления общества. Согласен выступить в качестве наглядного пособия, демонстрируя и доказывая положительное влияние вашего Учения на советского гражданина, дабы опровергнуть незаслуженные упреки и нападки по вашему адресу, вызванные искривлением и извращением столь прекрасной идеи. Абай — это как раз то исключение, которое доказывает правило. Мало ли примеров в истории. Хотя бы «Великий кормчий» — Мао — ведь тоже коммунист и тоже ссылался на Ленина... Или же коммунисты Сталин, Берия, Щелоков... Но ни у кого же не возникает мысли отвергать саму идею коммунизма. Также и Абай с Мирзой еще не повод для того, чтобы «рубить на корню» вашу Идею. Эти люди — досадная, но закономерная и нужная случайность. Нельзя остановиться на них, они не должны и не могут тормозить продвижения вперед. И в конце концов — эта трагедия тоже была нужна, хотя бы как отрицательный пример, отпугивающий слабых и случайных людей, а сильных еще больше укрепляющий.

Сколько читаю и собираю все газетные публикации на эту тему — только один раз в огромном, мутном потоке критики и отвергания «чуждой нам идеологии», ре-

лигиозно-мистического мракобесия и «шарлатанства» и т. д. я натолкнулся на письмо какого-то московского инженера, который признал необходимость подобного Учения и поделился (весьма скромно) опытом практического применения такового в своей жизни, в общении с друзьями. Они успешно использовали «Систему» (как он писал) в качестве морального стимула во всех отраслях своей деятельности. Хотя и Учение овладело мною полностью и безвозвратно, но тем не менее я считаю, что постиг лишь верхушки. Нахожусь в начале пути. Но даже и сейчас я могу опровергнуть любые, самые обоснованные доводы противников сего Учения. Даже ознакомившись с тем мизером литературы, упомянутым мною, могу смело и со всей ответственностью заявить, поклясться на чем угодно: нет в этом Учении абсолютно ничего плохого! Нет ни религиозного фанатизма, ни ухода от реальной жизни, ни сознательного сужения кругозора, ни идеализма... Нет никакой пропаганды чуждой нам идеологии, нет «подрыва устоев», нет безнадежного индивидуализма! Глупости! Только круглый идиот или негодяй может поносить и поливать грязью столь прекрасную идею — один потому, что глуп и не видит истины, другой — потому, что эта истина противоречит (по его мнению) общепринятой на данном этапе развития общества.

Да, под впечатлением ваших творений я стал глубоко верующим человеком (не перестаю восхищаться потрясающей действенностью ваших слов, сильнейшая вещь!), но, как сказал В. Ярузельский на съезде ПОРП (июнь 1986 г.): «Если человек находит в религии стимул для активной гражданской позиции — он для нас ценнейший партнер». Да и М. С. Горбачев, сколько мне известно, такого же мнения. В течение всей моей жизни (мне сейчас 28) ничто и никогда не оказало на меня столь благотворного влияния, как это Учение, можно даже сказать — религия (в лучшем значении этого слова). Никогда доселе я не был так полон творческих сил, полон радости и счастья. В тюрьме — и счастлив... Парадоксально, но — правда. Неописуемо счастлив и свободен. Еще раз выражаю вам свою безграничную благодарность, искреннее уважение... Извините, слова такие дурацкие и шаблонные, но, думаю, вы поймете меня правильно.

Если ваши очерки, ваши стихи, слова смогли меня (!) перевоспитать и сделать добрым, честным и счастли-

вым, — то это поистине шедевр. Ваш талант достоин высочайших похвал, можете мне верить. Я словами впустую не разбрасываюсь. Если я — уголовный элемент, отбросок общества, прожженный циник, эгоист и т. п. сволочь поверил вам, тут уж комментарии излишни.

Если хоть в чем-нибудь смогу быть полезен вам — буду весьма польщен. Вы подарили мне смысл жизни, я, в свою очередь, готов отблагодарить хоть чем-нибудь более-менее равноценным.

Будьте счастливы...

У. Б.
1986 г., Елгава.

Уважаемый Учитель!

Разрешите мне вас так называть, поскольку, к своему стыду, я не знаю вашего отчества, а обращение без оного по фамилии или имени приобрело бы в данном случае либо слишком официальный, либо, наоборот, слишком фамильярный оттенок. К тому же писатель, каковым являетесь вы, уже по своему предназначению Учитель.

Что касается моего отношения к Вам, то назвать Вас Учителем я счел возможным после прочтения вашей повести «Семь дней в Гималаях». Этой повестью я «открыл» вас, к сожалению, недавно и почти случайно, но, с другой стороны, к большому своему удовлетворению.

Дело в том, что система взглядов и концепций, изложенная в данной повести, вполне соответствует моему пониманию, в соответствии с которым наша жизнь, наши судьбы неразрывно связаны незримыми нитями и отношениями с окружающим нас безмерным миром, Космосом, чего мы в обыденной жизни не только не замечаем, но порой и не понимаем. Ваша повесть заставляет задуматься над своим местом в жизни и предназначением человека.

Для меня вся прелесть мировоззрения индусов, в которое вы посвящаете читателя, заключается в отсутствии в нем догматического Бога и связанных с его име-

нем мистических представлений. Это материалистическое, по сути, морально-философское учение возвышает человека, расширяет и углубляет его восприятие мира в глобальном аспекте, направляет его жизнь на служение людям, обществу. Оно не отрицает, а наоборот, утверждает необходимость участия человека в общественно-политической жизни общества, побуждает к активной жизненной позиции. Такая «религия» мне по душе. Не будучи (до прочтения вашей повести) знакомым с основными положениями индуизма, я смутно понимал, что мы, творение Космоса, не можем не находиться под его влиянием, как физическим, так и духовным. Сомневаюсь лишь в концепции переселения душ. Мне кажется, что это религиозная «натяжка» в индуизме как религии, свойственная собственно всем религиям, как следствие невозможности человеческой психики примириться со своим уходом из жизни, из окружающего мира навсегда и безвозвратно.

Итак, дорогой Учитель, знакомство с вами посредством повести «Семь дней в Гималаях» укрепило меня в моем восприятии мира, открыло новые, неведомые мне доселе понятия, заставило перечитать и глубже вникнуть в смысл вами написанного и дало мне основание назвать вас моим Учителем также в том смысле, который вкладывают в это определение индусы. Но не все мне понятно, к сожалению. Поэтому разрешите мне задать вам основной вопрос, который побудил меня написать данное письмо.

Вы в своей повести даете читателю понятие чакрамов, но как ими, с ними или над ними работать? Имеется ли методика проведения медитаций, позволяющая войти человеку в те состояния, которые описываете вы в стихах, посвященных чакрамам? Ведь ваша повесть настолько убедительна, что дает мне основания для предположения, что лично вы владеете такой методикой. Так поделитесь же, Учитель, своим опытом!

Я с большим уважением отношусь к писательскому труду и поэтому не смею просить вас изложить эту методику в вашем ответе, на который я все-таки надеюсь. Подскажите в таком случае, можно ли в ваших других произведениях найти ответ на этот вопрос и в каких именно? К сожалению, наша городская библиотека располагает лишь одной вашей книгой — «Какая теплая земля». Поэтому возникает следующий вопрос: как най-

ти и приобрести все ваши книги, чтобы они стали для меня настольными?

Вот те лишь немногие, в рамках письма, вопросы, которые побудили меня обратиться к вам, уважаемый Учитель. Вопросы, как говорится, по форме. Что же касается вопросов по содержанию индуизма, то «несть им числа», и они, естественно, выходят за рамки данного письма. Поэтому заканчиваю.

Простите мне мое косноязычие; не знаю, смог ли я выразить то, что хотел. Возможно, вы сочтете меня несколько бесцеремонным или наивным, поэтому заведомо прошу у вас прощения. Для себя имею оправдание: вы сами виноваты, Учитель, что своей повестью возбудили во мне такой интерес.

В заключение кратко (анкетно) о себе. Зовут меня Кацюба Виталий Григорьевич. Мне 49 лет, женат, имею двоих взрослых детей. Образование высшее техническое, член КПСС с 1969 года, пропагандист в системе партийной учебы, член партбюро, председатель товарищеского суда. В течение последних 16 недель регулярно занимаюсь хатха-йогой, не очень регулярно — аутотренингом (по В. Леви) и бегом. Увлекаюсь чтением, музыкой. Работаю на заводе.

До свидания, Учитель! Всего Вам доброго!
Ваш ученик В. Кацюба.
г. Харцызск,
Донецкая обл.

Здравствуйте, уважаемый Валентин М.

(извините, не знаю вашего отчества). Набрался смелости обратиться к вам с частным письмом, так как после прочтения вашей последней публикации «Мост над потоком» в «Москве» (№ 4 за 88 г.) не оставляет наплыв мыслей и переживаний, связанных с материалом, там изложенным. Поделюсь сначала теми личными впечатлениями, которые предшествовали встрече с вами, в переносном, разумеется, смысле. Встреча первая была, пожалуй, давно, в лице книги «Избранное» Н. К. Рери-

ха (1979 г.). Честно говоря, впечатление было не очень отчетливым. Не помню даже, дочитал ли я ее до конца. В очерках об Азии утомляло обилие незнакомых, труднопроизносимых слов и географических названий, многое из описанного там просто вызывало недоверие. Одним словом: не проняло. Это было года четыре назад.

С тех пор многое изменилось в моем сознании, и сейчас я хорошо вижу эту свою слепоту. Жизнь свела меня с замечательными людьми, которые в своих духовных поисках обратились к учениям Древнего Востока. С их помощью мне удалось прочесть одну из книг серии «Живой этики» (приводимой вами в сноске), а именно «Агни-Йогу» (довоенного, рижского издания), а также неполную, фрагментами — «Общину». Я попытаюсь сейчас объяснить, что предшествовало расширению моего сознания. Это была книга д-ра Бекка «Космическое сознание» (издания, по-моему, 1913 г., сейчас не помню). Любопытная книга, там есть главка о Будде и его учении. Заинтересовали приведенные там цитаты, касающиеся взглядов Будды. Не могу утверждать, что сейчас я достаточно полно ознакомился с этим удивительным синтетическим учением; кроме вышеперечисленного, усвоено, хотя и не на 100%, содержание книги Наталии Рокотовой «Основы буддизма» (издания 1940 г.). Все это, разумеется, в фотокопиях, ведь недоступность истинных культурных ценностей — это знамение нашей действительности. Убежден, что Агни-Йогу нужно преподавать в школах, а для любого считающего себя культурным человека — эта книга должна быть настольной. Не буду сейчас сетовать по поводу недоступности духовных ценностей, засилья серятины в книжном издательском буме, массированного наступления масскультуры и т. д. Вы умный человек и всю эту картину видите и сами довольно отчетливо. Я просто хочу вам нарисовать сценку из жизни, коей сам был свидетелем не далее как в мае этого года. Вышел четвертый номер «Москвы» с вашим произведением. На моих глазах журнал немедленно был отдан в фотолабораторию политехнического института, и там страницы «Моста над потоком» пересняты для утоления, так сказать, духовной жажды страждущих (попробуй дождись по очереди в библиотеке!). Стыдно признаться, но приходится, факт есть факт, номер журнала со статьей «Рукопожатие на расстоянии» я просто украл из библиотеки. Отдал за него Куприна, сказал, что журнал потерян. Ничего не мог

с собой поделать. Вовсе не из желания вам польстить скажу, что, по моим наблюдениям, интерес к вашим публикациям огромен. Громадное вам спасибо за них, мы (мы — это я и мои друзья) с нетерпением будем ждать новых ваших работ (к сожалению, не мог достать ваши «Семь дней в Гималаях»).

Раз уж речь зашла о благодарности, не могу не упомянуть ваши медитации «Путь» и «Ключ». Так случилось, что я тяжело заболел (сильнейшее нервное расстройство), временами волной накатывал дикий страх. Я попросил, чтобы мне в больницу принесли эти ваши стихи. Если бы вы знали, как они мне помогли! В них я черпал опору и самое главное — Веру (врачи после удивлялись моей быстрой поправке). Личное вам спасибо. Невольно вспоминается приведенный вами пример с картинами Рериха (когда их помещали в лечебницу).

И вот ваш «Мост...» — очень сильное и глубокое впечатление. Нельзя даже за один раз вместить в себя все это. Постоянно, вновь и вновь, с трепетом, да не смейтесь, с каким-то священным трепетом перечитывал строки. Необычайная концентрация мысли или, по-другому сказать: заряд огромной духовной мощи и красоты. К слову, читая это, я всякий раз поражаюсь — какой разительный контраст с предвзятой позицией (авторской) Е. Парнова в его книге «Боги Лотоса». А ведь он — фантаст! Очевидно, ограниченность сознания лежит в какой-то другой плоскости, если она присуща даже людям с хорошо развитым воображением. Я и мои друзья по достоинству оцениваем вашу жизненную позицию, ваш большой труд по наведению мостов от великой культуры древних, через Рерихов Н. К. и Е. И. и сейчас Святослава Николаевича сюда, к нам, в нашу современность. Возникают разные соблазнительные мысли: организовать (возродить) Рериховские общества, например. Было бы любопытно узнать, какая судьба сейчас этих обществ за рубежом. Сохранились ли они? Есть ли подобные в нашей стране? Может быть, вы со мной не согласитесь, но я считаю, что из великого завета — сплачиваться под знаменем Мира и Культуры — на данный момент есть только первое (движение за Мир), а вот к Культуре мы только начинаем приближаться. Я имею в виду нашу страну. Подумать только, от нас прятали Платонова (от его «Чевенгура» лично я испытал потрясение). До сих пор не могут по-настоящему издать Ахматову, Пастернака. Да стоит ли продол-

жать длинный ряд имен? (Кстати говоря, «Детей Арбата» не прочел до сего дня, говорят, журнал уже в плачевном состоянии, до дыр затерли). Но, оставляя пока в стороне свои впечатления от вашего произведения, я хочу сказать вот о чем. Все мы прекрасно понимаем, что изложенное вами — это всего лишь верхушка айсберга. Понятен и ваш сдержанный тон в отношении высказываний о психической энергии. Общественное мнение пока обрабатывают в несколько другом ключе, я имею в виду публикации об экспериментах в «ЛГ»... А вот признания ученых прямо-таки прекрасны: отклоняла рукой лазерный луч. Ого! Вот это энергия! (Интересно, как это согласуется с ОТО Эйнштейна? Я, например, нахожу пока утешение лишь в том, что свойства пространства-времени локальны). А что сказать о видеосюжете из «Взгляда», когда мирный диэлектрический стакан скачет по столу как лягушка, а стрелка компаса бешено мечется, рискуя слететь со своей оси? Кажется, вот она — очевидность! Нет, некоторым легче лоб разбить о стену, чем поверить. Чего-то им не хватает, наверное, все же широты культуры, ибо тысячу раз прав Николай Константинович Рерих в том своем утверждении, что путь к культуре лежит через утонченность восприятия и синтез. Не все еще поднялись на эту ступень. Признаюсь, мы вам завидуем по-хорошему. Вы лично встречались со Святославом Николаевичем, много раз бывали в Индии. Один мой друг буквально рвется в Индию (в Гималаи), не хуже, чем в свое время Е. П. Блаватская. К сожалению, ограниченность в средствах не позволяет пока этого сделать. (Сам я увлекаюсь хатха-йогой.) Перечитываю сейчас «Письма Елены Рерих». С трудом верится, что еще совсем недавно жили такие прекрасные русские люди, подвижники. Конечно, хотелось бы прочесть всю «Живую Этику», но увы... Неужели нельзя пробить издание этих книг? Наивный, наверное, вопрос. Но как бы хотелось этого. Многие, с подготовленным сознанием, конечно, смогли бы найти в них утраченную Веру. Не смею утомлять более вашего внимания.

В заключение хочу сделать вам приятное, а именно — мой опыт сочинительства стихов-медитаций. Дарю:

Неведома нам сущность бытия.
Как покрывалом звездным, тайной все сокрыто.
Не ведаем о том, что значит «мы» и «я»,

Не в силах к звездам взор поднять —
от своего корыта.

Трусливы, малодушны и темны,
Как замечал поэт: к тому ж нелюбопытны,
Туманом плотным Майи мы окружены,
Не ведаем о том, какие силы в нас сокрыты!

Не чаем больше денег накопить.
Вокруг себя всю жизнь мы копим мусор.
Боимся наши души настежь отворить
И музыку небесных сфер спокойно слушать.

Не можем мы понять, что космос в нас!
Того, что беспредельность заключаем.
И рук кольцом бессильным мир объять —
Бессильно о бессмертии мечтаем.

Глухи, слепцы, не слышим звездный зов,
К вибрациям Вселенной равнодушны.
И, погасив огни былых надежд и снов,
Вопим во тьме: Спасите наши души!

С пожеланиями здоровья и творческих прозрений, с большим уважением к вам — *Сергей Петрович Панченко.*

1988 г.

P. S. Ребята (друзья) не знают, что я вам написал. Наверняка бы обругали: такой занятой человек, а ты суешься... Но я все же рискнул...

Станислав КУНЯЕВ

Канули глубоко в Лету те времена, в которые «писатель пописывал», а «читатель почитывал»... В последние несколько лет читательская почта изменилась неузнаваемо: она клокочет, неистовствует, восторгается, митингует, приговаривает, оправдывает, указывает, диктует... Другим стал наш читатель. Под его воздействием и писательская душа начинает смущаться злобой дня, национальными и экономическими, религиозными и экологическими страстями... И неизвестно уже — кто кого подталкивает, кто кому дает импульсы для мысли и действия: писатель читателю или наоборот... А может быть, мы уже не инженеры человеческих душ? Может быть, отбросить эту самонадеянную фразу, чтобы почаще, почутче, подоверчивее прислушиваться к бушующему, ревущему, жаждущему истины морю читательских мнений приговоров, восторгов...

Да, это так. Но все же, все же понимая, что центр тяжести мировых страстей сейчас переместился с писательского стола к читательскому сердцу, не следует забывать слова Михаила Бахтина: «Поэт должен помнить, что в пошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в беспомощности искусства виновата его нетребовательность и несерьезность его жизненных вопросов».

СЕЙЧАС ПРОСТО НЕОБХОДИМО БЫТЬ «КОНСЕРВАТОРОМ»

Уважаемый товарищ Куняев!

На днях перечитал статью М. Горького «Разрушение личности». В будущем году ей исполнится 80 лет. Ее стоило бы возродить на страницах нашей печати...

После поражения революции 1905—1907 гг. в кругах обывательской интеллигенции получили распространение, стали даже модными предательство и отступниче-

ство. В наскоро состряпанных повестях и романах, в наспех сляпанных сборниках стихов, в пьесах и прочих печатных изданиях пелись гимны ренегатству и индивидуализму, восхвалялись малодушие и подлость, низость и разврат, цинизм и хулиганство. Грязь, злоба, ложь заполнили духовную жизнь этого круга людей, еще вчера нередко хотя бы на словах клявшихся в верности идеям революции, а сегодня с невиданной яростью оплевывающих эти же идеи.

Шло разрушение личности, как это точно определил великий Горький. «Духовно обнищавшая, заплутавшаяся во тьме противоречий, всегда смешная и жалкая в своих попытках найти уютный уголок и спрятаться в нем, личность неуклонно продолжает дробиться и становится все более ничтожной психически. Чувствуя это, охваченная отчаянием, сознавая его или скрывая от себя самой, она мечется из угла в угол, ищет спасения, погружается в метафизику, бросается в разврат, ищет бога, готова уверовать в дьявола — и во всех ее исканиях, во всей суете ее ясно видно предчувствие близкой гибели, которое, если и не сознается, то ощущается ею более или менее остро. Основное настроение современного индивидуалиста — тревожная тоска... Внутренне оборванный, потерянный, раздерганный, он то дружелюбно подмигивает социализму, то льстит капиталу... Его отчаяние все чаще переходит в цинизм: индивидуалист начинает истерически отрицать и сжигать то, чему он вчера поклонялся, и на высоте своих отрицаний неизбежно доходит до того состояния психики, которое граничит с хулиганством...»

Горький писал это о тех годах, которые в нашей истории известны под годами реакции.

Наблюдая нынешний духовный маразм некоторых, поднятых обывательской модой на незаслуженную высоту, литераторов, с горечью думаю: не повторяют ли они «героев» горьковской статьи? Не повторяют ли они ту не совсем блестящую страницу истории нашей культуры, если литературу, проповедовавшую предательство, отступничество, разврат и цинизм, можно назвать культурой?

Ведь эти наши «наставники» без всякого зазрения совести поют хвалу предательству. Оно, даже самое откровенное, уже не осуждается. Напротив, эти новоявленные «революционеры» с моралью Иудушки Головлева злобно наскакивают на крылатое высказывание Горь-

кого о гнусности предательства. Оно им претит, так как не укладывается в изобретенную ими концепцию, что можно предавать, выдавать, оговаривать невиновных, клеветать на них — и в конце концов оказаться в героях. Малодушие, подлость, низость, отступничество возвеличиваются. Они становятся вроде бы даже достоинствами. Для них ищут объяснения, оправдания. И причины малодушия, трусости, подлости, низости, отступничества и бесчестия стараются найти где-то в стороне, а не в самих этих малодушных и низких людях. Из слабых, нестойких пытаются лепить героев и выдают их за эталон революционера. Переметные сумы, с мастерством того оборотистого попа, какой мог одним мановением перста обращать порося в карася, превращаются нашими «магами-волшебниками» в граждан первого сорта, в самых больших патриотов нашей земли. Для того чтобы получить те или иные привилегии, к примеру, опубликовать свою малопитательную «стряпню», достаточно уехать «туда». Или хотя бы вильнуть умилительно перед каким-нибудь, пусть самым плюгавеньким, «ихним» корреспондентом, привлечь его благосклонное внимание. И это уже становится гарантией, что перед тобою начнут расшаркиваться, тебе услужливо предложат страницы самых модных газет и журналов, тебе обеспечено место в планах самых высоких издательств.

А вот ежели ты будешь стоять за честь родной земли, за гражданскую порядочность — перед тобою захлопнутся все двери, вокруг тебя образуется глухая стена. И хоть криком кричи, хоть голову разбей — никто тебя не захочет услышать...

И так ли уж удивительно, когда солдат продает свое оружие бандиту? Так ли уж необъяснимо появление на улицах наших городов-героев фашиствующих подонков? Трудно ли понять, почему, будто раковая опухоль, расползается наркомания, появилось рэкетирство, порнография?

Не то ли это разрушение личности, какое наблюдал в свое время Горький?..

Тогда нашлись силы, какие смогли преодолеть растлительное влияние этого процесса на молодежь, главным образом — рабочую и крестьянскую. Да и на лучшие слои молодежи из другой среды. Революция многим помогла найти себя как личность!..

Для преодоления разрушения личности в наши дни

крайне нужна та работа, какую проводите Вы! Нужны такие статьи, как Ваша «Все начиналось с ярлыков» и В. Кожинова «Правда и истина».

Михаил Яковлевич Постол.
ст. Атаманская Краснодарского края

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Не так давно я осуждала В. Г. Распутина за «консерватизм». Что тогда со мной случилось? Кажется, не я, а кто-то другой писал Вам тогда. Я, как и многие, предпочитала тогда слушать леворадикальных крикунов, подобных Афанасьеву и Попову, пользующихся поддержкой многочисленных неформалов. Но в чем же суть их позиции, кроме конъюнктурной критики? Суть в выступлении Шмелева: он предлагает в целях подъема экономики спаивать народ, увеличить нашу и без того большую внешнюю задолженность, торговать землей, торговать всем, чем только можно, продавать «все, что есть в запасах». Все, что можно... А не означает ли это возврата к капитализму? Зачем это нам? Раз начали, надо все-таки строить социализм!

Сейчас просто необходимо быть «консерватором», «ретроградом», чтобы спасти страну, спасти Россию. Чтобы выжить, нам надо возродить свои традиции. А народные фронты могут привести нас к гражданской войне, к кровавым событиям. Но хуже всего то, что существование разных группировок разобщает людей, превращает их в противостоящие друг другу силы. Эта бескровная гражданская война ничем не лучше той, когда льется кровь...

Выживет ли Россия? Мы сейчас во всем ориентируемся на Запад — и в экономике, и в культуре, и в политике. Чем это остановить? Хватит ли сил? Порой охватывают сомнения...

Ваш единомышленник
Мария Викторовна Шестакова.

Уважаемый Станислав Юрьевич, здравствуйте!

Давно хотелось написать Вам, но отсутствие Вашего адреса домашнего являлось неодолимой преградой.

И вдруг — Дни российской литературы на Ставрополье. На афише в списке приглашенных в наш крохотный городок писателей увидел: Станислав Куняев. Помня, что в подобных ситуациях, когда раньше времени замечаю-зарадуюсь, жизнь всякий раз обжуливала меня, я поостыл и... засомневался. Пошел в городскую библиотеку, а там книжные королевы свое объявление, торопясь, пишут. Спросил, делая ударение на имени: «Точно, что Станислав Куняев приезжает?» Они: «А что, есть другой Куняев?» И, получив от меня информацию о Борисе Куняеве, забеспокоились — в горком звонить стали. Только без толку — ничего не узнали. Я стал (ну что за натура!) воображать предстоящую встречу с Вами...

Урезонить бы себя: ночевка у писателей в Пятигорске — спешить им надо; может, другая встреча, с другими читателями потом у них запланирована — спешить надо; ну раздадут автографы — и по коням; писателям тоже не сахар такие встречи — все равно что Эрмитаж за один день обегать; выбрать момент в этом заполохе не удастся, чтобы подойти к «своему» писателю и наедине рассказать, что ты пережил, его книги читая, что он для тебя — свет в окошке посредь леса дремучего, что ты любишь его, наконец! Но как урезонишь, если в груди тесно и томко?

Не вытерпел — пошел снова в библиотеку. И там уже, открыв свежую «Ставропольскую правду», узнал: Борис Куняев все-таки.

Было со мной такое, было уже! Не приехал Шукшин в 74-м году — в Баку срочно улетел за первой премией, что «Калина красная» завоевала. И зря ходил, изнывая, возле ДК с тремя сборниками рассказов Василия Шукшина. Не ради автографа, не ради показушного — вот, мол, знаком был, беседовал и прочее, — нет! Ради одного — наболевшее выплеснуть. Хотя, зная свой характер, не уверен был, что подойду к нему, а не буду стоять в сторонке и с жуткой ревностью обиженно наблюдать, как кто-то легко и просто разговаривает с НИМ.

Это — не спортивное «кумирство», не «владимировысоцкая» кутерьма ажиотажная, — это болючая ломота сердечная от сгорающей невысказанной искренности.

Я даже колокольную мечту не отгонял: приглашу до-

мой к себе, а Василий Макарович возьмет и придет. Тут уж завалю я стол едой-питьем, как на сказочном острове Буяне, гостя дорогого привечая. И... Ладно, даже ни о чем говорить не буду, — пусть сам поймет, что его в этой семье любят, ценят, что всегда выручат, что он не писатель сейчас, а человек родней родного, приезда которого — все жданки поели, — так ждали долго.

Господи, я плакал, когда умер Василий Макарович, и, если бы не запоздалый некролог, был бы на его похоронах, чтобы хоть напоследок увидеть его, помолчать у гроба да проводить в тепло и холод русской земли.

Еще при жизни Шукшина прочел я в «Литературке», что, дескать, его фильмы — комедии, и пр. Мое выстраданное воспротивилось, и я даже сделал попытку написать злой ответ газете, да «издох» в публицистическом угаре. И как обрадовался, узнав, что мнение Шукшина моему солидарно!

Я недоумевал и злился, когда в рассказе «Суд» (журнальная публикация), в последнем предложении его, чья-то недобро-досужная рука выбросила (уже в сб. рассказов) последнее слово «зараза» («Пойду Маньке Шлык скатаю. Присоветовала. Зараза»). И не потому негодовал, что глаз со словом свыкся, — нет: рассказ изрядного куска прелести лишился, куцым стал. Словно отцепили где-то на полустанке последний вагон, а в нем как раз ехал человек, тобой ожидаемый. Проскочили, притормаживая, вагоны, а твоего нет как нет. Оторопь, разочарование, негодование прокололи легкую и теплую для встречи душу, и... немой вопрос: чьи проделки это?

Когда я читал рассказ «Жена мужа в Париж провожала...» — плакал, и, не удивляясь умом, душой удивился, прочитав у Шукшина, что и он плакал, когда писал рассказ этот. И еще есть примеры, и еще...

Как происходит такое соитие духовное? Может, и я был нужен Шукшину, как он мне? И вот ни разу не увиделись, не написали друг другу ни строчки... Моя вина здесь полностью — ведь он обо мне не знал — не ведал.

После смерти Шукшина мое читательское суденышко некоторое время без паруса плавало посреди моря книжного, пока не прибилось к «астафьевскому» берегу. Его волшебный, раскованно-красивый язык, брызжущий и доброй веселостью, и неукротимым гневом, полонил ме-

ня. «Написать бы свой «Последний поклон», — думал я, — и с легкой душой помирать можно».

Герои книг Астафьева ничем не отличаются от шукшинских «чудиков». Они живут естественной жизнью, в дикую жару они не рядятся в пиджаки и не «душат» себя галстуками ложного приличия ради... Все они — тяжелодумы и ерники, удальцы и скромники, — душа наша русская, золотоносная жила породы русской, извечные защитники и спасители земли своей вечнострадальной. А их все меньше и меньше остается...

После съезда писательского, когда «чесотка мировая» бросилась в атаку на Астафьева за «Ловлю пескарей в Грузии», когда «оскалился» Крывелев, когда Евтушенко подлил масла в злобный огонь, выступив вроде бы в защиту, но безбагажно, и значит, провокационно, давая возможность ударить уже с другой стороны, — я написал Астафьеву длинное письмо. Он мне коротко, но тепло и хорошо ответил. Мне жаль его писательского и просто человеческого времени, порушенного здоровья. Мужественный и великодушный человек, роскошный и могучий талант русский. В нем искренность, раскованность, народная интеллигентность русская, — естественность поведения...

Вот, думаю: время сейчас такое сочинение пишет, что слова Шукшина «нравственность есть правда» эпиграфом поставить надо бы. Почему же книги Шукшина купить невозможно? Местные издательства еще издают кое-что, но где же центральные спрятались? Почему в приложении к «Огоньку» на 1988 год фигурирует четырехтомник Горбатова, а не хотя бы трехтомник Шукшина? Жена моя работает в школьной библиотеке, и от нее я знаю, сколь нечитаем Горбатов, как пылятся на полках многоэкземплярные «Непокоренные», «Донбассы» и др. Кто-то скажет: плохая пропаганда, мол, — подзабыли писателя. А если руку на сердце: не достаточно ли того, что есть в библиотеках? Так ли уж велика роль Горбатова и след его в советской литературе? Тогда давайте будем в ущерб Достоевскому и Чехову издавать многотомники Шеллер-Михайлова и Боборыкина. Читатель и у них найдет для себя что-нибудь интересное, познавательное. Нет, нельзя отодвигать глыбы ради того, чтобы увидеть гальку, которой и так вокруг навалом. Мы же говорим о нравственно-высоком души воспитании, а оно на второсортных образцах не

воспитывается. Уже пройдено нашей страной временное расстояние, и большое увиделось уже.

Николай Рубцов. Вечер, посвященный 50-летию поэта, показывается по Центральному телевидению. Теперь весь народ узнает о русском поэте! Бросится читать дивные стихи его — проникнется и поймет, какая сила духа, какая великая любовь к Родине жила в его легоньком теле.

Но, как оказалось, «для веселия планета наша» и до сих пор еще «малооборудована», потому что теледеятелей велико коварство: вечер был показан, но в 19 с чем-то часов, то есть когда местное телевидение перекрывает Центральное своими передачами. И показали Ставрополью вместо Рубцова концерт по заявкам работников пищевой и легкой промышленности. Видно, все-таки «пики козырь», раз подобные козни против всего русского безнаказанно творятся и в центре, и на местах.

Последний сборник стихов Рубцова вышел тиражом мизерным — 25 тыс. экз. Издеваются над нами, и все тут! Зато какой-нибудь лизоблюд Калистрат Мухобоев или ничего не значащий Сеня Гейшин издаются на всю тиражную катушку. Я эти фамилии придумал, но существуют ведь и реальные. Возьмем, к примеру, эту нестихающую возню, эту, простите, хреноверть вокруг Высоцкого. Она же заранее была спланирована. Вначале подавать из-под полы песни Высоцкого, чтоб тяга у простодушных людей к «запретному плоду» возникла. А тут в стране как раз бездуховность в гору пошла: пожрать сладко, вырядиться в блеск-импортное, да с частой сменой чтоб, машину купить и в гараж ее, да не прозевать бы новую любовь свободную, такую простую и доступную: отвязался — и вперед! Но все эти удовольствия — не по зарплате, и, значит, пошло-поехало: честный труд стал не в чести и был осмеян, зато благословлялась («вершками» — негласно, «корешками» — в открытую) нажива любым путем и всевозможными средствами. Вся эта неприглядная картина напоминала и напоминает наводнение, когда полноводная река в момент стихийного бедствия поднимается на несколько метров по сторонам. Потом река войдет в берега и продолжит свой неизменный путь, но еще долго будут высыхать разбросанные по лугам многочисленные протухшие лужи.

Действительно, зачем нужно, чтоб сердце обливалось

кровью от слез детей беззащитных, от слез взрослых, несчастьем раздавленных, от нескончаемых слез земли родимой? Зачем, если и так все хорошо? На столе «водочка откупорена, плещется в графине», рядом — человек желанный, под услужливой кнопкой магнитофона ждет своей минуты «запретный» Володя, чтобы прохрипеть в любой момент и на любую тему, пряно насыщая интимную атмосферу... И потому — плевать на то, что Родина не успевает подняться на ноги от бед лихих, на то, что бульдозер бездуховности крушит память народную, стирает с лица земли вековые храмы и взрывает могилы священные, на то, что исчезли насовсем или стали слепыми избы глазастые, испоганены озера и реки; плевать и на молодежь, не своим умом и не своим горбом живущую.

Но брехня оголтелая, что тогда все молчали, и только Высоцкий открыто и смело вскрывал недостатки. Разве не в это же время творили Шукшин, Рубцов, Астафьев, Белов, Распутин, Быков? Не тогда ли разве были написаны «До третьих петухов» и «Энергичные люди», «Последний поклон» и «Царь-рыба», «Видение на холмах» и «Подорожники», «Лад», «Прощание с Матерой»? Желающий услышать да услышит, желающий сделать свою душу зрячей да сделает ее. Но, чтобы понять этих писателей, боль их и печаль светлую, «душа обязана трудиться и день и ночь...», поэтому куда проще было той же «душе» и ночь и день балдеть под песни Высоцкого, ни к чему не обязывающие, но легкодоступные — не поленись только нажать пупочку магнитофонную.

Пользуясь этим и тем, что все средства пропаганды в ее руках, «масть пиковая» не пропагандировала широковещательно творчество лучших современных писателей, а смешивала в одну кучу с литературной бездарью, продолжая негласно, но стабильно поставлять продукцию Высоцкого для широкого потребления. Чтобы сейчас лицемерно заявлять: все боялись, молчали, — только Владимир Семенович (мы его звали просто Володя), с его характером, мог смело... И прочая, и прочая...

Высоцкого в 80-м году не стало. И тут же Вознесенский с Рождественским «в платочках рассоплились»: бедный Володя, как он наивно, по-детски мечтал увидеть свои стихи напечатанными... Ну, вроде все старались, да сверху запрет был. Разве можно верить их лживым слезам, так похожим на слезы зубастого земновод-

ного? Кто поверит, что эти рыдающие поэтические «патриции», эти избалованные славой, перекормленные гонорарами и премиями сибариты от поэзии не смогли бы пробить сборник стихов Высоцкого при его жизни? Это ОНИ не сумели бы, когда, считай, вся пресса и все издательства в ИХ руках? Смогли бы легко и просто, но при жизни Высоцкого делать им это не было выгодно. Напечатай стихи при жизни, и сразу бы слетел таинственно-запретный флер с имени Высоцкого, сразу бы стало ясно, что опубликованные стихи его годятся лишь для текстуальной сверки с магнитофонной записью, что они не читаются как стихи: хочешь — не хочешь, а голос певца стоит в ушах, расставляет акценты за тебя, заставляет не читать, а мысленно пропевать строчки его же голосом. Даже стихам, песнями стать не успевшими, подыскиваешь одну из мелодий его же песен.

С настоящей поэзией так не бывает. ЕЕ читаешь, раздумывая, прислушиваясь к чувствам, вдруг объявшим распростертую душу, встретив полюбившиеся строчки, радуешься, раз за разом их вслух повторяешь — на звук пробуешь, оттенок голоса подбирая; даже удачно поставленный знак препинания восхищение вызывает. Происходит самотворчество, сотворчество с поэтом, который не тянет союзника к общему корыту.

У некоего адепта «высоцких» песен может возникнуть вопрос: если, мол, при жизни сборник стихов мог навредить Володе, то почему после смерти издание стихов не играет той же отрицательной роли? Какая разница? Разница в том, что, по-прежнему оставаясь всего лишь песенником, сборник стихов, выпущенный после смерти барда, служит уже агитационным целям. Ну, чем «из Высоцкого» можно сейчас похвалиться перед приятелем? Записями новых песен? Их нет. Зато, сняв с полки книжечку стихов своего кумира, сражаешь приятеля намертво. «И мне надо! И я хочу!» — издает он крик дикий. И несутся вопли со всех сторон, такие вопли взрослых людей!.. — дети так не кричат, когда их от сиськи отнимают.

Хитроумно играя на низменных чувствах и слабых струнах обывателя, злоумно накаляя обстановку, ОНИ создают якобы общественное мнение — издать Высоцкого! Так раскручивается очередной виток, разыгрывается новый акт политической торговли именем Высоцкого, широчайшего внедрения в массы творчества барда, вколачивание в головы ошалевших от безверия и

безрезультатности жизненного марафона людей, что Высоцкий — идеал мужества, идеал поэта-борца, положившего свое сердце отважное на алтарь Отечества. После такой обработки мозгов сравнивать будешь не стихи Высоцкого с поэтическим творчеством Кольцова, Есенина, Рубцова, когда имена эти впервые услышишь, а, наоборот, высочайшую поэзию великих русских поэтов станешь уподоблять стихотворчеству актера Высоцкого. И сравнение может оказаться не в пользу великих, потому как Высоцкий с его песнями привычней, доступней, популярней, он ни к чему не обязывает, потому что — ширпотреб. И вот это как раз страшно, как и то, что из лап бездуховности души людей вырывать не торопятся.

Вот уже семь лет крутится пропагандистская машина посмертного воспевания Высоцкого, что даже растерянный вопрос возникает: уж не вечный ли двигатель эта шарманка? Как красной тряпкой быка, дразнят народ Высоцким. Издали «Нерв». Рев: «Мало!» — и шаг вперед, по направлению к мелькающей «тряпке». Второе издание «Нерва». Устрашающий рев: «Мало!!!» — и еще один грозный шаг вперед. Стоп! Убрать тряпку! Пустить в ход бандерильи!

Хотя устроители сей «корриды» и не испанцы, но правил ее придерживаются. И стали вылетать из газет и журналов разноцветные и разнокалиберные воспоминания, критические и даже философские статьи о Высоцком, в которых красной ленточкой замелькала главная мысль — издать собрание стихов Высоцкого и в таком количестве, чтоб всем хватило, чтоб перед каждым «быком» постоянно трепыхалась его личная «тряпка» алая, чтобы строчки песен Высоцкого были все время на языке у народа, а не крылатые слова великих поэтов русских...

Станислав Юрьевич, я утомил Вас своим пространным письмом, — простите. Но что делать, если мне необходимо поделиться именно с Вами, — Вам я верю.

Живем мы недолго — давайте любить
И радовать дружбой друг друга.
Нам незачем наши сердца холодить,
И так уж на улице вьюга!

Вы написали эти строчки почти четверть века назад, когда мне было 17 лет, а Вы были моложе сегодняшнего меня на 10 лет. Однако стихи Ваши, актуальные тог-

да, стали еще актуальнее и нужнее нынче. Народ просыпается. Но рассвет на дворе еще вовсю не заяснился, — вот каждый человек полусонный и прикидывает: то ли занавеску на окне задернуть и поспать еще, то ли пришла пора вставать и захламленный двор в порядок приводить.

То, что я напишу сейчас, — это не комплиментарный соус к Вашим стихам, не расшаркивание перед Вами. Мы — взрослые люди, — зачем нам друг другу ковер-самолет подстилать?..

Увлекаясь с юных лет поэзией, я не мог не «выйти» на Вас. Было это 20 лет назад, во время службы в Карелии, когда я целый месяц замещал библиотекаря и имел уйму времени свободного.

В Ваших стихах лесным ключиком била изначальная гражданственность, чистая любовь к земле нашей. Хотя тогда у меня не было еще литого идейного стержня, определенной позиции жизненной, но правоту Вашу все же почуял. Среди вознесенско-рождественского словоблудия и их паскудного «формокорчества», где настоящим чувствам и истинной боли места не находилось, Ваше умение «немую боль в слова облечь» и из простых слов сотворить махонькое чудо брали не только за душу, но и за шкирку, — встряхивали.

В то еще незакатное молодое время свое я и понятия не имел, что в реальной жизни существуют темные интриги, затаенная подлость и пр. мерзость. Думал, что все это существует в книгах, приключениях, как, например, у Дюма-батюшки. Самым черным для меня было, когда я видел, как жестокие из-за своего духовного невежества папа или мама дергают за руку и больно бьют по голове своего ребеночка-трехлетку, который пошел не в ту сторону, куда надо родителям. А бедный дитенок мир добрый для себя открывал — увидел интересное и потопал. И плачет, заливает слезами он теперь мир солнечный...

До сих пор считаю, что нет ничего в мире горше, чем вот эти детские слезы некапризные.

Самым светлым для меня было — это когда в разнаряженный флагами праздник входили наши совхозные мужики, с гордыми и светлыми лицами, с боевыми заслугами, на груди сияющими. В эту минуту я прощал им все — и то, что, бывало, жинок поколачивали, и то, что попивали частенько... Потому что любил их, любовался ими — боготворил!

И по сей день мое сердце торжественным огнем горит, когда вижу морщинистые, кровно-родные лица мужиков-воинов. Это они защитили мою землю, это они перелопатили пол-Европы, это они дали мне шанс родиться! И, как в детстве и юности, хочется дотронуться пальцем до чьей-нибудь груди, огнем наград горящей, и сказать добрые и чистые слова благодарности.

Вот такие два главных чувства жили во мне — боль и любовь. Остальные — производные от этих двух.

Поэтому, когда прочел Ваше «Добро должно быть с кулаками...», то чуть не разочаровался в Вас. В душе моей была нарушена гармония восприятия Вашей поэзии и понимания Вас как человека. «Да нет же, — мысленно спорил я с Вами, — добро должно побеждать самим собой — добром. Добро с кулаками — это все что угодно, но только не добро». Но я простил Вас и вернулся к Вашей поэзии, — и навсегда.

Знаете, Станислав Юрьевич, провинция затуркана до предела, — «благо» пресса старается не открывать глаза народу на истинные причины бед наших, предпочитая мусолить следствия. И мне, например, стыдно, что столько читая, давно определив «своих» прозаиков и поэтов, я пребывал в диком невежестве, — не хватало определенной цели в жизни, понимания ее. Я всего лишь два года назад «прозрел», да и то с чужой подсказки. Правда, мне ее хватило.

По натуре своей добрый и бесшабашно-веселый, с эдаким юморком-подначкой на языке, я не считал годы. С детских лет по-маниловски мечтал стать писателем. Но, оставаясь хорошим читателем, писателем «почему-то» не становился. «Какие наши годы? Все впереди!» — решал я и катился дальше. Садился за стол, писал ночами, и ночами нравилось написанное, но по утрам не мог без отвращения смотреть на свое «творение». И бросал писать. Но к сорока годам занервничал, стал злиться на себя, на обстоятельства, так как чувствовал, что во мне созревает из углеродистого — стальное стремление к увиденной цели. Открылись в душе такие запасы чувств, что утонуть можно. Но зато ощутил катастрофическую нехватку времени. Бросил заработную работу слесаря, на которой проработал 8 лет (а у меня ведь филфак пединститута за плечами был), перешел на должность инструктора по физкультуре и спорту в конце прошлого года. Времени стало больше, зато катастрофически не стало хватать денег. А сыну с дочкой —

15 и 14 лет соответственно. А на книжке ни гроша — все деньги уходили на мою несколькотысячную библиотеку. Но великое счастье и великую подмогу даровала мне судьба — жену. Прожив на свете 41 год, я не встретил еще человека, подобного ей, — со страшно развитым чувством долга и сопереживания чужому горю, граничащего с самопожертвованием. Только это письмо я сам долблю одним пальцем, а все остальное — она. Я пишу — она печатает. А еще мать ее с нами живет, — ухаживаем. А у дочки хроническая пневмония, — за 14 лет истекались с нею. (Кстати, я передумал высылать по почте: жена с дочкой по вызову из Института педиатрии улетают завтра в Москву. Так что лучше будет, если она отвезет и тексты, и книгу, и письмо на дом к Вам. Не будет Вас дома — передаст тому, кто окажется дома.) Но, несмотря ни на что, живем мы дружно. А это главное.

Два года я носил творческие задумки и с нового, этого, года сел за стол. Никому б не поверил, если бы сказали, что я смогу сидеть за столом по 10—12 часов в сутки. Но... смог! Сплю по 2—4 часа, не без помощи, конечно, чая и кофе. И... ничего, хотя временами усталость дает о себе знать. За это время я написал повесть «Уроки», небольшой рассказ, два еще начал, и, не написавший в жизни и десяти стихотворений, «отгрохал» (не для печати — удальства ради) басню-сказку, написал стихотворение (его наша «Кавказская здравница» напечатала в эту субботу). Но стихи — это не мое. Пусть их пишут те, кому талант богом дарован. Конечно, мне сейчас тяжело, но взбодряет вера в свои силы — мне моя проза нравится. Но все-таки в 41 год начинать, не зная, чем это еще все освятится... м-да.

Еще раз простите меня, Станислав Юрьевич, — теперь уже за сие неожиданное даже для меня самого признание.

С сегодняшним духовным багажом я стал перечитывать Ваши стихи и... понял их настоящую глубину, увидел подлинный патриотизм, не в шелках рожденный и не в застольях завоеванный.

Из «Владимирского шоссе» я впервые узнал о жестокой выходке режиссера Тарковского. Не размышляю — точно знаю: у русской интеллигенции не было жестокости в крови, — никогда! Ни один русский режиссер не посмел бы сжечь живое, ради достоверности, ради натуры и даже ради маячащей бы впереди мировой славы.

Если идти путем Тарковского, то впору уже в фильмах и насиловать натурально — правдиво получится: и боль, и стыд, и беспомощность жалкая...

Сколько ни ищу, не могу найти среди покинувших наше Отечество в 60—70-х годах ни одного русского. Неужели Вам или Белову легче было и есть? Потому и «непонятно, как можно покинуть эту землю и эту страну...». Когда читаю «Два сына соседних народов...», сердцу горько и обидно становится, но с приказа «Очнитесь!» уже гордость великая переполняет душу, горячит ум — гордость за русский народ, надежду и оплот всей земли. Так и хочется встать и победоносно вокруг оглянуться: мало нас становится, но мы еще, слава богу, есть, и еще, даст бог, будем!

С этого стихотворения я, будучи в этом году на родине, начал знакомить Станислава Куняева — поэта со своими земляками. А когда прочел «...и Жукова маршальский жезл!», то Вы, Станислав Юрьевич, приобрели будущих благодарных почитателей Вашей поэзии. Как же все-таки велика в народе тяга к правде, как велико желание гордиться победами и героями своими! И это несмотря ни на что: ни на жизненные лишения, ни на унижения, ни на кабальную зависимость от водки (а спиваются-то самые лучшие и добрые!). В тяжелейшую, даже смертельную минуту никто из них не покинет Родину — никогда! Им есть что делать на родной земле и есть где на ней упокоиться.

А проходимцы, туда-сюда через границы снующие, даже из ностальгии (если она еще не придумана ИМИ, чтоб разжалобить сердобольных русских) каку-никаку, а выгоду хотят иметь. Но не с них Русь начиналась и не на них закончится.

Вот читаю, Станислав Юрьевич, Ваше элегическое «Памяти поэта» — о Рубцове. Сколько горькой тоски и неподдельной любви к другу-поэту, ушедшему так рано и так несуразно (глупая смерть? а когда она была умной? и была ли хоть раз?). Но эта элегия не похожа на классические образцы, — нет-нет да и покажет свой лик чеканная суровость. Ну хотя бы в последней строчке: «...и кровный сын жестокой русской музы». И думаю: надо было горячо и милосердно любить при жизни, чтобы изболеться от утраты.

Но Ваши стихи — это стихи одного русского поэта о другом. Но вот, для сравнения, привожу стихи не-

русского поэта, но писавшего на русском языке, о великом русском поэте — «Сергею Есенину» Иосифа Уткина. Сколько бестактности, скрытой жестокости уже в выборе ритма, мелодии стиха!

Есть ужас бездорожья.
И в нем — конец коню!
И я тебя, Сережа,
Ни капли не виню.

Бунтующий и шалый,
Ты выкипел до дна.
Кому нужны бокалы?
Бокалы без вина?..

Вспомните мелодию кафешантанной песенки Высоцкого из «Опасных гастролей» («Высоко ль или низко каштан над головой...») и пропойте на этой мелодии строчки Уткина. Подходит? Еще как! Словно приглашает Уткин чечетку возле могилы поэта сплясать-сбацать.

Черная зависть к русскому гению, желание примазаться к славе поэта, чтобы и после смерти Есенина сосать соки с него, желание унизить поэта, сообщая читателям о якобы иссякшем творческом роднике Есенина, — вот какие темные чувства водили рукой Уткина. Так и слышится злорадное: «Правильно сделал, Сережа, что ушел. Ты заработал это право. Не мешай нам своим величием, и мы проживем и за счет своей «осетрятины с душком», и за твой счет. Или мы не друзья!» Вот такая пиявочная философия...

Специально смешиваются великие с бездарями, драгоценности с хламом, чтобы люди путались в этой дикой кутерьме, не находя нужных ориентиров.

Как сравню тиражи книг Рубцова с тиражами Вознесенского — так и зашпыняет тесаком в сердце. Да все стихоплетство «знаменитого» квинтета (Окуджава, Вознесенский, Рождественский, Ахмадулина, Евтушенко) не стоит одного рубцовского «Видения на холмах»! Читаешь «Видение» — тревога нарастает, нарастает, видишь уже деяния еще «иных татаров и монголов», о которых не сказал поэт, и вдруг ...мирно жующие траву кони. И отлегает от сердца тоска-тревога, и, восхищенный красотой тихой природы нашей, укрепляешься в вере: надо вставать и идти бороться за родную землю, пока не получили трухлявые пеньки заместо тайги и леса да зловонные болота взамен озер ясноглазых.

ОНИ, эти «друзья», уже давно взялись за руки —

не пропадут поодиночке, благо всегда есть возможность смыться, и куда, тоже ясно. А нам — некуда, наша память и кровь — здесь. Нам бы только, в ответ, потесней сплотиться, забыв об обидах мелких, да понять друг друга маленько. Иначе дьяволиада в нашей стране будет нескончаема, до полной погибели нашей. Так извертеть, так измордовать великую русскую нацию, так целенаправленно и методично уничтожать ее — ну и ну...

Пришла мне как-то в голову думка догадливая: лучше, чем у Вильгельма и Яши Гримм, в их «веселой» сказочке «Храбрый портняжка», не найти примера во всей мировой художественной литературе, где бы с такой ясностью видна была пиявочная философия и вечные жизненные идеалы «вечного» народа.

Значит, так: простой портняжка, без царя, как говорится, в голове, но по породе своей беззастенчиво мудрый, убивает семь мух, севших на его хлеб с повидлом, — разом. И тут же начинает размышлять: какую б выгоду извлечь из пустяшного эпизода? И находит. Вышивает на поясе, чтоб все видели, слова «одним махом семерых побивахом», резво двигает в чужую страну. (В своей его или хорошо знают, или сплошь такие же проходимцы.)

А в чужой стране как раз, ну позарез, царю нужен был вот такой герой, потому что великаны пошаливать стали, да вепри с единорогами беспокоят.

И трусливый портняжка изворотливый хитростью побеждает вепря, единорога... А сам пьет-ест на всю катушку да к царевне приглядывается. Не зная уже, как от портняжки избавиться, царь посылает его победить великанов. И великанов обжуливает «герой»! Великан-трудяга прет вырванное с корнем дерево, а портняжка мало того что не помогает, а еще втихаря уселся на ветки и, раскачивая ножками, посвистывает, над дураком великаном посмеивается. Так на чужом горбу в рай, то бишь в пещеру въезжает. А в пещере уже — перессорить великанов, чтоб они перебили друг друга, да забрать богатства — дело врожденной техники. И хочешь ли, не хочешь ли, а отдавай, царь, дочку и полцарства в придачу. А со смертью царя и все царство достанется.

Так пали от нашествия «портняжек» Испания, Австрия, Германия, Польша, Франция и, наконец, долго державшаяся могучая Россия.

Все, Станислав Юрьевич, заканчиваю, — через полчаса уезжаю провожать жену с дочерью в аэропорт.

Анатолий Некрасов,
Ставропольский край,
г. Лермонтов

Глубокоуважаемый Станислав Юрьевич!

Я под впечатлением Ваших книг сейчас. Для меня Ваши стихи собирают как бы все, что должна сказать русская поэзия после Есенина. Хотя и знаю, что тут разное должно быть, но другого и не нужно, то, что Вами написано, — самое памятное и близкое мне.

Никогда не думал, что стану читать современную поэзию, и тем более будут здесь свои любимые поэты и произведения, буду находить себе, к чему постоянно возвращаешься, перечитываешь. Для меня живой всегда была именно старая русская поэзия — Баратынский, Блок, Державин, Никитин, Есенин, Полонский и все другие. А XX век кончался Есениным и Маяковским. Мне этого хватало, это было вполне современное, там были ответы как будто на все. Считал, лучше лишний раз прочитать «Осень» Баратынского или какой-нибудь стишок о еврее-аптекаре из «Плясок смерти» Блока, чем тратить внимание на нынешние стихи. Отталкивая их непоэтичность, что ли, рассказывание, просто пересказ чувств, отсутствие образа. Значит, просто проходило это мимо меня. И вот года 2—3 назад стал присматриваться, впервые меня насторожил Рубцов, и наконец — подписался на «Наш современник». «Наш современник» открыл мне вещи, о которых я и не подозревал, а в № 12 1987-го прочитал Ваше «Я руки раскину и выйду в поля», и оно как тогда, так и по сей день у меня одно из любимых стихотворений.

Знал я раньше, что говорить вразумительно о поэзии почти невозможно, вот и сам это увидел, но не могу удержаться — как это близко мне, Вы, по-моему, один из самых замечательных русских поэтов во все время после Есенина. Из всего тут читаю только П. Васильева,

Смелякова, Ю. Кузнецова, Рубцова, Серебрякова, О. Фокину (тоже через «Наш современник» узнал), крестьянских поэтов просто негде толком прочитать. Вот еще В. Горский, оказывается, мне понравился. Это, мне кажется, подлинная поэзия. Интересно, что старые поэты говорили таким языком, который у всех был, кажется, хорош (вот Милоновым тут зачитался), а современная же поэзия имеет такие преграды, которые, чтобы пробить, надо обладать голосом совершенно выдающимся. У Вас какая-то замечательная интонация, жесткая — там, где сама мысль ясная, и тем большее впечатление производит, что это идет с недосказанностью, с такой «печалью полет», с душой, что сейчас и не встретишь почти. Начинается: «Реставрировать церкви не надо — пусть стоят как свидетели дней» — резче и яснее не скажешь, а конец:

Все равно на просторах раздольных
ни единый из нас не поймет,
что за песню в чужих колокольнях
русский ветер угрюмо поет!

Такое российское чувство — огромного пространства. Где, не помню, читал, что когда какой-то иностранец, писатель, что ли, заморский, оказался в открытой степи у нас на юге — ему стало страшно. Страшно от нечеловеческого, беспредельного пространства, бескрайнего неба. А мы тут живем, и это всегда у нас было, и все время встречается в ваших стихах, и это самое впечатляющее — «в осенних полях ни души», «когда колышатся вдали туманные поля», «душа болит за всех...»,

Край широкого поля,
где поземка ползет,
где холодная воля
мне о жизни поет.

Вечером иногда бывает: кружит что-то внутри, накаливается, догадываешься взять книжку — открываю и читаю сразу с «Рвутся серые жеребцы, улыбается подполковник...». Я по сей день в себя не приду — такой поворот: гоголевская тройка обернулась конями НКВД! Я думаю, Николай Васильевич был бы доволен таким наследством, такой образ и в русской литературе поискать! И то, что «лихорадит радость меня», — это замечательно, это так понятно.

Особенно на меня производит впечатление даже то скорее, то, где меньше примет времени, и коротенькое

«Снилось, какие-то нелюди» забирает не меньше «Детей Арбата». Эти «нелюди» — стихотворение как простучало по голове, каким-то жестким слогом.

Чаще всего перечитываю тот разговор с бабкой у печи — «Мы с бабкой из сарая притащили» («но воины, что лежат в земле...) «Через Угорский мост», «Опять в смертельный сон впадая», «Бормочет сонная вода», «Памяти моей матери», «Кони НКВД», «Русские сны», стихотворения 1964 года (64! копейка цена перестройке!). «Какой туман...» — тут больше всего кружатся мысли и чувства. Чисто все подряд и на выбор — и в книге «Мать — сыра земля», она как-то собрала в себе последнее напряжение, и в двухтомнике — он тоже у меня есть, так хорошо изданный. Сейчас читаю «лирические хроники». И жду уже новых Ваших произведений. Спасибо Вам за все. Никогда не писал таких писем, но и в жизни мало такого встречал, чтобы сразу так меня захватило, очень рад этому открытию.

«Избранные произведения» были считанные экземпляры, и то только, кажется, в центральных магазинах у нас (конечно, про весь город не говорю). Но маленькая книжка была в приличном количестве и в большинстве мест, но разнесли ее тут же. Подключаются новые люди в чтение, даже кто вообще, кроме публицистики, ничего уже не читает, оглох от перестроечного визга, передают по рукам «Детей Арбата».

Из последних событий самых больших — Ваша статья «Все начиналось с ярлыков». До сих пор гоняешь это в памяти, усваиваешь. Не хочу затягивать письмо, но вот продолжение разговора хотелось бы видеть — о есенинском окружении и самом Есенине, о его убийстве и поэму А. Ганина против Троцкого в печати. Но это я уже буду просить «Наш современник», да это, надеюсь, и имелось в виду. Спасибо Вам за это большое дело — защиту крестьянских поэтов, Есенина. Да и не защита даже — это как соратники, так же воюют. Если эта ганинская поэма будет опубликована — так же будет воевать.

Не беспокойтесь насчет ответа, я знаю, какая это канитель для поэта, писателя. Единственно, что — может, у Вас сейчас есть что-то неизданное? А нет — так крепче Вашего голоса и без того нет. Остальное может быть только погромное.

С искренним уважением.

Ваш почитатель *С. Царев.*

P. S. Совсем не имел ввиду, что Кони НКВД — это Россия. У Вас об этом сказано. Но что этот образ вызывает сразу в памяти Тройку Гоголя, что он имеет внутреннее родство с ней, — это факт.

Ростов-на-Дону.
1988

СОДЕРЖАНИЕ

Слово исповеди и надежды: Письма русским
С 48 писателям / Сост. и предисл. В. В. Огрызко. —
М.: Мол. гвардия, 1990. — 396[4] с.

ISBN 5-235-01530-4

Эту книгу составили письма-исповеди писателям России. Среди адресатов — Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Владимир Крупин, Виктор Лихоносов и другие. Читатели размышляют о том, что происходит сегодня в нашей стране. Они обращаются к трагическим страницам нашей истории, поднимают острейшие проблемы современности. Свои исповеди писателям прислали фронтовики, жертвы репрессий, сельские учителя, «неформалы», студенты... Есть также письма из колоний строгого режима. Книга адресована широкому кругу читателей.

С $\frac{4700000000-294}{078(02)-90}$ КБ—015—028—90 **ББК 66.3(2)**

ИБ № 7145

Слово исповеди и надежды

Заведующий редакцией **С. Дмитриев**
Редактор **М. Ганичева**
Художественный редактор **С. Курбатов**
Технический редактор **Н. Теплякова**
Корректоры **И. Ларина, Е. Дмитриева, М. Пензякова, В. Назарова, Т. Пескова, Н. Самойлова**

Сдано в набор 21.05.90. Подписано в печать 28.10.90. Формат 84×108$^1/_{32}$. Бумага кн.-журн. имп. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,0. Усл. кр.-отт. 21,0. Учетно-изд. л. 20,9. Тираж 50 000 экз. Цена 1 р. 60 к. Заказ 1139.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-235-01530-4

молодая гвардия